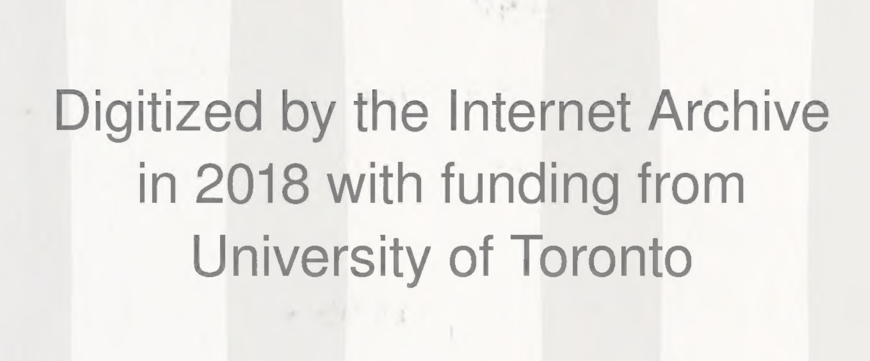
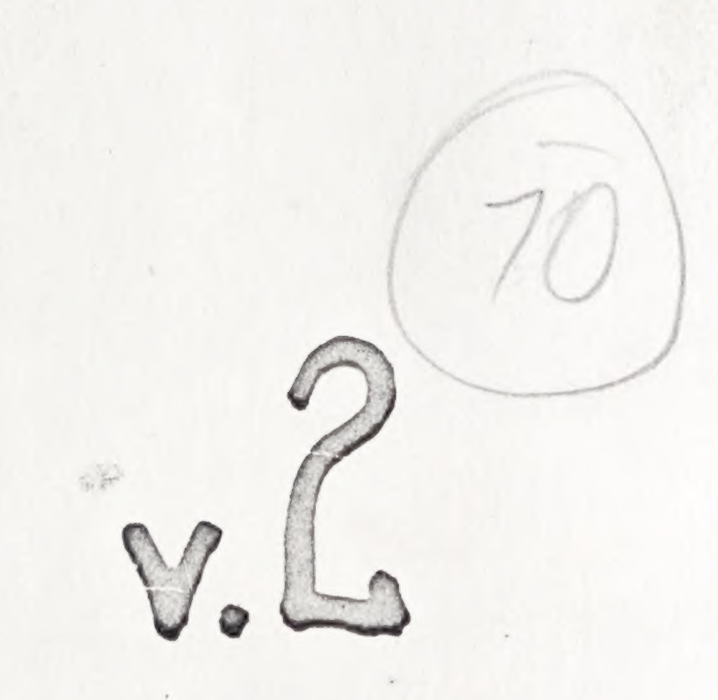

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324740 0

70
v.2

Собраніе сочиненій

Ѳедора Сологуба

т. IIй

Изд-ва

ШИПОВНИКЪ

С. П. Б.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

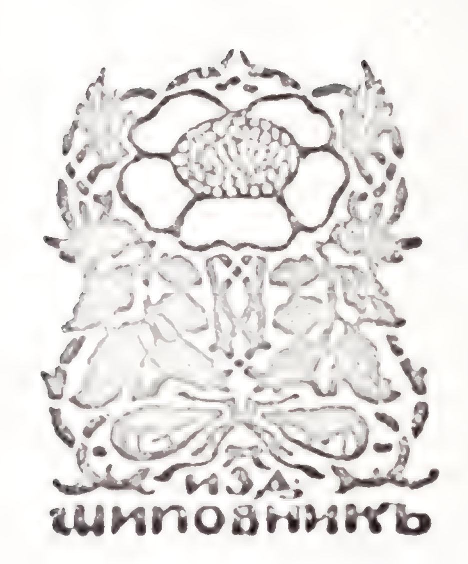
ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ

романъ

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т. II.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ИЗД.
ШИПОВНИКЪ

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ „ПЕЧАТНОЕ ИСКУССТВО"
С.-Петербургъ.
Невскій
140-2.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Романъ „Тяжелые сны“ начатъ въ 1883 году, оконченъ въ 1894 г. Напечатанъ въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ въ 1895 году, съ измѣненіями и искаженіями, сдѣланными по разнымъ соображеніямъ, къ искусству не относящимся. Отдѣльно напечатанъ первымъ изданіемъ въ 1896 году, но и тогда первоначальный текстъ романа не вполнѣ былъ возстановленъ по тѣмъ же внѣшнимъ соображеніямъ. Для третьяго изданія въ 1908 году романъ вновь просмотрѣнъ авторомъ, и сличенъ съ рукописями; редакція многихъ мѣстъ измѣнена.

Много лѣтъ работать надъ романомъ, — а всякій романъ не болѣе, какъ книга для легкаго чтенія, — можно только тогда, когда есть надменная и твердая увѣренность въ значительности труда. Проходятъ долгіе, тягостные дни и годы, и все медлишь, и не торопишься заканчивать твореніе, возникающее „lentement, lentement, comme le soleil“.

Создаемъ, потому что стремимся къ познанію истины; истиною обладаемъ такъ же, въ той же мѣрѣ, и съ тою же силою, какъ любимъ.

Сгораетъ жизнь, пламенѣя, истончаясь легкимъ дымомъ, сжигаемъ жизнь, чтобы создать книгу.

Милая спутница, изнемогая въ томленіяхъ суровой жизни, погибнетъ, и кто оцѣнитъ ея тихую жертву? Посвящаю книгу ей, но имени ея не назову.

Сентябрь 1908 года.

ОТЪ АВТОРА.

(Къ четвертому изданію).

Предисловія рождаютъ споры. Можетъ быть, потому, что легче говорить объ одной страничкѣ или о двухъ, чѣмъ о цѣлой книгѣ.

Мое предисловіе къ третьему изданію «Тяжелыхъ Сновъ» также не осталось безъ опроверженія со стороны критиковъ. Одинъ изъ нихъ даже написалъ очень большую статью, въ которой, на основаніи тщательнаго сравненія перваго и третьяго изданій этого романа, доказываетъ, что я въ своемъ предисловіи сказалъ неправду. Аргументація старательнаго и трудолюбиваго критика кажется довольно убѣдительною, но все-таки приводитъ его къ невѣрнымъ заключеніямъ; напримѣръ, о нѣкоторыхъ страницахъ, написанныхъ до перваго появленія романа въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», онъ говоритъ, что онѣ написаны нарочно для третьяго изданія. Это произошло, мнѣ кажется, отъ того, что критикъ счелъ излишнимъ обратиться къ первоисточнику, т. е. къ рукописямъ.

Читать по писанному, конечно, труднѣе, чѣмъ читать по печатному, но я слыхалъ, что люди, желающіе произвести точное изслѣдованіе и установить истину, предпочитаютъ почему-то именно вотъ этотъ, болѣе трудный способъ работы.

Декабрь, 1909 года.

ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ.

Глава первая.

Начало весны. Тихій вечеръ... Большой тѣнистый садъ въ концѣ города, надъ обрывистымъ берегомъ рѣки, у дома Зинаиды Романовны Кульчицкой, вдовы и здѣшней богатой помѣщицы...

Тамъ, въ домѣ, въ кабинетѣ Палтусова, двоюроднаго брата хозяйки (впрочемъ, никто въ городѣ не вѣритъ въ ихъ родство), играютъ въ винтъ самъ Палтусовъ и трое солидныхъ по возрасту и положенію въ нашемъ уѣздномъ свѣтѣ господъ. Ихъ жены съ хозяйкою сидятъ въ саду, въ бесѣдкѣ, и говорятъ, говорятъ...

Хозяйкина дочь, Клавдія Александровна, молодая дѣвушка съ зеленоватыми глазами, отдѣлилась отъ ихъ общества. Она сидитъ на террасѣ у забора, что выходитъ на узкую песчаную дорогу надъ берегомъ рѣки Мглы. Съ Клавдіею одинъ изъ гостей: онъ въ карты не играетъ.

Это—Василій Марковичъ Логинъ, учитель гимназіи. Ему немного болѣе тридцати лѣтъ. Его сѣрые близорукіе глаза глядятъ разсѣянно; онъ не всматривается пристально ни въ людей, ни въ предметы. Лицо его кажется утомленнымъ, а губы часто складываются въ слабую улыбку, не то лѣниво-равнодушную, не то насмѣшливую. Движенія его вялы, голосъ не звонокъ. Онъ порою производитъ впечатлѣніе человѣка, который думаетъ о чемъ-то, чего никому не скажетъ.

— Скучно... Жить скучно,—сказалъ онъ, и разго-

воръ, казалось, интересовалъ больше Клавдію, чѣмъ его.

— Кто же заставляетъ васъ жить?—быстро спросила Клавдія.

Логинъ подмѣтилъ въ ея голосѣ раздраженіе, и усмѣхнулся.

— Какъ видите, пока еще не сумѣлъ избавиться отъ жизни,—лѣнивымъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— А это такъ просто!—воскликнула Клавдія.

Зеленоватые глаза ея сверкнули. Она засмѣялась недобрымъ смѣхомъ.

— Просто? А именно?—спросилъ Логинъ.

Клавдія сдѣлала угловатый, рѣзкій жестъ правою рукою около виска:

— Кракъ!—и готово.

Ея узкоразрѣзанные глаза широко раскрылись, губы судорожно дрогнули, и по худощавому лицу пробѣжало быстрое выраженіе ужаса, словно она вдругъ ясно представила себѣ прострѣленную голову и мгновенную боль въ вискѣ.

— А!—протянулъ Логинъ.—Это, видите ли, для меня ужъ слишкомъ просто. Да вѣдь этимъ и не избавишься ни отъ чего.

— Будто бы?—съ угрюмою усмѣшкою спросила Клавдія.

— Есть запросы, жажда томитъ, не унять всего этого огнестрѣльнымъ озорствомъ... А можетъ быть просто ребяческій страхъ... глупое, неистребимое желаніе жить... впотьмахъ, въ пустынѣ, только бы жить.

Клавдія взглянула на него пытливо, вздохнула и опустила глаза.

— Скажите,—заговорилъ опять Логинъ послѣ короткаго молчанія,—вамъ жизнь какого цвѣта кажется, и какого вкуса?

— Вкусъ и цвѣтъ? У жизни?—съ удивленіемъ спросила Клавдія.

— Ну, да... Это же въ модѣ,—сліяніе ощущеній...

— Ахъ, это... Пожалуй, вкусъ - приторный.

— Я думалъ, вы скажете: горькій.

Клавдія усмѣхнулась.

— Нѣтъ, почему же!—сказала она.

Старые вязы наклоняли вѣтви, словно прислушиваясь къ странному для нихъ разговору. Но не слушали и не слышали. У нихъ было свое. Стояли, безучастные къ людямъ, безстрастные, бездумные, со своею жизнью и тайною, а съ темныхъ вѣтвей ихъ падала, какъ роса, отрясаемая вѣтромъ, прозрачная грусть.

— А цвѣтъ жизни?—спросилъ Логинъ.

— Зеленый и желтый, — быстро, не задумываясь, съ какою-то даже злостью въ голосѣ, отвѣтила Клавдія.

— Надежды и презрѣнія?

— Нѣтъ, просто незрѣлости и увяданія... Ахъ! — воскликнула она внезапно, какъ бы перебивая себя самое,—есть же гдѣ-то широкіе горизонты!

— Намъ-то съ вами что до нихъ? — угрюмо спросилъ Логинъ.

— Что?.. Душно мнѣ—и страшно... Я замѣтила у себя въ послѣднее время дурную повадку оглядываться на прошлое...

— И что же вамъ вспоминается?

— Картинки... милыя! Дѣтство—безъ любви, озлобленное. Юность — муки зависти, невозможныхъ желаній... крушеніе надеждъ... идеаловъ! Да, идеаловъ, — не смѣйтесь,—были все-таки идеалы, — какъ ни странно... Впередъ стараешься заглянуть,—мракъ.

— А надъ всѣмъ этимъ—кипѣніе страсти, — сказалъ Логинъ неопредѣленнымъ тономъ, не то насмѣшливо, не то равнодушно.

Клавдія задрожала. Ея глаза и потемнѣли, и зажглись бѣшенствомъ.

— Страсти?—воскликнула она сдавленнымъ голосомъ.

— Конечно! Васъ томитъ не жажда истины, а просто, выражаясь грубо и прямо, страсть.

— Что вы говорите! Какая страсть? Къ чему?

— Неопредѣленные порывы, чувственное кипѣніе... возрастъ такой,—да и плѣнено юное сердце демоническою красотою очаровательнаго скептика.

— Вы про Палтусова?.. Еслибъ вы знали, чѣмъ онъ былъ въ моей жизни! Если бы вы могли это себѣ представить.

— Развивателемъ?

— Оставьте этотъ тонъ,—раздражительно сказала Клавдія.

— Простите, я ненарочно, — отвѣтилъ Логинъ искреннимъ голосомъ.

— Когда еще я была дѣвочкою, — страстно и торопливо заговорила Клавдія,—когда онъ еще обращалъ на меня вниманіе не больше, чѣмъ на любую вещь въ домѣ, я уже была захвачена чѣмъ-то въ немъ... мучительно захвачена. Что-то неотразимое, хищное,—какъ коршунъ захватываетъ цыпленка. Мнѣ иногда хотѣлось... не знаю, чего хотѣлось... Дикія мечты зажигались... Впрочемъ, я всегда ненавидѣла его.

— За что?

— Развѣ можно это знать! Можетъ быть, за пренебрежительную усмѣшку, за дерзость рѣчи, за то, что мать... вы знаете, онъ имѣетъ на нее вліяніе.

Клавдія улыбнулась странною, не то злою, не то смущенною улыбкою.

— За это особенно,—тихо сказалъ Логинъ,—ревность, не правда ли?

— Да, да,—порывисто и волнуясь отвѣчала Клавдія.—Потомъ, не знаю какъ, мы начали сходиться. Не помню, съ чего это началось,—помню только мою злую радость. Долгія бесѣды, жуткія, жгучія, — потокъ новыхъ мыслей, смѣлыхъ, злыхъ... Открылись заманчи-

выя бездны... Но я ненавижу ихъ... Я бы хотѣла бѣжать отъ всего этого!

— Куда?

— Почемъ же я знаю? Я вижу сны, я боюсь, — чего, сама не знаю... Точно боишься взять что-то чужое... А что мнѣ она, эта жена его далекая, которая не живетъ съ нимъ, которой я и не видѣла никогда!.. Можетъ быть, она несчастна... или утѣшилась?.. Стоишь точно передъ рогаткою, за которую не велѣно входить... Онъ издѣвается надъ этимъ... суевѣріемъ...

— А вы знаете,—внезапно сказалъ Логинъ, переходя къ другому:—и я былъ влюбленъ въ васъ.

— Да?

Клавдія принужденно засмѣялась, и покраснѣла.

— Благодарю за честь,—досадливо сказала она.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ.

— Не сомнѣваюсь.

Логинъ слегка наклонился къ ней, и заговорилъ задушевнымъ голосомъ:

— Не сердитесь на мои слова,—мнѣ тяжело было терять и эти надежды. Я думалъ тогда: отчего для меня должно оставаться запрещеннымъ счастье, широкое, вольное? Отчего не итти рука объ руку со смѣлою подругою туда, гдѣ мечтались мнѣ новые, широкіе просторы? Отчего?—тихо спросилъ онъ, и взялъ ея тонкую руку съ длинными пальцами.

Клавдія не отымала руки. Плечи ея тихонько вздрагивали. Ея зеленоватые глаза горѣли.

— Да,—продолжалъ Логинъ,—мечтались мнѣ широкіе пути... И вдругъ увидѣлъ я, что это было чувство, искусственно согрѣтое...

Всталъ, прошелся по террасѣ. Клавдія молчала, и слѣдила за нимъ странно горящими глазами. Легкое вѣяніе доносилось съ рѣки. Вѣтви вязовъ слегка колыхались. Логинъ остановился передъ Клавдіею.

— А впрочемъ,—сказалъ онъ.—мнѣ кажется, для каждаго изъ насъ есть свой путь... трудный и невѣдомый.

— Покажите мнѣ его! — съ порывомъ нѣсколько дикимъ воскликнула Клавдія, и протянула къ нему руки широкимъ и быстрымъ движеніемъ.

— Да я самъ хотѣлъ бы, чтобы мнѣ его открыли, — угрюмо сказалъ Логинъ. —Было время, мнѣ казалось . Въ чьихъ-то рукахъ мерещится свѣточъ...

— У васъ есть свои свѣточи.

— Въ томъ-то и горе, что ихъ нѣтъ. Миражъ — всѣ эти мои планы,—жажда обмануть свою душу...

— Какой свѣточъ мерещился вамъ? — печально спросила Клавдія.

— Что-то неожиданное... Неизъяснимое очарованіе вѣяло... Что-то не русское, чуждое всему, что здѣсь.. Я все ждалъ, что вотъ-вотъ случится необычайное, невозможное... Но ничего не случалось, — дни умирали однообразно и скучно, какъ всегда... Посмотрѣлъ я пристально въ себя самого,—и нашелъ въ себѣ все ту же всечеловѣческую дерзость, задорную и безсильную. и тотъ же тоскливый вопросъ о родинѣ... Идите къ нему,—небо и землю создастъ онъ вамъ.

Клавдія хотѣла отвѣтить. Но раздались шаги и голоса приближающихся дамъ, и Клавдія промолчала.

Логинъ возвращался домой поздно ночью, по безлюднымъ и темнымъ улицамъ. Думалъ о Клавдіи. Щемящая жалость къ ней наполняла его душу.

Отецъ Клавдіи умеръ, когда ей было лѣтъ пять. Ея мать сошлась съ инженеромъ Палтусовымъ. Онъ былъ женатъ, и не жилъ съ женою. Кульчицкая выдавала его за двоюроднаго брата. Такъ прожили они нѣсколько лѣтъ, то въ нашемъ городѣ, то странствуя по чужимъ землямъ. Въ послѣднее время Палтусовъ охладѣлъ къ увядающей красотѣ Кульчицкой. Его потянуло

къ Клавдіи. Они начали сближаться какъ-то странно, словно враждуя другъ съ другомъ. Мать замѣтила ихъ сближеніе. Начала ревновать. Клавдія не любила матери. Но ее тяготила мысль о безправной связи, которую люди осудятъ.

Логинъ и самъ навѣрное не зналъ, за что онъ жалѣетъ эту дѣвушку: за то ли, что мать ее никогда не любила, и холодное дѣтство обезобразило ея страстную душу? За то ли, что она полюбила чужого мужа, любовника ея матери, — и не могла разобраться въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя порождены были этою любовью? За то ли, что Палтусовъ разбилъ въ ней первоначальныя вѣрованія, и ничѣмъ не могла она замѣнить ихъ?

Логинъ вспомнилъ, что нѣжная жалость къ Клавдіи давно томила его, — томила тѣмъ сильнѣе, что онъ чувствовалъ, какъ родственны ихъ натуры. Эту жалость принялъ онъ когда-то за любовь къ Клавдіи. И такъ напряженно было это его чувство, что оно нашло себѣ откликъ и въ самой Клавдіи. Между ними установилась странная полуоткровенность, взаимное испытываніе другъ друга, взаимная смута. Установилось и взаимное пониманіе съ полуслова. Но ничего не вышло изъ этихъ напряженныхъ отношеній: назвать свое сближеніе любовью они не могли, а лгать себѣ самимъ не хотѣли.

Теперь Логинъ думалъ, что и не могла зажечься любовь въ его преждевременно одряхлѣломъ сердцѣ. Давно уже привыкъ онъ топить всякій порывъ своего сердца въ безплодныхъ и безсильныхъ размышленіяхъ, въ лѣнивыхъ и сладостныхъ мечтахъ, въ страданіяхъ и утѣхахъ одинокихъ и странныхъ, о которыхъ онъ никому не могъ разсказать. Онъ теперь ясно вспоминалъ, какъ быстро эта удивительная жалость къ Клавдіи претворилась въ чувственное влеченіе, — и мечты окрасили это влеченіе жестокостью.

Угасло ли это низменное влеченіе теперь, онъ еще

не зналъ, но уже увѣренъ былъ въ его незаконной природѣ. Заманчиво было бы бросить Клавдіи годъ, два жгучихъ наслажденій, подъ которыми кипѣла бы иная, разбитая... ея любовь. А потомъ—угаръ, отчаяніе, смерть... Такъ представлялось ему будущее, если бы онъ сошелся съ Клавдіею... Чувствовалось ему, что невозможна была бы мирная жизнь его съ нею,—слишкомъ одинаковымъ злобнымъ раздраженіемъ отравлены были они оба,—и, можетъ быть, оба одинаково трудно любили тѣхъ, отъ кого ихъ отдѣляло такъ многое...

Но отчего же все-таки онъ, усталый отъ жизни, не взялъ этого короткаго и жгучаго полусчастья, полубреда? Что изъ того, что за нимъ смерть? Вѣдь и раньше зналъ онъ, что идетъ къ мучительнымъ безднамъ, гдѣ долженъ погибнуть! Что отвращало его отъ этой бездны? Безсиліе? Надежда?

Передъ нимъ раскрывались иногда въ его мечтаніяхъ иные, довѣрчиво-чистые глаза, свѣтилась ласковая улыбка. Можетъ быть, это зажигалась чистая, спасительная любовь, но не вѣрилъ въ нее Логинъ. Чужой, далекій свѣтъ является ему въ тѣхъ довѣрчивыхъ глазахъ, и бездна казалась ему непереходимою...

Логинъ жилъ на краю города, въ маленькомъ домикѣ. Въ мезонинѣ устроилъ кабинетъ; тамъ и спалъ въ подвальномъ этажѣ была кухня и помѣщеніе для служанки; середину дома занимали комнаты, гдѣ Логинъ обѣдалъ и принималъ гостей. Наверхъ къ себѣ приглашалъ немногихъ. Здѣсь онъ жилъ: мечталъ, читалъ.

Книжные шкапы и полки для книгъ занимали много мѣста въ кабинетѣ. На этажеркѣ лежало десятка полтора новыхъ книгъ. Еще немногія изъ нихъ были разрѣзаны. Письменный столъ на половину загромождали тетради, справочныя книги, учебники. На кучкѣ

тетрадокъ въ синихъ обложкахъ лежалъ томикъ стихотвореній, заложенный деревяннымъ бѣлымъ ножомъ съ выжженнымъ рисункомъ.

Логинъ подошелъ къ широкому окну кабинета. Передъ нимъ лежалъ, темными грудами деревянныхъ домовъ, мирный, сонный городъ. Отъ огородовъ и заборовъ подымались къ Логину, какъ довѣрчиво простертыя руки, наивныя и скучныя впечатлѣнія. Влажною казалась мгла пустыхъ улицъ; тишина ихъ была чужда Логину и непонятна ему. Чѣмъ-то утраченнымъ и уже ненужнымъ вѣяло на него.

Опустилъ штору, и зажегъ лампу. Красное одѣяло на кушеткѣ непріятнымъ, надоѣдливымъ пятномъ бросилось въ глаза.

Еще не хотѣлось спать. Любилъ по вечерамъ, лежа въ постели, подолгу читать. Но сегодня и читать не хотѣлось. Спустился въ столовую, и принесъ оттуда мадеру и бисквиты.

Мысли о Клавдіи томили его. Налилъ вино въ стаканъ, и медленно пилъ. Больныя и нелѣпыя мечты роились, — и вдругъ смѣнялись мечтами наивными, какъ дѣтскія сказки въ далекихъ и мирныхъ долинахъ. Душа колебалась, какъ на качеляхъ, отъ близкаго и влекущаго, но запрещеннаго, къ невозможному, но желанному и святому.

Пилъ стаканъ за стаканомъ. Наивныя грезы жалобно умирали,—все жарче и нелѣпѣе пылали безумныя мечты...

Пьяный угаръ, томительно сладкое круженіе... Отяжелѣлая голова клонится. Въ глазахъ багряно и туманно.

Тихій шелестъ у дверей. Не хочется обернуться. Или это только шумитъ въ ушахъ?

Шелестъ около косяка повторяется. Словно кто вошелъ, задѣвая юбкою за дверь, и стоитъ теперь, тихонько двигаясь, у двери... Но Логинъ знаетъ, что

тамъ некому быть. Онъ одинъ, — угрюмая служанка спитъ внизу, никого больше нѣтъ въ домѣ, и двери всѣ заперты. А шелестъ, настойчивый, тихій, все повторяется, какъ будто нетерпѣливый стоитъ тамъ, у косяка.

Логинъ облокотился на письменный столъ правою рукою, и обернулся. Кто-то стоялъ у дверей. Въ туманѣ колебались стѣны комнаты. Логинъ поднялся было съ мѣста, шатаясь, но сейчасъ же опять сѣлъ, и тупо глядѣлъ на дверь.

У двери стояла красивая, румяная молодая баба. Широкая улыбка ея была безстыдна и безоглядно-весела. Ея лицо было знакомо Логину,—но не сразу припомнилъ, кто это.

Пристально разсматривалъ ее, — а она стояла, и перебирала руками кончики надѣтаго на головѣ пестраго платочка. Лицо ея рдѣло, и зубы, ровные и красивые, сверкали изъ-подъ алыхъ губъ, широкихъ, вздрагивающихъ отъ улыбки.

Наконецъ припомнилъ. Молодую красавицу звали Ульяною. Она была женою безземельнаго крестьянина ближней деревни; служила ключницею у Мотовилова, почетнаго попечителя гимназіи. Вспомнилъ и мужа Ульяны: пропойца Спирька часто шлялся по городскимъ улицамъ; кормился онъ случайными работишками да подачками жены. Городская сплетня давно разнесла, что Ульяна въ близкихъ отношеніяхъ съ Мотовиловымъ. И Спиридонъ начиналъ этому вѣрить. Встрѣчая на улицѣ Мотовилова, онъ мрачно на него поглядывалъ, и дерзко выпрашивалъ подачки. Мотовиловъ давалъ иногда по пятаку, на что Спирька говаривалъ:

— Благодѣтель, — пропью за твое здоровье, а ты владай.

Все это вспомнилось теперь Логину.

— Да это вы, Ульяна?—спросилъ онъ.

— Я,—тихонько отвѣтила красотка, и стыдливо потупилась.

Но безстыжіе глаза ея тотчасъ же бойко глянули изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, румянецъ еще ярче зардѣлся на щекахъ, и въ пьяномъ воздухѣ душной комнаты пронесся тихій, задорный смѣшокъ.

— Вы отъ Алексѣя Степановича?

— Нѣтъ, я отъ себя,—отвѣчала Ульяна, играя веселыми глазами.

— Какъ вы попали? кто васъ впустилъ? развѣ не заперто?

— Въ то самое окошечко.

— Въ какое окошечко?—въ недоумѣніи спрашивалъ Логинъ.

— А какъ сказали тогда: второе отъ угла, такъ и оставили открытое,—то самое окошечко, да.

— Да какое такое окошечко? Кто сказалъ вамъ объ окошечкѣ?

— Ну вотъ, ужъ и забыли. Сами же велѣли притти.

— Когда?—угрюмо спросилъ Логинъ.

— Да въ прошлое воскресенье,—объясняла Ульяна, словно досадовала на его забывчивость,—когда вы у нашихъ господъ въ гостяхъ были.

— Что за вздоръ!

— Въ корридорѣ меня встрѣтили, да и говорите: приходи, молъ, въ среду вечеркомъ, ждать буду,—вотъ я и пришла. Раньше никакъ не способно было,—въ силу вырвалась.

— Тебѣ послышалось,—лѣниво сказалъ Логинъ.—На что ты мнѣ?

Ульяна звонко засмѣялась. Назойливый смѣхъ дразнилъ и обольщалъ Логина. Онъ смотрѣлъ на Ульяну съ недоумѣніемъ и досадою. Она была такая розовая и пышная. Отъ нея точно вѣяло жаромъ. Темныя косы выбивались изъ-подъ платочка. А кон-

чики платочка торчали въ разныя стороны, и узелъ расползался...

Розовый туманъ опять началъ разстилаться передъ глазами Логина. Голова сладко и томно закружилась. Фигура Ульяны расплывалась въ туманѣ

„Да это сонъ, бредъ!“—подумалъ онъ.

Ульяна сдѣлала шага два впередъ. Она неслышно ступала, и странно колебалась. Складки длинной юбки колыхались, и едва пріоткрывали кончики бѣлыхъ ногъ.

— Что жъ, садись, красавица, коли пришла,— сказалъ Логинъ.

— Ничего, постою,—отвѣчала Ульяна.

Ея плутоватые глаза забѣгали по комнатѣ. Вдругъ она пригорюнилась, подперла рукою щеку, и заговорила что-то жалостное,—о мужѣ-пьяницѣ, о горькомъ сиротствѣ и одиночествѣ своемъ, о даромъ увядающей красотѣ. Она выговаривала слова тихо, но отчетливо, словно быстро и умѣло отбирала крупныя пшеничныя зерна. Все быстрѣе и слаще журчала ея заунывная рѣчь. Все ближе подвигалась она къ Логину. И уже ощутилъ онъ ея теплую и томную близость.

— Приласкайте меня!—шепнула она, и вся зардѣлась, и задрожала, и закрылась руками.

А сквозь раздвинутые слегка пальцы глянули задорные, веселые глаза.

Логинъ вылилъ въ стаканъ остатки вина, и жадно выпилъ его...

Багровый туманъ застилаетъ комнату. Лампа свѣтитъ скупо и равнодушно. Назойлива румяная улыбка...

Падаютъ широкія одежды... Алыя, трепещущія пятна сквозь багровый туманъ... Такъ близко знойное тѣло...

Кто-то погасилъ лампу...

Глава вторая.

По утрамъ въ будни Логинъ всегда бывалъ въ мрачномъ настроеніи. Зналъ: придетъ въ гимназію, и встрѣтитъ холодныхъ, мертвыхъ людей. Они равнодушно отбываютъ свою повинность, механически выполняютъ предписанное, словно куклы усовершенствованнаго устройства. Но не любятъ этого предписаннаго, стараются затратить на него поменьше силъ, мечтаютъ о картахъ. Знаетъ Логинъ, что и отъ него ждутъ такого же бездушнаго отношенія къ дѣлу. Онъ долженъ быть какъ всѣ, чтобы не раздражать сослуживцевъ.

Когда-то онъ влагалъ въ учительское дѣло живую душу,—но ему сказали, что онъ поступаетъ нехорошо: задѣлъ неосторожно чьи-то самолюбія, больныя отъ застоя и бездѣлья, столкнулся съ чьими-то окостенѣлыми мыслями,—и оказался, или показался, человѣкомъ безпокойнымъ, неуживчивымъ. Не понимали, изъ-за чего онъ хлопочетъ: не все ли ему равно, такъ или иначе поступить съ тѣмъ или другимъ мальчикомъ? Его перевели, чтобы прекратить ссоры, въ другую гимназію, въ нашъ городъ, и объявили на язвительно-равнодушномъ канцелярскомъ нарѣчіи, что онъ переводится „для пользы службы“. И вотъ онъ цѣлый годъ томится здѣсь тоскою и скукою.

Онъ всталъ рано. Послѣ выпитаго вечеромъ вина ему часто не спалось по утрамъ, и онъ пробуждался раньше обычнаго.

Голова тупо болитъ: выпилъ слишкомъ много. Во всемъ тѣлѣ чувствуется томность. Ясное утро кажется тоскливымъ, одиноко и грустно въ его холостецкой квартирѣ. Угрюмое лицо служанки, изрытое оспою, усиливаетъ его тоску.

Безумныя воспоминанія смутно и безпорядочно толпятся въ отяжелѣлой головѣ. Вспоминается ночь, и

странное посѣщеніе... Въ глаза такъ и мечется Ульяна румяная, смѣющаяся.

Въ кабинетѣ никого уже не было, когда онъ проснулся. Не можетъ рѣшить, приходила ли Ульяна, или это былъ ночной бредъ. Томится тоскою болѣе раннихъ, полузабытыхъ, грубыхъ воспоминаній. Разверстыя уста двухъ мрачныхъ безднъ зіяютъ за нимъ, и не понять ему, изъ которой бездны подняло его грустное, свѣтлое вешнее утро невозможно-наивною зарею.

Спустился внизъ, и ходитъ въ гостиной и столовой. Боязливо смотритъ на окна. Никто еще не отворялъ ихъ съ ночи. Ихъ мѣдныя задвижки отчищеннымъ блескомъ удручаютъ глаза. Всматривается въ эти задвижки, и никакъ не можетъ рѣшиться подойти къ окну.

Злобная досада на себя наконецъ охватила его. Порывисто подошелъ къ окну, второму отъ угла, и схватился за задвижку,—она съ легкимъ взвизгиваньемъ вышла изъ мѣднаго влагалища.

„Бредъ, бредъ!—тоскливо думалъ Логинъ. — Да нѣтъ, не можетъ быть! Отъ какого угла второе окно? Можетъ быть, второе отъ двора“.

Торопливо перешелъ изъ столовой въ гостиную, и бросился ко второму окну, — оно было только притворено и не заперто на задвижки... Хриплый, короткій смѣхъ вырвался изъ его груди Онъ широко распахнулъ окно и, перегнувшись черезъ подоконникъ, жадно всматривался во что-то...

Пыльная травка внизу, повыше — узкій выступъ фундамента и сѣроватыя доски, которыми обшитъ домъ. Этотъ ли вѣтеръ, который теперь упруго и влажно бьется о лицо Логина, уничтожилъ слѣды? Или длинная Ульянина юбка смела пыль съ выступа надъ фундаментомъ? Или и не было никакихъ слѣдовъ?

Логинъ внимательно всматривался въ скупую, сорчую землю дороги, но и тамъ ничего не находилъ.

Послѣ томительно-проведеннаго въ гимназіи утра Логинъ вернулся домой и принялся за работу. Недавно задумалъ онъ основать въ нашемъ городѣ союзъ взаимопомощи, съ довольно широкими цѣлями. Теперь хотѣлъ набросать на бумагѣ проектъ устава, чтобы показать тѣмъ, кто первые отозвались на его мысль.

Можетъ быть, не столько въ мысляхъ, сколько въ смятенныхъ чувствахъ Логина находилъ себѣ пищу этотъ замыселъ. Онъ навѣянъ былъ давнею тоскою, холодомъ жизни эгоистичной и полной случайностей... Много видѣлъ Логинъ отвратительныхъ и презрѣнныхъ дѣлъ, видѣлъ гибель многихъ и каменное равнодушіе остающихся,—негодованіе, отчаяніе, злоба мучили его. Жизнь являлась грозною, томили предчувствія, подстерегали несчастія. Личное счастье и довольство сурово отвергались сердцемъ, да и разуму казались ненадежными,—казалось, что въ личной жизни нѣтъ устоевъ, которыхъ не могла бы сокрушить нелѣпая случайность. Жизнь колебалась, какъ непрочный мостъ на шаткихъ устояхъ. И вотъ явилась мысль, спасительная... но химеричная.

Въ глубинѣ сознанія Логина съ самаго начала таилось невѣріе въ осуществимость этой мысли. Иногда онъ даже сознавался передъ собою въ томъ, что не вѣритъ. Но слишкомъ былъ необходимъ выходъ изъ душевной смуты, чтобы Логинъ могъ рѣшиться бросить свой замыселъ, не испытавъ его на дѣлѣ.

Въ послѣдніе дни Логинъ внимательно всматривался въ горожанъ, и много знакомился съ тѣми, кого раньше или вовсе не зналъ, или зналъ мало. Все, что замѣчалъ теперь, примѣривалъ къ своему замыслу,—и людей, и дѣла ихъ. Оказывалось большое несоотвѣтствіе. Иногда затѣя провести живую мысль въ этомъ обще-

ствѣ представлялась до забавнаго нелѣпою, и Логинъ улыбался холодною и разсѣянною улыбкою.

Онъ пообѣдалъ одиноко, одѣлся съ нѣкоторою тщательностью, и отправился за городъ. Тамъ, куда онъ шелъ, ему легче дышалось, тамъ были ясныя настроенія, хотя часто казались они ему странно чуждыми.

Онъ шелъ къ Ермолинымъ, которые жили въ своей усадьбѣ, верстахъ въ двухъ отъ города. Семья Ермолиныхъ состояла изъ отца, дочери и сына. Максимъ Ивановичъ Ермолинъ лѣтъ десять тому назадъ оставилъ земскую службу,—былъ онъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы. Теперь только со стороны интересовался онъ земскими дѣлами. Эти дѣла шли не такъ, какъ при немъ,—по иному направленію.

Логину чудилось что-то родное въ печальной задумчивости, которая ложилась иногда на лицо Ермолина. Но оно дышало здоровьемъ, и было полно той красоты, простой и дикой, которая напоминаетъ просторъ полей, деревню и лѣсъ, гдѣ пахнетъ „смолой и земляникой".

Ермолинъ занимался хозяйствомъ,—считался онъ по уѣзду въ числѣ не только уцѣлѣвшихъ отъ разоренія, но и богатыхъ помѣщиковъ. Онъ дивилъ горожанъ простотою жизни, любовью къ труду, и ворохами журналовъ и книгъ, которые ему высылались. Дѣтей воспиталъ просто и сурово. Они привыкли къ труду, не боятся холода и боли. Напрасный стыдъ не имѣетъ надъ ними власти; они цѣлыми днями остаются необутыми, и такъ уходятъ далёко изъ дому. Въ нашемъ мѣщанскомъ городѣ, конечно, это осуждали.

Логинъ шелъ по шоссейной дорогѣ. Только что миновалъ онъ послѣднюю городскую лачугу и послѣднюю харчевню,—а уже было пусто и тихо. Только слабо и гулко доносились удары молота изъ убогой почернѣлой кузницы, что торчала бокомъ на выѣздѣ

изъ города, да впереди Логина, далеко, трусилъ въ сѣромъ облачкѣ пыли на тряской телѣжечкѣ пьяный мужикъ, подхлестывалъ пѣгую лошаденку и горланилъ пѣсню, словъ которой не было слышно. Скоро и онъ скрылся изъ виду, и затихли понемногу дикіе звуки его нестройнаго пѣнія.

Около дороги, въ стоячей водѣ рва, увидѣлъ Логинъ блѣдные и грустные цвѣты водяного лютика. Плотные, блестящіе листья съ выемчатыми краями равнодушно и сонно лежали на тусклой водѣ, и не чуяли теплой ласки вешняго воздуха, а больные цвѣты тосковали, и задыхались въ своемъ влажномъ и душномъ жилищѣ. Свѣтлый май былъ имъ нерадостенъ, и нерадостно глядѣли на нихъ глаза тоскующаго человѣка...

Наконецъ оголтѣлые и тусклые просторы дороги и полей наскучили Логину. Торопливо покинулъ онъ проѣзжую дорогу, и свернулъ въ сторону, по тропѣ, которая вела въ кусты и черезъ нихъ къ рѣкѣ. Запахло сыростью. Еле различимый, кисловатый ароматъ ландышей опьянялъ воздухъ веселыми, безмятежными настроеніями. Въ тѣни кустовъ изрѣдка забѣлѣли радостные цвѣты, и напомнили Логину беззаботную улыбку Анны Ермолиной. Ему стало вдругъ весело и забавно. Онъ принялся срывать ландыши, и самъ подсмѣивался въ душѣ надъ собою за такое свое дѣтское занятіе. Но чувствовалъ онъ, что родственны его душѣ и эти невинныя и безоблачныя настроенія, — правда, скучноватыя, правда, преслѣдуемыя Каиновою улыбкою злого человѣка.

Берегъ подымался. Подъ ногами Логина были красные глинистые обрывы.

Ландыши въ его рукахъ медленно увядали...

Рѣка дѣлала луку около обрывистаго берега. Противоположный берегъ былъ низменный. Тамъ виднѣлись поля. Видна была отсюда и часть города, и зе-

ленныя кровли его бѣлыхъ церквей съ позолоченными крестами.

Логинъ поднялся на самую высокую точку берега. Невдалекѣ увидѣлъ онъ усадьбу Ермолина: деревянный двухъ-этажный домъ съ красною желѣзною крышею веселo зеленѣющій садъ, и густо разросшійся паркъ: дальше, за домомъ, службы и огородъ. Онъ перевелъ глаза къ рѣкѣ. У края парка, на берегу рѣки увидѣлъ онъ женскую фигуру въ синемъ сарафанѣ. Недалеко отъ нея, по колѣни въ водѣ, копошился мальчикъ съ удочкою въ рукахъ. Логинъ не различалъ лицъ,—онъ плохо видѣлъ вдаль. Но онъ былъ увѣренъ, что это Анна Ермолина и ея братъ Анатолій. Логинъ вооружился своимъ пенснэ. Оказалось, что онъ не ошибся.

Анна сидѣла на землѣ; она прислонилась спиною къ стволу ивы. Логину видно было только ея ухо и часть спины, но онъ узналъ ее по манерѣ держаться, по медленнымъ и свободнымъ движеніямъ рукъ, по круглымъ очертаніямъ плечъ, по всѣмъ тѣмъ еле уловимымъ примѣтамъ, которыя съ трудомъ передаются словами, но такъ хорошо улавливаются и запоминаются глазомъ.

Логинъ перевелъ вооруженные стеклышками глаза на Анатолія. Мальчикъ говорилъ съ Анною, и улыбался. Лихо поднятый кверху блестящій козырекъ сѣровато-бѣлой фуражки открывалъ смуглое лицо. Освѣщенный солнцемъ, уменьшенный разстояніемъ, ясно видный Логину сквозь стекла, словно обведенный тоненькими, отчетливыми линіями, онъ казался яркимъ, какъ на картинкѣ, на яркомъ фонѣ голубой рѣки и свѣтлой зелени. Его бѣлая блуза была перетянута лакированнымъ темнымъ ремнемъ съ узкою мѣдною пряжкою. Иногда Анатолій выходилъ изъ воды, и взбирался на который нибудь изъ камней у берега. Рядомъ съ темными складками высоко подобранной одежды ноги казались розовыми.

Рыба плохо ловилась. Мальчикъ даромъ бродилъ ъ холодной еще водѣ. Но, казалось, онъ не чувствовалъ холода. Онъ привыкъ.

Логинъ припомнилъ свое дѣтство, вдали отъ ‹ри›оды, среди кирпичныхъ стѣнъ столицы. Вялы и ерадостны были дни, городскою пылью дышала рудь, суетныя желанія томили, раздражительна была ожная стыдливость, порочныя мечты рано стали волювать воображеніе. „Вотъ она, жизнь мирная и ясiая,—думалъ онъ,—а я, съ моимъ нечистымъ прошiымъ, дерзаю приближаться къ нимъ, непорочнымъ".

Злобно взглянулъ онъ на ландыши, смялъ цвѣты, ізорвалъ ихъ и бросилъ внизъ, къ рѣкѣ. Тихо полеѣли измятые ландыши, и колыхались въ воздухѣ, и эазсыпались по неровностямъ обрыва. Логинъ долго эмотрѣлъ на ихъ погубленную красоту. Онъ думалъ:

„Не любитъ современный человѣкъ красоты въ ея обнаженномъ аспектѣ, не понимаетъ ея, и не выноситъ. У насъ нервы слишкомъ тонки для такого простого и грубаго наслажденія, какъ созерцаніе красоты."

Потомъ онъ спустился съ холма, и пошелъ къ парку Ермолина. Внизу, въ сыромъ и темномъ мѣстѣ, увидѣлъ крупные, желтые цвѣты курослѣпа. Усмѣхнулся недоброю улыбкою, сорвалъ цвѣтокъ, и всунулъ его въ петлицу пальто; но тотчасъ же лицо его стало iечально, онъ бросилъ цвѣтокъ въ траву, и облегiенно вздохнулъ.

Анна развилась пышно для своихъ двадцати лѣтъ: ілечи у нея «опарныя», грудь высокая. Ее нельзя наівать красивою за ея лицо; для строгихъ типовъ красоты оно, хоть и миловидное, неправильно, а быть ‹‹расавицею въ русскомъ вкусѣ ей мѣшаютъ глаза, ›ольшіе и красивые, но слишкомъ внимательные и юлотистая смугловатость кожи. Зато подъ складками ея сарафана угадывается прекрасное, сильное

тѣло. Короткіе рукава обнажают стройныя руки. Е ноги слегка тронуты загаромъ.

Анатолій, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, сильный ловкій, похожъ на сестру. Его глаза смотрятъ не по возрасту разсудительно, но и наивно, пожалуй, тоже не по возрасту: мы привыкли видѣть въ глазахъ мальчиковъ тѣхъ же лѣтъ слишкомъ «понимающее», преждевременное и нехорошее выраженіе.

Анатолій взобрался на прибрежный камень. Говорилъ печально:

— Нѣтъ, не ловится; вѣдь вотъ какая незадача!

— Видно, вчера всю выловилъ,—сказала Анна.

Анатолій потеръ руками похолодѣвшія колѣни, и сказалъ:

— А вѣдь это дурное дѣло... жестокое.

— А ловишь, однако,—тихо молвила Анна.

Анатолій покраснѣлъ слегка, помолчалъ немного, и отвѣтилъ:

— Да ужъ заодно, имъ тамъ въ водѣ тоже не сладко: жрутъ другъ друга. Кто сильнѣе... Знаешь, что мнѣ теперь представляется?

— Ну, что?—спросила Анна.

— Видишь—дерево?

Анна взглянула на иву, которая склоняла надъ нею свою косматую вершину.

— Вотъ будто я взлѣзъ туда,—разсказывалъ Анатолій.—А внизу дѣти крестьянскія съ бѣлыми волосами глазѣютъ на меня, ртишки разинули. И стало мнѣ грустно...

— Когда же это было?—спросила Анна.

Улыбалась, и поддразнивала брата притворнымъ непониманіемъ.

— Не было,—я такъ говорю... Мнѣ это представляется.

Анна засмѣялась. Анатолій посмотрѣлъ на нее упрекающими глазами, и сказалъ:

— Ты—веселая, вся смѣешься.

Совсѣмъ вышелъ на берегъ, бросилъ свои рыбо-ювные снаряды, и легъ на травѣ, у сестриныхъ огъ. Солнце клонилось къ закату, освѣщало и грѣло альчика.

— А тебѣ развѣ не грустно?—спросилъ онъ, и оглядѣлъ снизу въ лицо Анны.

Перестала улыбаться. Наклонилась къ мальчику, и аскала его. Спросила:

— Отчего грустно?

— Отчего? — переспросилъ Анатолій.—А вотъ—амъ у нихъ вѣщіе сны, колокола, свѣчи, домовые, урной глазъ,—а мы одни, мы чужіе всему этому.

— Не такъ, чтобъ ужъ очень чужіе.

— Чужіе, чужіе! — воскликнулъ Анатолій. — Ну, адѣнемъ мы посконныя рубахи, а все-таки не станемъ ближе къ народу. Все только маскарадъ одинъ.

— Ты, Толька, по внѣшности судишь.

— Нѣтъ, не только по внѣшности,—весело сказалъ Анатолій, и засмѣялся.

— Вотъ ты и самъ радъ смѣху, какъ воробей—вернамъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, Нюточка, почему по внѣшности?

— Конечно... Мы тоже хотимъ жить по-душѣ, по-Божьи, какъ они выражаются. Мы всегда будемъ съ ародомъ, хоть и по-разному съ нимъ думаемъ.

Анатолій повернулся на спину, и полежалъ не-ного молча.

— Да, съ народомъ,—заговорилъ онъ вдумчиво, вдругъ быстро перемѣнилъ тонъ, и сказалъ съ лу-авою усмѣшкою:—однако, съ народомъ-то мы не мѣемъ такъ заговариваться, какъ...

Замолчалъ, и засмѣялся. Анна пощекотала его альцами подъ горломъ, и спросила:

— Какъ съ кѣмъ?

Анатолій со смѣхомъ бархатался въ травѣ.

— Съ кѣмъ-нибудь другимъ,—кончилъ онъ звонкимъ отъ смѣха голосомъ.

— Такъ вѣдь съ кѣмъ о чемъ можно говорить,—ласково сказала Анна:—у всякой птички свой голосокъ.

Прислонилась спиною къ дереву, и мечтательно всматривалась въ далекія очертанія убѣгающаго берега, словно разнѣжили ее воспоминанія.

— А вотъ съ кѣмъ интересно говорить, такъ это съ Логинымъ,—вдругъ сказалъ Анатолій искреннимъ голосомъ.

Анна зардѣлась. Живо спросила:

— Почему?

— Да такъ,—онъ о разныхъ предметахъ умѣетъ. Другіе все больше объ одномъ: у каждаго свой любимый разговоръ,—заведетъ свою шарманку, да музыкантъ... Впрочемъ, нынче и у него шарманка завелась.

— Что за слово—шарманка!

— А чѣмъ не слово?

— А тѣмъ, что каждый говоритъ о томъ, что ему интересно Что тутъ удивительнаго? Видишь ива,—вдругъ бы на ней огурцы выросли!

Анатолій звонко разсмѣялся. И, вдругъ возвращаясь къ какому-то прежнему разговору, спросилъ:

— А что, если уже и мы дождемся?

— Чуда?—спросила Анна.—Огурцовъ съ ивы?

— Нѣтъ, того, что неизбѣжно. Какая радостная будетъ жизнь!.. А вотъ и Василій Марковичъ!—весело крикнулъ Анатолій.

Анна подняла голову, и улыбнулась. Съ берега по узкой тропинкѣ спускался Логинъ. Спускъ былъ крутой, — Логину приходилось придерживаться за кусты.

Чѣмъ ближе подходилъ онъ, тѣмъ беззаботнѣе становилось у него на душѣ. Онъ чувствовалъ себя

опять, какъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, простымъ и свободнымъ.

Анна поднялась ему навстрѣчу. Анатолій побѣжалъ къ нему съ радостною улыбкою.

Логинъ опустился на траву рядомъ съ Анною. Анатолій опять улегся на свое прежнее мѣсто, и разсказалъ Логину, что они сегодня дѣлали, и гдѣ они сегодня были. Логинъ чувствовалъ на себѣ обаяніе Анниныхъ дѣвственно-нѣжныхъ глазъ. Когда Анатолій окончилъ свои разсказы, Анна сказала Логину:

— Мы съ отцомъ вчера долго говорили о вашихъ планахъ.

— Боюсь только,—грустно отвѣчалъ Логинъ,— что вы приписываете имъ не то происхожденіе.

— Почему же? Кажется, ясно: трудно жить среди людей несчастныхъ, и не пытаться помочь.

— Нѣтъ, не то! Одинъ только страхъ меня двигаетъ... Служба учительская мнѣ опротивѣла, капиталовъ у меня нѣтъ, никакихъ путей передъ собою я не вижу,—и ищу для себя опоры въ жизни... просто, личнаго довольства. Вѣдь не въ носильщики же мнѣ итти!

Анна недовѣрчиво покачала головою.

— Довольства...—начала было она.—Впрочемъ, я не понимаю, почему ваша теперешняя дѣятельность противна вамъ? Чего же вы отъ нея ждали?

— Мнѣ васъ, видно, не убѣдить.

— Я помню, что вы говорили. Но видите, ужъ у березы ли кора не бѣлая,—а пальцы мараетъ, если ее ломать. Вездѣ есть темныя стороны,—но вѣдь фонарь не гаснетъ оттого, что ночь темная.

— На мнѣ отяготѣла жизнь, и умѣю я только ненавидѣть въ ней все злое... хоть и самъ я не безпороченъ.

Логинъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ сейчасъ Анатолій. Но его тамъ уже не было. Мальчику показалось, что онъ можетъ помѣшать разговору. Онъ незамѣтно отошелъ, и опять занялся удочками.

— Они знаютъ, что надо дѣлать,—продолжалъ Логинъ.—Если бы я зналъ! А то я какъ-то запутался въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и себѣ. Свѣточа у меня нѣтъ... И желанія мои странны.

Логинъ говорилъ это почти небрежнымъ тономъ, съ легкою усмѣшкою, которая странно противорѣчила смыслу его словъ.

— Такъ вотъ и видно,—весело сказала Анна,— что не одно личное довольство манитъ васъ.

— Нѣтъ, отчего же? Мнѣ порою кажется, что я радъ бы обратиться въ сытаго обрѣзывателя купоновъ. Но бѣда въ томъ, что и денегъ теперь мнѣ не надо... Мнѣ жизнь страшна. Я чувствую, что такъ нельзя жить дальше.

— А чѣмъ страшна жизнь?

— Мертва она слишкомъ! Не столько живемъ, сколько играемъ. Живые люди гибнутъ, а мертвецы хоронятъ своихъ мертвецовъ... Я жажду не любви, не богатства, не славы, не счастья,—живой жизни жажду, безъ клейма и догмата, такой жизни, чтобъ можно было отбросить всѣ эти завтрашнія цѣли чтобъ ярко сіяла цѣль недостижимая.

— Невозможное желаніе!—грустно сказала Анна.

— Да, да! — страстно воскликнулъ Логинъ. — Въ жизни должно быть невозможное, и только оно одно имѣетъ цѣну... Ну, а возможное... Я ходилъ по всѣмъ путямъ возможнаго въ жизни, и вездѣ жизнь ставила мнѣ ловушки. Красота приводила къ пороку, стремленіе къ добру заставляло дѣлать глупости и вносить къ людямъ зло, стремленіе къ истинѣ заводило въ такія дебри противорѣчій, что не зналъ, какъ и выйти. Безвѣріе, порокъ мелкій, трусливый, потаенный, разоча

рованіе въ чемъ-то,—и безсиліе... Есть запрещенное,—къ нему и тянешься... Манятъ услады сверхъестественныя... пусть даже противуестественныя. Мы слишкомъ рано узнали тайну, и несчастны... Мы обнимали призракъ, цѣловали мечту. Мы въ пустоту тратили пылъ сердца... сѣяли жизнь въ бездну, и жатва наша — отчаяніе. Мы живемъ не такъ, какъ надо, мы растеряли старые рецепты жизни, и не нашли новыхъ. Насъ и воспитывали диковинно: дерзновеніе отрока умерщвляли въ насъ, чтобы не вышло изъ среды нашей мужа.

Анна внимательно слушала, опустивъ глаза къ зеленѣющимъ травкамъ, ласкающимъ ея ноги.

— Я не все здѣсь точно понимаю,—тихо сказала она. — Такъ много недосказаннаго. Слишкомъ много страсти и злости. Да и не на всѣхъ путяхъ вы были.

„Однако, я исповѣдываюсь ей“, думалъ Логинъ.

И дивился онъ на себя и на откровенность свою. Почему ей, непорочной, говоритъ онъ о порокахъ, и довѣрчиво открываетъ ей свою душу... нищету своей души? Какъ всѣ непорочные, она—жестокая...

— И отчего не исполняются надежды? — тоскливо заговорилъ онъ.

Анна подняла на него ясные глаза, и тихо сказала:

— У насъ въ лѣсахъ цвѣтетъ теперь много ландышей, бѣлые въ прозелень цвѣты, милые такіе. А вамъ случалось видѣть ихъ ягоды?

— Нѣтъ, не доводилось.

— Да и мало кто ихъ видѣлъ.

— А вы видѣли?

— Я видѣла. Ярко-красныя ягоды. И никто-то, почти никто ихъ не видитъ: ребятишки жадные обрываютъ цвѣты,—и продаютъ.

— Здѣсь лучше цвѣтъ, чѣмъ плодъ,—сказалъ Логинъ:—красота цвѣтка—достигнутая цѣль жизни ландыша.

Онъ вспомнилъ, какъ за полчаса передъ этимъ мялъ

и рвалъ ландыши. Онъ улыбнулся такъ горько, что Анна почувствовала смутную боязнь. Логинъ не объяснилъ, чему улыбается, хоть Анна вопросительно смотрѣла на него.

Глава третья.

Ермолины провожали Логина. Былъ поздній вечеръ. Воздухъ былъ влаженъ и прохладенъ. Поля затуманивались. Неподвижны и грустны стояли придорожныя липы. Зеленоватые цвѣты бузины пахли странно и рѣзко. Травы дремали, кропя росою босыя ноги Анны и Анатолія.

Отъ столбовой дороги, въ полуверстѣ отъ городской черты, отдѣлялась неширокая, мощеная щебнемъ, дорога. По ней до усадьбы Ермолина было около версты. Саженей за сто до усадьбы дорога обращалась въ аллею,—старыя липы росли по обѣимъ сторонамъ. За ними по одну сторону были пашни, виднѣлась деревенька Подберезье. По другую сторону, къ городу, рядъ липъ былъ границею парка, раскинувшагося широко отъ дороги. Въ паркѣ были пруды въ видѣ озерокъ и рѣчекъ, черезъ которыя переброшены мостики, были густыя рощицы и веселыя лужайки. За паркомъ начинался садъ. Между паркомъ и садомъ, за рядомъ придорожныхъ липъ и небольшою площадкою, стоялъ домъ съ широкою террасою въ садъ. Высокій частоколъ охватывалъ дворъ, службы и садъ, такъ что съ дороги виденъ былъ только фасадъ дома съ двумя балконами на концахъ второго этажа и съ подъѣздомъ посрединѣ. Паркъ огораживали только кусты акацій,-входъ въ него былъ свободенъ, и горожане иногда приходили сюда гулять. Впрочемъ, очень не часто,—далеко отъ города.

— Вы бываете у Дубицкаго?—спросилъ Ермолинъ

— Рѣдко, да и то съ неохотою,—отвѣтилъ Логинъ.

Ермолинъ засмѣялся. Смѣхъ его былъ всегда заразительно веселый, звонкій. Да и весь онъ былъ крѣпкій. Плотный станъ, сильныя руки, борода лопатою,— и подвижное лицо, богатое разнообразіемъ выраженій, вдумчивые, проницательные глаза, и характерныя складки хорошо развитаго лба,—все обличало человѣка, который одинаково работаетъ и мускулами, и нервами. Дѣти оба на него похожи.

— А вѣдь онъ васъ хвалитъ! – сказалъ онъ Логину.

— Дубицкій? Удивительно!

— Какъ же! Онъ говоритъ, что вы одинъ изъ всѣхъ здѣсь его понимаете. Ему кто-то передалъ,—пояснилъ Ермолинъ,—будто вы говорили: всѣ здѣсь слабняки да лицемѣры, одинъ только, молъ, Дубицкій хорошъ.

— Вы иногда говорите то, чего не думаете,—сказала Анна съ трудно скрываемымъ волненіемъ, и глаза ея зажглись.

Логинъ смотрѣлъ на ея ярко запылавшія щеки,— и гордая радость шевельнулась въ немъ, Богъ вѣсть о чемъ.

— Что жъ,– сказалъ онъ,—Дубицкій все же выдѣляется.

— Еще бы!—воскликнула Анна,—да и какъ выдѣляется.

— Хоть онъ и гнететъ своихъ дѣтей,—продолжалъ Логинъ, — да самъ желѣзный. А то нынче у всѣхъ нервы...

— А раньше ихъ не было?

— Люди, какъ и прежде, — сожрать другъ друга готовы, а сами всѣ гибкіе, какъ вербовые хлыстики. Этотъ, по крайней мѣрѣ, смѣетъ быть жестокимъ откровенно.

— Такъ вотъ, — заговорилъ Ермолинъ опять, — у меня къ вамъ просьба: авось, вамъ и удастся то, о чемъ я васъ попрошу.

— Съ удовольствіемъ, если сумѣю,—отвѣтилъ Логинъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ: есть въ нашемъ уѣздѣ учитель Почуевъ. Онъ недавно кончилъ въ здѣшней семинаріи. Юноша скромный и добросовѣстный, хоть пороху не выдумаетъ. Вотъ теперь его увольняютъ отъ службы за то, что онъ подалъ руку Вкусову

Логинъ удивился. Спросилъ:

— Исправнику? За это?

— Васъ удивляетъ? Видите, какіе случаи возможны въ глуши. Учитель неопытный. Пріѣхалъ къ нему въ школу исправникъ. Почуевъ первый протянулъ руку. Исправникъ раскричался,—какъ смѣлъ забыться такой молокососъ: долженъ былъ дожидаться, когда начальство протянетъ руку. Почуевъ возразилъ что-то. Это приняли за дерзость. А какая тамъ дерзость,—просто переконфузился юноша, что кричатъ на него передъ учениками. Теперь рѣшено его уволить.

— Какъ это глупо!—воскликнулъ Логинъ.

— Отъ Дубицкаго тутъ много зависитъ,—продолжалъ Ермолинъ:—онъ, какъ предводитель дворянства, предсѣдательствуетъ въ училищномъ совѣтѣ. Онъ можетъ отстоять учителя,—если захочетъ.

— Да его вѣдь уже уволили?

— Ну, могутъ опять назначить... хоть въ другую школу, если въ ту же нельзя. Вотъ мы съ Нютою подумали, да и рѣшили попросить васъ зайти къ Дубицкому, и попытаться какъ-нибудь это устроить.

— Я съ удовольствіемъ,—отчего не попытаться. Да стоитъ ли?

— Ну, какъ не стоитъ,—гдѣ и когда онъ пристроится? А Дубицкаго можно уговорить —онъ н благоволитъ къ Вкусову... Съѣздилъ бы и я къ нему, д онъ меня не любитъ: испорчу только своимъ вмѣша тельствомъ.

Ермолинъ усмѣхнулся добродушно и грустно.

— Хорошо, я схожу, если вы находите...

— Ужъ вы, пожалуйста, постарайтесь,—ласково сказала Анна, сжимая руку Логина.

Ея лучистые глаза довѣрчиво и нѣжно глянули на него,—и показалось Логину, что они смотрятъ прямо въ завѣтную и недоступную глубину его души. И отвѣтная, чистая радость поднялась въ немъ, и блеснула на мигъ въ загорѣвшемся внезапно огнѣ его мечтательно-утомленнаго взора.

Ермолины простились съ Логинымъ... Онъ остался одинъ. Влажная вечерняя тишина наполняла его освѣтлою печалью. Отрывками вспоминались сегодняшніе разговоры, — и воспоминанія проносились медленно, какъ клочья облаковъ на небѣ, слегка озвѣздившемся, свѣтло-синемъ съ зеленоватыми краями. Одинъ образъ стоялъ передъ нимъ неотступно, какъ небо, которое многократно просвѣчивало сквозь клочья облаковъ,—образъ Анны. Очарованіе вѣяло отъ него... Но, чѣмъ дальше уходилъ Логинъ, тѣмъ больнѣе разгоралась въ его душѣ отрава старыхъ сомнѣній. Мечта о счастіи мучительно умирала, мимолетная, радостная,—и ненужная...

Логинъ думалъ о счастіи того, кто полюбитъ Анну, и кого она полюбитъ. Былъ теперь увѣренъ въ томъ, что для него это счастіе недоступно. Да и не нужно оно ему. Сердце его холодно,—и никакой обманъ жизни не имѣетъ надъ нимъ власти. Не можетъ онъ полюбить,—и нечѣмъ ему возбудить любви! Одиноко догоритъ его жизнь. Порочно и холодно его сердце. Мысль отвергаетъ плотскую любовь, и всякое вожделѣніе. Всѣ желанія имѣютъ одинаково незаконную природу,—и узаконенныя обычаемъ, и тайныя. Всѣ они возникаютъ изъ суетнаго стремленія къ расширенію своей личности, призрачной, вѣчно текущей и обреченной на уничтоженіе. Горе вожделѣющимъ, горе тѣмъ, кто надѣется! Всякая надежда обманетъ, и вся-

кое вожделѣніе оставитъ по себѣ тягостный угаръ. Но и счастливы только желающіе,—потому что всякое счастіе—обманъ и мечта. Кто понялъ жизнь, тотъ ей радъ и не радъ, и отвергаетъ счастіе.

Но все же сладко было мечтать объ Аннѣ. Не было зависти къ чужому счастію, къ наивному счастію того, кто возьметъ ее въ жены.

Анна вошла въ отцовъ кабинетъ. Она вся была простая и чистая, какъ вода нагорнаго ключа. Густая коса ея была распущена, и опускалась до пояса.

Было поздно. Ермолинъ сидѣлъ и просматривалъ газеты: почта пришла утромъ, но Ермолинъ весь день былъ занятъ.

На тяжеломъ письменномъ столѣ съ потертымъ зеленымъ сукномъ свѣтло горѣла подъ зеленымъ колпакомъ стеклянная на бронзѣ лампа. Все здѣсь было просто и скромно. Широкія окна давали днемъ много свѣта. По стѣнамъ тѣснились открытые шкапы съ книгами, разставленными тѣсно, по форматамъ, на передвижныхъ полкахъ, такъ что надъ книгами не оставалось пустыхъ мѣстъ. Диванъ, обитый сафьяномъ, нѣсколько креселъ и стульевъ, по стѣнамъ нѣсколько фотографій въ орѣховыхъ рѣзныхъ рамкахъ,—и нигдѣ ничего лишняго, никакихъ украшеній и бездѣлушекъ.

Анна придвинула стулъ, и сѣла рядомъ съ отцомъ. У нея, какъ и у Анатолія, была привычка каждый вечеръ приходить къ отцу. Ихъ бесѣды наединѣ, то краткія, то продолжительныя, бывали похожи на исповѣди. Безпощадная откровенность, строгій судъ. Анна разсказывала впечатлѣнія дня. Это почти замѣняло дневникъ. Ея дневники были кратки. Это были только памятныя замѣтки, бѣглые намеки: одно слово обозначало цѣлое событіе, сжатыя формулы вмѣщали рядъ мыслей. Только для нея самой были понятны краткія записи въ тоненькихъ синихъ тетрадкахъ.

— Я почему-то все думаю о Логинѣ,—сказала Анна.

— Я люблю его,—отвѣчалъ Ермолинъ,—но мало я въ него вѣрю.

— Въ немъ большая борьба. Гроза, которая еще не надвинулась: не то зарницы, не то молніи...

— Не то громъ, не то стучитъ телѣга,—докончилъ Ермолинъ съ улыбкою.

— Да, вотъ ты шутишь,—а вѣдь ему, въ самомъ дѣлѣ, тяжело. Онъ тянется въ разныя стороны, и видитъ двѣ истины разомъ. У него все противорѣчія,—и не хочетъ скрывать ихъ.

— Или не умѣетъ. Умственная лѣность.

— Скорѣе, смѣлость. Онъ какъ коршунъ, который захватилъ въ каждую лапу по цыпленку, и не можетъ подняться съ обоими, и не хочетъ бросить ни одного, и бьется крыльями въ пыли. Онъ не овладѣлъ цѣлою истиною.

— И не овладѣетъ,—сухо сказалъ Ермолинъ.

— Почему?—спросила Анна, и быстро покраснѣла.

— Да потому, что въ немъ нѣтъ настоящей силы.

— А мнѣ кажется...

— Онъ разсуждаетъ иногда вѣрно, и дѣло его будетъ сдѣлано, можетъ быть, но другими. Самъ онъ—лишній.

— Ахъ, нѣтъ! въ немъ то и есть сила, только скованная.

— Чѣмъ?

— Сама на себя раздѣлилась. Но это настоящая сила.

Ермолинъ улыбнулся.

— Посмотримъ, въ чемъ она скажется.

— Въ немъ много злого... порочнаго,—тихонько сказала Анна, точно это слово обжигало ей губы.—Ему нуженъ порывъ, подъемъ духа,—можетъ быть, нужно, чтобъ кто-нибудь зажегъ его душу.

— Не ты ли?

Анна покраснѣла и засмѣялась.

Аннина спальня во второмъ этажѣ. Въ ней окна оставались открытыми во всю ночь.

Утромъ надъ постелью пронеслись влажныя и мягкія вѣянія. Анна проснулась. Окна розовѣли. Солнце еще не взошло, но уже играла заря. Было свѣжо и тихо. Чирикали раннія птицы. Анна быстро встала, и подошла къ окну. Томность разливалась въ ея тѣлѣ. Холодокъ пробѣгалъ подъ ея тонкою одеждою.

Подъ окномъ стояла береза. Ея сочныя и тонкія вѣтки гнулись. Садъ еще слегка туманился. На свѣтломъ небѣ алѣли и тлѣли тонкія тучки.

Анна вышла въ садъ. Никто не встрѣтился. Шла босая по сыроватому песку дорожекъ. Охватилъ утренній радостный холодъ. Кутала плечи въ платокъ. Хотѣлось итти куда-то далеко,—а глаза еще порою смыкались отъ недоспаннаго сна. Вышла черезъ калитку изъ сада, и шла паркомъ, по росистой тропѣ между кустами бузины. Запахъ цвѣтовъ бузины щекоталъ обоняніе...

Солнце всходило: золотой край горѣлъ изъ-за синей мглы горизонта. Анна взошла на вершину обрыва, туда, гдѣ вчера Логинъ измялъ собранные имъ ландыши. Дали открывались изъ-за прозрачнаго, розовато-млечнаго тумана, который быстро сбѣгалъ. Сырость и холодъ охватили Анну. Было весело. И грусть примѣшивалась къ веселости. Все было вмѣстѣ: и радость жизни, и грусть жизни. Въ тѣлѣ разливалась холодная, бодрая радость, на душѣ горѣла грусть. Мечты и думы смѣнялись...

Рѣка съ розовато-синими волнами, и бѣлесоватыя дали, и алое небо съ золотистыми тучками,—все было красиво, но казалось не настоящимъ. За этою декорацiею чувствовалось колыханіе незримой силы. Эт:

сила таплась, наряжалась—лицемѣрно обманывала, и влекла къ погибели. Волны рѣки струились, тихія, но неутомимыя и неумолимыя.

„Какая сила!—думала Анна:—безполезная, равнодушная къ человѣку... И все къ намъ безучастно, и не для насъ: и вѣтеръ, безплодно вѣющій, и звѣри, и птицы, которые для чего-то развиваютъ всю эту дикую и страшную энергію. Ненужныя струи, покорныя вѣчнымъ законамъ, стремятся безцѣльно,—и на берегахъ вѣчнодвижущейся силы, безсильные, какъ дѣти, тоскуютъ люди"...

Дома Анну встрѣтила тоненькая, смуглая дѣвушка съ рѣзкими, угловатыми движеніями и непріятно-громкимъ смѣхомъ. У нея черныя брови; густые черные волосы заплетены въ косу, которую она обвила вокругъ головы. На ея худощавыхъ щекахъ играетъ густой румянецъ. Это—дочь бывшаго здѣшняго чиновника Дылина; онъ былъ исключенъ изъ службы за запойное пьянство, служилъ потомъ волостнымъ писаремъ, но и оттуда его удалили за неумѣренные поборы съ крестьянъ; пристроился наконецъ писцомъ у „непремѣннаго члена". Недавно умеръ отъ перепоя. Осталась жена и девять человѣкъ дѣтей. Вся эта ватага жила въ маленькомъ домикѣ, на одномъ дворѣ съ квартирою Логина.

Дѣвица, которая явилась теперь, раннимъ утромъ, къ Аннѣ,—старшая изъ дѣтей. Зовутъ ее Валентиною Валентиновною или, сокращенно, Валею, что къ ней больше идетъ: очень еще она юна и шаловлива. Она послѣ смерти отца получила мѣсто учительницы въ сельской школѣ, близъ усадьбы Ермолина. Теперь она шла въ свою школу изъ города, гдѣ была съ вечера у матери.

Смерть отца была для Валиной семьи счастіемъ: онъ не пропьетъ теперь женииой одежды, и не переколотитъ дома всего, что ни попадетъ подъ пьяную руку.

А чувствительныя городскія дамы пришли на помощь сиротамъ, пристроили Валю, опредѣлили двухъ ея подростковъ-братьевъ на инженерныя работы, которыя производились близъ нашего города, и надѣляли семью и одеждою, и пищею, и деньгами. Ермотиныхъ Дылины считали въ числѣ своихъ покровителей, и потому забѣгали къ нимъ въ чаяніи получить какую-нибудь подачку или работу. И теперь на Валѣ надѣты подаренныя Анною красная кофточка и синяя юбка. Башмаки, купленные для нея Анною, Валя оставила въ городѣ; здѣсь она ходитъ босая, изъ подражанія Аннѣ и по привычкѣ изъ дѣтства.

— Вотъ, Валя,—сказала Анна,—вы цѣлый годъ живете рядомъ съ Логинымъ, — то-то вы его, должно быть, хорошо знаете.

— Ну, да, — отвѣтила Валя съ рѣзкимъ смѣхомъ, отъ котораго Анна слегка поморщилась: —гдѣ тамъ его узнаешь!

— А чтожъ?—спросила Анна.—Однако, какъ ты смѣешься, Валя!

Валя покраснѣла, и перестала смѣяться. Она относилась къ Аннѣ съ нѣкоторою робостью и почитаніемъ, и старалась подражать ей во всемъ.

— Да Василій Марковичъ такой неразговорчивый,— объясняла она.—И гордый очень. И смотритъ какъ-то такъ...

— Какъ же?

— Да какъ-то уныло, и точно онъ презираетъ.

— Ошибаешься, Валя: онъ не гордый, и никого не презираетъ.

— Только я его боюсь.

— Чтожъ въ немъ страшнаго?

— Да у него глазъ дурной.

— Что ты, Валя,—что это значитъ?

— Ну вотъ, посмотритъ и сглазитъ.

— Ахъ, Валя, а еще учительница!

— Да правда же, Анна Максимовна, есть такіе глаза. Ужъ это у человѣка кровь такая. Онъ и самъ не радъ, да чтожъ дѣлать, коли кровь...

— Перестань, пожалуйста.

— Вотъ, вы ни въ чохъ, ни въ сонъ не вѣрите.

— Какая ты еще неразумная дѣвочка, Валя!

— Какая я дѣвочка! Мнѣ ужъ скоро двадцатый пойдетъ.

— То-есть, недавно восемнадцать исполнилось, и ты еще лазаешь по заборамъ. Гдѣ это ты пріобрѣла?

Анна взяла Валину руку, на которой черезъ всю ладонь проходила красная, узенькая, совсѣмъ еще свѣжая царапинка.

— А это я объ Мотовиловскій заборъ,—безъ всякаго стѣсненія объяснила Валя.

— Какъ же это такъ?

— А мы за сиренью ходили.

— Въ чужой садъ, черезъ заборъ, воровать цвѣты! Валя, какъ вамъ не стыдно!

Валя краснѣла и хохотала.

— Ну, такъ чтожъ такое!—оправдывалась она.— Цвѣты всѣ крадутъ, даже комнатные, примѣта есть,— лучше растутъ. Да и куда имъ сирень, у нихъ много, даромъ отцвѣтетъ.

— А если поймаютъ?

— Не поймаютъ,—убѣжимъ.

— И вы опять и нынче, какъ въ прошломъ году, будете бѣгать съ братьями и сестрами воровать чужой горохъ? Право, Валя, я совсѣмъ на васъ разсержусь.

— Да вѣдь какой же кому убытокъ, если возьмемъ по горсточкѣ гороху?

— По горсточкѣ! Полные подолы!

— Вѣдь это же только для забавы: мы у нихъ, они у насъ могутъ. На рѣпище да на гороховище всѣ ходятъ.

— Иди,—я совсѣмъ сердита.

— Ну, я больше не буду, право не буду, — говорила Валя, смѣялась и ластилась къ Аннѣ.

— То-то же, а то лучше и на глаза мнѣ не показывайся. А теперь похлопочи-ка о самоварѣ.

Валя послушно побѣжала. Она была рада услужить, и никогда не отказывалась, какую бы работу ни задавала ей Анна. Сегодня ей хотѣлось еще разсказать скандальную городскую исторію, но она еще не знала, какъ подступить къ разсказу: Анна не любила сплетенъ.

Глава четвертая.

Логинъ сидѣлъ у Анатолія Петровича Андозерскаго, въ кабинетѣ, убранство котораго обличало тщетныя претензіи на вкусъ и оригинальность.

Сквозь закрытыя окна, за низенькими, сѣроватыми домишками, виднѣлось багровое зарево заката.

Андозерскій, плотный, упитанный, лѣтъ тридцати трехъ, четырехъ, съ румяными пухлыми щеками и глазами немного на выкатѣ, неопредѣленнаго цвѣта, былъ одѣтъ въ сѣрую тужурку, которая плотно охватывала его жирное тѣло. Онъ и Логинъ были товарищами по гимназіи и университету. Юноша Андозерскій, наклонный къ самохвальству, былъ непріятенъ Логину, который всегда бывалъ неловокъ и застѣнчивъ. Но въ учебные годы все-таки имъ приходилось встрѣчаться часто, даже горячо спорить. Черезъ нѣсколько лѣтъ судьба опять свела ихъ. Андозерскій уже года три занималъ мѣсто уѣзднаго члена окружного суда.

— Дивлюсь я на тебя, дружище,—говорилъ Андозерскій:—прожилъ ты здѣсь безъ малаго годъ, жилъ затворникомъ,—и вдругъ принимаешься, ни съ того, ни съ сего, туманными проектами горы двигать. Ну скажи, пожалуйста, что изъ этого можетъ выйти?

Логинъ лѣниво усмѣхнулся, и сказалъ:

— Да я тебя и не приглашаю,—вижу, что это не въ твоемъ вкусѣ.

— Знаю, что не приглашаешь, да самъ-то ты... Говоря откровенно, дружище, наше общество еще, слава Богу, не готово къ этимъ штукамъ. У насъ коммунизмъ и анархизмъ не ко двору.

— Помилуй, Анатолій Петровичъ, что ты говоришь! Какой тамъ коммунизмъ! Экъ тебя, куда ты вывезъ!

— Полно, дружище, нечего притворяться, — знаю вѣдь я, куда ты гнешь. Только вотъ увидишь, — попомни мое слово, твои же тебя выдадутъ.

— Право, ты ошибаешься, — выдавать нечего: у насъ нѣтъ секретовъ.

Андозерскій недовѣрчиво хмыкнулъ.

— Ну, ваше дѣло. Только не надѣйся. Тебѣ вѣдь общество для отвода глазъ нужно,—только бы позволили вамъ собираться. А тамъ вы и заварите кашу.

— Анатолій Петровичъ, да не смѣши ты, сдѣлай милость,—досадливо возражалъ Логинъ.—Ничего такого ни у кого изъ насъ и въ мысляхъ нѣтъ, увѣряю тебя. Что я за бунтарь? Да кто тебѣ говорилъ такія вещи?

— Сорока на хвостѣ принесла. Ну, да что тутъ... Что терять золотое время,—выпьемъ-ка, дружище, закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ,—за стаканчикомъ добраго винца веселѣе говорится.

Андозерскій всталъ, сладко потянулся, и сощурилъ глазки, какъ разбуженный жирный котъ: такъ и казалось, что вотъ онъ сейчасъ замурлычитъ.

— Пойдемъ-ка, братъ, въ столовую, — пригласилъ онъ Логина.

Логина коробило и отъ ухватокъ и отъ словъ Андозерскаго. Онъ удивлялся себѣ: зачѣмъ онъ ходитъ къ этому неумному и неинтересному человѣку? Однако,

послѣ нѣсколькихъ стакановъ,—а вино на самомъ дѣлѣ было хорошо, въ этомъ Андозерскій зналъ толкъ. — Логину мало-по-малу перестала казаться непріятно-пошлою рослая фигура хозяина. Даже отпечатокъ недалекаго „себѣ на умѣ" въ самодовольныхъ чертахъ Андозерскаго теперь какъ будто изгладился: сидѣлъ передъ Логинымъ только добродушный, жизнерадостный человѣкъ. Конечно,—Логинъ это ясно помнилъ,—этому добродушному и недалекому малому пальца въ ротъ не клади, но это не мѣшаетъ ему быть милѣйшимъ человѣкомъ.

— Вѣдь, я, дружище, женюсь скоро,—откровенничалъ Андозерскій.

— На комъ?—полюбопытствовалъ Логинъ.

— На комъ именно, сказать теперь, видишь ли, пока еще трудно.

Логинъ засмѣялся:

— Это, значитъ, еще долгая пѣсня.

— Да вовсе нѣтъ, чудакъ ты этакій: дѣло на мази.

— Сколько же у тебя невѣстъ?

— Стой, подожди, разскажу все по порядку. Ихъ, видишь ли, три, то-есть настоящихъ, стоящихъ вниманія, три,—а вообще-то невѣстъ здѣсь непочатый уголъ. Женимъ, дружище, ужо и тебя. А теперь выпьемъ-ка за моихъ невѣстъ!

Онъ налилъ опустѣлые стаканы. Чокнулись.

— Да здравствуютъ твои три невѣсты!—пожелалъ Логинъ,—и пусть тебя повѣнчаютъ разомъ со всѣми.

Андозерскій захохоталъ.

— Ужъ чего бы лучше: выбирать не надо, и выгоды вмѣстѣ. Да, братъ, жаль, что у насъ не магометовъ законъ: три жены, да каждая съ приданымъ, славненькій вышелъ бы гаремчикъ. Да нельзя,—гаремчикъ только изъ картинокъ завести можно. Кстати, покажу-ка я тебѣ штучку,—кажется, ты ее у меня еще не видѣлъ.

Андозерскій порывисто поднялся, ушелъ съ веселымъ ржаньемъ въ кабинетъ, и минуты черезъ двѣ вернулся съ пачкою фотографическихъ карточекъ. Логинъ просмотрѣлъ ихъ съ равнодушною усмѣшкою.

— А? что? — спрашивалъ Андозерскій: — вѣдь пикантно, не правда ли?

— Да, но только все это наивно, элементарно.

— Ну, чегожъ тебѣ еще!—обидчиво сказалъ Андозерскій, и собралъ карточки.

— Однако, что-жъ твои невѣсты?—спросилъ Логинъ.

— Невѣсты? А вотъ, во-первыхъ, Нюта Ермолина, славная дѣвочка. Жаль только, воспитана странно. А прилагательное изрядное. А, что скажешь?

— Милая дѣвушка,—неохотно сказалъ Логинъ.

— Ужъ ты, братъ, самъ не втюрился ли?

Андозерскій подмигнулъ Логину, и изобразилъ на своемъ лицѣ лукавство, что мало шло къ его пухлымъ щекамъ и невыразительнымъ глазамъ.

— Смотри, не вздумай отбивать: ты туда что-то повадился.

— Ну, гдѣ повадился.

— Она, вѣдь, и не въ твоемъ вкусѣ.

— А ты какъ мой вкусъ знаешь?

— Да ужъ знаю. Она не по тебѣ,—съ придурью дѣвчонка и шустрая: ей нуженъ мужъ съ характеромъ, практическій,—а то, дружище, какъ два мечтателя поженятся, такъ проку мало.

— Помилуй, съ чего я буду отбивать у тебя невѣстъ: похожъ ли я на Донъ-Жуана!

— Кто васъ знаетъ, мечтателей: въ тихомъ омутѣ черти водятся. Ты, впрочемъ, и не думай: ничего тебѣ не очистится, — дѣвочка, я тебѣ доложу, въ меня почти врѣзалась, — какъ встрѣтимся гдѣ, такъ у нея глазенки и засверкаютъ.

— Вотъ какъ! ну, поздравляю, — сказалъ Логинъ съ усмѣшкою.

„Глазенки засверкаютъ,—думалъ онъ,—да только отчего?“

Андозерскій развалился на спинку стула, и самодовольно поглаживалъ пестрый жилетъ, прикрывающій брюшко умѣренно-солидныхъ размѣровъ.

— Да, братъ, это ужъ доподлинно изслѣдовано мною,—продолжалъ онъ.—Приходи хоть завтра,—выскочитъ съ руками и ногами. Ну, да я еще посмотрю и посравню. Другія двѣ, пожалуй, попрелестнѣе будутъ, хоть и побѣднѣе.

Логинъ торопливо и маленькими глотками прихлебывалъ изъ стакана.

„Всякая муха,—думалъ онъ,—можетъ карабкаться своими нечистыми лапками всюду, куда ей вздумается!“

— Номеръ второй, — продолжалъ Андозерскій, — Неточка Мотовилова, — премиленькая барышня, не правда ли?

— Да, мила и Неточка,—лѣниво отвѣтилъ Логинъ.— У нея и призваніе есть.

— Къ чему?—спросилъ Андозерскій съ нѣкоторымъ даже испугомъ.

— Выйти замужъ.

— То-то... Ея папенька, сказать тебѣ по правдѣ, изрядный плутъ,—конечно, это между нами.

— Да ужъ не пойду сплетничать.

— Кстати, они тобою огорчаются.

— Кто?

— Да Мотовиловы. Зачѣмъ ты ихъ Петькѣ двойки лѣпишь.

— Ну, ужъ это..

— У другихъ-то вѣдь онъ тянется. Да это, конечно, твое дѣло. А все бы лучше... Вотъ, кабы ты за Неточкой пріударилъ, такъ, небось, и къ братцу был бы помилостивѣе. Славная дѣвочка, чортъ возьми У папеньки состояньице кругленькое, хоть и нечистo нажито.

— Жаль только, что на много частей дѣлить придется.

— Ну, это ничего, всѣмъ хватитъ. А вѣдь помнятъ старожилы, какъ лѣтъ двадцать пять назадъ онъ проявился сюда въ рваной шинелишкѣ, въ истасканныхъ сапожишкахъ, — прохвостъ-прохвостомъ. Былъ управляющимъ одной питерской дуры,—та ему ввѣрилась: вѣдь онъ и теперь мастеръ о добродѣтеляхъ говорить. На словахъ блаженъ мужъ, на дѣлѣ вскую шаташася, какъ говорятъ семинаристы.

Андозерскій захохоталъ.

— Славный былъ у нея лѣсокъ,—извелъ начисто, а денежки прикарманилъ. Потомъ женился на богатой вдовушкѣ. Что-то ужъ очень скоро она окачурилась, а капиталы ему завѣщала. Женился на другой. Много о немъ еще сквернаго толкуютъ. Говорятъ, что и завѣщаніе-то было подложное. Даже совсѣмъ невѣроятныя вещи разсказываютъ.

— И такого-то человѣка ты хочешь имѣть тестемъ! И за такимъ приданымъ погнался!

Логинъ всталъ со своего мѣста, и прошелся по комнатѣ. Уже давно чувствовалъ онъ къ Мотовилову странное отвращеніе. Лицемѣрною казалась Логину вся его повадка. И въ гимназіи, и въ городѣ онъ намозолилъ глаза Логину: былъ онъ человѣкъ замѣтный и довольно неугомонный, и вездѣ воскуряли ему горожане ѳиміамъ почтенія. Наконецъ, самого имени Мотовилова не могъ слышать Логинъ безъ раздраженія.

— Мало ли что! — досадливо говорилъ Андозерскій.—Вѣдь и ты, небось, не отказался бы отъ хорошенькаго кушика? Дочка его не при чемъ. Она премиленькая. Вотъ мы возьмемъ, да за нее и выпьемъ.

Андозерскій принялся перебирать бутылки, и глубокомысленно разсматривалъ каждую на свѣтъ. Онъ пріостановилъ свой разсказъ, и принялъ такой видъ,

будто слова Логина ему не понравились: румяны щеки его вытянулись настолько строго и солидн насколько позволяла ихъ сытая припухлость; выпуклые глаза сердито поглядывали въ ту сторону, гдѣ остановился у окна Логинъ. Онъ выбралъ вино подешевле, маркою пониже, и пробормоталъ сквозь зубы:

— Вотъ мы этого попробуемъ, это—тоже доброе винцо.

Логинъ усмѣхнулся.

— Ну, такъ какъ-же, однако, твои дѣла въ этомъ пунктѣ?

— Извѣстно, дружище, дѣвочка на меня уже давно засматривается.

— Ого, да ты побѣдитель!

Андозерскій опять оживился, и весело заговорилъ:

— Тутъ, братъ, изъ-за меня барышни чуть не дерутся, маменьки тоже такъ и думаютъ, какъ бы въ женихи изловить. Другой давно бы испекся, да я, братъ, спотовку знаю,—меня не обманешь... Ну, а что до Неточки,—такъ здѣсь и папенька очень бы радъ со мною породниться,—ему это пригодилось бы.

— Да?

— Есть дѣла... Ну, да что тутъ... Наконецъ, есть и третій номеръ. Тоже невѣста хоть куда,—Клавдія Кульчицкая. Энергичная дѣвушка, и неглупая.

— Да, поумнѣе насъ съ тобою.

— Ну, гдѣ тамъ,—важно отвѣтилъ Андозерскій,—но очень неглупая. Она мнѣ на-дняхъ сказала: съ вами можно жить, вы не злой. Очень страстная барышня,—боюсь, какъ бы не сбѣжала.

— Отъ тебя?

— Отъ меня не убѣжитъ! Боюсь, какъ бы ко мнѣ не сбѣжала сбухты-барахты. Ужъ слишкомъ фантастическая дѣвица! Того гляди, явится, скажетъ: твоя навѣки. А я еще не рѣшилъ, кто лучше.

— Вотъ оно что! Но, однако, съ чего же бы ей бѣжать? Вѣдь она совершеннолѣтняя?

— Да такъ, взбалмошная такая: вздумаетъ, да и весь сказъ. Свой капиталецъ имѣетъ, — отъ отца осталось. Маменька опекуншей была, и порастрясла дочкины денежки. Съ Палтусовымъ спуталась. Онъ ей такойже братъ, какая ты мнѣ жена.

Андозерскій радостно засмѣялся своему сравненію.

— Онъ, — продолжалъ Андозерскій, — изъ нигилистовъ. И хвостъ у него замаранъ. Говорятъ, ему скоропалительно пришлось оставить службу: не то проврался, не то проворовался. Впрочемъ, успѣлъ сколотить копѣечку. Сперва широконько пожили, по заграницамъ околачивались. Теперь сократились. Онъ за аферы принялся, — въ большомъ секретѣ, — и очень практично ведетъ дѣла, хоть и не совсѣмъ чисто. Ума — палата.

— А „умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ“?

— Само собой! Носъ у него собакой натертъ... И по амурной части малый не промахъ. Врѣзался въ Клавдію, — маменька-то ему ужъ понадоѣла. Мать ревнуетъ, а дочка ихъ обоихъ злитъ напропалую. Вотъ ты мнѣ что, дружище, скажи, — чѣмъ это Клавдія прельщаетъ? Вѣдь не красавица: зеленоглазая, блѣдная, волоса какіе-то даже не черные, а синіе, — что въ ней?

— Что въ ней? — задумчиво переспросилъ Логинъ. — Прелесть неизъяснимая, манящая, что-то загадочное и гибкое.

— Именно, гибкая, какъ кошка. И презлая.

Просидѣли далеко за-полночь, бесѣдуя то о настоящемъ, то о прошломъ, — больше о настоящемъ: общихъ воспоминаній было немного. Логинъ больше слушалъ, Андозерскій разсказывалъ, больше о себѣ, а если и о другихъ, то всегда такъ, что онъ самъ стоялъ на первомъ мѣстѣ. Онъ принадлежалъ къ числу людей,

которые скучаютъ, когда рѣчь идетъ не объ нихъ, и которые сердятся, когда ихъ не хвалятъ, или когда хвалятъ не ихъ.

Была теплая и свѣтлая ночь, когда Андозерскій вышелъ на крыльцо за Логинымъ. Ихъ шаги и голоса звучно раздались въ чуткой тишинѣ улицы. Андозерскій доволенъ былъ своимъ внимательнымъ слушателемъ и интереснымъ для него самого разговоромъ, а маленькія шероховатости забылись подъ вліяніемъ того особаго прилива пріязни, который всегда ощущаютъ хозяева, когда провожаютъ засидѣвшихся гостей.

— Проводилъ бы тебя, — говорилъ онъ, — погода славная, и покалякать съ тобой пріятно, — да налимонился ужъ я очень. Поскорѣй спать завалиться.

Отъ излишне выпитаго вина Логинъ чувствовалъ легкое головокруженіе. Неясныя очертанія домовъ, заборовъ, деревьевъ колебались, какъ бы зыблемыя вѣтромъ. Но прохлада ночи ласково обнимала его, и успокаивала горячую голову; ласково смотрѣлъ склонившійся на западъ мѣсяцъ, надъ крушеніемъ дикихъ мыслей возникшій сладкимъ вѣяніемъ восторга. Логину становилось необычайно-легко и весело: новыя силы закипали, въ сердцѣ, тихо звенѣли невѣдомыя, таинственныя струны, словно прозрачная пѣсня рождалась въ немъ, наполняя его очарованіемъ голубой мелодіи.

Логинъ прошелъ длинный и шаткій мостъ. Тонкіе устои жалобно роптали на что-то рѣчнымъ струямъ. Логинъ повернулъ по высокому берегу, гдѣ тянулись заборы садовъ и огородовъ. Задумавшись, миновалъ онъ поворотъ на ту улицу, по которой слѣдовало ему выйти къ своему дому, — и шелъ дальше.

Здѣсь было совсѣмъ пустынно. Огороды и сады еще продолжались на этомъ берегу, а за рѣкою начинались нивы и лѣсъ. Въ воздухѣ были разлиты теплыя и влаж-

ныя благоуханія. Рѣка журчала по кремнистому руслу, мелкому и широкому. Издали доносился шумъ и плескъ струй у мельничной запруды, гдѣ жили, таясь на днѣ, зеленоволосыя и зеленоглазыя русалки. Въ безоблачно-свѣтломъ, синемъ морѣ небесъ сверкали архипелаги звѣздъ. Ночной полумракъ сгущался вдали, и ложился мечтательными очертаніями, а туманъ за рѣкою окутывалъ нижнюю часть рощи, изъ которой выступали впередъ и темнѣли отдѣльные кусты.

Логинъ замѣтилъ, что зашелъ далеко. Осмотрѣлся и сообразилъ, что стоитъ у сада Кульчицкой. Высокія деревья изъ-за забора смотрѣли внимательно, и вѣтви ихъ не шевелились.

Логинъ прислонился спиною къ забору, и глядѣлъ на зыбкій туманъ. Что-то жуткое происходило въ сознаніи. Казалось, что тишина имѣетъ голосъ, и этотъ голосъ звучитъ и внѣ его, и въ немъ самомъ, понятный, но непереложимый на слова. Душа внимала этому голосу, и растворялась, и утопала въ безконечности...

Это ощущеніе овладѣло уже не первый разъ Логинымъ. Были въ жизни проникновенныя минуты, когда казались легко разрѣшимыми вопросы бытія, такіе грозные, такъ мучительно-непонятные въ другое время. Онъ сознавалъ себя воистину слившимся съ міромъ, который переставалъ быть внѣшнимъ,—и минута была полна, какъ вѣчность. И все въ этомъ мірѣ, тѣснясь въ его душу, сливалось и примирялось въ единствѣ, которое показалось бы нелѣпымъ въ другое время: звуки принимали окраску, запахи—тѣлесныя очертанія, и образы звучали и благоухали: розовый пряный шопотъ рѣки, голубое, сладкое вздрагиванье вѣтокъ березы, и зеленые горькіе вздохи вѣтра, и темно-фіолетовые солоноватые отзвуки спящаго города обнимали и цѣловали его, какъ шаловливые эльфы. Это было безуміе, радужное, острое и звонкое,—и душѣ сладко

было растворяться и разрушаться въ его необузданномъ потокѣ.

А въ саду слышались шаги, шорохъ платья, тихій говоръ: шли и говорили двое. Вотъ шаги затихли, заскрипѣла доска скамейки, говоръ смолкъ на минуту... Опять послышались звуки словъ, но слова были неуловимы для слуха. Только иногда то или другое слово различалось. Мечта влагала въ эти звуки свой смыслъ, сладкій и томный. Логину не хотѣлось уходить.

Страстный женскій голосъ, мечталось Логину, говорилъ:

— Влечетъ меня къ тебѣ любовь, и сердце полно радостью, сладкою, какъ печаль. Злоба жизни страшитъ меня, но мнѣ любовь наша радостна и мучительна. Смѣлыя желанія зажигаются во мнѣ,—отчего же такъ безсильна воля?

— Дорогая, — отвѣчалъ другой голосъ: — отъ ужасовъ жизни одно спасеніе—наша любовь. Слышишь, — смѣются звѣзды. Видишь, — бьются голубыя волны о серебряныя звѣзды. Волны — моя душа, звѣзды — твои очи.

Клавдія говорила въ это время Палтусову неровнымъ и торопливымъ голосомъ, и ея сверкающіе глаза глядѣли прямо передъ собою:

— Вы все еще думаете, что я для васъ пришла сюда? Злость меня къ вамъ толкаетъ, поймите, одна только злость,—и больше ничего, рѣшительно ничего,— и нечего вамъ радоваться! Нечему радоваться! И зачѣмъ вы меня мучите? Я посмѣла бы, знайте это, я все посмѣла бы, но не хочу, потому что мнѣ противно, все противно, и вы, и все въ васъ.

Палтусовъ наклонился къ Клавдіи, и тревожно заглядывалъ въ ея глаза.

— Дорогая моя,—сказалъ онъ слегка сиповатымъ, но довольно пріятнымъ голосомъ,—послушайте..

Клавдія быстро отодвинулась отъ Палтусова, и перебила его:

— Послушайте,—въ голосѣ ея зазвучала насмѣшливая нотка,—словечки, вродѣ „дорогая моя“, и другія паточныя словечки, которыми вы позаимствовались у Ирины Авдѣевны, кажется,—вы можете оставить при себѣ или приберечь ихъ... ну, хоть для вашей двоюродной сестрицы.

— Гмъ, да, т. е. для вашей маменьки,—обидчиво и саркастически возразилъ онъ,—для обожаемой вами маменьки.

— Да, да, для моей маменьки,—тихо отвѣчала она. И злоба, и слезы послышались въ ея голосѣ.

Голоса на минуту замолкли; потомъ Палтусовъ снова заговорилъ,—и снова прислушивался Логинъ къ лживому шопоту мечты.

— Прочь сомнѣнія!—звучалъ въ мечтахъ Логина голосъ любимаго ею, — пусть другимъ горе, возьмемъ наше счастье, будемъ жестоки и счастливы.

— Я проклинаю счастье, злое, безпощадное,—отвѣчала она.

— Не бойся его: оно кротко уводитъ насъ отъ злой жизни. Любовь наша—какъ смерть. Когда счастіемъ полна душа, и рвется въ мучительномъ восторгѣ, жизнь блекнетъ, и сладко отдать ее за мигъ блаженства, умереть.

— Сладостно умереть! Не надо счастія! Любовь смерть -это одно и то же. Тихо и блаженно растаять забыть призраки жизни,—въ восторгѣ сердца умереть!

— Для того, кто любитъ, нѣтъ ни жизни, ни смерти.

— Отчего мнѣ страшно, и безнадежно, и любовь моя мучитъ меня, какъ ненависть? Но связь наша неразрывна.

— Горьки эти плоды, но вкусивъ ихъ, мы будемъ какъ боги.

А въ саду говорили свое.

— Повѣрьте, Клавдія, васъ терзаютъ ненужныя сомнѣнія. Вамъ страшно взять счастье тамъ, гдѣ вы

нашли его. Ахъ, дитя, дитя, неужели вы еще такъ суевѣрны!

— Да, счастіе мести, проклятое счастіе. и родилось оно въ проклятую минуту,—со сдержанною страстностью отвѣчала Клавдія.

— Повѣрьте, Клавдія, если бы вы рѣшились отказаться отъ этого счастія, которое вы проклинаете, — однако, вы его не отталкиваете,—а еслибъ... о, я нашелъ бы въ себѣ достаточно мужества, чтобъ устранить себя отъ жизни,—жить безъ васъ я не могу.

— Умереть! вотъ чего я больше всего хочу! Умереть, умереть!—тихо и какъ бы со страхомъ сказала Клавдія, и замолчала, и низко наклонила голову.

На губахъ Палтусова мелькнула жесткая усмѣшка. Онъ незамѣтнымъ движеніемъ закуталъ горло, и заговорилъ настойчиво:

— Передъ нами еще много жизни. Хоть нѣсколько минутъ, да будутъ нашими. А потомъ пойдемъ каждый своею дорогою,—вы въ монастырь, грѣхи замаливать, а я... куда-нибудь подальше!

— Ахъ, что вы сдѣлали со мною! Противно даже думать о себѣ. Я и не была счастлива никогда, — но была хоть надежда,—пусть глупая, все же надежда,— и я вѣровала такъ искренно. И все это умерло во мнѣ. Пусто въ душѣ—и страшно. И такъ быстро, почти безъ борьбы, вырвана изъ сердца вѣра, какъ дерево безъ корней. Безъ борьбы, но съ какою страшною болью! Любить васъ? Да я васъ всегда ненавидѣла, еще въ то время, когда вы не обращали на меня вниманія. Теперь еще больше... Но все-таки я, должно быть, пойду за вами, если захочу выместить вамъ всю мою ненависть. Пойду, а зачѣмъ? Наслаждаться? Умирать? Тащить каторжную тачку жизни? Я читала, что одинъ каторжникъ, прикованный къ тачкѣ, изукрасилъ ее пестрыми узорами. Какъ вы думаете, зачѣмъ?

— Какія странныя у васъ мысли, Клавдія! Къ чему эта реторика?

— Къ чему,—разсѣянно и грустно повторяла она,—къ чему онъ это сдѣлалъ? Вѣдь это ему не помогло,—съ участливою печалью продолжала она.—тачка ему все же опротивѣла. Онъ умолялъ со слезами, чтобы его отковали. Мало ли кто чего проситъ!..

— Повѣрьте, Клавдія, настанетъ время, когда вы будете смотрѣть на эти ваши муки, какъ на нелѣпый сонъ,—хоть все это, не спорю, искренно, молодо... Что дѣлать! плоды древа познанія вовсе не сладки,—они горькіе, противные, какъ плохая водка. Зато вкусившіе ихъ станутъ какъ боги.

— Все это слова,—сказала Клавдія. — Они ничего не измѣнятъ въ томъ, что съ нами случится. Довольно объ этомъ,—пора домой.

Въ мечтахъ звучало:

— Мимолетно наслажденіе, радость увянетъ и остынетъ, какъ стынутъ твои руки отъ вѣтра съ рѣки. Но мы оборвемъ счастливыя минуты, какъ розы,—жадными руками оборвемъ ихъ, и сквозь звонкое умираніе ихъ распахнется призрачное покрывало, мелькнетъ предъ нами святыня любви, недостижимаго мэона... А потомъ, пусть снова тяжело падаютъ складки призрачнаго покрова, пусть торжествуетъ мертвая сила,—мы уйдемъ отъ нея къ блаженному покою...

— Въ душѣ моей трепещетъ неизъяснимое. Что счастіе и радости, и земныя утѣхи, блѣдныя, слабыя! Наивная надежда такъ далека, такъ превысилъ ее избытокъ моей страсти! Дѣтская вѣра упраздняется совершеннѣйшимъ экстазомъ недостижимой любви. Память минувшаго, исчезни! Рушатся, умираютъ тѣни и призраки, душа расширяется, яснѣетъ,—безъ борьбы свергаются былые кумиры передъ зарею любви, безъ борьбы, но переполняя меня сладкою болью.

— Любить,—воплощать въ невозможной жизни невозможное жизни, расширять свое существованіе таинственнымъ союзомъ, сладкимъ обманомъ задерживая стремительную смѣну мимолетныхъ состояній!

— Такъ жажду жизни, что поработить себя готова другому, только бы жить въ немъ и черезъ него. Возьми мою душу, ты, который освободилъ ее отъ мельканія утомительныхъ призраковъ жизни,—свободную, какъ дыханіе вѣтра, возьми ее, чтобы чувствовала она въ своей пустынѣ властное вѣяніе жизни. Всюду пойду за тобою, наслаждаться ли, умирать ли, влечь ли за собою минуты и годы ненужнаго бытія,—всюду пойду за тобою, на вѣки твоя. .

— Старые завѣты исполнятся, мы будемъ, какъ боги, мудры и счастливы,—счастливы, какъ боги.

Прохладный вѣтеръ настойчиво бился о лицо Логина. Онъ очнулся. Грезы разсѣялись. Въ саду было совсѣмъ тихо. Логинъ медленно пошелъ домой. Кто-то другой шелъ съ нимъ рядомъ, невидимый, близкій, страшный.

Когда онъ всходилъ на крыльцо своего дома, передъ запертою дверью онъ почувствовалъ,—какъ это бываетъ иногда послѣ тревожнаго дня — что кто-то беззвучнымъ голосомъ позвалъ его. Онъ обернулся. Чарующая ночь стала передъ нимъ, безмолвная, неизъяснимая, куда-то зовущая, на борьбу, на подвигъ, на счастіе,—какъ разгадать? Блаженство бытія охватило его. Черныя думы поблѣднѣли, умерли,—что-то новое и значительное вливалось въ грудь съ широкимъ потокомъ опьяняющаго воздуха... Радость вспыхнула въ сердцѣ, какъ заря на небѣ,—и вдругъ погасла...

Ночь была все такъ же грустно тиха и безнадежно прозрачна. Отъ рѣки все такою же вѣяло сырою прохладою. Скучно и холодно было въ пустыхъ улицахъ. Угрюмо дремали въ печальной темнотѣ убогіе домишки.

Логинъ чувствовалъ, какъ кружилась его отяжелѣ-

за. Въ ушахъ звенѣло. Тоска сжимала сердце, змала, что трудно становилось дышать. Не ожилъ онъ ключъ въ замочную скважину, отдверь, добрался кое-какъ до своей постели, и е помнилъ, какъ раздѣлся и улегся.

ъ заснулъ безпокойнымъ, прерывистымъ сномъ. ивыя сновидѣнія всю ночь мучили его. Одинъ остался въ его памяти.

Онъ видѣлъ себя на берегу моря. Бѣлоголовыя, патыя волны наступаютъ на берегъ, прямо на Ло-, но онъ долженъ итти впередъ, туда, за море. его рукѣ—прочный щитъ, стальной, тяжелый. Онъ одвигаетъ волны щитомъ. Онъ идетъ по открывшимся амнямъ дна, влажнымъ камнямъ, въ промежуткахъ между которыми копошатся безобразные слизняки. За щиомъ злятся и бурлятъ волны,—но Логинъ гордъ своимъ торжествомъ. Вдругъ чувствуетъ онъ, что руки его ослабѣли. Напрасно онъ напрягаетъ всѣ свои силы, напрасно передаетъ щитъ то на одну, то на другую руку, то упирается въ него сразу обѣими руками, — щитъ колеблется... быстро наклоняется... падаетъ... Волны съ побѣднымъ смѣхомъ мчатся на него, и полощаютъ его. Ему кажется, что онъ задыхается.

Онъ проснулся. Гудѣли колокола церквей...

Глава пятая.

Клавдія и Палтусовъ вошли черезъ террасу въ домъ. Въ комнатахъ было тихо и темно. Приливъ отвращенія внезапно шевельнулъ упрямо стиснутыя губы Клавдіи. Ея рука дрогнула въ рукѣ Палтусова. Въ то же время она поняла, что ужъ давно не слушаетъ и не слышитъ того, что онъ говоритъ. Она пріостановилась и наклонила голову въ его сторону, но все еще не глядѣла на него. Слова его звучали страстью и мольбою:

— Ангелъ мой, Клавдія, забудьте дѣтскі
Жизнью пользуйся живущій... Хорошо люби
моя!

Она порывисто повернулась къ нему,—и оч
въ его объятіяхъ. Его поцѣлуй обжегъ ея губь
оттолкнула его, и крикнула:

— Оставьте меня! Вы съ ума сошли.

Гдѣ-то стукнула дверь, на стѣнѣ одной изъ
нихъ комнатъ зазыблился красноватый свѣтъ,—они
чего не замѣтили.

— Тѣми же губами вы цѣловали мою мать... К
низость! Вы обманули меня, вы сумѣли увѣр
меня, что я васъ люблю, но это—ложь! Я любила
васъ, а ненависть мою къ матери,—теперь я это п
няла. Но вы, вы,—какъ вы унизили меня!

Поспѣшно, точно отъ погони, она пошла о
Палтусова. Онъ мрачно смотрѣлъ вслѣдъ ей, и на
смѣшливо улыбался.

Палтусову было лѣтъ сорокъ пять. Онъ хорош
сохранился. Длинные волосы, волнистые, темнок
штановые, дѣлали его похожимъ на артиста. На в
скахъ виднѣлось нѣсколько сѣдыхъ волосковъ. Н
блѣдномъ лицѣ лежалъ отпечатокъ постоянной и как
бы потускнѣлой отъ частаго упражненія ироничност
Это было лицо человѣка несомнѣнно умнаго,
который привыкъ любоваться тѣмъ, что онъ умн
окружающихъ, и знаетъ нѣчто, до чего они еще н
доросли: онъ смотрѣлъ на людей, какъ шестнадцати
лѣтній подростокъ смотритъ на двѣнадцати-лѣтнихъ
мальчишекъ, которыхъ презираетъ за ихъ возрастъ,
за ихъ игры. Казалось иногда даже, что онъ успѣл
нѣсколько отупѣть въ этомъ постоянномъ и просто
душномъ самообожаніи.

Клавдія быстро шла по темнымъ комнатамъ. Свѣтъ
свѣчи остановилъ ее. Она подняла голову. Передъ не
стояла мать въ некрасивомъ бѣломъ платьѣ со множе

ствомъ оборочекъ. Въ приподнятой рукѣ Зинаиды Романовны колебался подсвѣчникъ.

— Иди ко мнѣ,—сказала она торжественнымъ тономъ,—я хочу съ тобой говорить.

„Что нужно ей? - подумала Клавдія. - Ночное объясненіе,—нельзя на завтра отложить!"

Съ гнѣвно сдвинутыми бровями вошла она за матерью въ ея будуаръ, гдѣ свѣтился розовый висячій фонарикъ.

Зинаида Романовна лѣтъ на пять моложе Палтусова. Въ свое время она была недурна, даже, пожалуй, красива. Но это была непрочная, цыганская красота, которая скоро отцвѣтаетъ. Теперь осталось безпокойное желаніе нравиться,—приходится прибѣгать къ косметикамъ. Впрочемъ, при выгодномъ освѣщеніи, это еще очень эффектная женщина. Низкій, словно точеный лобъ красиво увѣнчиваетъ небольшую голову. Нижняя челюсть слегка выдается впередъ. Глаза зеленоватые, какъ у дочери, и тѣло такое же стройное и гибкое.

Клавдія похожа на мать, какъ это часто бываетъ съ дочерьми, которыхъ матери не долюбливаютъ: тотъ же невысокій лобъ, только чуточку повыше и не такой прямолинейный, какъ у матери, та же слегка выдающаяся нижняя челюсть.

— Вамъ угодно со мной говорить, теперь?—полувопросомъ сказала Клавдія.

Зинаида Романовна стояла передъ нею со скрещенными на груди руками, и смотрѣла на нее съ боязливою ненавистью. Тонкія губы ея пересохли отъ волненія; онѣ дрожали и беззвучно шевелились. Пальцы правой руки постукивали по локтю лѣвой. Клавдія сдвинула тонкія брови, и всматривалась неподвижными глазами въ безпокойныя руки матери.

— Что ты дѣлаешь, Клавдія?—заговорила Зинаида

Романовна.—Я терпѣла долго, но мое терпѣніе истощается. Объясни мнѣ, что все это значить.

Она рѣзкимъ движеніемъ руки показала куда-то въ сторону.

— Я васъ не понимаю,—отвѣтила Клавдія, повидимому, равнодушно.

— Не понимаешь! Черезъ минуту послѣ того, какъ ты объясняла, что изъ ненависти ко мнѣ влюбила въ себя чужого мужа!

— Вы подслушали! — пренебрежительно сказала Клавдія.

— Какая наивность! Не запираться ли мнѣ во время вашихъ объясненій? Ненависть къ матери, — какое дикое чувство!

— За что мнѣ васъ любить?

— За что!.. Да хоть за то, что я родила тебя, и мучилась тобою. Чтобъ ты увидѣла свѣтъ, я нѣсколько мѣсяцевъ ходила безобразная, и не могла быть тамъ, гдѣ мнѣ бывало весело. Когда пришло твое время, я кричала отъ боли, какъ замученная прачка. Увѣряю тебя, все это было очень грубо и неизящно. Когда ты сама будешь матерью, ты на себѣ это испытаешь. Вѣдь къ этому и ведетъ любовь.

Клавдія вспыхнула, зеленоватые глаза ея загорѣлись гнѣвомъ. Она повернулась, чтобы уйти. Мать удержала ее.

— Нѣтъ, подожди,- мои слова не грубѣе твоихъ поступковъ. Знаешь ли ты, что мужчинамъ нужно въ насъ? Сочувствующая имъ душа? Красота? Умъ? Все это вздоръ, моя милая,—это такъ только, приправы,— мы ими только разжигаемъ ихъ аппетитъ, чтобы потомъ узнать, какъ сладокъ запретный плодъ. Что-жъ, ты насладишься, если хочешь, до излишества, до того, что начнешь ненавидѣть своего милаго. Противны эти поцѣлуи, бѣшеные, гадкіе. А потомъ - расплата за этотъ «рай на землѣ»: милый въ сторонкѣ, а ты...

если ты не повѣнчана, такъ замирай отъ стыда, или бѣги въ секретные пріюты, бросай ребенка чужимъ людямъ. Или можешь погубить его до рожденія, рискуя здоровьемъ, жизнью. Вотъ казни за любовь!

Клавдія вырывалась изъ рукъ матери, и отворачивала отъ нея раскраснѣвшееся лицо,—но мать цѣпко ухватилась за ея руки, и не выпускала ихъ. Голосъ ея понизился почти до шопота, и его шипящіе звуки рѣзали слухъ Клавдіи, какъ удары кнута, грубо падающіе на больное тѣло. Клавдія бросилась къ двери,—дверь отворялась внутрь, и потому напрасно Клавдія схватилась за ручку двери своею рукою, которую она освободила съ большими усиліями: мать надвигалась на нее всѣмъ тѣломъ, прижимала ее къ двери, и смотрѣла въ ея лицо дикими глазами, которые горѣли, какъ у разсвирѣпѣвшей кошки. Обѣ онѣ трудно дышали.

Мать наконецъ замолчала. Клавдія опустила руки, и устало оперлась спиною на дверь.

— И за что ненависть ко мнѣ?—заговорила опять Зинаида Романовна послѣ недолгаго молчанія.—Ты получила отъ меня все, что надо,—и воспитаніе, и твой капиталъ сбереженъ, и все... Чего же тебѣ еще не хватало.

— Вашей любви!

— Какія нѣжности! Это мало къ тебѣ идетъ.

— Можетъ быть. Въ дѣтствѣ я привыкла къ вашей суровости, и боялась васъ. Я думала тогда, что вамъ пріятно дѣлать мнѣ больно. Едва ли я ошиблась. Только при гостяхъ ласкали.

— Ахъ, Клавдія, наказалъ меня Богъ тобою! Если бы кто другой столько вынесъ въ жизни! Передъ тобой я ничѣмъ не виновата. Я—мать, а мать не можетъ не любить свое дитя, несмотря на всѣ оскорбленія.

— Какая тамъ любовь! Вы бы меня и теперь съ

удовольствіемъ избили. Но вы знаете, что это безполезно. Боитесь вы просто, вотъ что...

— Полно, Клавдія,—чего мнѣ бояться! Я привыкла къ твоимъ угрозамъ. Ты еще дѣвчонкой грозилась, что утопишься,—дѣтскія угрозы, ими теперь всякій школьникъ бросаетъ. Когда будешь постарше, ты поймешь, что материнская любовь можетъ обойтись и безъ нѣжностей. За все, что въ тебѣ есть хорошаго, ты должна быть благодарна мнѣ.

— Странно: въ томъ, что я зла, я сама виновата,— а что во мнѣ хорошаго, тѣмъ я вамъ обязана?

— Конечно, мнѣ! — воскликнула Зинаида Романовна:—вся ты моя. Мы обѣ упрямы, мы обѣ ни передъ чѣмъ не остановимся. Это себя самое я въ тебѣ ненавидѣла и боялась!

— А ненавидѣли-таки!—сказала Клавдія съ недоброю усмѣшкою.

— Вотъ мы столкнулись съ тобою. Обѣимъ намъ больно, и ни одна не хочетъ уступить. Но ты должна уступить! Да, это правда, я готова была бы избить тебя,—но ты сегодня же пойдешь къ нему. А онъ,— развѣ они цѣнятъ любовь, самопожертвованія! Его жена — святая женщина, а онъ ее бросилъ. На мнѣ этотъ грѣхъ. Но онъ уже и ко мнѣ охладѣлъ, — а я не могу жить безъ него. Ахъ, Клавдія, говорю тебѣ, оставь его, или обѣимъ намъ худо будетъ. Умоляю тебя, оставь его.

Она неожиданно бросилась на колѣни передъ Клавдіею, и охватила ея колѣни дрожащими руками. Клавдія наклонилась къ ней.

— Встаньте! Боже мой,—что вы дѣлаете!—растерянно говорила она.

Зинаида Романовна быстро поднялась.

— Помни же, Клавдія, что я тебя прошу,—оставь его, или берегись. Я на все готова!

По ея разгорѣвшемуся лицу видно было, что ея

порывъ былъ неожиданнымъ для нея самой: гордость, стыдъ и недоумѣніе изображались на немъ въ странномъ смѣшеніи. Руки ея стремительно легли на плечи Клавдіи, и судорожно вздрагивали. Ея горящій взглядъ упорно приковался къ глазамъ дочери.

Клавдія слегка отстранилась. Руки Зинаиды Романовны упали.

— Я устала,—сказала она.—Оставь меня, я не могу больше.

Зинаида Романовна опустилась въ изнеможеніи на длинное кресло. Клавдія подождала немного.

„Навѣрное, вернетъ сейчасъ же, — досадливо думала она,—финалъ еще не достаточно эффектенъ".

Наконецъ она подошла къ двери, и положила свою тонкую руку съ длинными пальцами на желтую мѣдь дверной тяги. Зинаида Романовна поднялась, и съ жаднымъ любопытствомъ посмотрѣла на дочь, словно увидѣла ее въ новомъ освѣщеніи. Вдругъ она встала, и скорыми шагами подошла къ Клавдіи. Она обняла Клавдію, и заглянула въ ея лицо.

— Клавдія, ангелъ мой, — умоляющимъ голосомъ заговорила она,—скажи мнѣ правду: ты любишь его?

— Вы знаете, — отвѣтила Клавдія, упрямо глядя внизъ, мимо наклонявшагося къ ней лица матери.

— Нѣтъ, ты сама скажи мнѣ прямо, любишь ли ты его? Да, любишь? или нѣтъ, не любишь?

Клавдія молчала. Глаза ея упрямо смотрѣли на желтую мѣдную тягу, которая блестѣла изъ подъ ея блѣдной руки. Мать снизу заглядывала ей въ глаза.

— Клавдія, да скажи же что-нибудь! Любишь?

— Нѣтъ, не люблю,—наконецъ сказала Клавдія.

Зеленоватые глаза ея съ загадочнымъ выраженіемъ обратились къ матери. Зинаида Романовна смотрѣла на нее тоскливо и недовѣрчиво.

— Нѣтъ, не любишь,—тихонько повторила она.— Клавдія, мнѣ очень больно. Но вѣдь этого больше не

будетъ, не такъ ли? Это была вспышка горячаго сердечка, злая шутка,--да?

Клавдія приложила ладони къ горячимъ щекамъ.

— Да, конечно,--сказала она,—онъ только шутилъ и забавлялся со мною. Вы напрасно придали этимъ шуткамъ такое значеніе.

— Клавдія, будь довѣрчивѣе со мною. Забудь свои темныя мысли. Ты всегда найдешь во мнѣ искренняго друга.

— Что жъ, я, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, вся ваша,—сказала Клавдія послѣ короткой нерѣшительности.—Я хочу вѣрить вамъ,—и боюсь: не привыкла. Но все же отрадно вѣрить хоть чему-нибудь.

Клавдія слабо протянула руки къ матери.

Зинаида Романовна порывисто обнимала Клавдію, и думала:

„Какія у нея горячія щеки! Дѣвчонка, правда, соблазнительна, хотя далеко не красива. Я была гораздо лучше въ ея годы, но молодость—великое дѣло, особенно такая пылкая молодость".

И она цѣловала щеки и губы дочери. Губы Клавдіи дрогнули. Неловкое, стыдное чувство шевелилось въ ней, какъ будто кто-то уличалъ ее въ обманѣ. Она наклонилась и поцѣловала руку матери. Зинаида Романовна придержала ея подбородокъ тонкими, розовыми пальцами, которые все еще легонько вздрагивали, и поцѣловала ее въ лобъ. Близость матери обдавала Клавдію пахучими, непріятными ей духами.

Клавдія долго не могла заснуть. Ей было душно, и почему-то жутко, и щеки все еще рдѣли. Порою нестерпимое чувство стыда заставляло ее прятаться въ подушки отъ ночныхъ тѣней, которыя заглядывали ей въ лицо пытливо и насмѣшливо. Одѣяло давило ей грудь, но она стыдливо прятала подъ нимъ руки, и натягивала его на голову, все выше и выше, пока не

ея

обнажились кончики ногъ, тогда она быстро подбирала ноги, и окутывала ихъ одѣяломъ.

Потомъ мысли и чувства налетали на нее цѣлымъ роемъ. Она не могла разобраться въ ихъ странныхъ противорѣчіяхъ. Она откидывала одѣяло, приподнималась на постели, и чутко прислушивалась къ неугомонному спору непримиримыхъ голосовъ. Безсвязные отрывки противорѣчивыхъ мыслей овладѣвали порою встревоженнымъ сознаніемъ, вытѣсняли другъ друга, и безъ толку повторялись, настойчивые, суетливые,—и безсильные въ своемъ задорномъ спорѣ.

„Но что же? или я боюсь сказать правду даже себѣ самой?"—подумала она, и тотчасъ же рѣшила, что не боится. Если бы правда представилась ей сейчасъ, она приняла бы ее безъ колебаній, какова бы она ни была. Но отвѣта на настойчивыя исканія не было, ни въ области мысли, ни въ области чувства.

Когда она вызывала воображеніемъ образъ Палтусова, сердце ея томилось неуловимыми и неизъяснимыми чувствами. Что это,—любовь? ненависть? То казалось, что она пламенно любитъ, то чувствовала приливы темной злобы. Сердце то жаждало его смерти, то замирало отъ жалости къ нему.

Она спрашивала себя: то, что казалось ей любовью, была, можетъ быть, жалость къ его страсти или гордость его любовью? или то, что казалось ненавистью къ нему, не было ли страстнымъ гнѣвомъ на невозможность запрещеннаго и отвергаемаго счастія? или эта смѣна мучительныхъ чувствъ—это и есть любовь? или это—только мстительное, мелко-злобное чувство, и попытка привить къ сердцу любовь разрѣшилась взрывомъ бѣшеной ненависти къ человѣку, который легкомысленно открылъ ей путь легкаго и сладкаго мщенія за былыя, дѣтскія обиды? и, быть можетъ, эти жуткопріятныя волны, которыя пробѣгаютъ порою въ смятенной душѣ,—только плѣнительная музыка удовле-

творяемой мести и самовнушенной страстности? Или все это ложныя объясненія? Быть можетъ, истина гдѣ-нибудь гораздо глубже, и гораздо сложнѣе она? или есть изъ этихъ сомнѣній выходъ простой и ясный, и стоитъ лишь открыть глаза, чтобы увидѣть его?

И что должна она теперь дѣлать? Ждать ли, что принесетъ ей время? Медлительны его зыбкія волны, но съ предательскою быстротою мчатъ къ послѣднему, несомнѣнному разрѣшенію загадокъ бытія.

Ждать! Каждый день безплоднаго ожиданія долженъ увеличивать безысходныя муки, усиливать неразрѣшимую путаницу и въ ней самой, и въ ея отношеніяхъ къ тѣмъ людямъ, съ судьбою которыхъ такъ мучительно-нелѣпо сплелась ея судьба. Нѣтъ, ни одного дня ожиданія! Дѣйствовать какъ бы то ни было!

Рѣшимость дѣйствовать, итти впередъ, быстро зрѣла въ ней. Слагались планы, смѣлые, несбыточные,—разумъ посмѣется надъ ними, но что до того! Все-таки дѣйствовать...

Было уже свѣтло, когда она заснула. Щебетанье раннихъ птицъ носилось надъ ея тревожнымъ сномъ, въ которомъ мелькали розовые отблески утренняго солнца...

Глава шестая.

Утро у Логина, по случаю праздника, было свободно. Лежалъ на кушеткѣ, мечталъ. Мечты складывались знойныя, заманчивыя, мучительно-порочныя. Иногда вдругъ дѣлалось радостно, Аннинъ образъ вплетался въ мечты,—и онѣ становились чище, спокойнѣе. Не могъ сочетать этого образа ни съ какимъ нечистымъ представленіемъ.

Досадно стало, когда услышалъ звонокъ. Поспѣшно спустился внизъ, чтобъ не успѣлъ ранній гость подняться къ нему. Въ гостиной увидѣлъ Юрія Алексан-

дровича Баглаева, который въ кругу собутыльниковъ обыкновенно именовался Юшкою, хотя и занималъ должность городского головы. Онъ былъ немного постарше Логина. Румяный, русый, невысокій да широкій, со свѣтлою бородою очень почтеннаго вида, казался весь какимъ-то мягкимъ и сырымъ. Трезвымъ бывалъ рѣдко, но и безчувственно-пьянымъ рѣдко можно было его увидѣть; крѣпкая была натура,—много могъ выпить водки. Средства къ жизни были сомнительныя, но жилъ открыто и весело. Жена его славилась въ нашемъ городѣ гостепріимствомъ, обѣды у нея бывали отличные, хоть и не роскошные,—и въ домѣ Баглаева не переводились гости. Особенно много толклось молодежи.

Теперь отъ Баглаева уже пахло водкою, и онъ не совсѣмъ твердо держался на ногахъ. Облапилъ Логина, и закричалъ:

— Другъ, выручай! Жена водки не даетъ, припрятала. А мы ночь прокутили, здорово дрызнули, Лешку Молина поминали.

Логинъ, уклоняясь кое-какъ отъ его поцѣлуевъ, спросилъ:

— А что съ нимъ случилось?

— Съ Лешкой Молинымъ что случилось? Аль ты съ луны слетѣлъ? Да развѣ-жъ ты ничего не слышалъ?

— Ничего не слышалъ.

—Эхъ ты, злоумышленникъ! Сидишь, комплоты сочиняешь,—а дѣловъ здѣшнихъ не знаешь. Да объ этомъ ужъ цѣлую недѣлю собаки лаютъ, а вчера его и сцапали.

— Куда сцапали? Разскажи толкомъ, и я знать буду.

— Другъ сердечный, опохмѣлиться треба, ставь графинчикъ очищенной, всю подноготную выложу.

— Пей лучше вино, нѣтъ у меня водки.

— Какъ нѣтъ! Что ты, братецъ,—а кабаки на что?

— Знаешь, что заперты,—до двѣнадцати часовъ не откроютъ, а теперь всего десять.

— Ахъ, мать честная! Какъ же быть! Не могу я быть безъ опохмѣлки, поколѣю безъ горѣлки!

У Баглаева было испуганное и растерянное лицо. Логинъ засмѣялся.

— Что, Юрій Александровичъ, стишки Оглоблина припомнилъ? Зарядишь ты съ утра,—что къ вечеру будетъ?

— Что ты, что ты! Видишь, я чистъ, какъ стеклышко,—а только пропустить необходимо.

— Вотъ, закусить не хочешь ли? — предложилъ Логинъ.

— Перекрестись, андроны ѣдутъ, буду я безъ водки закусывать! Я не съ голоднаго острова.

Водка, однако, нашлась, и Баглаевъ расцвѣлъ.

— То-то,—радостно говорилъ онъ,— ужъ я тебя знаю, не даромъ я прямо къ тебѣ. Какъ въ порядочномъ домѣ не быть водки!.. Да, да, жаль нашего маримонду.

— Это еще что за маримонда?

— И того не знаешь? Все онъ же, Лешка Молинъ.

— Кто жъ его такъ прозвалъ?

— Самъ себя назвалъ. Онъ, братъ, всякаго догадался облаять. Ты думаешь, тебя онъ не обозвалъ никакъ? Шалишь, братъ, ошибаешься.

— А какъ онъ меня назвалъ?

— Сказать? Не разсердишься?

— Чего сердиться!

— Ну, смотри. Слѣпой чертъ, вотъ какъ.

Логинъ засмѣялся.

— Ну, это не замысловато,—сказалъ онъ.—Ну, а что же это значитъ, маримонда?

Баглаевъ межъ тѣмъ наливалъ уже третью рюмку водки.

— А вотъ что значитъ,—принялся онъ объяснять:—

онъ говоритъ: я некрасивый, въ такую, говоритъ, маримонду ни одна дѣвица не влюбится, не моимъ, говоритъ, ртомъ мухъ ловить. Но только онъ по женской части большой былъ охотникъ, – ко всѣмъ невѣстамъ сватался. И за нашей Евлашей приударилъ. Онъ учитель, она учительница, — онъ и вздумалъ, что они пара. Но онъ къ ней всей душой, а она къ нему всей спиной. А онъ не отстаетъ. Ну, извѣстно, она у насъ живетъ, я обязанъ былъ за нее заступиться. Но только по женской части ему и капутъ пришелъ. Ау, братъ, сгинулъ нашъ Лепка, а теплый былъ парень.

— Да что съ нимъ случилось, скажи ты наконецъ толкомъ, а не то я водку уберу.

Баглаевъ проворно ухватился за графинъ.

— Стой, стой! — закричалъ онъ испуганнымъ голосомъ: — отчаянный человѣкъ! Развѣ такими вещами можно шутить? Я тебѣ честью скажу: въ тюрьму посадили! Ну, что, доволенъ?

И Баглаевъ принялся наливать рюмку.

— Въ тюрьму? за что? — съ удивленіемъ спросилъ Логинъ.

Ему приходилось встрѣчать Алексѣя Ивановича Молина, учителя городского училища. Это былъ кутила и картежникъ. Но все-таки казалось страннымъ, что онъ попалъ въ тюрьму.

— Постой, разскажу по порядку, — сказалъ Баглаевъ. — Знаешь, что онъ жилъ у Шестова, у молоденькаго учителя?

— Знаю.

— А знаешь, почему онъ къ Шестову переѣхалъ?

— Ну, почему?

— Видишь ты, его ужъ нигдѣ не хотѣли на квартирѣ держать: буянитъ, это разъ.

— Ну, въ этомъ-то и ты, Юрій Александровичъ, ему помогалъ.

— А то какъ же? Онъ, братъ, мастакъ былъ по

этой части,—такой кутежъ устроимъ, что небу жарко. А другое, такой бабникъ, что просто страхъ: хозяйка молодая, — хозяйку задѣваетъ; дочка хозяйкина подвернется,—ее облапитъ. Ну и гоняли его съ квартиры на квартиру. Пришло наконецъ такъ, что ужъ никто не хотѣлъ сдавать ему комнату. Ну, онъ и уцѣпился за Шестова: у тебя, молъ, есть мѣсто, твоя, молъ, тетка съ сыномъ потѣснятся. Ну, а Шестовъ ужъ очень его почиталъ,—онъ, братъ, скромный такой, все съ Молинымъ вмѣстѣ ходили, да водку пили.

— Это ты, городская голова, и называешь скромностью?

— Чудакъ, пойми, отъ скромности и водку пилъ: другіе пьютъ, а ему какъ отстать? Ну, вотъ онъ и не могъ отказать,—пустили его, хоть старухѣ и не хотѣлось. Ну и что же вышло,—прожилъ онъ у нихъ мѣсяца четыре, и вѣдь какой анекдотъ приключился, такъ что даже очень удивительно!

— А ты, Юшка, въ этомъ анекдотѣ участвовалъ?

— Стой, разскажу все по порядку. Я въ худыя дѣла не мѣшаюсь. Были мы на-дняхъ у Лешки въ гостяхъ. Собралась насъ солидная компанія: я былъ, закладчикъ съ женой, Бынька, Гомзинъ, еще кто-то, въ карты играли, потомъ закладчикъ съ женой, какъ выиграли, такъ и ушли, а мы остались, и сидѣли мы, братецъ ты мой, недолго, часовъ этакъ до трехъ.

— Недолго!

— Главная причина, что хозяева такъ нахлестались, что и подъ столъ свалились, ну, а мы, извѣстно, дали имъ покой, выпили поскорѣе остаточки, да и ушли себѣ. А тутъ-то и вышелъ анекдотъ. Подъ самое подъ утро слышитъ старуха, что Лешка въ сѣни вышелъ, а оттуда въ кухню. И долго что-то тамъ остается. А тамъ у нихъ въ кухнѣ прислужница спала, дѣвчонка лѣтъ пятнадцати... Чуешь, чѣмъ пахнетъ?

— Ну, дальше.

о: — Ну, старуха и начала сомнѣваться, чего онъ прохлаждается? Вотъ она одѣлась, да и маршъ въ кухню. Только она въ сѣни, а Лешка изъ кухни идетъ, извѣстное дѣло, пьянѣе вина. Саданулъ плечомъ старуху, и не посмотрѣлъ, прошамалъ къ себѣ. Ну, а та въ кухню. Видитъ, сидитъ Наталья на своей постели, дрожитъ, глаза дикіе. Чуешь? понимаешь?

Шаглаевъ подмигнулъ Логину, и захохоталъ рыхлымъ смѣхомъ.

— Этакая гадость!—брезгливо промолвилъ Логинъ.

— Нѣтъ, ты слушай, что дальше. Утромъ Наталья къ своей бабкѣ побѣжала,—бабка тутъ у нея на Воробьинкѣ живетъ.

Воробьинкою называется въ нашемъ городѣ небольшой островокъ на рѣкѣ Мглѣ, который застроенъ бѣдными домишками.

— Отправились онѣ съ бабкою къ надзирателю. Тотъ ихъ спровадилъ, а самъ къ Молину. Ну, извѣстное дѣло, тому бы сразу заплатить,—тѣмъ бы и кончилось. А онъ заартачился.

— Стойкій человѣкъ! — насмѣшливо сказалъ Логинъ.

— Прямая дубина, —возразилъ Баглаевъ,—онъ думалъ, онѣ не посмѣютъ. Но не на такихъ напалъ. Вчера слѣдователь къ Лешкѣ нагрянулъ, обыскъ сдѣлали, да и сцапали. И вѣдь какіе теперь слухи пошли, удивительно: будто это Наталью Шестовъ съ теткою подговорили.

— Какой же имъ разсчетъ?

— А будто бы изъ зависти, что Лешку хотѣли сдѣлать инспекторомъ,—Мотовиловъ хлопоталъ. И на слѣдователя сердятся, — говорятъ, что и онъ по злобѣ, изъ-за Кудиновой: онъ съ нею амурился, а Лешка ее обругалъ когда-то,—такъ вотъ будто за это.

Глава седьмая.

День выдался жаркій, какіе рѣдко бываютъ у насъ въ это время. Небо безъ облаковъ, воздухъ безъ движенія, земля безъ влаги. Солнце крутыми лучами безпощадно обливаетъ беззащитную передъ нимъ землю. На открытомъ мѣстѣ видно, какъ небо по краямъ дымно туманится. Въ воздухѣ пахнетъ гарью: тамъ, вдали, тлѣетъ лѣсное пожарище. Жаль смотрѣть на молоденькую травку, которая пробилась кой-гдѣ на улицахъ, немощеныхъ и пыльныхъ, и теперь изнываетъ отъ зноя, никнетъ, желтѣетъ, пылится.

Люди двигаются лѣниво и сонно. Всякъ, кто можетъ, прячется въ тѣнь и лѣнь спальни. На улицахъ изрѣдка барышни подъ бѣлыми зонтиками пройдутъ купаться. Служанки въ пестрыхъ платочкахъ тащатъ за ними простыни. Вотъ Машенька Оглоблина, молодая купеческая дѣвица: она держитъ зонтикъ высоко,— пусть видятъ ея золотой браслетъ. Она и купаясь не сниметъ браслета.

Плескъ воды въ купальняхъ убаюкиваетъ гладкоструйную рѣку. Медлительныя воды нѣжатъ и баюкаютъ разлегшійся надъ рѣкою мостъ. И на немъ пусто, какъ и на улицахъ. Только иногда протащится по его шаткой настилкѣ гремучій тарантасъ неистоваго путешественника, или чьи-нибудь собственныя дрожки уныло продребезжатъ,—и жалобно заскрипитъ обезпокоенный въ полдневной дремѣ мостъ.

Во второмъ часу Клавдія вышла на улицу изъ калитки своего сада. Утромъ задумала нѣчто, что должно было имѣть для нея важное значеніе. Наскоро написала записку Логину безъ обращенія и безъ подписи:

„Быть можетъ, васъ удивитъ, что я пишу къ вамъ. Но вы говорили недавно, что мною владѣютъ не-

ожиданныя, фантастическія побужденія. Вотъ такое побужденіе,—скорѣе необходимость,—заставляетъ меня сдѣлать что-нибудь рѣшительное. Мнѣ надо видѣть васъ: мнѣ кажется, что вы скажете мнѣ магическое, освобождающее слово. Сейчасъ я подымусь на валъ къ бесѣдкѣ. Если я встрѣчу васъ тамъ, вы услышите нѣчто интересное".

Запечатывая записку, подумала, что поступаетъ неосторожно. Но уже не хотѣла и не могла измѣнить своего намѣренія,—что-то подталкивало ее.

И вотъ всходила на валъ, и казалось, что тамъ будетъ что-то рѣшено и закончено.

Валъ насыпанъ встарь, когда нашъ городъ подвергался нападеніямъ иноземцевъ. Онъ замыкаетъ площадь, которая имѣетъ видъ продолговатаго четыреугольника, и называется крѣпостью. Валъ тянется безъ малаго версту въ длину. Вышина сажень восемь. Прежде былъ, говорятъ, выше, да усталъ стоять, и осыпался. Только очертанія напоминаютъ о быломъ назначеніи: у него тупые выступы на длинныхъ сторонахъ, и мало выдающіеся бастіоны на этихъ двухъ выступахъ и по всѣмъ четыремъ угламъ. Весь видъ его мирный и даже веселый,—не даромъ горожане любятъ гулять здѣсь по вечерамъ. Съ наружной и внутренней его стороны, по серединѣ высоты, тянутся двѣ террасы, сажени по двѣ въ ширину каждая. И эти террасы, и склоны вала заросли травою. Наверху вала протоптана неширокая дорожка. Для проѣзда въ крѣпость продѣланы въ восточной и сѣверной сторонѣ вала двое воротъ. Подъ ихъ кирпичными сводами сыро, мрачно и гулко.

По серединѣ крѣпости соборъ старинной постройки, съ бѣлыми стѣнами и зеленою шатровою кровлею, что придаетъ ему бодрый и молодящійся видъ. Островерхій куполъ съ заржавленнымъ крестомъ подымается надъ алтарною частью храма. Къ западу отъ него, на

скатахъ кровли, торчатъ двѣ маленькія главки, аршина въ два вышиною. Эти главки—какъ яблоки на тонкой ножкѣ, съ острыми придатками вверху. Онѣ такія несоразмѣрно маленькія, что кажутся посторонними залетками; такъ и представляется, что вотъ-вотъ онѣ спрыгнутъ на землю, и поскачутъ прочь на своихъ тонкихъ ножкахъ.

Къ югу отъ собора каменный острогъ; стѣны его ярко бѣлѣютъ. Къ подошвѣ вала лѣпятся огороды тюремнаго смотрителя. Блѣдный арестантъ смотритъ изъ-за рѣшетки на красныя и синія тряпки, которыя сушатся на изгороди, смотритъ на зелень вала, на лазурь неба, на блѣдно-желтыя одежды Клавдіи, — она идетъ быстрою походкою по верхней дорожкѣ,— и на птицъ, которыя проносятся еще гораздо быстрѣе, и кажутся черными точками или пестрыми полосками.

На сѣверъ отъ собора раскинулись зданія мѣстнаго войска: кирпичная двухъ-этажная казарма, деревянный манежъ и каменный домикъ,– канцелярія воинскаго начальника. Здѣсь тоже огороды, мелькаютъ фигуры солдатиковъ въ красныхъ рубахахъ, и они кажутся мирными людьми. А у казарменной стѣны упрямо стоитъ себѣ въ бурьянѣ картонный супостатъ съ намалеваннымъ ружьемъ,—мишень для стрѣльбы.

Между казармою и восточными воротами крѣпости четыреугольный прудъ тускнѣетъ свинцовою, неподвижною поверхностью. Онъ смотритъ на все, что проносится надъ нимъ,и сердито молчитъ. Зеленая ряска затягиваетъ его по краямъ.

Южная подошва вала желтою полосою дороги отдѣляется отъ рѣки, мелкой въ этомъ мѣстѣ. Здѣсь она дѣлится на два протока, и охватываетъ Воробьинку. Съ остальныхъ трехъ сторонъ подошву вала обнимаютъ огороды и зеленые пустыри.

На южной, короткой сторонѣ вала красуется, на верхней площадкѣ, бесѣдка; она пестро раскрашена и

украшена рѣзьбою въ русскомъ стилѣ. Гербъ губерніи намалеванъ на всѣхъ шести наличникахъ бесѣдки. Бесѣдка—память недавняго посѣщенія: изъ нея высокій гость любовался городомъ. Рѣшено было ее сохранить за красоту и какъ памятникъ.

Логинъ и Клавдія встрѣтились на дорожкѣ вала, обмѣнялись нѣсколькими словами, пошли въ бесѣдку, и молча сѣли. Клавдія сжимала костяную ручку зонтика, и постукивала имъ по деревянному полу. Логинъ разсѣянно глядѣлъ на городъ.

Отсюда городъ былъ красивъ. Березки у подножія вала не заслонили вида. Тополи съ обрубленными вершинами, верхнія вѣтви которыхъ все-таки немного закрывали городъ, росли только на восточной террасѣ. Здѣсь ихъ не было.

Центральная часть города у большого моста виднабыла, какъ на ладони. Зеленые сады у каждаго дома,—лиловая пыльная даль полускрытыхъ домами улицъ,—сѣроватыя груды деревянныхъ домишекъ съ красными, синими, сѣрыми кровлями, то яркими послѣ недавней окраски, то тусклыми и смытыми дождемъ, — бурые изгороди и заборы, которые изогнулись во всѣ стороны,—все это красиво смѣшивалось, и производило впечатлѣніе жизни мирной и успокоенной. Случайные рѣзкіе звуки оттуда наверхъ не долетали. Изрѣдка проходящія крошечныя фигуры людей казались безмолвными и безшумными; копыта лошадей точно и не стучали по камнямъ отвратительной мостовой, и колеса медленно двигавшагося по базарной площади тарантаса, казалось, не грохотали; жесты встрѣчавшихся походили на игру маріонетокъ.

Рѣка изгибалась красивыми плесами. На ней были раскиданы маленькія купальни. Около иныхъ вода плескалась,—тамъ купались. Кое-гдѣ мальчики удили рыбу, и входили для этого въ самую рѣку. Вдали, за послѣдними городскими лачугами, бѣлѣла пѣна, искри-

лись на солнцѣ водяныя брызги, сверкали тѣла купающихся дѣтей. Но и дѣтскіе звонкіе крики сюда не долетали.

Здѣсь было совсѣмъ тихо. Иногда только важно жужжала пчела, медленно пролетая, да вѣтеръ шурпалъ въ густой травѣ, колючей и перепутанной, и лепеталъ съ вѣтками березокъ, которыя ползли по внутреннему склону вала, и никакъ не могли добраться до верху. Но и вѣтеръ сегодня набѣгалъ изрѣдка, да и то слабый, не такъ какъ въ другіе дни.

— Я люблю бывать здѣсь не вечеромъ, когда гуляютъ, — сказалъ Логинъ, — а днемъ, когда никого нѣтъ.

Клавдія подняла на него глаза,—мрачно было ихъ мерцаніе,—какъ бы съ усиліемъ вслушалась въ его замѣчаніе, и спросила:

— Вы не любите толпы?

— Не люблю быть въ толпѣ... составлять часть толпы.

— А безъ толпы пусто... и скучно.

— А что и въ толпѣ? Созерцать калмыцкія обличія?

— Почему калмыцкія?

— Наша толпа всегда имѣетъ видъ азіатчины: фигуры топорныя, лица не европейскія... Право, Европа кончается тамъ, на рубежѣ.

— А у насъ что жъ, Азія?

— Нѣтъ, такъ, просто шестая часть свѣта... А все-таки хорошо, что взгромоздили этотъ валъ. Можно позволить себѣ невинное удовольствіе подниматься отъ земли все выше и выше. Это окрыляетъ душу. Городъ, съ его пылью и грязью, внизу, подъ ногами,—дышется гордо и весело. Послѣ житейской мелочи и пустяковины только вотъ здѣсь и даешь себѣ утѣшеніе.

— Есть другія утѣшенія въ жизни!—воскликнула Клавдія.

— Какія?

— Любить, испытывать страсти, горѣть съ обоихъ концовъ, наполнить пыломъ и борьбой каждую минуту.

Логинъ вяло улыбнулся.

— Гдѣ ужъ намъ! нервный вѣкъ, силенокъ не хватаетъ. Намъ ли, съ нашимъ темпераментомъ разочарованной лягушки, въ приключенія пускаться!

Лицо Клавдіи блѣднѣло. Она порывисто спросила:

— Чѣмъ же вы жили до этого времени? Теперь у васъ есть замыселъ, и онъ даетъ смыслъ жизни. А раньше?

— Я искалъ правды,—тихо отвѣтилъ Логинъ.

Напряженное состояніе Клавдіи сообщалось и ему. Лицо его приняло грустно-строгое выраженіе.

— Правды?—съ удивленіемъ переспросила Клавдія.—И что же?

— Не нашелъ,—и только напрасно запутался въ ссоры.

— Не нашли!

— Да, нигдѣ не нашелъ, ни на большой дорогѣ, ни на проселкѣ. И искать не надо было.

— Почему?

— Умные люди говорятъ: была и правда на землѣ, да не за нашу память.

— Прибаутка!—пренебрежительно сказала Клавдія.

Логинъ поглядѣлъ на нее печально и задумчиво. Сказалъ:

— А можетъ быть, и правда нашлась бы, да не хватило терпѣнья, любви... силъ не достало.

— Правда! Въ чемъ она? Все это книжно!—досадливо сказала Клавдія.—Надо жить, просто жить, торопиться жить.

— Почему такъ непремѣнно это надо?

— Послушайте, я хотѣла васъ видѣть. Это неосторожно съ моей стороны. Но я не могу ждать! Я жить хочу, по новому жить, хоть бы съ горемъ, лишь

бы иначе. И зачѣмъ книжные взгляды на жизнь? Берите ее такъ, какъ она есть, и съ нею то, что плыветъ вамъ въ руки.

— Простите, но я думаю, что вы ошибаетесь во мнѣ... а болѣе всего въ себѣ.

— Да? Ошибаюсь?—спросила Клавдія вдругъ упавшимъ голосомъ.—Можетъ быть.

— Я хочу сказать, что и въ вашей настоящей жизни много цѣннаго.

— Не знаю, право. Въ дѣтствѣ и у меня было все, какъ у всѣхъ, и весь обиходъ, и удобныя мысли. Съ такими радужными надеждами ждала я, когда буду большая... Ну вотъ я и большая. А жить-то оказалось трудно. И надежды испарились незамѣтно, какъ вода на блюдцѣ. Остались только большіе запросы отъ жизни. А люди вездѣ одни и тѣ же, тусклые, ненужные мнѣ. И все вездѣ неинтересно, вся эта рутина жизни, и эти скучныя привычки. А жажда все растетъ.

— Что жъ, это у всѣхъ бываетъ. Мы утоляемъ эту жажду работою, стремленіемъ къ самостоятельности, къ господству надъ людьми.

— Работа! Самостоятельность! Къ чему? Это все очень легко, но это вовсе не то. Я жить хочу, жить жизнью, а не выдумками.

— Работа—законъ жизни.

— Ахъ, эти слова! Можетъ быть, это умныя слова, но забудьте ихъ. Вѣдь я не въ переплетѣ живу,—у меня кожа и тѣло, и кровь, молодая, горячая, скорая. Меня душитъ злоба, отчаяніе. Мнѣ страшно оставаться. Все это, я чувствую, безсвязно и безтолково,—я говорю не то, что надо, слова не слушаются... Мнѣ надо уйти, и сжечь... сжечь все старое.

— Я васъ понимаю. Жизнь имѣетъ свои права, неодолимыя. Она бросаетъ людей другъ къ другу, и незачѣмъ сопротивляться ей.

— Да? И вы такъ думаете? Это очень нелѣпо,

что я васъ пригласила. И знаете ли, зачѣмъ? Чтобы сказать: возьмите меня.

Блѣдное лицо ея все дрожало волненіемъ и страстью, и глаза не отрываясь смотрѣли на Логина. Ихъ жуткое, испуганное выраженіе притягивало его страннымъ обаяніемъ. Сладостное и страстное чувство закипало въ немъ,—но было въ сознаніи что-то холодное, что печально и строго унимало волненіе, и подсказывало сдержанные отвѣты. Произнося ихъ, онъ чувствовалъ, что они глупы и блѣдны, и что каждый изъ нихъ что-то обрываетъ, совершаетъ что-то непоправимое. Сказалъ:

— Загляните въ себя поглубже, испытайте себя.

Клавдія не слушала. Продолжала:

— Хоть на время. Разбейте мнѣ сердце,—потомъ бросьте меня. Будетъ горе, но будетъ жизнь, — а теперь нѣтъ выхода, я точно передъ стѣною. Пусть вы меня не любите,—все равно, спасите меня! Пожалѣйте меня, приласкайте меня!

— Вы безумны, Клавдія Александровна. И что вамъ изъ того, если и я заражусь вашимъ безумствомъ?

Клавдія вдругъ вся зардѣлась. Сказала:

— Я знаю, вы говорите это потому, что уже любите... Нюточку.

— Я? Анну Максимовну? О нѣтъ... едва ли... Но почему...

— Да, вы этого и сами, можетъ быть, не знаете, а она васъ плѣнила быстрыми глазками, умными рѣчами изъ книжекъ, и дѣланною простотою, — кокетствомъ простоты.

Логинъ слегка засмѣялся.

— Вотъ ужъ, кажется, въ комъ нѣтъ кокетства!

— Не спорьте. Это дразнитъ ваше нечистое воображеніе,—босыя ножки богатой барышни на пыльныхъ дорогахъ. Эта перехватившая черезъ край про-

стота, то, чего никто и нигдѣ не дѣлаетъ,—какъ же, то заманчиво, любопытно!

— Вы несправедливы.

— Я думала, вы оригинальнѣе. Увлечься дѣвочкой, пустою, какъ моя ладонь, и сладкою, какъ миндальный пряникъ, за то только, что ея полупомѣшанный отецъ начинилъ ее идеями, — врядъ ли она хорошо ихъ понимаетъ,—и за то, что онъ пріучилъ ее не бояться росистой травы!

— Максимъ Ивановичъ—умный человѣкъ.

— Ахъ, пусть онъ чудо по уму! Но послушайте,— я красивѣе Анютки, и смѣлѣе ея. И что въ ней хорошаго! Все въ ней обыкновенно,—здоровая деревенская дѣвица.

— Въ ней есть настоящая спасающая смѣлость,— горячо сказалъ Логинъ,—а не та раздраженная и безсильная дерзость, которая крикливо говоритъ въ васъ.

— Что вы говорите! Я смѣлѣе ея, и не побоюсь того, что испугаетъ Нюту. Вотъ, хотите? Я приду къ вамъ, я...

— Вы красавица, и вы смѣлая,—перебилъ ее Логинъ. — Вы, можетъ быть, правы, — я, можетъ быть, люблю ее,—да и вы,—вы тоже любите кого-то.

— Да?

— Вамъ пора любить. Идите къ нему съ этою жгучею страстью.

— Вы развѣ не знаете, что женщины не прощаютъ того, что вы сдѣлали теперь?

— Я далъ вамъ добрый совѣтъ, но... Если бы вамъ понадобилась грубая поддѣлка подъ любовь...

Клавдія стояла у выхода изъ бесѣдки, и надѣвала перчатки. Глаза ея и Логина встрѣтились. На лицѣ Клавдіи отразилась безумная ненависть. Она быстро вышла изъ бесѣдки.

Глава восьмая.

Около четырехъ часовъ дня Логинъ сидѣлъ въ гостиной предводителя дворянства, Дубицкаго. Хозяинъ, тучный, высокій старикъ въ военномъ сюртукѣ, — отставной генералъ-маіоръ, — благосклонно и важно посматривалъ на гостя, и грузно придавливалъ пружины широкаго дивана.

Здѣсь все строго и чинно. Тяжелая мебель разставлена у стѣнъ въ безукоризненномъ порядкѣ. Все блещетъ чистотою совершенно военною: паркетный полъ гладокъ, какъ зеркало, и на немъ ни одной пылинки; лакъ на мебели и позолота на карнизахъ стѣнъ какъ только что наведенные; мѣдь и бронза словно сейчасъ только отчищены. Въ квартирѣ торжественная тишина. Двери повсюду настежь. У Дубицкаго много дѣтей, но ни малѣйшаго шороха сюда не доносится, развѣ только изрѣдка прошелестятъ гдѣ-то недалеко осторожные шаги.

Логину тяжело говорить о дѣлѣ, для котораго онъ пришелъ. Знаетъ, что надо сказать пріятное генералу, чтобы достигнуть успѣха, но противно лицемѣрчть. Становится уже досадно, что взялъ на себя неудобное порученіе. Но говорить надо: Дубицкій все чаще вопросительно посматриваетъ, и хриплымъ голосомъ произноситъ все болѣе отрывочныя фразы.

— Прошу извинить меня, Сергѣй Ивановичъ, за докуку,—сказалъ наконецъ Логинъ: — я къ вамъ въ качествѣ просителя.

Дубицкій не выразилъ на своемъ угрюмомъ лицѣ съ низкимъ лбомъ и узкими глазами ни малѣйшаго удивленія, и немедленно отвѣтилъ:

— Вижу!

Логинъ хмуро усмѣхнулся. Подумалъ:

„Чѣмъ это я такъ похожъ на просителя?“

— Хотите знать, почему?—спросилъ Дубицкій, но не дождался отвѣта, и объяснилъ самъ:—если бы вы не съ просьбою пришли, то положили бы ногу на ногу, а теперь вы ихъ рядомъ держите.

Дубицкій захохоталъ хриплымъ, удушливымъ смѣхомъ, отъ котораго заколыхалось все его тучное туловище.

— Однако,—сказалъ Логинъ, — наблюдательность вашего превосходительства изощрена.

— Да-съ, любезнѣйшій Василій Марковичъ, повидалъ я людей на вѣку. Вотъ вы съ мое поживите, такъ у васъ ни зуба, ни волоса не останется; а я, какъ видите, еще не совсѣмъ развалина.

— Вы замѣчательно сохранились, Сергѣй Ивановичъ, вамъ еще далеко до старости.

— Да-съ, я стараго лѣсу кочерга. Въ мое время не такіе люди были, какъ теперь. Теперь, вы меня извините, слякоть народъ пошелъ; а въ мое время, батюшка, дубовые были Ну-съ, такъ чѣмъ могу служить?

Логинъ началъ объяснять цѣль своего прихода. Дубицкій прервалъ съ первыхъ словъ, даже руками замахалъ.

— Да, да, знаю!—Почуевъ, бывшій учитель, какъ не знать, соколъ ясный! Уволенъ, уволенъ. Пусть себѣ отправляется на всѣ четыре вѣтра, мы къ нему никакихъ претензій не имѣемъ.

— Но, Сергѣй Ивановичъ, я бы просилъ васъ на первый разъ быть снисходительнымъ къ молодому человѣку.

Что вы мнѣ про первый разъ толкуете! Кто человѣка первый разъ укокошитъ, тоже снисходительно отнестись прикажете? Или по вашему, по новому, не воръ виноватъ, а обокраденный, ась?

— Вина молодого человѣка, ваше превосходительство, зависѣла только отъ его неопытности, если можно назвать ее виною.

— Можно ли называть виною! — воскликнулъ Дубицкій. — Вы изволите въ этомъ сомнѣваться? Это — неуваженіе къ старшимъ, это дурной примѣръ для мальчишекъ. Ихъ надо пріучать къ субординаціи.

Дубицкій сердито пристукнулъ кулакомъ по ручкѣ кресла.

— Онъ хотѣлъ привѣтствовать исправника, — съ нѣкоторою вялостью заговорилъ опять Логинъ,—оказать ему почтеніе, да только не зналъ, какъ это дѣлается. Да и, право, не большая вина: ну, первый руку подалъ,—кому отъ этого вредъ или обида?

— Нѣтъ-съ, большая вина! Сегодня онъ съ начальникомъ за панибрата обошелся,—завтра онъ предписаніемъ начальства пренебрежетъ, а тамъ, глядишь, и пропагандою займется. Нѣтъ, на такихъ мѣстахъ нужны люди благонадежные.

— Конечно, —продолжалъ Логинъ,—нашъ исправникъ весьма почтенный человѣкъ...

Дубицкій хмыкнулъ не то утвердительно, не то отрицательно.

— Намъ всѣмъ извѣстно, что Петръ Васильевичъ вполнѣ заслуженно пользуется общимъ уваженіемъ.

— Насколько могутъ быть уважаемы исправники, — угрюмо сказалъ Дубицкій.

— Но, Сергѣй Ивановичъ, лучше бы ему великодушно оставить это, и не такъ ужъ сердиться на молодого человѣка. И такъ вѣдь могло случиться, что Петръ Васильевичъ самъ подалъ поводъ.

— Чѣмъ это, позвольте спросить?—грозно воскликнулъ Дубицкій.

— Я, ваше превосходительство, позволяю себѣ только сдѣлать предположеніе. Могло случиться, что Петръ Васильевичъ вошелъ въ классъ немножко, какъ у насъ говорится, вросхмель, съ этакой своей добродушной физіономіей, и отпустилъ привѣтствіе на своемъ французскомъ діалектѣ, что-нибудь вродѣ: мерси съ

бонжуромъ, мез-анфанты, епондеръ-шипъ! Учитель понятное дѣло, и расхрабрился.

Дубицкій хрипло и зычно захохоталъ.

— Могло быть, могло быть, — повторялъ онъ въ промежуткахъ смѣха и кашля. - Изрядный шутъ, сказать по правдѣ, нашъ исправникъ. Въ школы, по моему, онъ некстати суется, у насъ тамъ недоимокъ нѣтъ. Но во всякомъ разѣ я ничего тутъ не могу: уволили.

— Вы, ваше превосходительство, это можете перемѣнить, если только пожелаете.

— Я не одинъ тамъ.

— Но кто же, Сергѣй Ивановичъ, пойдетъ противъ васъ? Вамъ стоитъ только слово сказать.

— Ничего, подѣломъ ему. Нельзя ему въ этомъ училищѣ оставаться: соблазнъ для учениковъ.

— А въ другое нельзя ли? - съ осторожною почтительностью освѣдомился Логинъ.

— Въ другое? Ну, объ этомъ мы, пожалуй, подумаемъ. Но не обѣщаю. Да-съ, любезнѣйшій Василій Марковичъ, дисциплина — первое дѣло въ жизни. Съ нашимъ народомъ иначе нельзя. Намъ надо къ старинкѣ вернуться. Гдѣ, позвольте васъ спросить, строгость нравовъ? На востокѣ, вотъ гдѣ. Почтеніе къ старшимъ, послушаніе... Вотъ я вамъ моихъ поросятъ покажу, — вы увидите, какое бываетъ послушаніе.

Сердце Логина сжалось отъ предчувствія непріятной сцены. Дубицкій позвонилъ. Неслышно, какъ тѣнь, въ дверяхъ появилась молоденькая горничная въ бѣлоснѣжномъ, аккуратно-пригнанномъ передникѣ, и пугливыми глазами смотрѣла на Дубицкаго.

— Дѣтей!—командиымъ голосомъ приказалъ онъ.

Горничная беззвучно исчезла. Не прошло и минуты, какъ изъ тѣхъ же дверей показались дѣти: два гимназиста, одинъ лѣтъ четырнадцати, другой двѣнадцати, мальчикъ лѣтъ девяти, въ матросской кур-

точкѣ, три дѣвочки разныхъ возрастовъ, отъ пятнадцати до десяти лѣтъ. Дѣвочки сдѣлали реверансы, мальчики шаркнули Логину,—и всѣ шестеро остановились рядомъ посреди комнаты, подобравшись подъ ростъ. Они были рослые и упитанные, но на ихъ лицахъ лежало не то робкое, не то тупое выраженіе. Глаза у нихъ были тупые, но безпокойные,—лица румяныя, но съ трепетными губами.

— Дѣти, смирно!—скомандовалъ Дубицкій.

Дѣти замерли: руки неподвижно опущены, ноги составлены пятки вмѣстѣ, носки врозь, глаза уставлены на отца.

— Умирай!—послѣдовала другая команда.

Всѣ шестеро разомъ упали на полъ,—такъ прямо и опрокинулись на спины, какъ подшибленные, не жалѣя затылковъ,—и принялись заводить глаза и вытягиваться. Руки и ноги ихъ судорожно трепетали.

— Умри!—крикнулъ отецъ.

Дѣти угомонились, и лежали неподвижно, вытянутыя, какъ трупы. Дубицкій съ торжествомъ взглянулъ на Логина. Логинъ взялъ пенснэ, и внимательно разсматривалъ лица лежащихъ дѣтей: эти лица съ плотно закрытыми глазами были такъ невозмутимо-покойны, что жутко было смотрѣть на нихъ.

— Чхни!—опять скомандовалъ Дубицкій.

Шесть труповъ вразъ чихнули, и опять успокоились на безукоризненно чистомъ паркетѣ.

— Смирно!

Дѣти вскочили, словно ихъ подбросило съ пола пружинами, и стали на вытяжку.

— Смѣйся!

— Плачь!

— Пляши!

— Вертись!

Командовалъ отецъ,—и дѣти послушно смѣялись,—и даже очень звонко, — плакали, хотя и безъ слезъ.

усердно плясали, и неутомимо вертѣлись; и все это продѣлывали они всѣ вмѣстѣ, одинъ какъ другой. Въ заключеніе спектакля, они, по командѣ отца, улеглись на животы, и по одному выползли изъ гостиной,— маленькіе впереди. Логинъ сидѣлъ безмолвно, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на хозяина.

— Ну что, каково?—съ торжествомъ спросилъ Дубицкій, когда дѣти выползли изъ гостиной.

Въ сосѣдней комнатѣ слышалось короткое время легкое шуршанье: тамъ дѣти вставали съ пола, и тихо удалялись въ свои норы. Было что-то страшное въ ихъ безшумномъ исчезновеніи.

— Да, послушаніе необыкновенное,—сказалъ Логинъ.—Этакъ они, по вашей командѣ, съѣдятъ другъ друга.

Дрожь отвращенія пробѣжала по его спинѣ.

— Да и съѣдятъ!—крикнулъ Дубицкій радостнымъ голосомъ, — и косточекъ не оставятъ. И будетъ что ѣсть,—я ихъ не морю: упитаны, кажись, достаточно, по русски,—и гречневой и березовой кашей, и не бабятся, на воздухѣ много.

Логинъ поднялся, чтобы уходить. Ему было грустно.

— Такъ вотъ какова должна быть дисциплина,—говорилъ Дубицкій: — лучше одного забить, да сотню выучить, чѣмъ двѣ сотни болвановъ и негодяевъ выростить. А вы ужъ уходите? Пообѣдайте съ нами, ась? Нѣтъ, не хотите? Ну, какъ желаете; вольному—воля, спасеному—рай.

Когда уже Логинъ въ передней, при помощи той же безшумной дѣвушки въ передничкѣ, надѣлъ пальто, Дубицкій появился въ раскрытыхъ дверяхъ прихожей, причемъ заполнилъ своею широкою фигурою почти все пространство между косяками, и сказалъ:

— Такъ и быть, только для васъ, получитъ вашъ Почуевъ мѣсто. Молокососъ онъ, выдрать бы его надо хорошенько,—ну да ужъ такъ и быть.

Логинъ началъ было благодарить.

— Не надо, не надо,—остановилъ его Дубицкій,— я не купецъ-благотворитель. Что захотѣлъ, то и сдѣлалъ. Да скажите ему, чтобъ ухо востро держалъ впередъ. А то ужъ окончательно! И тогда никакихъ ходатайствъ, ни Боже—ни.

Глава девятая.

Прямо отъ Дубицкаго Логинъ отправился къ Ермолину. Тамъ собралось нѣсколько человѣкъ поговорить о томъ обществѣ, которое, по мысли Логина, предполагали они здѣсь учредить. Логинъ взялся написать проектъ устава. Сегодня надо было его прочесть и обсудить.

Когда Логинъ пришелъ, на террасѣ сидѣли, кромѣ Ермолина и Анны, еще трое: Шестовъ, Коноплевъ и Хотинъ. Въ саду раздавались голоса Анатолія и Мити, двоюроднаго брата Шестова; на травѣ мелькали весело голыя ноги мальчиковъ. Логину показалось, что опять ясные глаза Анны привѣтливо поднялись на него. Складки ея сарафана падали прямо. Въ нихъ было удивительное спокойствіе.

Егоръ Платоновичъ Шестовъ—молодой учитель, сослуживецъ арестованнаго Молина, невысокаго роста худенькій юноша, бѣлокурый и голубоглазый. По молодости своей,—ему двадцать одинъ годъ,—еще наивенъ, и не утратилъ отроческой способности краснѣть отъ всякаго душевнаго движенія. Непомѣрно застѣнчивъ и нерѣшителенъ,—какъ будто никогда не знаетъ, что надо дѣлать, не знаетъ иногда, можетъ быть, чего самъ хочетъ, и чего не хочетъ. Поэтому наклоненъ подчиняться всякому. Въ гостяхъ ли онъ, ему трудно рѣшиться уйти: все ждетъ, когда поднимутся остальные. Если кромѣ него никого нѣтъ, готовъ сидѣть безъ конца; когда же замѣтитъ на-

конецъ, что надоѣлъ хозяевамъ, то смущенно берется за шапку, словно намѣревается украсть ее. При этомъ, обыкновенно, приглашаютъ посидѣть еще (хоть и рады были бы, чтобы ушелъ); отнѣкнется разъ, пробормочетъ: „пора“, или „ужъ я давно“, и кончитъ тѣмъ, что останется. Хозяева зѣваютъ, и уже не удерживаютъ; тогда уходитъ, и терзается мыслью, что пересидѣлъ и наговорилъ глупостей. Послѣднее озабочиваетъ его не безъ причины: въ разговорахъ онъ весьма ненаходчивъ, вымучиваетъ изъ себя слова, когда ужъ непремѣнно надо говорить, и бываетъ иной разъ способенъ, въ припадкѣ застѣнчиваго отупѣнія, сказать что-нибудь неумѣстное: то при священникѣ упомянетъ о поповскихъ карманахъ, то заговоритъ о „старыхъ дѣвахъ“ при дѣвицахъ, которыя могутъ на это обидѣться, то примется разсматривать альбомъ, да и спроситъ вдругъ хозяина дома о портретѣ его матери:

— Кто эта старуха? на зайца похожа.

На что хозяинъ досадливо отвѣтитъ:

— Это—такъ, знакомая одна...

И заговоритъ о другомъ. Каждый разъ послѣ такой выходки Шестовъ мгновенно соображаетъ, въ чемъ дѣло, и мучительно краснѣетъ: намѣренно онъ никому не сказалъ бы ничего непріятнаго.

Такъ какъ при всемъ томъ онъ цѣломудренно честенъ, увлекается чтеніемъ книгъ и, при всей своей застѣнчивости, страстно любитъ говорить и спорить объ интересующихъ его вопросахъ со всякимъ, причемъ готовъ открыть случайному собесѣднику завѣтнѣйшія убѣжденія и пламеннѣйшія надежды,—то понятно, что бываетъ непріятенъ въ обществѣ людей положительныхъ и солидныхъ.

Савва Ивановичъ Коноплевъ служитъ учителемъ здѣшней учительской семинаріи. Онъ худощавъ и высокъ, какъ жердь, по народному сравненію. Его лицо обложено рыжею, клочковатою бородкою того

\[...\]она, который дѣлаетъ человѣка похожимъ на \[...\]зьяну. На немъ черный сюртукъ, который за\[...\]шенъ и лоснится на локтяхъ, а подъ сюртукомъ \[...\]няя кумачная рубашка; ея воротъ вышитъ краснымъ \[...\]русомъ. Блестящіе, бѣгающіе глаза; движенія быстрыя \[...\] угловатыя; рѣчь неразборчивая, торопливая,—иногда даже брызгаетъ слюною, такая толкотня словъ происходитъ во рту,—все это даетъ впечатлѣніе человѣка изступленнаго, который выскочилъ изъ колеи. Щеки у него слишкомъ впалыя, грудь чрезмѣрно узка, руки необычайно сухи, жилисты, длинны. Сразу видно,что онъ и суетливъ и безтолковъ.

Иванъ Сергѣевичъ Хотинъ—мелкій здѣшній купецъ. Пишетъ стихи, и приводитъ ими въ восторгъ всѣхъ нашихъ мѣщанъ и маленькихъ чиновниковъ. У него въ городѣ только одинъ соперникъ, и тоже изъ купцовъ,—молодой Оглоблинъ. Но тотъ образованнѣе, кончилъ гимназію, а Хотинъ не доучился въ уѣздномъ училищѣ. Стихи Оглоблина печатаются въ губернскомъ листкѣ и даже иногда въ какомъ-нибудь столичномъ еженедѣльникѣ. Попытки Хотина печататься были неудачны. Хотинъ огорчился, и пришелъ къ убѣжденію, что безъ протекціи и въ печать не попасть. Человѣкъ восторженный, хотя и малограмотный, и любитъ помечтать. Торговля идетъ плохо: за прилавкомъ чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ. Ему около сорока лѣтъ. Длинная черная борода. На головѣ изрядная лысина.

Съ нимъ Логинъ познакомился изъ-за стиховъ. Хотинъ принесъ стихи; Логинъ сказалъ свое мнѣніе. Хотинъ показался ему интереснымъ: неугомонная жажда справедливости закипала въ его рѣчахъ. О городскихъ дѣлишкахъ говорилъ, горя и волнуясь. Но Логинъ понималъ, что Хотинъ — одинъ изъ „шлемилей", которымъ суждено проваливать всякое дѣло, за какое бы они ни взялись.

Вообще, несмотря на разсѣянность, которая о| дѣвала Логинымъ въ послѣднее время, онъ сохран| значительную степень психологической прозорливос давнишнее, какъ бы прирожденное качество,—по кр. ней мѣрѣ, оно развилось безъ замѣтныхъ усил| Въ оцѣнкѣ людей ошибался рѣдко. Даже новый замыселъ, хотя и побуждалъ искать людей, но не ослѣплялъ Логина. Эти люди, что собрались у Ермолина были единственные, которые заинтересовались дѣломъ, каждый по своему, такъ что съ ними можно было „начать".

„Только бы начать!"—думалъ Логинъ.

А тамъ, впереди,—борьба за возможность работать въ иныхъ условіяхъ.

— Что новаго слышно?—спросилъ Коноплевъ у Логина, когда тотъ поздоровался со всѣми.

— Горожане, вы знаете, теперь только однимъ интересуются: рады скандалу.

По лицу Анны пробѣжало презрительное выраженіе; глаза ея показались Логину померкшими. Сожалѣніе, что началъ объ этомъ, быстро смѣнилось въ Логинѣ страннымъ ему самому злорадствомъ.

— Да, это дѣло Молина,—сказалъ Хотинъ,—скверное дѣло. Очень ужъ наши мѣщане всѣ злобятся.

— Подлецъ этотъ вашъ Молинъ!—крикнулъ Коноплевъ Шестову: — я всегда это говорилъ. Тоже и дѣвчонка, сказать по правдѣ, стерва.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, — заговорилъ Шестовъ краснѣя,—Алексѣй Иванычъ очень честный человѣкъ.

— Ну, еще бы, честные люди всегда такъ дѣлаютъ!

— Онъ въ этомъ дѣлѣ даже и невиноватъ нисколько.

— Ну, для него же лучше. Вы откуда же это знаете?

— Да онъ меня такъ увѣрялъ.

— И только-то? Вотъ такъ доказательство!

Коноплевъ хлопнулъ себя по колѣнямъ длинными руками, и захохоталъ.

— Молинъ не сталъ бы лгать, — горячо спорилъ Шестовъ, — онъ человѣкъ честный и умный, и свое дѣло знаетъ, и ученики его уважаютъ.

— Подите вы,—отъявленный прохвостъ! — рѣшительно и даже съ раздраженіемъ сказалъ Коноплевъ. —Охота вамъ была съ нимъ якшаться! Я радъ, что хоть съ одного лицемѣра маску сдернули.

Шестовъ былъ весьма огорченъ этими рѣзкими отзывами о сослуживцѣ, и собирался еще что-то возражать. Но вмѣшался въ разговоръ Ермолинъ; онъ до тѣхъ поръ молчалъ, и задумчивыми голубыми глазами ласково и грустно смотрѣлъ на Шестова.

— Не будемъ изъ-за него спорить, — сказалъ Ермолинъ примирительнымъ голосомъ, — виноватъ онъ или нѣтъ, это обнаружится.

Анна, не то застѣнчиво, не то задумчиво потупилась, и тихо молвила:

— Да и говорить о немъ не весело. Мнѣ всегда стыдно было на него смотрѣть: онъ такой наглый, и цѣпляется, какъ репейникъ.

— И всѣмъ даетъ ругательныя клички,—сказалъ Хотинъ.

Видно было, что онъ вспомнилъ какую-нибудь изъ этихъ кличекъ,—можетъ быть, она относилась къ кому-нибудь изъ присутствующихъ, — и едва удержался отъ смѣха: по его лицу пробѣжало отраженіе того нехорошаго чувства, которое овладѣваетъ многими изъ насъ при воспоминаніи о томъ, какъ обругали или осмѣяли кого-нибудь изъ нашихъ пріятелей.

Шестовъ покраснѣлъ. Логинъ подумалъ, что грубая кличка могла относиться и къ Аннѣ, и почувствовалъ злобу. Быстро глянулъ на Анну. Брезгливое движеніе слегка тронуло ея губы. Она протянула руки впе-

редъ, словно запрещала говорить объ этомъ дальше. Ея движеніе было повелительно.

— Вотъ болѣе важная новость, — сказалъ Ермолинъ,—въ нашей губерніи уже были, говорятъ, случаи холеры.

Хотинъ вздохнулъ, погладилъ бороду, и сказалъ:

— Не даромъ, видно, у насъ баракъ построили.

— Типунъ вамъ на языкъ! —сердито крикнулъ Коноплевъ:—чего каркаете!

— Ужъ тутъ каркай, не каркай... Слышали вы, что въ народѣ болтаютъ?

— А что?—спросилъ Логинъ.

— Извѣстно что: баракъ построили, чтобъ людей морить. будутъ здоровыхъ таскать баграми, живыхъ въ гробъ класть, да известкой засыпать.

— А все-таки холера къ лучшему,—заявилъ Коноплевъ.

— Это чѣмъ же? — спросилъ Хотинъ нѣсколько даже обидчивымъ голосомъ.

— А тѣмъ, что все-таки городъ почистили немножко.

Всѣ замолчали. Никому не хотѣлось больше говорить о холерѣ. Она была еще далеко, и ясный весенній день съ радостною зеленью, съ нѣжными и веселыми шорохами и беззаботными чириканіями не вѣрилъ холерѣ, и торопился жить своимъ, настоящимъ. Но этотъ разговоръ напомнилъ Аннѣ другое непріятное, но болѣе близкое этимъ цвѣтамъ и звукамъ.

— Василій Марковичъ, вы были у Дубицкаго?— спросила она у Логина. и съ тревожнымъ ожиданіемъ склонилась въ его сторону стройнымъ станомъ, опираясь на край стула обнаженною рукою.

— Да, какъ же, былъ. Почуеву дадутъ мѣсто, но въ другой какой-нибудь школѣ.

— Ну, вотъ, большое вамъ спасибо,—сказалъ Ер-

молинъ, и крѣпко пожалъ руку Логина. — Какъ это вамъ удалось?

Анна посмотрѣла на Логина благодарными глазами, и ея рука нѣжнымъ движеніемъ легла на его руку. Логинъ почувствовалъ, что ему не хочется разсказывать ей, потому что она смотритъ такъ ясно, но онъ преодолѣлъ себя, и подробно передалъ все, что было.

— Молодецъ генералъ!—воскликнулъ Коноплевъ съ искреннимъ восторгомъ.

Хотинъ неодобрительно потрясъ черною бородою Шестовъ покраснѣлъ отъ негодованія, Анна спросила холодно и строго;

— Что же вамъ такъ нравится?

Коноплевъ слегка смутился.

— Какъ же, дисциплина-то какая? Развѣ худо?

— Неумно. Какія жалкія дѣти!

— Обо всемъ не перенегодуешь, такъ не лучше ли поберечь сердце для лучшихъ чувствъ, — сказалъ Логинъ съ усмѣшкою.

Анна вспыхнула яркимъ румянцемъ, такъ что даже ея шея и плечи покраснѣли, и глаза сдѣлались влажными.

— Какія чувства могутъ быть лучше негодованія?— тихо промолвила она.

— Любовь лучше, — сказалъ Шестовъ.

Всѣ на него посмотрѣли, и онъ закраснѣлся отъ смущенія.

— Что любовь!— говорила Анна:—во всякой любви есть эгоизмъ, одна ненависть бываетъ иногда безкорыстна.

Въ ея голосѣ звучали рѣзкія, металлическія ноты; голубые глаза ея стали холодными, и румянецъ быстро сбѣгалъ съ ея смуглыхъ щекъ. Ея обнаженныя руки спокойно легли на колѣняхъ одна на другую. Шестовъ смотрѣлъ на нее, и ему стало немного даже страшно,

что онъ возражалъ ей: такою строгою казалась ему эта босая дѣвушка въ сарафанѣ, точно она привыкла проявлять свою волю.

— Да вотъ,—сказалъ Логинъ,—вы, конечно, давно негодуете, а много вы сдѣлали?

Анна подняла на Логина спокойные глаза, и встала. Ея рука легла на деревянныя перила террасы.

— А вы знаете, что надо дѣлать?—спросила она.

— Не знаю,—рѣшительно отвѣтилъ Логинъ.—Порою мнѣ кажется, что негодующіе на мучителей просто завидуютъ: обидно, что другіе мучатъ, а не они. Пріятно мучить.

Анна смотрѣла на Логина внимательно. Темное чувство подымалось въ ней. Ея щеки рдяно горѣли.

— А что,—сказалъ Ермолинъ,—не приступить-ли къ дѣлу? Василій Марковичъ прочтетъ намъ...

— Постойте,—сказалъ Коноплевъ, писать-то все можно, бумага стерпитъ.

Всѣ засмѣялись. Коноплева удивилъ внезапный смѣхъ. Онъ спросилъ:

— Что такое? Да нѣтъ, господа, постойте, я не то, что... я хочу вотъ что сказать: важно знать сразу самую суть дѣла, главную идею, такъ сказать. Вотъ я, напримѣръ, я ужъ послѣ другихъ примкнулъ, мнѣ разсказали, но, можетъ быть, не все.

— Савва Ивановичъ любитъ обстоятельность,—сказалъ Хотинъ, посмѣиваясь.

— Ну, а то какъ же? Все-таки интересно знать, что и какъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Ермолинъ, — мы попросимъ Василія Марковича предварительно словесно изложить намъ свои мысли, если это не затруднитъ.

— Нисколько, я съ удовольствіемъ, — отозвался Логинъ.

Онъ мечтательно глядѣлъ передъ собою, куда-то

мимо кленовъ радостно зеленѣющаго сада и медлительно говорилъ:

— Всѣ нынче жалуются, что тяжело жить.

— Еще и какъ тяжело,—со вздохомъ сказалъ Хотинъ.

— Мы всѣ, не капиталисты, — продолжалъ Логинъ, — живемъ обыкновенно изо дня въ день.

Если бы посмотрѣлъ на Анну, замѣтилъ-бы, что она вдругъ смущена чѣмъ-то, но ничего не видѣлъ, и говорилъ:

— Болѣзнь, потеря работы, смерть главы семейства, — все это быстро поглощаетъ сбереженія. Да и какъ сберегать? Часто не изъ чего, да и самый процессъ скапливанія денегъ непривлекателенъ.

— Ну, чѣмъ же?—недовѣрчиво спросилъ Коноплевъ.

— Въ немъ есть что-то презрѣнное, скряжническое.

— Ну, не скажите,—прибережешь копѣйку, такъ самъ себѣ баринъ, ни отъ кого не зависишь.

— Это вѣрно,—подтвердилъ Хотинъ, задумчиво поглаживая длинную бороду.

— Можетъ быть, и такъ,—сказалъ Логинъ,—но одни сбереженія не могутъ быть достаточны. Возьмемъ хоть сберегательныя кассы. У нихъ громадные капиталы, но что жъ? Вы дѣлаете сбереженія въ кассѣ, но это не ставитъ васъ ни въ какія отношенія съ другими вкладчиками. Исчерпали вы вашъ вкладъ, и безпомощны: касса ни въ какомъ случаѣ не дастъ вамъ въ долгъ.

— Для того ссудо-сберегательныя кассы,—сказалъ Коноплевъ.

— Да, это хорошо, но и это узко, — деньги не всегда достаточная помощь. Бываетъ иногда нужно живое содѣйствіе, совѣтъ врача, юриста, достать работу, или еще что-нибудь. Надо установить тѣсныя связи между членами общества, какъ въ семьѣ, гдѣ всѣ другъ другу помогаютъ.

— Тоже, какая семья!—сказалъ Хотинъ.

— Мы хорошую устроимъ, — отвѣчала Анна съ ласковою улыбкою.

— Множество людей,—продолжалъ Логинъ,—терпятъ недостатокъ въ необходимомъ, и они же часто не могутъ найти работы. А лишнихъ людей нѣтъ.

— Да, кабы лишнихъ ртовъ не было,—спорилъ Коноплевъ.

— Не бываетъ ихъ,—говорилъ Логинъ.—Если новый работникъ увеличиваетъ собою предложеніе труда, такъ зато онъ увеличиваетъ и спросъ на чужую работу. Человѣкъ не можетъ прожить безъ помощи другихъ, это понятно: естественное состояніе человѣка—нищета. Но зато естественное состояніе общества—богатство, и потому общество не должно оставлять своихъ сочленовъ безъ работы, безъ хлѣба, безъ всего такого, чего на всѣхъ хватитъ при дружной жизни. Въ нашемъ городѣ, напримѣръ, найдется не мало людей и образованныхъ, и простыхъ, у которыхъ есть досугъ, и почти каждый изъ нихъ во многомъ нуждается. Они могутъ соединиться. Можно впередъ разсчитать, сколько работы потребуется въ годъ, работы другъ на друга. Каждый дѣлаетъ, что умѣетъ: сапожникъ сапоги тачаетъ...

— И пьянствуетъ,—вставилъ свое словечко Коноплевъ.

— Пусть себѣ пьетъ, лишь бы свою долю работы сдѣлалъ,—сказалъ Ермолинъ.

— А работы у него будетъ много,—продолжалъ Логинъ,—зато и на него будутъ работать многіе: и врачъ, и плотникъ, и слесарь, и учитель, и булочникъ. Образуется союзъ взаимной помощи, гдѣ каждый нуженъ другимъ, и каждый братски расположенъ помочь другимъ,—зато и ему окажутъ всегда помощь и поддержку, все будутъ свои люди, сосѣди и друзья. Всякому, кто хочетъ работать, найдется работа. И

якій будетъ пользоваться большими удобствами жизни, возможностью жить не въ тѣхъ конурахъ, въ которыхъ теперь живетъ большинство. А еще выгода,—при такомъ устройствѣ добрососѣдскихъ союзовъ нѣтъ надобности въ дорогомъ посредничествѣ купцовъ, хозяевъ, предпринимателей.

„Онъ холоденъ, и не вѣритъ,- вдругъ подумала Анна, и вся наклонилась на стулѣ, и съ удивленіемъ посмотрѣла на Логина.—Нѣтъ,—опять подумала она,— я ошибаюсь, конечно!“

— А если члены перессорятся?—спросилъ Коноплевъ.

— Весьма вѣроятно,—отвѣчалъ Логинъ.—Но это не бѣда: неуживчивые выйдутъ, другіе спорщики подчинятся общему мнѣнію, увидятъ, что это выгодно.

— Нуженъ капиталъ,—сказалъ Хотинъ,—безъ денегъ самыхъ пустыхъ вещей не устроишь.

Дѣловая озабоченность не шла къ нему,—такое у него всегда было разсѣянно-мечтательное лицо.

— Каждый человѣкъ самъ по себѣ капиталъ,— сказалъ Логинъ.—Инструменты у многихъ, конечно, найдутся.

— И деньги найдутся,—сказала Анна, и опять покраснѣла.

Странное чувство неловкости владѣло ею; стала смотрѣть въ садъ, и положила руки на деревянную изгородь террасы. Цвѣты, которые пахли безмятежно, по-весеннему, возвратили ей спокойствіе.

— Съ міру по ниткѣ,—началъ было Шестовъ.

Но уже онъ такъ давно молчалъ, что у него на этотъ разъ не вышло,—горло пересохло, звукъ оказался хриплымъ. Шестовъ сконфузился, закраснѣлся, и не кончилъ пословицы.

— Самое главное, — сказалъ Ермолинъ, — надо для начала людей убѣжденныхъ, чтобъ они вѣрили въ дѣло, и повліяли на другихъ своею увѣренностью.

— Люди найдутся,—сказалъ Хотинъ съ увѣре нымъ видомъ, и погладилъ бороду, какъ будто бы э люди были у него въ бородѣ.

— Было бы корыто...—началъ опять Шестовъ, и опять въ смущеніи замолчалъ: онъ видѣлъ, что Анна улыбается.

— Заведемъ въ складчину машины,—заговорилъ Логинъ,—работа будетъ производительнѣе, меньше будетъ утомлять. Приспособимъ электричество. Много есть подъ руками живыхъ силъ, которыми не пользуются люди. Заведемъ общія библіотеки. Будемъ обмѣниваться нашими знаніями, будемъ устраивать путешествія....

— На луну,—тихо сказалъ кто-то, Логинъ не разслышалъ кто.

Логинъ вздрогнулъ слегка, и замѣтилъ, что мечтаетъ вслухъ.

— Зачѣмъ на луну?—досадливо сказалъ онъ:— хоть бы по роднинѣ, а то мы и ее не знаемъ, какъ слѣдуетъ.

— Еще одинъ вопросъ,—торопливо сказалъ Коноплевъ,—типографія будетъ?

При этомъ его лицо приняло такое выраженіе, точно это было самое важное и интересное для него дѣло, и черные глаза съ ожиданіемъ уставились на Логина.

—Что жъ, если понадобится, отчего же,—отвѣтилъ Логинъ:—въ другихъ городахъ есть, такъ отчего бы и у насъ ей не быть!

— Въ нашемъ городѣ? Что у насъ печатать?— спросила улыбаясь Анна:—листокъ городскихъ извѣстій и сплетенъ?

— Непремѣнно надо,—оживленно заговорилъ Коноплевъ:—мало ли здѣсь учрежденій разныхъ, и частныхъ, и казенныхъ,—нужны бланки, книги торговыя, объявленія, мало ли что. Наконецъ книги печатать.

- Какія? приходо-расходныя?

— Ну да вотъ я напечатаю свое сочиненіе,—почти готово.

— Для книги-то стоитъ,—согласился Ермолинъ съ едва замѣтною усмѣшкою.

— Эта типографія,—сказала Анна,—будетъ какъ теплица, чтобы взращивать провинціальныя книги.

Рѣшили прочесть вслухъ, и обсудить уставъ. Мальчики вернулись на террасу, и Анатолій выпросилъ, чтобы читать позволили ему.

Послѣ чтенія каждаго параграфа подымались споры, довольно таки нелѣпые. Горячѣе всѣхъ спорили, причемъ часто не понимали другъ друга. Коноплевъ и Хотинъ: Коноплевъ любилъ спорить, Хотинъ хотѣлъ показать свою практичность, и оба оказывались безтолковыми одинаково. Ермолинъ и Анна помогали имъ разобраться, и съ трудомъ успѣвали въ этомъ. Шестовъ говорилъ мало, зато много волновался и краснѣлъ. Мальчики не ушли, и слушали внимательно; Митя горѣлъ восторгомъ, и сердился на непонимающихъ. Логинъ молчалъ и смотрѣлъ все такъ же, мечтательными, не замѣчающими предметовъ глазами. Но онъ видѣлъ, что ласковые глаза Анны иногда останавливались на немъ, — и ему пріятно было чувствовать на себѣ ея взглядъ. Казалось ему иногда, что ея чистые глаза, довѣрчивые, были насмѣшливы. Да, отъ насмѣшливаго отношенія къ себѣ, зачинателю, и къ своему замыслу онъ никогда не могъ совсѣмъ освободиться.

Когда чтеніе окончилось, спорили еще долго о названіи общества: Коноплевъ предлагалъ назвать его дружиною, Хотинъ—компаніею, Шестовъ – братствомъ, —и не пришли ни къ чему.

— Съ этимъ обществомъ мы такихъ дѣловъ надѣлаемъ, что страсть!—воскликнулъ Хотинъ, внезапно воодушевляясь.—Мы имъ покажемъ, какъ жить по со-

вѣсти. Только бы удалось намъ осуществить, а мы имъ носъ утремъ.

И онъ яростно погрозилъ кому-то кулаками.

Логинъ вдругъ нахмурился; язвительная улыбка промелькнула на его губахъ.

„Ничего не выдетъ“,—подумалъ онъ, и тоскливо стало ему. Но вслухъ онъ сказалъ:

— Да, конечно, если приняться съ толкомъ, то должно осуществиться.

„Отецъ,—такой же мечтатель, какъ и дочь,—думалъ онъ объ Ермолиныхъ.—Онъ вѣритъ въ мой замыселъ больше, чѣмъ я самъ,—повѣрилъ сразу, съ двухъ словъ. А я, послѣ столькихъ думъ, все-таки почти не вѣрую въ себя! А какой бодрый и славный Ермолинъ! Глаза горятъ совсѣмъ по-молодому,—позавидуешь невольно“.

— Однако,—суетливо заговорилъ Коноплевъ,—я не стану тратить времени даромъ; сейчасъ же буду готовить книгу для типографіи. Мнѣ типографія больше всего нужна. Это хорошо будетъ устроено. Вотъ я книгу написалъ. Напечатать,—надо деньги. А своя типографія, то даромъ,—выгода очевидная.

— Ну, не совсѣмъ даромъ,—сказалъ Логинъ, хмурясь, и въ то же время улыбаясь.

— Да, да, понимаю: бумага, краска типографская. Ну да это подробности, потомъ.

— У васъ и такъ много работы,—сказалъ Шестовъ,— а вы еще находите время писать.

Онъ съ большимъ уваженіемъ относился къ тому, что Коноплевъ пишетъ.

— Что дѣлать, надо писать,—съ самодовольною скромностью отвѣчалъ Коноплевъ.—Никто другой не говоритъ въ печати о томъ, что нужно,—приходится выступать намъ.

— А не будетъ нескромностью полюбопытствовать, о чемъ ваша книга?—спросилъ Логинъ.

— Противъ Льва Толстого и атеизма вообще. Полнѣйшее опроверженіе, въ пухъ и прахъ. Были и раньше, но не такія основательныя. У меня все собрано. Сокрушу вдребезги, какъ Данилевскій Дарвина. И противъ науки.

— Противъ науки!—съ ужасомъ воскликнулъ Шестовъ.

—Наука – ерунда, не надо ее въ школахъ—говорилъ Коноплевъ въ азартѣ.—Все въ ней ложь, даже ариѳметика вретъ. Сказано: отдай все,—и возвратится тебѣ сторицею. А ариѳметика чему учитъ? Опять, такъ меньше останется! Чепуха! противъ евангелія. Къ черту ее!

— Со школами вмѣстѣ?—спросилъ Ермолинъ.

— Школы не для ариѳметики!

— А для чего?

— Для добрыхъ нравовъ.

—Въ воззрѣніяхъ на науку, —сказалъ Логинъ, вы идете гораздо дальше Толстого.

— Вашего Толстого послушать, такъ выходит что до него все дураки были, ничего не понимали, онъ всѣхъ научилъ, открылъ истину. Онъ соблазняет слабыхъ! Его повѣсить надо!

— Однако, вы его недолюбливаете.

— Книги его сжечь! На площади,—черезъ палача!

— А съ читателями его что дѣлать?—спросила Анна съ веселою улыбкою.

— Кто его читаетъ, всѣхъ кнутомъ, на торговой площади!

Анна взглянула на Логина, словно перебросила ему Коноплева.

— Виноватъ,—сказалъ Логинъ,—а вы читали?

— Я? Я читалъ съ цѣлью, для опроверженія. Я зрѣлый человѣкъ. Я самъ все это прошелъ, атеистомъ былъ, нигилистомъ былъ, бунтовать собирался. А все-таки прозрѣлъ,—Богъ просвѣтилъ; послалъ тяжкую болѣзнь,—она заставила меня подумать и раскаяться.

— Просто вы это потому, что теперь мода такая.— сказалъ Шестовъ; онъ отъ словъ Коноплева пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе.

Коноплевъ презрительно посмотрѣлъ на него.

— Мода? Скажите, пожалуйста! — сердито сказалъ онъ.

Широкія губы его нервно подергивались.

— Ну да,—продолжалъ Шестовъ, волнуясь и краснѣя,—было прежде повѣтріе такое вольное, и вы тянулись за всѣми, а теперь другой вѣтеръ подулъ, такъ и вы...

— Нѣтъ, извините, я не тянулся, я искренно все это пережилъ.

— И Толстой--искренно.

Толстой? На старости лѣтъ честной народъ м итъ.

— Ваша книга его и обличитъ окончательно,— азала Анна примирительнымъ тономъ.

— Мало того! На колъ его, и кнутомъ!

— Мѣры, вами предлагаемыя, не современны, къ эжалѣнію,--сказалъ Шестовъ.

Онъ старался придать своимъ словамъ насмѣшливое выраженіе, но это ему не удалось: онъ весь раскраснѣлся, и голосъ его звенѣлъ и дрожалъ,--очень ужъ обидно ему было за Толстого, и онъ теперь отъ всей души ненавидѣлъ Коноплева.

— Не современны!—насмѣшливо протянулъ Коноплевъ.—То-то нынче все и ползетъ во всѣ стороны, и семья, и все. Развратъ одинъ: разводы, амурныя шашни! А по Домострою, такъ крѣпче было бы.

— Такъ, по Домострою, - сказалъ Ермолинъ,—т. е. непокорную жену...

— Камшить плетью!

— Хорошо, кто съ плетью, худо, кто подъ плетью,— сказалъ Логинъ: - всякъ ищетъ хорошаго для себя, а худое оставляетъ другимъ. Такъ и жена.

— Нѣтъ, совсѣмъ не такъ. Жена—сосудъ скудельный, она слабѣе, и поэтому ея обязанность—повиноваться мужу.

— Вотъ вы говорите, что жена слабѣе,—сказала Анна.—А если случится такъ, что жена сильнѣе мужа?

— Не бываетъ!—рѣшительно сказалъ Коноплевъ.

— Однако!

— Если тѣломъ и сильнѣе, такъ умомъ или характеромъ уступитъ. Мужъ—глава семьи. Вотъ Дубицкій—примѣрный семьянинъ, онъ въ повиновеніи держитъ...

— Извергъ!—воскликнулъ Шестовъ.

— А взять хоть нашего городского голову,—да онъ прямой колпакъ. Я бъ его жену въ бараній рогъ согнулъ.

— Это вамъ не удалось бы,—возразилъ Хотинъ, посмѣиваясь.

— Не безпокойтесь! Или еще исправничиха,—развѣ хорошо? Мужъ долги дѣлаетъ, а она наряжается. Не молоденькая, пора бы остепениться!

Глава десятая.

Логинъ и Шестовъ съ Митею втроемъ возвращались отъ Ермолиныхъ. Они отказались отъ экипажа, который имъ предлагали, а Коноплевъ и Хотинъ предпочли ѣхать.

Митя усталъ за день. Ему хотѣлось спать. Иногда онъ встрепенется, пробѣжитъ по дорогѣ, и опять шагаетъ лѣниво, понуривъ голову.

Тихо было на большой дорогѣ. Уже солнце касалось мглистой полосы у горизонта. Откуда-то изъ-за дали доносились заунывные звуки пѣсни, тягучіе и манящіе. По окраинамъ дороги, на высокихъ и пустыхъ стебляхъ покачивались большіе желтые цвѣты одуванчика. На лугу кой-гдѣ ярко желтѣли крупныя калужницы. Въ перелѣскѣ коротко и скучно загоготалъ одинокій лѣшій, и смолкъ.

Ш... въ такъ бодро шагалъ по дорогѣ, словно уже совершалъ нѣкоторый подвигъ. Логинъ съ усмѣшкою слушалъ его восторженныя восклицанія. Вспомнилось, какъ при прощаньи Анатолій крѣпко сжалъ его руку. Онъ смотрѣлъ тогда на Логина разгорѣвшимися глазами, и щеки его раскраснѣлись. Восторгъ мальчика понравился Логину, и позабавилъ его.

„Игрушка, заманчивая для дѣтей, незнакомыхъ съ жизнью, и для стариковъ, которые молоды до могилы", —такъ опредѣлилъ онъ теперь свой замыселъ.

— Какая превосходная идея! — восклицалъ Шестовъ.—Да, вотъ это именно и хорошо, что безъ всякихъ потрясеній можно устроить разумную жизнь,—и такъ скоро!

— Разумную жизнь въ Глуповѣ!—тихо сказалъ Логинъ.

— Помните, — продолжалъ Шестовъ, —„Черезъ сто лѣтъ" Белламп. Когда я читалъ, я все думалъ, что это что-то далекое, почти несбыточное. Вѣдь онъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ разсчитываетъ. А черезъ сто лѣтъ что еще будетъ нравиться людямъ? У нихъ свои идеалы, можетъ быть, будутъ получше нашихъ. А это наше дѣло теперь же можно сдѣлать! Сейчасъ же можно начать!

— Сейчасъ, конечно, -угрюмо сказалъ Логинъ,— вотъ придемъ домой, и перемѣнимъ свою жизнь.

— Ну, не буквально сейчасъ... Да нѣтъ, именно сейчасъ, теперь же можно говорить, собирать сотрудниковъ, разрабатывать уставъ. Вѣдь начальство разрѣшитъ!

— Было бы для кого разрѣшать.

Шестовъ посмотрѣлъ на Логина внимательно, словно обдумывалъ, —разрѣшать или нѣтъ,—и опять быстро и увѣренно зашагалъ.

— Вѣдь тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго или незаконнаго. Впрочемъ, какъ посмотрятъ. Вотъ мнѣ

одинъ изъ товарищей писалъ, что въ ихъ городѣ клуба не разрѣшили: мало членовъ и никого изъ мѣстныхъ заправилъ. Но мы-то навербуемъ толпу участниковъ.

— Едва ли десятокъ найдется.

— Почему же вы такъ думаете?

— Равнодушіе—злѣйшій врагъ всякаго движенія.

Шестовъ примолкъ не надолго.

„Ахъ, если бы я самъ былъ поменьше недовѣрчивъ къ себѣ, — думалъ Логинъ. — Этотъ мальчикъ своимъ энтузіазмомъ разогрѣлъ бы кого-нибудь... если бы не обстоятельства“.

Настолько Логинъ былъ уже знакомъ съ исторіею, которая занимала городъ, и съ настроеніемъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ въ городѣ лицъ, чтобы предвидѣть, что участіе Шестова не принесетъ пользы для проведенія замысла въ жизнь. Скорѣе напротивъ: будутъ мѣшать за то что онъ участвуетъ.

— А все-таки поборемся,—рѣшительно сказалъ Шестовъ.

Горделивое чувство поднялось въ душѣ Логина, какъ передъ битвою въ душѣ воина, который не увѣренъ въ побѣдѣ, но дорожитъ честью.

— Поборемся,—весело повторилъ онъ.

И вѣра въ замыселъ, такая же сильная, какъ и невѣріе, встала въ его душѣ,—и все же не могла затмить угрюмой недовѣрчивости.

„Восторгъ его хорошъ самъ по себѣ, помимо возможныхъ результатовъ,—думалъ онъ о Шестовѣ:— эстетиченъ этотъ восторгъ!“

Было, въ самомъ дѣлѣ, что-то прекрасное и трогательное въ молодомъ энтузіастѣ. Дорога, гдѣ шли они, съ сѣрымъ избитымъ полотномъ и узкими канавами по краямъ, пыльно протянулась среди унылаго ландшафта, утомительно-однообразнаго; она своимъ пустыннымъ и жесткимъ просторомъ подъ блекло-

зеленымъ небомъ, всѣмъ своимъ скучающимъ видомъ странно и печально оттѣняла незрѣлый восторгъ молодого учителя. Чахлыя придорожныя березки не слушали его восклицаній, вздрагивали пониклыми и порозовѣлыми на зарѣ вѣтками, и не пробуждались отъ вѣчнаго сна. Грубая дорожная пыль взлетала по вѣтру нѣжными клубами, сизыми, обманчивыми. Когда она подымалась у ногъ Логина, за нею мерещился ему кто-то злой и туманный.

— Какая свѣтлая личность—Ермолинъ!—продолжалъ восторгаться Шестовъ.—Какая удивительная дѣвушка—Анна Максимовна! Ихъ Толя—замѣчательно умный мальчикъ, не то, что ты, Митька!

— Ну ужъ ты,—сердито пробормоталъ Митя:—все-то у тебя замѣчательные!

— Коноплевъ тоже очень умный человѣкъ, но только онъ ужасно заблуждается.

— Что вы говорите!—досадливо сказалъ Логинъ:—какой онъ умный! У него въ головѣ не мозгъ, а окрошка съ лукомъ.

— Ахъ, нѣтъ, вы его еще очень мало знаете!

— Говоритъ, былъ нигилистомъ. Да онъ и теперь нигилистъ.

Логинъ не пошелъ прямо домой. Сообразилъ, что горожане глазѣютъ на острогъ, гдѣ сидитъ арестованный учитель Молинъ,—и захотѣлось поглядѣть на это.

Не ошибся. На валу нашелъ вереницы гуляющихъ по той дорожкѣ надъ рѣкою, откуда видны окна острога. Нѣкоторые останавливались передъ острогомъ, и смотрѣли на него сверху внизъ; старались угадать окно, за которымъ сидитъ Молинъ. Надѣялись, что онъ покажется; кто-то увѣрялъ, что днемъ Молинъ разговаривалъ изъ окна съ учениками. Но теперь онъ не появлялся. Любопытствующіе горожане спорили о томъ, какое окно принадлежитъ его камерѣ.

Логинъ встрѣчалъ знакомыхъ, слышалъ отрывки разговоровъ, веселый смѣхъ, шутки, довольно плоскія, по обыкновенію,—все о заключенномъ. Кто попроще, не стѣсняясь, бранили Молина, и издѣвались надъ тѣмъ, что онъ угодилъ въ тюрьму: прельщала мысль, что вотъ, хоть и баринъ, а все-таки посаженъ. Но въ рѣчахъ людей, которые стараются въ обхожденіи и одеждѣ подражать „господамъ и барышнямъ“, не могъ Логинъ уловить ни сочувствія къ заключенному, ни пылкаго осужденія: въ сонную толпу брошенъ забавный анекдотъ, занимаются имъ,—и только.

Здѣсь была сегодня все больше публика, одѣтая странно, въ подражаніе господамъ: шляпки, не идущія къ лицу, стриженыя холки надъ румяными лупетками, пестрые галстухи подъ корявыми рожами, тѣсные башмаки на громадныхъ ножищахъ, и усилія подражать господамъ не только въ разговорахъ, но и въ самыхъ мысляхъ.

Какія-то вертлявыя, но какъ бы испуганныя чѣмъ то барышни хихикали; молоденькіе, развязные и неловкіе чиновники вертѣлись вокругъ нихъ,—иной помѣстится противъ барышень, да такъ и маршируетъ спиною впередъ. Смуглый, рябой поручикъ Гомзинъ, со сверкающими бѣлыми зубами, молодцевато прошелъ съ Машенькою Оглоблиною, которая фасонисто потряхивала хорошенькою глупенькою головкою, чтобы пощеголять золотыми сережками, и помахивала пухленькими короткопалыми рученками, чтобы увидѣли ея золотые браслеты. Ея братъ, жирный молодой купчикъ, суетливо пробѣжалъ въ толпѣ безтолково-шумливыхъ молодыхъ людей; они покрывали каждую его фразу восторженнымъ ржаньемъ. Валя Дылина и ея младшая сестра Варя прошмыгнули тутъ же; ихъ преслѣдовали двое невзрачныхъ юношей, воспитанники учительской семинаріи; въ воздухѣ, мягкомъ и влажномъ, рѣзко взвизгнули скрипучія и трескучія нотки громкаго смѣха веселыхъ дѣвушекъ.

Внизу, на площадкѣ между соборомъ и острогомъ, тоже былъ народъ. Но они не прикрывали своего любопытства тѣмъ, что будто бы пришли на прогулку,— это былъ рабочій народъ, который гуляетъ только въ кабакѣ да въ трактирѣ. Прохаживались угрюмо, застаивались передъ желѣзными воротами острога,— мрачныя, унылыя фигуры въ испачканныхъ, заплатанныхъ одеждахъ: мальчишки грязные, растрепанные и изумленные,—мастеровые: сапожникъ, опорки измызганные, и дырявые, почернѣвшіе отъ вара пальцы— красноликій мясникъ, одежда пахла кровью убитыхъ быковъ,—столяръ, высокій, тощій, блѣдный, цѣпкія и костлявыя руки безпріютно болтались по воздуху, тосковали объ оставленномъ дома рубанкѣ. Говорили тихо, но злобно, — обрывками зловѣщихъ угрозъ и таинственныхъ афоризмовъ.

— А вы что здѣсь одинъ дѣлаете, Кудиновъ?— спросилъ Логинъ румянаго, длинноносаго гимназиста, который съ любопытнымъ и суетливымъ видомъ шнырялъ въ толпѣ, на дорожкѣ вала.

— А меня мама послала, посмотрѣть, что здѣсь дѣлается,—откровенно объяснилъ Кудиновъ.

Трое почтовыхъ чиновниковъ остановились на валу противъ оконъ острога. Пьяные. Одинъ изъ нихъ, хромой, съ выраженіемъ совѣстливости на румяномъ лицѣ, кругломъ, безусомъ, уговаривалъ товарищей итти дальше, и сконфуженно улыбался. Бормоталъ:

— Братцы, бросьте! Довольно безобразно, и даже нехорошо. Ну, что тамъ! Наплевать! Невидаль какая! Пойдемте, ей-Богу, пойдемте!

Двое другихъ, тощіе, блѣдные, обалдѣлыя и нахальныя лица, удерживали его, хватали за руки, и вскрикивали, обращаясь къ острогу:

— Другъ, Лешка, ясное солнышко, покажись! Скотина ты этакая, выставь свою мордашку, другъ распроединственный!

Наконецъ-таки благоразумный товарищъ (они пили по большей части на его счетъ, и потому нѣсколько слушались его) убѣдилъ ихъ. Пошли, неистово хохотали, шатались, ругались. Были не настолько пьяны, какъ представлялись, и могли бы держаться прямѣе, но хотѣлось покуражиться.

Молодой щеголеватый портной Окоемовъ, у котораго кривыя ноги двигались какъ ножницы, подскочилъ къ Логину, и съ форсомъ протянулъ ему руку. Разило помадою и духами резедою: галстучекъ на тонкой, жилистой шеѣ торчалъ зеленый съ розовыми крапинками; рыженькій котелокъ, аккуратненькій пиджачекъ бирюзоваго цвѣта, узкія клѣтчатыя брючки. Шилъ на Логина, и потому на улицахъ подходилъ бесѣдовать. Логинъ зналъ, что Окоемовъ глупъ, и бесѣды съ нимъ уже не забавляли.

— Вотъ, извольте полюбоваться, — презрительно сказалъ Окоемовъ, —совершенно непросвѣщенный народъ: дивятся, а чему? Что тутъ глаза таращить! Все одно,—много ли увидятъ? И что такого особеннаго? Ну, будемъ такъ говорить, за нарушеніе цѣломудренности засадили интеллигентнаго человѣка. Но, я васъ спрошу, развѣ же это рѣдкость?

— Будто бы не рѣдкость?

— Помилуйте, скажите, да они не читаютъ газетъ, а взять хоть бы „Сынъ Отечества“,—да тамъ въ каждомъ номерѣ самыхъ разнообразныхъ преступленій, хоть отбавляй: читай не хочу, такъ что подъ конецъ и вниманія не обращаешь, ну, убилъ, зарѣзалъ, отравилъ,—тьфу!

— А тутъ нашъ попался,—объяснилъ Логинъ,— всѣмъ и интересно.

— Конечно,—согласился Окоемовъ, — такъ какъ въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ не имѣется, можно сказать, никакихъ высшихъ интересовъ и увеселеній, то имъ и это обстоятельство лестно. Въ столицахъ же

и въ большихъ городахъ теперь въ модѣ психопатія. Я вѣдь и самъ, какъ вы, можетъ быть, изволите знать, жилъ въ Санктъ-Петербургѣ, обучался своему художеству.

— И насмотрѣлись на психопатію?

— Да-съ, оно точно, психопатія—вещь, будемъ такъ говорить, очень тонкая и деликатная. Значитъ, какъ хочу, такъ и верчу, и ты моему праву не препятствуй. Ну, а чуть ты что не потрафилъ, такъ ужъ тутъ держись, берегись да улепетывай, а не то живымъ маперомъ пистолетная запальчивость. Такъ что остальные прочіе ужъ лучше терпи, кто ежели попроще и безъ нервовъ. Ловко! Господа очень одобряютъ.

— Ну, а вы какъ?

— Чего-съ?

— Одобряете, кажется, психопатію?

— Я-то?

— Ну да, вы.

— Да какъ вамъ сказать; оно, конечно... Но только, будемъ такъ говорить, если кого, напримѣръ, черезъ свою психопатію умертвить, то все-таки большія треволненія для себя самого произойдутъ, а я этого не уважаю. Я больше обожаю, чтобы все было тихо, мирно, благородно.

— Значитъ, людей умерщвлять не будете?

— Зачѣмъ же? пусть живутъ!

— А вотъ рыбку умерщвляете, видѣлъ я васъ сегодня по-утру.

Окоемовъ покраснѣлъ: утромъ сегодня онъ былъ одѣтъ ужъ очень въ распояску.

Въ это время встрѣтился имъ Толпугинъ, молодой полицейскій чиновникъ изъ самыхъ незначительныхъ, зато извѣстный въ городѣ за искуснаго переплетчика. Маленькій человѣчекъ, тощенькій, курчавенькій, шепелявенькій, весь запыленный и слегка проклеенный. Видно было, что онъ радостно озабоченъ и занятъ

чѣмъ-то своимъ. Слегка задыхался отъ волненія, когда говорилъ Логину:

— Поздравьте, меня произвели.

— А, такъ вы теперь?..

— Коллежскій регистраторъ!—съ гордостью сказалъ Толпугинъ, и его рябенькое лицо засіяло.

Логинъ поздравилъ новаго коллежскаго регистратора.

— Что, нѣтъ-ли у васъ работки для меня?—спросилъ Толпугинъ.

— А вотъ зайдите ко мнѣ на дняхъ,—кажется, найдется.

Такъ обдѣлалъ Толпугинъ свои дѣлишки, и заговорилъ тоже о Молинѣ. Онъ кивнулъ головою на острогъ.

— Жируетъ тамъ теперь,—сказалъ онъ, и захлебнулся отъ восторга.—Вѣдь поставили же острогъ на самомъ гору!

Кондитеръ съ семьею—женою, сыномъ—сельскимъ учителемъ, и дочерью, тоже учительницею,—прошли мимо Логина, черные и торжественные, какъ нетороплнвые вороны. Если бы Логинъ былъ одинъ, то они заговорили бы съ нимъ. Но они презирали Толпугина и Окоемова, считали ихъ ниже себя.

Логина утомила сутолока лицъ и безлѣпица разговоровъ. Онъ призакрылъ глаза. Передъ нимъ поднялось изъ тьмы смуглое лицо Анны съ ея смущенно опущенными глазами, съ презрительною усмѣшкою на негодующихъ губахъ. И потянуло его прочь отъ этихъ людей, — отъ этихъ добрыхъ людей. Сошелъ съ вала, и нанялъ извозчика. Чувствовалъ себя усталымъ. Голова начинала болѣть.

Энтузіазмъ Шестова вспомнился и разогрѣлъ Логина. Началъ, незамѣтно для себя самого, мечтать о томъ, какъ задуманное осуществится. Мечта за мечтою роились. Предметы дѣйствительности пропали. И

вдругъ, въ то время, когда онъ, въ собраніи членовъ общества, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ, кончалъ рѣчь объ открытіи въ нашемъ городѣ классическаго общедоступнаго театра, — дрожки сильно тряхнуло, Логинъ подпрыгнулъ, какъ на пружинѣ, и чуть не упалъ. Взъѣзжали на мостъ. Изъ плохо налаженной настилки торчала доска,—она-то чуть и не свалила дрожекъ. Казалось, что весь мостъ скрипитъ и шатается подъ копытами облѣзлой клячи. Логинъ поблѣднѣлъ.

„Провалится, все провалится",—подумалъ онъ съ внезапнымъ бѣшенствомъ.

Ощутилъ въ правомъ вискѣ тупую боль: что-то холодное и крѣпкое прижалось къ виску. Дуло револьвера произвело бы такое ощущеніе. Онъ поднялъ руку, безсмысленнымъ жестомъ отмахнулъ невидимое дуло, и потерянно улыбнулся.

— Василій Марковичъ, домой?—послышался голосъ Баглаева.

Баглаевъ подходилъ къ дрожкамъ. Былъ, по обычаю своему, замѣтно нетрезвъ. Извозчикъ, привычный къ частымъ остановкамъ сѣдоковъ при встрѣчахъ,— въ нашемъ городѣ некуда торопиться,—самъ остановилъ лошадь. Логинъ пожалъ пухлую руку Баглаева. Сказалъ:

— Да, сейчасъ вотъ чуть не вывалился на вашемъ городскомъ мосту.

Баглаевъ засмѣялся, и показалъ свои попорченные зубы.

— Ну что, каковъ мостикъ?

— Хорошъ, нечего сказать!

— Провалится, братъ, провалится. Весной только почипили, да ледоходъ опять снесетъ.

— Неужели?

— Ужъ въ этомъ я тебѣ ручаюсь. На живую нитку заштопали. Ужъ теперь не устоитъ,—совсѣмъ будетъ капутъ-кранкенъ.

— Эхъ ты, городская голова! Тебѣ-то какая радость?

Юшка захихикалъ, и принялся звать Логина къ себѣ на вечеръ. Логинъ отказался.

Извозчикъ проѣхалъ по мосту шагомъ, какъ установлено, и повезъ Логина по мучительно-громаднымъ булыжникамъ улицъ. Дрожки гремѣли, и сотрясали Логина. Онъ мрачно смотрѣлъ по сторонамъ.

Дома, съ высоко поднятыми, подъ самую кровлю, окнами, имѣли глупый видъ,—безсмысленныя хари, у которыхъ волосы начинаютъ расти почти сразу отъ бровей. Грязныя лавчонки, шумные кабаки, глупыя вывѣски,—«шапочныхъ дѣлъ ремесленникъ», прочелъ на одной изъ нихъ Логинъ.

Дикія мысли вспыхивали, отрывочныя, мучительныя. Нелѣпою казалась жизнь. Странно было думать, что это онъ переживаетъ зачѣмъ-то все это. Томила тоска воспоминаній.

„Почему на мою долю эта смута и этотъ сумбуръ? И почему я? Какое блаженство было бы по волѣ покинуть постылую оболочку, и переселиться,— ну, хоть вотъ въ этого оборваннаго и чумазаго мальчишку, или вотъ въ этого толстаго купца, угрюмо-задумчиваго. Зачѣмъ эта скупость одиночной жизни?"

Внезапный шумъ и гамъ привлекли вниманіе Логина. Проѣзжалъ мимо трактира Обрядина. Это мѣсто было излюблено нашими мѣщанами. Теперь тамъ разгорѣлась драка. Вдругъ распахнулись съ трескомъ и звономъ выходныя двери трактира. Пьяная ватага вывалилась оттуда, и свирѣпо горланила. Растрепанный мужикъ съ багровымъ лицомъ и налитыми кровью глазами бросился за дрожками. Извозчикъ отмахнулъ его кнутомъ. Пьяница зарычалъ отъ боли, но труслива отсталъ.

Логинъ быстро удалялся отъ толпы, которая гудѣла сзади него.

Глава одиннадцатая.

Утро веселилось и радовалось. Шестовъ сидѣлъ у окна. Въ немъ смѣнялись смутныя, неопредѣленныя настроенія. День выдался свободный, — занятій въ училищѣ не было. Онъ то бралъ въ руки, то опять бросалъ на стулъ рядомъ съ собою книгу,—не читалось. Разсѣянно посматривалъ на немощеную улицу, гдѣ торчали сѣрые заборы, бродили куры, росла буро-зеленая трава, и жались къ заборамъ желтые зонтики чистотѣла. „Задавалъ“ себѣ думать о проектѣ Логина. Но невольно мысли направлялись въ другую сторону.

Своего, арестованнаго теперь, товарища онъ очень уважалъ за „умъ“, за презрительные отзывы обо всѣхъ, и за то, что Молинъ былъ старше его лѣтъ на пять. Теперь Шестову жаль было, что Молинъ „взятъ подъ стражу“. Но онъ съ непріязненнымъ чувствомъ вспоминалъ, какъ бѣсился Молинъ, когда увидѣлъ, что дѣло плохо. Въ комнатѣ, которую онъ занималъ, со стѣнъ висѣли лохмотья порванныхъ и запятнанныхъ обой, валялись поломанные гнутые стулья; это были слѣды буйства: наканунѣ ареста Молинъ вернулся поздно ночью откуда-то, гдѣ его предупредили о предстоящемъ, и долго метался по комнатѣ, энергично ругалъ кого-то, швырялъ съ грохотомъ стулья, и кидалъ въ стѣны что ни попало. Шестовъ сказалъ ему:

— Алексѣй Ивановичъ, вѣдь ужъ поздно, тетушка спитъ.

— О, чортъ васъ возьми съ вашей тетушкой! — закричалъ Молинъ, и сильнымъ ударомъ объ полъ раздробилъ легкій буковый стулъ.

Шестовъ скромно скрылся въ свою комнату, и ужъ больше не препятствовалъ порывамъ шумнаго гнѣва. Это бѣшенство даже подняло Молина въ глазахъ наивнаго юноши,—„значитъ, невиновенъ, если такъ него-

дуетъ“. А все жъ ему было досадно,—„стулья-то зачѣмъ ломать?“ Вспомнилъ, что Молинъ былъ очень невыгодный квартирантъ: слишкомъ много на него было расходовъ, а платилъ онъ мало, такъ что въ послѣднее время накопился долгъ въ лавкахъ, а Молинъ еще не каждый день былъ доволенъ пищею. Его чрезмѣрная разборчивость выводила изъ себя Александру Гавриловну, тетку Шестова, и она говаривала:

— Не въ коня кормъ.

Шестовъ упрекалъ себя за эти мелочныя мысли, и старался гнать ихъ.

Такъ привыкъ уважать умъ и честность Молина, что считалъ себя обязаннымъ и теперь вѣрить ему, а Молинъ увѣрялъ, что онъ невиновенъ. Но какъ только пробовалъ Шестовъ взглянуть на дѣло безпристрастно, такъ немедленно и несомнѣнно убѣждался, что Молинъ сдѣлалъ то, въ чемъ его обвиняютъ. И не только сдѣлалъ,—мало ли что случайно можетъ сдѣлать человѣкъ,—но и способенъ былъ сдѣлать: такой ужъ у него былъ темпераментъ, и такія наклонности, и такіе взгляды. Это убѣжденіе мучило Шестова, какъ измѣна дружбѣ.

А и друзьями-то не были,—пьянствовали только вмѣстѣ, причемъ Молинъ не упускалъ случая выставить свое превосходство. Противъ этого Шестовъ и не спорилъ, но начиналъ догадываться, что это—плохая дружба. И съ тѣхъ поръ, какъ научился пить водку почти такъ же хорошо, какъ Молинъ, онъ началъ замѣчать, что никакого превосходства нѣтъ. Уже слушалъ недовѣрчиво, когда Молинъ горделиво говорилъ:

— Меня здѣсь какимъ-то уѣзднымъ Мефистофелемъ считаютъ!

Но Шестовъ старался не давать воли слишкомъ свободнымъ мыслямъ о своемъ товарищѣ: ужъ очень поразилъ и плѣнилъ его съ самаго начала, года два тому назадъ, Молинъ.

Если въ такомъ сбивчивомъ настроеніи Шестовъ хватался за постороннюю идею, чтобы ею развлечься, то это была попытка отчаянная. Идея не могла прогнать прежнихъ мыслей, хоть и великъ былъ его восторгъ передъ нею и передъ ея авторомъ.

Вдругъ Шестовъ досадливо нахмурился: увидѣлъ на улицѣ Галактіона Васильевича Крикунова, учителя-инспектора училища, въ которомъ Шестовъ служилъ. Очевидно было, что Крикуновъ направляется сюда: онъ ужъ началъ даже пальто разстегивать, когда примѣтилъ Шестова у окна.

Шестовъ считалъ Крикунова человѣкомъ злымъ и лицемѣрнымъ, ненавидѣлъ его вкрадчивыя манеры, ханжество, низкопоклонство передъ значительными людьми, его взяточничество, несправедливое отношеніе къ ученикамъ, и мелочныя прикарманиванія казенныхъ денегъ. Въ послѣднее время, по нѣкоторымъ мелкимъ, но несомнѣнно вѣрнымъ признакамъ, Шестовъ сталъ догадываться, что и Крикуновъ его возненавидѣлъ. Причиною могли быть только развѣ неосторожныя слова Шестова въ „своей компаніи“, т. е. въ кругу выпивавшихъ съ Молинымъ молодыхъ людей. Но такъ какъ наиболѣе рѣзкія изъ этихъ выраженій были сказаны въ разговорѣ съ Молинымъ съ глаза на глазъ, да и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ подслушать было некому, за городомъ, на шоссе, и такъ какъ Крикуновъ злился очень сильно, то Шестовъ подозрѣвалъ, что все это передалъ Молинъ женѣ Крикунова и что, можетъ быть, и свои собственныя рѣзкости взвалилъ за-одно на Шестова. По своей повадкѣ давать всѣмъ пренебрежительныя клички, Молинъ иначе и не называлъ Крикунова въ своемъ пьянствующемъ кружкѣ, какъ сосулькою или леденчикомъ. Откровенно объясниться по этому поводу съ Молинымъ Шестовъ не рѣшался, отчасти по своей застѣнчивости, отчасти и потому, что боялся оскор-

бить Молина, если заговоритъ съ нимъ о такихъ своихъ подозрѣніяхъ.

Шестовъ съ тяжелымъ сердцемъ вышелъ въ переднюю встрѣчать Крикунова.

— Здравствуйте, здравствуйте, съ добрымъ утречкомъ,—заговорилъ Крикуновъ,—вотъ и я къ вамъ, Егоръ Платоновичъ, рады не рады,—принимайте.

Носовые звуки его жидкаго тенорка казались Шестову гнусными. Онъ покраснѣлъ, когда пожималъ руку Крикунова, и неловко отвѣтилъ:

— Очень радъ, здравствуйте.

— Матушка, Александра Гавриловна! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались!

Александра Гавриловна, худощавая и бодрая старуха высокаго роста, лѣтъ пятидесяти слишкомъ, непріязненно оглядѣла сверху внизъ маленькую, тощую и сутуловатую фигурку гостя, и сказала:

— Рѣдко у насъ бываете.

— Некогда, голубушка, нисколиньки времячка нѣтъ,—отвѣчалъ Крикуновъ, и придалъ своему лицу съ острыми глазенками озабоченное выраженіе.—Вотъ забѣжалъ по дѣлу, на минуточку. Я еще вчера хотѣлъ поговорить съ вами, Егоръ Платоновичъ, послѣ обѣденки, да вы, кажется, у обѣдни вчера не были?

Шестовъ вошелъ за Крикуновымъ въ гостиную, Александра Гавриловна не пошла за ними. Крикуновъ подобралъ фалды аккуратно сшитаго сюртучка, усѣлся въ кресло, медленно вынулъ изъ кармана серебряную табакерку, съ видимымъ удовольствіемъ повертѣлъ ее, похлопалъ по крышкѣ, открылъ ее, и съ наслажденіемъ втянулъ понюшку. Пріучился нюхать, чтобъ отстать отъ куренія: дешевле. Звучно и сладко чихнулъ. Сѣрые, бойкіе глазки шмыгали по угламъ большой, пустовато-обставленной комнаты. Заговорилъ протяжно:

— Вотъ ужъ я вамъ похвастаюсь,—подарочекъ получилъ отъ бывшаго ученика. Володя Дубицкій при

слалъ, я его въ корпусъ готовилъ: отлично сдалъ всѣ экзамены, отецъ очень мнѣ былъ благодаренъ. Да-съ, Егоръ Платонычъ, мы хоть и лыкомъ шиты, а тоже...

— Хорошенькая табакерка,—сказалъ Шестовъ.

— То вѣдь мнѣ дорого, что самъ вспомнилъ; отецъ говоритъ, что никовушко-то ему не совѣтывалъ.

Крикуновъ показалъ Шестову выгравированную на нижней сторонѣ серебряной крышки надпись, и прочелъ ее вслухъ, раздѣльно и съ чувствомъ:

— Многоуважаемому Галактіону Васильевичу отъ благодарнаго ученика Володи Дубицкаго.

— Молодецъ Володя!—сказалъ Шестовъ.

— Да, вспомнилъ старика, утѣшилъ.

Крикуновъ не былъ старъ, ему было лѣтъ сорокъ, старикомъ онъ назвалъ себя, очевидно, для большей чувствительности.

— И вотъ,—продолжалъ онъ,—хоть вамъ, молодымъ людямъ, это и смѣшно, хоть вы и улыбаетесь...

— Помилуйте, Галактіонъ Васильевичъ, вовсе не смѣшно,—совсѣмъ даже напротивъ, т. е. я хочу сказать, что вполнѣ сочувствую, что это очень трогательно.

— Да, утѣшилъ, утѣшилъ. И карточку мнѣ свою прислалъ.

— Тоже съ надписью?

— Да-съ, съ надписью,—раздражительно сказалъ Крикуновъ.

Маленькіе глазки его засверкали. Но сладость воспоминаній утѣшила,—повторилъ вкусно, съ кошачьею ухваткою:

— Съ надписью! Самъ Сергѣй Иванычъ принесъ вчера вечеромъ. Пришелъ ко мнѣ, такъ, за-просто. Посидѣли мы съ нимъ, потолковали кое о чемъ. Вдругъ подаетъ мнѣ. Очень меня тронуло. Грѣшный человѣкъ, чуть я не заплакалъ. Вѣдь что дорого? Что самъ вспомнилъ, самушко вспомнилъ, мальчикъ милый!

Шестовъ натянуто улыбался.

— Ужъ такой, говорю, ваше превосходительство, вы мнѣ праздникъ сдѣлали, такой праздникъ! Теперь, говорю, ужъ я никогдашеньки съ этой табакерочкой не разстанусь, всегда съ собой буду носить, когда пойду куда-нибудь. Дома-то изъ старой берестяной авлиночки понюхаю, а пойду куда, серебряную за-чу, пусть видятъ добрые люди. Похвастаюсь всѣмъ, ю, ваше превосходительство: вотъ, молъ, какъ мы Умирать стану, говорю, съ собою въ гробъ ку положить эту табакерочку, ваше превосходи-во.

акуновъ съ умиленіемъ понюхалъ табачку, вздохнулъ, и поднялъ къ потолку плутоватые глаза.

— Вмѣстѣ съ записочкой?—спросилъ Шестовъ.

Крикуновъ мгновенно окрысился.

— Съ какой записочкой?

— Да отъ Калокшина.

— Да-съ, и ту записочку, и эту табакерку, вотъ какъ!

Записка, о которой напоминалъ Шестовъ, имѣла вотъ какое происхожденіе: прошлою зимою пріѣзжали въ городъ, для ревизіи учебныхъ заведеній, два чиновника: помощникъ попечителя учебнаго округа, и при немъ, чтобы вникать въ подробности, окружной инспекторъ. Первый изъ нихъ держалъ себя величественно, удостоивалъ болѣе или менѣе распространенныхъ обращеній только лицъ заслуженныхъ, младшихъ же служащихъ ошеломлялъ лаконизмомъ вопросовъ, внушительностью замѣчаній и молніями взглядовъ. Младшій изъ ревизоровъ, болѣе доступный, долженъ былъ однажды вечеромъ передать Крикунову нѣкоторое внезапное приказаніе помощника попечителя. Чтобы не призывать къ себѣ Крикунова лично,—некогда было: предстояла интересная партія винта,—окружной инспекторъ написалъ Крикунову коротенькую записку на лоскуткѣ бумаги, чуть ли не оберточ-

ной. Эту записку Крикуновъ принялъ съ волненіемъ, какъ знакъ высокой милости: собственноручная записка, и въ ней Крикуновъ названъ по имени и отчеству! Положимъ, ревизоръ перепуталъ, и назвалъ Галактіона Васильевича Василіемъ Галактіоновичемъ но это, конечно, произошло по множеству заботъ. Ч всего умилительнѣе, записка начиналась словомъ „ жаемый“! Растроганный до глубины души, пок Крикуновъ записку всѣмъ сослуживцамъ, и явилъ, что умирая прикажетъ положить ее се гробъ; потомъ долго ходилъ по всѣмъ знакомы казывалъ записку, и повторялъ то же завѣща томъ записку спряталъ, и разсказывалъ уже повторительно. Наконецъ дошли до него грубоватыя насмѣшки Молина надъ его гробомъ, который обратится въ корзину для сорныхъ бумагъ, такъ какъ служебная карьера его еще не кончена,—а въ эти бумажки бросятъ и обсосанный леденчикъ. Крикуновъ обидѣлся, и пересталъ разсказывать о запискѣ.

Въ послѣднее время Шестовъ замѣтилъ, что Крикуновъ считаетъ его авторомъ непристойнаго уподобленія. Теперь Шестовъ спохватился, что далъ Крикунову поводъ еще болѣе убѣдиться въ томъ.

„Ну, къ чему это я? Эхъ, всегда-то я такъ наглуплю!“—терзался Шестовъ.

— Да-съ, Егоръ Платонычъ,—брюзжалъ Крикуновъ,—ничего, что гробъ на мусорную корзину будетъ похожъ, ничего. Дай Богъ всякому въ такую корзину лечь!

— Да ужъ, конечно, гдѣ жъ всякому!—говорилъ Шестовъ, и самъ не зналъ, зачѣмъ это говоритъ: съ языка сорвалось,—да и вамъ дай Богъ еще не скоро въ гробъ ложиться.

— Эхъ, Егоръ Платонычъ!—вздохнулъ Крикуновъ, непріятности вездѣ. Сколько разъ ужъ просилъ, чтобы взяли отъ меня училище, сдѣлали простымъ учите-

лемъ. Да нѣтъ, начальство проситъ остаться, да и родители... Видно, еще нуженъ я. Ну, что-жъ дѣлать, буду трудиться, пока Господь силъ даетъ.

— Конечно, зачѣмъ уходить, коли васъ такъ любятъ.

— Такъ-то, Егоръ Платонычъ, голубчикъ вы мой. Вы еще молоды, а вы у меня спросите... Ну, да засидѣлся я. Пора къ домамъ пробираться. Я вѣдь по дѣлу.

— Что-жъ вы торопитесь, посидѣли-бы.

— Некогда. Завтрашняя мнѣ почта—охъ! Вы вѣдь за меня не сдѣлаете? Такъ вотъ дѣло-то какое: былъ я у Алексѣя Степаныча.

Глазенки Крикунова опять зашныряли по угламъ комнаты. Сладкое и нетерпѣливо-злое выраженіе мелькало въ нихъ, какъ въ глазахъ кошки, когда она издали почуетъ добычу. Шестовъ смотрѣлъ на него, и сидѣлъ неподвижно.

— Такъ вотъ Алексѣй Степанычъ проситъ васъ пожаловать къ нему.

— Когда же? — тоскливо, срывающимся голосомъ спросилъ Шестовъ.

— Да ужъ вотъ сейчасъ же, если вамъ возможно.

— Онъ вамъ говорилъ, зачѣмъ?

Крикуновъ забезпокоился, поерзалъ въ креслѣ, и всталъ.

— Навѣрно не знаю. А думаю, что по этому дѣлу...

— О Молинѣ?

— Да, по этому самому дѣлу.

— Ну, хорошо, я схожу.

— Ну, вотъ и хорошо, вотъ и отлично. Ужъ вы, Егоръ Платонычъ, послушайтесь меня, — не спорьте вы съ нимъ.

— Какъ это? Я и не собираюсь спорить.

— Нѣтъ, видите ли, если онъ предложитъ вамъ сдѣлать что-нибудь, понимаете, такъ ужъ вы не отказывайте.

— Что жъ онъ мнѣ предложитъ?

— Да это я такъ, больше по соображеніямъ. Я ничего вѣрнаго не знаю,—а только я вамъ-же добра желаю, и вообще, чтобъ все это получше какъ-нибудь обдѣлать. Ужъ я васъ прошу, ужъ пожалуйста, сдѣлайте милость, Егорушка Платоновичъ!

Крикуновъ поглаживалъ Шестова по плечу, чувствительно пожималъ ему руки, и глядѣлъ на него замаслившимися лукавыми глазами; для пущей ласковости онъ хотѣлъ было и отчество Шестова сказать въ ласкательной формѣ, да только это у него не вышло. Шестову стало очень совѣстно и очень смѣшно.

Мотовиловъ и въ городскомъ училищѣ состоялъ почетнымъ попечителемъ. Шестовъ ему не понравился, изъ-за мелочей и сплетенъ.

Шестовъ надѣлъ новенькій сюртучекъ, спрыснутый духами иланжъ-иланъ по четвертаку за бутылочку, и отправился къ Мотовилову съ храбростью подпоручика, который первый разъ идетъ на сраженіе, и увѣренъ, что его убьютъ, потому что онъ дурной сонъ видѣлъ. По дорогѣ старался думать о предметахъ посторонихъ, и преимущественно пріятныхъ.

Итти было недалеко;—въ нашемъ городѣ и нѣтъ большихъ разстояній. Черезъ десять минутъ Шестовъ стоялъ у дома Мотовилова. Это былъ деревянный двухъэтажный домъ, широкій, некрасивый; цвѣтныя стекла на крытомъ балконѣ; въ первомъ этажѣ—магазинъ и кладовая, во второмъ—жилые покои.

Шестовъ сообразилъ, что приличнѣе пройти дальше, какъ будто бы гуляетъ, и ужъ только отъ слѣдующаго угла повернуть обратно, и зайти. Такъ и сдѣлалъ. Но не дошелъ еще до намѣченнаго угла, какъ вдругъ рѣшилъ, что достаточно показалъ свою независимость,— и стремительно повернулъ назадъ. Шага за три до крыльца подумалъ, что не лучше ли будетъ не итти.

Вѣдь не ему нужно, а его хотятъ видѣть, а вѣдь ему-то что жъ за дѣло? Однако, онъ остановился у крыльца. А разъ остановился, то какъ не зайти? Еще, можетъ быть, кто-нибудь видѣлъ, какъ онъ стоитъ у крыльца. Не войти, подумаютъ, побоялся. Внезапно покраснѣлъ отъ этой мысли, взбѣжалъ на ступеньки крыльца, дернулъ мѣдную ручку звонка, и поспѣшно скрылся отъ предполагаемыхъ наблюдателей за незапертою нижнею дверью.

Въ первой комнатѣ, куда вошелъ онъ изъ прихожей вслѣдъ за отворившею двери горничною, попалась ему навстрѣчу старшая дочь хозяина, Анна Алексѣевна, молоденькая и миловидная дѣвушка, предметъ его тайныхъ мечтаній. Онъ никогда не пользовался ея вниманіемъ: застѣнчивый съ барышнями, Неты онъ даже побаивался, считалъ ее насмѣшливою, хотя она была только смѣшлива. Но такой суровости, какъ сегодня, раньше никогда не бывало: Нета едва глянула на него, едва кивнула головою на его почтительный, неловкій поклонъ, презрительно отвернулась, и молча прошла мимо. Горничная насмѣшливо улыбалась. Шестовъ упалъ духомъ, и тихонько побрелъ въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ горничная предложила ему подождать барина. Ждать пришлось минутъ двадцать, и это время показалось очень длиннымъ.

Солнце стояло еще не высоко. Въ гостиной, небольшой, въ два окна, съ цвѣтами у оконъ и по угламъ, съ темною мебелью, было свѣтло и грустно. Сквозь закрытыя двери изъ внутреннихъ комнатъ не слышно ло движенія и голосовъ. Шестовъ нѣсколько разъ рывался уйти, нѣсколько разъ подходилъ къ две- ъ,—и оставался. Наконецъ совсѣмъ уже собрался одить, и пошелъ изъ комнатъ. Но черезъ двѣ или и комнаты встрѣтилъ Мотовилова.

— А, это вы,—сказалъ Мотовиловъ, на ходу подалъ руку, и пошелъ впереди.

Мотовиловъ высокъ и тученъ. Привычка на ходу слегка раскачиваться. Небольшая голова,—низкій покатый лобъ,—сѣдѣющіе, кудрявые, густые волосы: борода клиномъ, полусѣдая. Затылокъ широкій, скулы хорошо обозначены. Въ разговорѣ слегка наклоняется однимъ ухомъ къ собесѣднику,—глуховатъ.

Указалъ Шестову кресло у преддиваннаго стола, и самъ сѣлъ на креслѣ по другую сторону. Пеструю скатерть озаряли косые лучи солнца; на ней стояла глиняная красная пепельница въ видѣ рака, и невысокая тяжелая лампа. Мотовиловъ постукивалъ пухлыми пальцами по скатерти. Шестовъ молчалъ и жался.

— Я хотѣлъ съ вами поговорить о дѣлѣ Алексѣя Иваныча,—началъ Мотовиловъ,—вы вмѣстѣ жили, вамъ это лучше извѣстно. Вы какъ думаете, виновенъ онъ или нѣтъ?

— Я не знаю,—нерѣшительно отвѣчалъ Шестовъ.— Онъ самъ говоритъ, что невиновенъ.

Мотовиловъ строго посмотрѣлъ на Шестова, и заговорилъ съ растяжкою:

— Такъ-съ. Признаться, мы всѣ больше расположены вѣрить Алексѣю Иванычу, чѣмъ этой дѣвицѣ. Алексѣй Иванычъ, какъ говорится, ни мухамъ ворогъ. Но очень нехорошо, что ваша тетушка позволила себѣ дать такое показаніе. Очень жаль это.

— Да, но я-то причемъ же?—сказалъ Шестовъ, и весь зардѣлся.

— Мнѣ кажется,—внушительно сказалъ Мотовиловъ,—что вы, какъ товарищъ, должны были позаботиться о томъ, чтобы не вредить Алексѣю Иваныч Для васъ это особенно важно въ виду неблаг видныхъ слуховъ, которые ходятъ въ городѣ, о том что вы принимали участіе въ возникновеніи это дѣла.

— Вздорные слухи!

— Тѣмъ лучше. Но не скрою отъ васъ что эти

слухи держатся упорно. Конечно, показаніе вашей тетушки уже дано, но его можно измѣнить.

— Что жъ, слѣдователь можетъ еще допросъ сдѣлать,—смущенно говорилъ Шестовъ.

— Но можетъ и не сдѣлать. Я вамъ совѣтую убѣдить вашу тетушку, чтобъ она сама явилась къ слѣдователю, и заявила ему, что ея первое показаніе, такъ сказать, не точно, что она не слышала, тамъ, этой двери, ну и такъ далѣе, вообще, чтобъ видно было, что нельзя сказать, входилъ онъ въ кухню или нѣтъ.

— Я, Алексѣй Степанычъ, говорилъ со своей тетушкой объ этомъ дѣлѣ,—сказалъ Шестовъ дрожащимъ голосомъ.

— Такъ-съ, ну и что-же?—строго спросилъ Мотовиловъ.

— Она, конечно, не согласится на это. Все именно такъ и было, какъ она показывала.

— Ну, вы должны убѣдить ее, наконецъ даже заставить.

— Какъ заставить?

— Да, именно заставить. Вы содержите ее и ея сына на свой счетъ, ея сынъ освобожденъ отъ платы въ нашей гимназіи,—и это надо очень цѣнить,—она должна васъ послушаться.

Въ лучахъ солнца глиняный ракъ на столѣ краснѣлъ, какъ Шестовъ, и стыдливо прятался подъ его вздрагивающими пальцами.

— Выходитъ, какъ будто я долженъ припугнуть ее, что прогоню ее отъ себя, если она не послушается?

— Да, въ крайнемъ случаѣ намекнуть, дать понять, даже прямо объявить. Это для васъ самихъ очень важно, вся эта грязная исторія можетъ отразиться даже на вашей службѣ.

Мотовиловъ придалъ голосу и лицу внушительное выраженіе, что любилъ дѣлать.

— Нѣтъ, Алексѣй Степанычъ, я не могу такъ поступить.

— Напрасно. Потомъ сами пожалѣете. Кто заварилъ кашу, тому и расхлебывать.

— Это, по моему, даже нечестно,—давать ложныя показанія.

Шестовъ всталъ. Дрожалъ отъ негодованія, искренняго и наивнаго.

— Нѣтъ, вы меня не поняли,—съ достоинствомъ сказалъ Мотовиловъ:—я вамъ недолжнаго не могу посовѣтовать,—посмотрите, у меня борода сивая. Я васъ просилъ только, во имя чести и правды, повліять на вашу тетушку, чтобы она вмѣсто невѣрнаго показанія дала вѣрное.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Шестовъ.

— Да-съ, вотъ какъ. У вашей тетушки свои виды, а по нашему общему мнѣнію тутъ только одинъ шантажъ, и это обнаружится, могу васъ увѣрить. А если вашъ товарищъ, къ нашему общему сожалѣнію, и пострадаетъ изъ-за вашего коварства, то вы, повѣрьте мнѣ, ничего не выиграете по службѣ.

— Зачѣмъ вы мнѣ грозите службой?

— Не грожу, а предостерегаю.

— Ну, хорошо, намъ съ вами больше не о чемъ говорить,– съ внезапною рѣшительностью сказалъ Шестовъ, неловко поклонился, и бросился вонъ.

Глава двѣнадцатая.

Вечерѣло. Солнце близилось къ закату. Усталое небо разнѣжилось, смягчилось, и прикрывало свою грозно-зіяющую пустыню тканью ласковыхъ оттѣнковъ. Но обманчива была эта ласковость: легкія облака, сквозныя, какъ паутина, тлѣли и вспыхивали, какъ тонкая пряжа.

По узкимъ дорожкамъ вала кружилась, все прибывая, пестрая и болтливая толпа. Босые крестьянскіе ребятишки суетливо продавали ландыши. Внизу, передъ острогомъ, уже не толпились: любопытство толпы притупилось.

Въ бесѣдкѣ сидѣлъ Логинъ, одинъ. Голова болѣла, томила грусть. Мысли проносились отрывочныя, несвязныя. Досадно мережили въ глазахъ проходившіе мимо. Наконецъ увидѣлъ недалеко отъ себя свѣтло-желтую соломенную шляпу съ бѣлыми и желтыми перьями. Эту шляпу онъ видѣлъ недавно на Аннѣ. Всталъ и пошелъ въ ту сторону; казалось, что повернулъ туда случайно,—и присоединился къ обществу, гдѣ находилась Анна.

Тутъ были, — онъ замѣтилъ остальныхъ, кромѣ Анны, только когда здоровался съ ними:—Нета Мотовилова, нарядная и веселая;—около нея увивался молодой человѣкъ деликатнаго сложенія, одѣтый старательно и узко, причесанный волосокъ къ волоску, напомаженный, надушенный, съ коротко подстриженною черною бородкою, съ предупредительною улыбкою и масляными глазками, Иванъ Константиновичъ Бинштокъ; онъ служитъ въ судѣ, занимается пріискиваніемъ невѣсты, и тратитъ все, что остается отъ жалованья послѣ уплаты за квартиру, на одежду, духи, и вообще на поддержаніе приличнаго вида: на пищу издерживаетъ мало, такъ какъ предпочитаетъ каждый ... быть въ гостяхъ;—съ Анною поручикъ Гомзинъ, ...вѣкъ изъ тѣхъ, что пороху не выдумаютъ, съ ...мъ лицомъ темно-бураго цвѣта и бѣлыми зубами, ...ыми онъ, повидимому, гордится, потому что ... испускаетъ звуки, похожіе на ржанье, и стара...ю показываетъ свои зубы;—дальше Мотовиловъ въ легкой сѣренькой крылаткѣ, и съ тяжелою тростью въ рукѣ,—и съ нимъ подъ руку другая дочь, пятна-

дцати-лѣтняя Ната. Такъ измѣнено, для благозвучія и краткости, имя Анастасія.

Ната еще дѣвочка нескладная и неловкая. Еще носитъ короткія платья, но старается держать себя степенно, и стыдится тѣхъ угловатыхъ, почти мальчишескихъ движеній, которыя выдаютъ порою ея возрастъ. Уже ей не нравится, если на нее смотрятъ, какъ на дѣвочку, но еще она краснѣетъ, какъ вишня, когда ее называютъ Анастасіею Алексѣевною. Теперь она сердито поглядываетъ на Бинштока и на сестру; ея блѣдное лицо часто покрывается румянцемъ досады. Ея мордовскій костюмъ вдругъ пересталъ ей нравиться,—она думаетъ, что онъ слишкомъ пестрый.

Бинштокъ иногда занимался и Натою,—онъ прибeрегалъ ее „на всякій случай“, „въ запасъ“, и говорилъ пріятелямъ:

— Погодите, она будетъ пикантненькая.

Бывало, онъ обижался, когда Мотинъ увѣрялъ, что за него отдадутъ развѣ только „чахоточную“ Нату, да и то потому только, что она „глухая“. Мотинъ любилъ грубовато подразнить своихъ собутыльниковъ. На этотъ разъ онъ былъ не совсѣмъ правъ: Ната не была глухая, не была и въ чахоткѣ,—но случались дни, когда у нея шла кровь изъ горла или изъ носа, и она начинала плохо слышать.

Вмѣстѣ со всѣми Логинъ вернулся въ бесѣдку. Разсѣлись по скамейкамъ. Логину казалось, что всѣмъ скучно, и что всѣ притворяются, что имъ хорошо.

Бинштокъ вполголоса разсказывалъ что-то Н[illegible] должно быть, смѣшное: онъ улыбался очень у[illegible] тельно, и даже иногда похихикивалъ и пофырки[illegible] Нета смѣялась и, когда на нее не глядѣли, подн[illegible] руки къ щекамъ: Логину удалось подмѣтить, [illegible] она пощипываетъ щеки, чтобъ не быть блѣдной [illegible] ней и шляпа съ широкими полями на розовой подкладкѣ, чтобы лицо было въ розовой тѣни.

Гомзинъ развлекалъ Анну разсказами на обще-армейскій ладъ. Онъ повернулся къ ней всѣмъ корпусомъ съ необычайною любезностью. Прекрасные гарнизонные зубы его отлично блестѣли.

Мотовиловъ опирался сложенными ладонями на серебряный набалдашникъ трости, которую онъ поставилъ между раздвинутыми ногами, и медлительно разсказывалъ Логину случаи, которые должны были доказать, что онъ—всѣми уважаемый мѣстный дѣятель, и что его труды ужъ такъ полезны обществу, что и сказать нельзя. Логинъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ дѣлалъ приличныя случаю замѣчанія, почти машинально. Онъ спрашивалъ себя: неужели Аннѣ интересны розсказни Гомзина? Она разговариваетъ съ нимъ такъ, какъ будто это доставляетъ ей удовольствіе.

„Гарнизонный воинъ,—думалъ Логинъ,—просто, глупъ, и очень доволенъ собою. Онъ воображаетъ, что его мундиръ и его любезность неотразимо-очаровательны. Ей слѣдовало бы дать ему понять, что онъ—фофанъ, да и то резервный".

Ему было досадно. Аннино платье изъ легкой ткани блеклаго зеленовато-желтаго цвѣта, съ поясомъ свѣтлой кожи, не нравилось ему. Бѣлые отвороты корсажа казались ему слишкомъ большими, перья на шляпѣ слишкомъ желтыми и широкими, и бантъ палевыхъ лентъ на молочно-бѣлой ручкѣ краснаго легкаго зонтика слишкомъ пышнымъ, въ несоотвѣтствіе съ тонкими ремнями ея сандалій, надѣтыхъ на голыя ноги.

Мотовиловъ догадывался, что Логинъ слушаетъ недостаточно внимательно. Это Мотовиловъ относилъ къ легкомыслію и вольнодумству Логина, и удваивалъ обычную внушительность интонацій и лица.

— Василій Марковичъ,—сказала Нета, когда Мотовиловъ пріостановился въ своихъ разсказахъ, я

слышала, что вы устраиваете здѣсь общество, благотворительное,—правда это?

— А отъ кого, позвольте узнать, вы это слышали?

— Вотъ Иванъ Константинычъ говоритъ.

— Да-съ,—съ любезнѣйшею улыбкою подтвердилъ Бинштокъ,— сейчасъ у меня былъ Шестовъ, и просвѣщалъ меня на этотъ счетъ.

— Это ужасно, ужасно хорошо, благотворительное общество!—залепетала Нета:—у насъ такъ много бѣдныхъ, а мы будемъ имъ помогать,—восхитительно!

Взмахивала красивыми ручками. Бинштокъ глядѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Логинъ началъ было:

— Не то, чтобы благотворительное...

— Да, да, я все прекрасно поняла,—перебила Нета,—имъ не даромъ будутъ помогать, а чтобъ они работали. Они могутъ плести благотворительныя корзинки.

— Или собирать благотворительные грибы,—прибавила Анна улыбаясь.

— Да, да, грибы, или тоже ягоды можно.

Мотовиловъ постучалъ золотымъ перстнемъ по набалдашнику трости, и внушительно заговорилъ:

— Благотворительность, конечно, святое дѣло. Всѣ мы обязаны помогать неимущему,—по мѣрѣ средствъ Истинные христіане такъ и дѣлаютъ, я увѣренъ въ этомъ. Кто рѣшится отказать въ кускѣ хлѣба человѣку честному, но по несчастію или по слабости обѣднѣвшему, и протягивающему руку со слезами на глазахъ? Надо имѣть слишкомъ жестокое сердце, чтобы думать только о себѣ. Но самое лучшее—благотворить такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая. Общественная же благотворительность,—дѣло очень трудное и даже, позволю себѣ такъ выразиться, деликатное,—требуетъ, во-первыхъ, большой опытности, во-вторыхъ, знанія мѣстныхъ условій, вообще, очень многаго.

— Совершенно вѣрно изволили сказать,—угодливо подтвердилъ Гомзинъ, и повернулъ къ Мотовилову свои восхитительно-оскаленные зубы и почтительно склоненный станъ:—и опытность, и знаніе мѣстныхъ условій, и, главнымъ образомъ, вліятельное положеніе въ обществѣ.

Мотовиловъ важно наклонилъ голову.

— Да, именно, вліяніе на общество. Именно это я и хотѣлъ сказать.

— Вліяніе на общество,—подхватилъ Гомзинъ и взвизгнулъ отъ подобострастія.

— Вотъ возьмемъ, напримѣръ, нашу общедоступную столовую,—продолжалъ Мотовиловъ,—мы ее устроили на практическихъ началахъ, и она оказалась настоящимъ благодѣяніемъ.

Логинъ зналъ эту столовую, которую устроили при городской богадѣльнѣ скучающія дамы нашего города, и въ которой ежедневно кормили десятка полтора нищенокъ, по протекціи тѣхъ же дамъ. Онъ сказалъ улыбаясь:

— Тутъ недоразумѣніе маленькое. Я и не мечталъ посягать на благотворительность и на другія добродѣтели: гдѣ ужъ мнѣ, конечно!—человѣкъ я грѣшный, да мнѣ и не по средствамъ. Дѣло проще.

Принялся объяснять замыселъ. Мотовиловъ слушалъ со строгимъ вниманіемъ. Говорилъ Логинъ вяло и кратко, словно нехотя. Непріятно было распространяться о своихъ планахъ передъ Мотовиловымъ.

Анна внимательно смотрѣла на Логина. Ея брови слегка сдвинулись, словно она старалась понять какую-то свою думу. Нета была разочарована, и досадливо покусывала тонкія губы. Упрекнула Бинштока:

— Что жъ вы мнѣ вовсе не такъ разсказали?

— Я и самъ сначала такъ понялъ. Да признаться, я не очень внимательно слушалъ Шестова: работалъ

днемъ, голова разболѣлась, хотѣлось погулять, а тутъ онъ пришелъ.—скандалъ!

Анна обняла Нету, и со смѣхомъ сказала:

— Ахъ ты, благотворительница! Вотъ подожди, мы зимой опять устроимъ живыя картины въ пользу бѣдныхъ, а пока подежурь въ недѣлю разокъ въ благотворительной столовой,—старушки тебѣ ручки цѣлуютъ, королевишной тебя называютъ.

Логину было досадно, что Анна забавлялась и тѣмъ, какъ понялъ Бинштокъ слова Шестова, и тѣмъ, какъ отнеслись къ этому Нета и Мотовиловъ. Онъ чувствовалъ въ ея настроеніи еще что-то, что было вызвано вялостью его словъ: это выдавало тихое постукиваніе ея сандаліи по полу бесѣдки.

— Не берусь судить объ удобоисполнимости вашего проекта,—сказалъ Мотовиловъ съ удвоенною внушительностью,—конечно, въ теоріи все это хорошо, но на практикѣ—другое дѣло. Осмѣлюсь только замѣтить, что вы рискуете встрѣтиться вотъ съ какою непріятностью: чѣмъ вы гарантированы отъ вторженія въ ваше общество растлѣвающаго элемента, лѣнтяевъ и тунеядцевъ, которые только о томъ и думаютъ, чтобы поменьше работать и побольше получать? Такіе трутни, если и будутъ работать, такъ плохо.

— Если бы меня, напримѣръ,—беззаботно замѣтилъ Бинштокъ,—кормили и одѣвали, и вообще содержали такъ, безъ денегъ, за здорово-живешь, развѣ я сталъ бы работать? Скажите, пожалуйста, съ какой стати?

— А вы обо всѣхъ по себѣ не судите,—стремительно вмѣшалась въ разговоръ Ната.

Это вышло неожиданно и рѣзко. Ната густо покраснѣла, когда всѣ на нее посмотрѣли. Всѣ засмѣялись, Логинъ сдержанно улыбнулся. Анна ласково глядѣла на Нату, и думала:

«Бѣдная птичка, у тебя не будетъ крыльевъ».

— Вы, конечно, правы, Ната,—сказалъ Логинъ,—

городскіе жители не должны объ этомъ судить по себѣ: мы привыкли къ разсѣянной жизни, и превосходно обходимся безъ работы. А рабочему человѣку безъ дѣла — смерть.

— Нѣтъ,—возразилъ Мотовиловъ, — безъ дѣла онъ, такъ въ кабакъ пойдетъ послѣдніе гроши пропивать.

Анна спокойно взглянула на него. Ея губы презрительно дрогнули. Перевела ясные глаза на Логина,—и вдругъ не захотѣлось ему спорить съ Мотовиловымъ. Онъ сообразилъ, что и невыгодно имѣть Мотовилова противъ себя въ замышляемомъ дѣлѣ: проныра,—забѣжитъ, повредитъ. Сказалъ:

— Но я, впрочемъ, согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, Алексѣй Степанычъ. Это, конечно, слѣдуетъ предвидѣть.

— Да-съ, непремѣнно,—самодовольно заговорилъ Мотовиловъ.—Дѣло надо держать въ рукахъ. Безъ хозяина нельзя. Мы, русскіе, не можемъ жить безъ руководства. И,—вы меня извините,—я вамъ позволю еще посовѣтывать, какъ человѣкъ опытный, поживиій на свѣтѣ не мало,—если, конечно, вамъ угодно будетъ выслушать.

— Съ глубочайшей признательностью выслушаю вашъ совѣтъ,—сказалъ Логинъ съ любезною улыбкою.

Но чувствовалъ,— накипаетъ досада.

— Вы, конечно, помните изреченіе баснописца: „съ разборомъ выбирай друзей"?—спросилъ Мотовиловъ съ выраженіемъ глубокой мудрости на хитромъ лицѣ.

Логинъ замѣтилъ, что при этомъ предисловіи къ обѣщанному совѣту всѣ постарались придать своимъ лицамъ серьезное и понимающее выраженіе. Одна только Анна улыбнулась насмѣшливо, а впрочемъ, можетъ быть, такъ только показалось: черезъ полминуты ея лицо уже было спокойно; ея руки неподвижно лежали на колѣняхъ.

Гомзинъ показалъ зубы Логину, и съ глубокомысленнымъ видомъ сказалъ:

— Золотое правило. Крыловъ весьма остроумно сочинялъ свои басни.

— Свои, а не чужія?—задорно крикнула расходившаяся Ната.

— Ната!—строго, въ полголоса, остановилъ ее отецъ.

Ната присмирѣла, и сверкнула глазами на Гомзина. Мотовиловъ продолжалъ:

— Такъ вотъ я и скажу, что слѣдовало бы вамъ осторожнѣе выбирать сотрудниковъ. Нечего грѣха таить, не всѣ способны быть хорошими товарищами. Съ инымъ не трудно и въ просакъ попасть, повѣрьте моей опытности. Вы не думайте, что я говорю что-нибудь такое, что бы я не могъ повторить при комъ угодно. Да-съ. Я—человѣкъ прямой. Смѣю думать, что не даромъ пользуюсь нѣкоторымъ уваженіемъ. Личностей касаться я не буду, но считаю своимъ долгомъ предостеречь васъ.

Логинъ нетерпѣливо дергалъ черную тесьму пенснэ. Непріязненное чувство къ Мотовилову разгоралось, и внушительно-важная фигура стараго лицемѣра становилась несносною. Сказалъ рѣшительно:

— Шестовъ не способенъ ни на какое коварство,— онъ молодъ, наивенъ и честенъ.

— Не только тѣ хороши, кто молоды,—обидчиво заговорилъ Мотовиловъ,—но, какъ я уже имѣлъ честь вамъ объяснить, личностей я не трогаю, и не навязываю никому своего мнѣнія, — не смѣю: вы, можетъ быть, изволите обладать большимъ знаніемъ свѣта и большимъ умомъ,—вамъ и книги въ руки; а я говорю, какъ по моему, можетъ быть, несовершенному разуму выходитъ,—и я говорю вообще.

Онъ раздраженно постукивалъ, въ тактъ словамъ, тростью.

— А, вообще... Я думалъ... Впрочемъ, благодаренъ вамъ за ваши совѣты,—сухо сказалъ Логинъ.

„На сегодня будетъ!"—рѣшилъ онъ, раскланялся и отправился домой.

Солнце зашло. Западъ пылалъ, какъ лицо запыхавшагося отъ бѣготни ребенка. Восточная половина неба была залита нѣжно-алыми, лиловыми и палевыми оттѣнками. Воздухъ былъ тихъ и звученъ. Грустная задумчивость разлита была въ его свѣтломъ колыханіи. Прозрачно мерцалъ вечеръ, и незамѣтно набѣгали сумерки. Влажная и сонная тишина стояла надъ рѣкою. Гладкія струи плескались о сырой песокъ берега съ легкимъ шепотомъ, словно нѣжныя дѣтскія губы цѣловали мамины руки. Вдали, на берегу, радостно зажглась красная звѣздочка костра; тамъ виднѣлась рыбачья лодка.

Логинъ спускался съ вала, и чувствовалъ, что его осѣняетъ мирное, благостное настроеніе.

„Отчего?"—подумалъ съ удивленіемъ, и,—отвѣтъ,—улыбка Анны затеплилась передъ нимъ.

„Какъ могъ я досадовать на ея улыбку? Вотъ теперь она меня грѣетъ, и я несу въ себѣ завѣтъ мира".

Въ мягкомъ, прозрачномъ воздухѣ раздавалась пѣсня. На Воробьинкѣ, у самой воды, сидѣла компанія оборванцевъ. Это они пѣли и пѣли прекрасно.

Логинъ направился черезъ островъ: такъ ближе. Когда онъ перешелъ мостъ, отъ артели пѣвцовъ отдѣлился высокій дѣтина въ отрепьяхъ, въ опоркахъ на босую ногу, и приблизился къ Логину. Заговорилъ, обдалъ запахомъ сивухи. Старался придать хриплому голосу просительное выраженіе.

— Милостивый государь, осмѣлюсь васъ обезпокоить. По лицу и по изяществу тѣлодвиженій ва-

шихъ усматриваю, что вы—человѣкъ интеллигентный. Не откажите помочь людямъ тоже интеллигентнымъ, людямъ изъ общества, но впавшимъ въ несчастіе, и принужденнымъ снискивать пропитаніе тяжелою землекопною работою.

Логинъ остановился, и съ удивленіемъ разсматривалъ его. Сказалъ:

— Вы слишкомъ краснорѣчиво изъясняетесь.

— Проникаю въ сокровенный смыслъ вашего замѣчанія. Изволите намекать, что я того... заложилъ за галстукъ.

Дѣтина щелкнулъ себя по тому мѣсту, гдѣ нѣкогда имѣлъ обыкновеніе носить галстукъ.

— Съ горя, милостивый государь, и отъ климата, для предупрежденія и пресѣченія простуды. Видѣлъ, какъ и эти птенцы, со мною путешествующіе и воспѣвающіе, видѣлъ лучшіе дни. Но „миновали красные дни Аранжуеца!“ Былъ нѣкогда судебнымъ слѣдователемъ. Но сердечныя огорченія и несправедливость начальства вторгнули меня въ пучину несчастія, гдѣ и пребываю безвыѣздно. А эти, со мною странствующіе, тоже изъ сильныхъ міра сего: одинъ—бывшій полицейскій надзиратель, другой—бывшій столоначальникъ, а третій—бывшій дворянинъ, лишенный столицъ приблизительно безвинно. Благороднѣйшая, чиновная компанія!

— Куда же вы путешествуете?—спросилъ Логинъ.

— Работаемъ совмѣстно надъ улучшеніемъ путей сообщенія, а инженеры здѣшніе, съ позволенія сказать, жулики! Но, впрочемъ, благороднѣйшіе люди!

— А отъ меня-то вамъ что же угодно?

— Испрашиваю нѣкоторое количество денегъ заимообразно,—отнюдь не въ видѣ милостыни.

— Хорошо, я дамъ вамъ что-нибудь заимообразно, какъ вы выражаетесь. А вы всегда въ такомъ состояніи?

— Чистосердечно каюсь: почти безпрерывно! Какъ

благородный человѣкъ! „Чужды нравственности узкой, не рѣшаемся мы скрыть этотъ знакъ натуры русской,— да, веселье Руси пить!“ Цитата изъ Некрасова!

— Однако, потрезвѣе бываете же вы когда-нибудь?

— По утрамъ-съ, а также и во дни невольнаго поста.

— Такъ вотъ въ такое время не придете ли вы когда-нибудь ко мнѣ на квартиру?

— Изволите быть писателемъ?—спросилъ оборванецъ, хитро подмигивая.

— Нѣтъ, не писатель. Другой у меня разсчетъ.

— Слушаю-съ.

Логинъ объяснилъ, какъ найти его. Дѣтина выслушалъ, видимо постарался запомнить, и потомъ сказалъ съ широкою улыбкою:

— Да вы не извольте утруждать себя объясненіями, такъ найду. Почему, угодно знать? Вотъ почему: есть благодѣтели, что юродивыхъ да копекъ собираютъ, особенно благодѣтельницы есть такія сердобольныя; ну, а которые бы нашего брата желали увидѣть, такихъ не болѣе, какъ по одному на миллiардъ гражданъ. Когда сами придемъ, такъ и то смотрятъ, какъ бы мы не уперли чего, вытурить торопятся, потому что мы народъ, съ позволенія сказать, отпѣтый. Такъ я такъ смекаю, что вашу милость и безъ адреса найду.

Логинъ молча выслушалъ, нахмурился, и пошелъ прочь.

— Ваше высокоблагородіе! — окликнулъ оборванецъ,—а обѣщанное-то вами заимообразное вспомоществованіе?

Логинъ остановился, досталъ деньги, и сказалъ:

— Все равно, пропьете.

— Немедленно же, но за ваше драгоцѣнное здоровье. Щедры щедры и милостивы, наградн васъ Господь! Возвращу при первой же возможности. Серпе-

пицынъ!—назвалъ онъ себя, приподнялъ рваный, сѣрый отъ пыли и грязи картузъ, и шаркнулъ опорками.— Простите, что не ношу съ собой вексельной бумаги!

Дѣтина возвратился къ товарищамъ,—и снова понеслись звуки пѣсни. Задушевные были они, и ласкали слухъ. Публика на валу слушала пѣвцовъ. Эти звуки мучили и дразнили Логина.

„Поэтическій замыселъ, артистическое исполненіе... и пѣвцы—пропойцы. Дико и прекрасно!“

Вернулся домой. Изъ открытыхъ въ сосѣднемъ флигелѣ оконъ доносились громкіе голоса: то Валя бранилась съ семинаристомъ, который ухаживалъ за нею.

— Ахъ ты, домовладѣлецъ!—долеталъ на улицу Валинъ голосъ:—толкну ногой,—и твой домишка развалится.

— А ты думаешь, Андозерскій на тебѣ женится?— отвѣчалъ сердитый юношескій тенорокъ,—что забавляется съ тобой, такъ ты и рада.

— А ты дуракъ; педагогомъ себя называешь, а самъ мальчишка, еще тебя въ уголъ ставятъ.

— Меня никто не смѣетъ въ уголъ ставить. Ты— наставница, а тебя твои ученики поколотили.

— Врешь, онъ не нарочно снѣжкомъ залѣпилъ!

Глава тринадцатая.

Логинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Темнозеленые обои, раздвижныя суроваго полотна съ розовыми каймами занавѣски на мѣдныхъ кольцахъ по мѣднымъ прутьямъ у трехъ узкихъ оконъ на улицу, низкій потолокъ, оклеенный желтоватою бумагою, темно-зеленый ліонскій коверъ,—все дѣлало комнату мрачною. Мимолетнымъ былъ кроткій свѣтъ, которымъ осѣнила сегодня Аннина улыбка, и увялъ цвѣтъ, расцвѣтшій у ея бѣлыхъ ногъ.

На столикѣ возлѣ кушетки, на мельхіоровомъ подносѣ, стояла бутылка мадеры, бѣлый хлѣбъ, рокфоръ, и маленькій тонкій стаканъ. Логинъ выпилъ стоя стаканъ вина, налилъ другой стаканъ, и перенесъ его къ письменному столу. Нѣсколько минутъ просидѣлъ въ тяжелой задумчивости. Голова горѣла и кружилась. Чувствовалъ, что не скоро уснетъ. Тоскливая жажда тянула къ вину.

Въ послѣднее время часто случалось проводить ночи вовсе безъ сна,—ночи томительныхъ грезъ, отрывочныхъ воспоминаній. Въ немъ творилось что-то неладное. Сознательная жизнь мутилась,—не было прежняго цѣльнаго отношенія къ міру и людямъ. Достаточно стало малѣйшаго повода, чтобы внезапно начиналъ думать и чувствовать по-иному, и тогда казался дикимъ только что оставленный строй мысли и чувства.

Въ безсонныя ночи пробѣгали картины прошлаго. Иногда вниманіе останавливалось на одной изъ нихъ,—ея очертанія становились яркими, назойливо-выпуклыми.

Казалось странно отожествлять себя съ мальчикомъ, на котораго смотрѣлъ съ горы опыта и усталости. Вспоминая видѣлъ себя немного со стороны. Не то, чтобъ ясно наблюдалъ того другого, о которомъ думаетъ, когда, по взаимной неточности языка и мысли, говоритъ: я былъ, я дѣлалъ. Похоже было на то, когда высунешься изъ окна, и стараешься заглянуть въ сосѣднія окна, или подъ карнизъ дома, гдѣ лѣпятся сѣрыя гнѣзда, или въ окна другихъ этажей; домъ видѣнъ не совсѣмъ со стороны, но и чувствуешь, что не въ самомъ домѣ находишься. Такъ и онъ видѣлъ приливы и отливы румянца на щекахъ, строгія, слегка волнистыя линіи лица, всю тонкую и хрупкую фигуру, всегда немного понурую,—видѣлъ это, какъ что-то чужое, но не такъ ярко, какъ вспо-...лись предметы совершенно посторонніе. Даже

сильныя душевныя движенія, пережитыя когда-то, припоминались смутно. Зато иногда что-нибудь внѣшнее и мелкое, что связано съ испытаннымъ сильно чувствомъ, выпукло вставало въ памяти.

Были нѣкоторыя обстоятельства, которыя казались совершенно утраченными для памяти. Чувствовалось, что многія звенья той цѣпи впечатлѣній, которыя нѣкогда стройными волнами перелились черезъ порогъ сознанія, теперь затерялись, упали въ общую темную массу пережитаго, — и сходныя соединились, какъ сливающіеся ручьи. Сознаніе, блуждающій огонекъ, мается по этой нестройной массѣ, и своимъ мельканіемъ дѣлаетъ то, что называютъ сознательною жизнью.

Казалось Логину, что не было единства въ содержаніи души, не было цѣлости, что распаденіе души началось давно, и вотъ теперь близится къ завершенію. Были дни, когда мысли и чувства шли жизнерадостнымъ путемъ, — все темное въ жизни забывалось. Бывали и жестокія полосы жизни: невыносимая тоска сжимала сердце, и всѣ могилы душевнаго кладбища высылали своихъ мертвецовъ, — тогда изглаживалась въ душѣ память объ ея другомъ, лучшемъ мірѣ.

Но чаще огонь сознанія горѣлъ на мосту, между двумя половинами души, и чувствовалось томленіе нерѣшительности. Устои моста шатались и трещали подъ напоромъ волнъ жизни, и брезжущій огонь сознанія озарялъ иногда ихъ бѣлопѣнные верхи и страшное шатаніе устоевъ. Иногда этотъ огонь освѣщалъ радостныя и полныя надеждъ мысли, но сила жит принадлежала ветхому человѣку, который дѣлалъ дикія дѣла, метался, какъ бѣшеный звѣрь, передъ удивленнымъ сознаніемъ, и жаждалъ мукъ и самоистязанія. Чѣмъ больше скоплялось въ жизни угнетающаго, тѣмъ бывало сильнѣе и дольше продолжалось торжество освобожденнаго низшаго сознанія.

«Не очевидно ли, — думалъ иногда Логинъ со ст

нымъ злорадствомъ,—что мое «я»—довольно жалкая претензія существа, текущаго и обновляющагося, какъ вода рѣки въ берегахъ, которые и сами неизмѣнны только по внѣшности?»

Логинъ открылъ одинъ изъ ящиковъ стола, и досталъ письмо, которое получилъ недавно. На это письмо еще не отвѣчалъ. Оно было отъ лучшаго изъ пріятелей, съ которымъ бесѣдовалъ почти откровенно. Перечиталъ теперь внимательно всѣ четыре страницы письма. Потомъ отыскалъ почтовую бумагу, придвинулъ кресло поближе къ столу, и началъ писать,—о своемъ замыслѣ. Долго просидѣлъ за этимъ, то быстро водя перомъ по бумагѣ, то откидываясь на спинку кресла и задумываясь. Иногда бралъ стаканъ, пилъ понемногу.

Холодный воздухъ вливался съ улицы въ открытое окно. Въ городѣ было тихо. Издали доносились болтливые звуки рѣки у мельничной запруды,—тамъ звучно лепетала, и смѣялась, и плакала безпокойная русалка, и зеленыя надъ бѣлымъ тѣломъ разметались косы.

Окончилъ письмо. Допилъ вино изъ стакана. Ощущеніе холодноватаго стекла и вкусъ вина доставляли наслажденіе, въ которомъ на минуту весь сосредоточивался. Потомъ опять становилось тоскливо.

Прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, перелилъ изъ бутылки въ стаканъ остатки вина, и опять сѣлъ къ столу, перечитывать письмо.

Прочтя то мѣсто, гдѣ говорится о завѣщаніи, на случай неудачи замысла, грустно улыбнулся. Думалъ:

«Завѣщаніе самоубійцы—клочекъ бумаги съ традиціонною просьбою въ смерти никого не винить. Очень это нужно, подумаешь! Люди привыкли любопытствовать, даже забавляться всякимъ происшествіемъ, въ томъ числѣ и самоубійствомъ. Ищутъ причинъ, тщательно отмѣчаютъ ихъ,—для статистики. А самоу-

бійцы покорно подчиняются ненужному имъ порядку, и оставляютъ объясненія смерти. Иной цѣлое письмо сочинитъ,—къ другу, къ невѣстѣ,—съ тайною цѣлью порисоваться трагизмомъ кончины. Глупо! Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ люди, должно быть, ужасно теряются, и плохо соображаютъ.

Если бы до меня дошла очередь убить себя, я постарался бы сдѣлать это словно нечаянно: мало ли бываетъ несчастныхъ случаевъ!

А всего бы лучше исчезнуть совсѣмъ незамѣтно, безслѣдно: потонуть въ океанѣ, отравиться въ непосѣщаемой пещерѣ. Нашли-бы потомъ кости, черепъ, и помѣстили бы этотъ хламъ въ археологическую коллекцію.»

Непріятное ощущеніе тупой боли въ вискѣ повторялось все чаще. Откинулся на спинку стула. Поблѣднѣвшее лицо казалось спокойнымъ. Слышалъ тихій смѣхъ, который звенѣлъ за спиною. Смѣхъ Анны вспомнился. Сырой холодъ пробѣжалъ по тѣлу. Оглянулся на открытое окно. Подумалъ:

„Закрыть бы его.“

Но лѣнь было встать.

„Нѣтъ, лучше послѣ,—рѣшилъ онъ,—а то будетъ душно.“

Выпилъ мадеры, опять принялся за письмо. Нѣкоторыя мѣста напоминали ему почему-то Мотовилова,—и каждый разъ ненависть и презрѣніе къ этому человѣку вспыхивали въ немъ. Удивился окончанію письма. Подумалъ:

„Съ чего это я вздумалъ увѣрять, что вѣрую въ свою идею? Вѣдь и такъ понятно, что безъ вѣры въ нее я не сталъ бы думать объ ея выполненіи. Дурной признакъ! Или и въ самомъ дѣлѣ я живу слишкомъ рано, еще въ утреннихъ сумеркахъ, и только тѣни далекаго будущаго ложатся на меня?“

Когда запечатывалъ письмо, надписывалъ адресъ,

все продолжалъ слышать странный, несмолкающій смѣхъ. Тупая боль въ головѣ расползалась все дальше. Казалось, что постороннее что-то стоитъ за спиною.

Вдругъ замѣтилъ, что страшно. Съ напряженною улыбкою преодолѣлъ жуткое чувство, обернулся назадъ.

„Это—рѣка,“—сообразилъ онъ, всталъ, и затворилъ окно. Въ комнатѣ стало тише,—за стекломъ оконъ шумъ воды раздавался глуше и слабѣе.

Допилъ вино,—стало теплѣе и веселѣе. Зажегъ свѣчку, потушилъ лампу, собрался лечь спать. Со свѣчкою въ рукахъ подошелъ къ постели.

Одѣяло тяжелыми складками лежало на кушеткѣ, и закрывало подушку. На красномъ цвѣтѣ рѣзко выдѣлялись тѣни складокъ. Странно расположилось оно на кушеткѣ: по серединѣ коробилось, съ боковъ лежало плотнѣе. Съ нижней стороны кушетки, въ ногахъ образовалась продольная складка; доходила до середины одѣяла. На подушкѣ оно тоже возвышалось и круглилось. Похоже было, какъ будто забрался кто-нибудь подъ одѣяло, и лежитъ тамъ тихонько, не шевелясь. Логинъ стоялъ неподвижно передъ постелью, и подымалъ передъ собою правую руку со свѣчкою, точно хотѣлось освѣтить что-то сверху, поудобнѣе. На поблѣднѣвшемъ лицѣ сумрачные глаза горѣли тягостнымъ недоумѣніемъ.

Тихій, назойливый смѣхъ шелестѣлъ за спиною. Мысли складывались медленно и трудно, какъ будто хотѣлось что-то припомнить или понять, и это усиліе было мучительно. Но казалось, что начинаетъ понимать.

Тамъ, подъ одѣяломъ, лежитъ кто-то, страшный и неподвижный. Холодомъ вѣетъ отъ него. Логинъ чувствуетъ на лицѣ и на тѣлѣ этотъ холодъ. Это—холодъ трупа. Тамъ, подъ одѣяломъ, еще не началось тлѣніе. Но посинѣлыя губы тяжелы, неподвижные глаза впалы.

Странное оцѣпенѣніе сковываетъ Логина, и не

можетъ онъ приподнять одѣяло. Красный свѣтъ свѣчки зыблется на красномъ одѣялѣ Бѣлесоватый туманъ надвигается, наползаетъ со всѣхъ сторонъ,—и только красное одѣяло зіяетъ темными складками. Туманъ вздрагиваетъ и смѣется беззвучно, но внятно. Лицо мертвеца мерещится Логину; это—его собственное лицо, страшно блѣдное, съ тускло-свинцовыми тѣнями на впалыхъ щекахъ, еще не тронутыхъ тлѣніемъ.

Мертвецъ, еще не погребенный и блуждающій по свѣту, оживленный на-время солнечнымъ сіяніемъ, легъ здѣсь, и покоится сномъ безъ видѣній. И знаетъ Логинъ, что это онъ самъ лежитъ, неподвижный и мертвый.

«Нелѣпая мечта! Надо взять себя въ руки!»— шепчуть блѣдныя губы Логина.

Рука тянется къ одѣялу. А туманъ разростается, клубится уже надъ одѣяломъ, и смѣется злобно и жалобно. Свѣча колеблется въ отяжелѣлой и затекшей рукѣ. Логинъ чувствуетъ, что томительно и страшно лежать неподвижнымъ, непогребеннымъ трупомъ, и ждать. Сквозь одѣяло просвѣчиваетъ багровый огонь. Тяжелыя складки давятъ безсильное тѣло. Кто-то стоитъ надъ нимъ, и всматривается дико-горящими глазами въ его покрытое краснымъ одѣяломъ тѣло. Чья-то рука ложится на его грудь, нащупываетъ ее сквозь одѣяло, дрожитъ, — и грудь его ощущаетъ быстрые и слабые толчки... Томительно и жутко ждать, когда не можешь пошевелиться.

Одѣяло приподымается,—холодный воздухъ струится по лицу мертвеца, орошенному холоднымъ потомъ. Страшное, нечеловѣческое напряженіе насквозь пронизываетъ его,—онъ подымается съ подушекъ...

Страшнымъ усиліемъ воли смиряя расходившіеся нервы, Логинъ поставилъ свѣчку на круглый столикъ, и прошелся по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Туманъ, который застилалъ глаза, сталъ разсѣиваться. Логинъ

подошелъ къ кушеткѣ, и быстро опустилъ руку на одѣяло. Мягкая подушка подъ одѣяломъ,—и только... Подумалъ:

„Однако, надо лѣчиться,—цѣлый день голова болитъ нестерпимо“.

Раздѣлся и откинулъ одѣяло.

„Отчего впадина на подушкѣ? Ахъ, да, это я рукою... А точно голова лежала“.

Потушилъ свѣчку, и легъ. Красный цвѣтъ одѣяла погасъ. Было темно. Только окна мутно бѣлѣли,—внимательно-неподвижные глаза чудовища подстерегали добычу. Вдали смѣялась русалка.

Логину захотѣлось лечь такъ, какъ тогда лежалъ подъ одѣяломъ „онъ“. Мелкая дрожь пробѣжала по тѣлу.

„Такъ-то будетъ теплѣе“,—подумалъ онъ, и закрылъ лицо одѣяломъ.

Лежалъ лицомъ кверху. Одѣяло тяжело падало на грудь и на лицо. Опять представилось Логину, что онъ—холодный и неподвижный мертвецъ. Страшная тоска сжала сердце. Воздуха, свѣта страстно захотѣлось ему... Откинуть одѣяло... Но оцѣпенѣніе сковало его, и неподвижно лежалъ онъ. Страхъ и тоска умерли. Лежалъ, холодный и спокойный, и глядѣлъ мертвыми, закрытыми глазами сквозь тяжелую ткань.

Спиною къ нему, у письменнаго стола, сидѣлъ человѣкъ, и отдавался грустнымъ думамъ. И странно было Логину, и не понималъ онъ, зачѣмъ томится этотъ человѣкъ, когда его мечты и надежды, убитыя до срока, холодѣютъ здѣсь, въ мертвомъ тѣлѣ. Все рѣшено и кончено, не о чемъ думать,—и тяжелымъ взоромъ звалъ онъ къ себѣ того другого; мертвецъ звалъ и ждалъ человѣка.

Мерещилось Логину, какъ стоялъ надъ нимъ этотъ человѣкъ, и дикими глазами глядѣлъ на красное одѣяло. И зналъ Логинъ, что это онъ самъ стоитъ

ма

надъ своимъ трупомъ. И слышитъ онъ свои странныя рѣчи.

„Лежи, разрушайся скорѣе, не мѣшай мнѣ жить. Я не боюсь того, что ты умеръ. Не смѣйся надо мною своею мертвою улыбкою, не говори мнѣ, что это я умеръ. Я знаю это,—и не боюсь. Я буду жить одинъ, безъ тебя. Если бы ты не умеръ самъ, я убилъ бы тебя. Я приберегъ для тебя (для себя, поправляешь ты,—пусть будетъ такъ, все равно) хорошую пулю, въ аллюминіевой оболочкѣ. Освободи мнѣ мѣсто, исчезни, дай мнѣ жить.

„Я хочу жить и не жилъ, и не живу, потому что влачу тебя съ собою. О, если бы ты зналъ, какъ тяжело влачить за собою свой тяжелый и ужасный трупъ! Ты холоденъ и спокоенъ. Ты странно отрицаешь меня. Неотразимо твое молчаніе. Твоя мертвая улыбка говоритъ мнѣ, что я—только иллюзія моего трупа, что я—какъ слабо мигающій огонекъ восковой свѣчи въ желтыхъ и неподвижныхъ рукахъ покойника.

„Но это не можетъ быть правдою, не должно быть правдою. Я—самъ, постоянный и цѣльный, я—отдѣльно отъ тебя.

„Я ненавижу тебя, и хочу жить отдѣльно отъ тебя, по-новому. Зачѣмъ тебѣ быть всегда со мною? Ты не пользуешься жизнью. Ты уже отжилъ. Ты—мое отяжелѣлое прошлое.

„Отчего не исчезаешь ты, какъ таетъ снѣгъ весною, какъ таютъ въ полдень облака? Зачѣмъ ты вливаешь трупный ядъ ненавистнаго былого въ божественный нектаръ несбыточныхъ надеждъ?

„Исчезни, мучитель, исчезни, пока я не раздробилъ твоего мертваго черепа!“

Лежалъ неподвижно. И жутко, и радостно было терзать обезумѣвшаго отъ тоски человѣка. Тихій смѣхъ звенѣлъ въ комнатѣ, и напоминалъ, что мучитъ онъ самого себя.

Мерещилось опять, что стоитъ онъ въ темной комнатѣ, надъ постелью, проклинаетъ мертвеца,—и томительный ужасъ леденитъ его. Мракъ душитъ цѣпкими объятіями, подымаетъ, и бросаетъ въ бездну. Голоса бездны глухо смѣются. Онъ падаетъ глубже и глубже... Сердце замираетъ. Смѣхъ затихаетъ гдѣ то вдали. Тишина, мракъ, бездумье,—тяжелый и безгрезный сонъ.

Логинъ откинулъ одѣяло. Поблѣднѣвшее лицо плотно приникло къ подушкѣ. Дыханіе быстрое и тихое. Ночь смотритъ мутными глазами сквозь стекла оконъ на усталое лицо, на улыбку безнадежнаго недоумѣнія, которая застыла на губахъ.

Глава четырнадцатая.

У Кульчицкой званный вечеръ. Было еще не поздно, когда пришелъ Логинъ, но уже почти всѣ собрались. Видиѣлись нарядныя платья дамъ и дѣвицъ; были знакомые и незнакомые Логину молодые и старые люди въ сюртукахъ и фракахъ.

Еще въ его душѣ не отзвучали тихіе уличные шумы, грустные, какъ и заунывный шелестъ воды на камняхъ, за мельничною запрудою. Призраки сѣрыхъ домовъ въ лучахъ заката умирали въ дремлющей памяти, какъ обломки стараго сна. Свѣтлые обои комнатъ, въ которыхъ вечерній свѣтъ изъ оконъ печально перемѣшивался съ мертвыми улыбками лампъ, создавали близорукимъ глазамъ иллюзію томительно-неподвижнаго сновидѣнія.

Переходилъ изъ комнаты въ комнату, здоровался. Чувствовалъ, что каждое встрѣчное лицо отражается опредѣленнымъ образомъ въ настроеніи. Черты пошлости и тупости преобладали мучительно. Самое непріятное впечатлѣніе произвела семья Мотовилова: жена, маленькая, толстенькая, вульгарныя манеры, злые глаза,

грубый голосъ, зеленое платье, пышные наплечники,—сестра, желтая, сухая, тоже въ зеленомъ,—Нета, глуповато-кокетливый видъ, розовое, открытое платье,—Ната, безпокойно-задорныя улыбки, бѣлое платьице, громадный тройной бантъ у пояса,—сынъ гимназистъ, гнилые зубы, зеленое лицо, слюнявая улыбка, впалая грудь, развязныя любезности съ барышнями помоложе.

Встрѣчались и милыя лица. Были Ермолины, отецъ и дочь. Логинъ почувствовалъ вдругъ, что скука развѣялась отъ чьей-то улыбки. Осталось чувство мечтательное, тихое. Хотѣлось уединиться среди толпы, сѣсть въ углу, прислушиваться къ шуму голосовъ, отдаваться думамъ. Съ неохотою вошелъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ раздавался споръ, толпилась курящая публика.

— А, святая душа на костыляхъ!—закричалъ казначей Свѣжуновъ, толстый, красный и лысый мужчина.

— Мы все о Молинѣ толкуемъ,—объяснилъ Палтусовъ Логину.

— Да-съ, я готовъ съ крыши кричать, что поступки слѣдователя возмутительны: запереть невиннаго человѣка въ тюрьму изъ личныхъ разсчетовъ!—говорилъ Мотовиловъ.

— Неужели только изъ личныхъ разсчетовъ?—осторожнымъ тономъ спросилъ инженеръ Сапоцкій.

— Да-съ, я утверждаю, что изъ-за личныхъ столкновеній, и больше ни изъ-за чего. Прямо это говорю я на правду—чортъ. И, вы увидите, это обнаружится: правда всегда откроется, какъ бы ни старались втоптать ее въ грязь. Мы всѣ ручаемся за Молина, я предлагалъ какой угодно залогъ,—онъ продолжаетъ держать его въ тюрьмѣ. Но это ужасно,—невиннаго человѣка третировать вмѣстѣ со злодѣями! И только по навѣту подкупленной волочаги!

— Всего лучше бы,—сказалъ исправникъ Вкусовъ, старикъ съ бодрою осанкою и дряхлымъ лицомъ,—эту дѣвицу по-старинному высѣчь хорошенько, спондеръ-шипъ.

— Я надѣюсь, — продолжалъ Мотовиловъ, — что намъ удастся обратить вниманіе судебнаго начальства на это возмутительное дѣло, и вниманіе учебнаго начальства на настоящихъ виновниковъ гнуснаго шантажа.

— А не лучше ли подождать суда?—спросилъ Логинъ.

— На присяжныхъ надѣетесь? — насмѣшливо и грубо спросилъ казначей Свѣжуновъ. — Плоха надежда, батенька: наши мѣщанишки его засудятъ изъ злобы, и дѣла слушать не станутъ, какъ слѣдуетъ.

— Чѣмъ онъ ихъ такъ озлобилъ?—улыбаясь спросилъ Логинъ.

— Не онъ лично,—пробормоталъ смущенный казначей.

— Позвольте,— перебилъ Мотовиловъ,—что жъ, вы считаете справедливымъ тюремное заключеніе невиннаго?

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ Логинъ,—агитація въ пользу арестанта безполезна.

— Выходитъ по вашему, что мы занимаемся недобросовѣстной агитаціей?

— Помилуйте, зачѣмъ же такъ! Я не говорю,—что жъ, прекрасныя намѣренія. Но однихъ добрыхъ намѣреній, я думаю, мало. Впрочемъ, правда обнаружится, вы въ этомъ увѣрены, чего же больше?

— Правда для насъ и теперь ясна,—сказалъ отецъ Андрей, старый протоіерей, который имѣлъ уроки и въ гимназіи и въ городскомъ училищѣ,—потому намъ и обидно за нашего сослуживца: напрасно терпитъ человѣкъ. Не чужой намъ, да и всячески по человѣчеству жалко. Намъ только дивиться тому, по-истинѣ

злодѣйскому, разсчету, который продѣланъ изъ-за товарищеской зависти. Дѣло ясное, тутъ и сомнѣній быть не можетъ.

— Поступокъ недостойный дворянина, — сказалъ Малыгановъ, наставникъ учительской семинаріи, который слушая то лукаво подмигивалъ Логину, то почтительно склонялся къ Мотовилову.

— Нехорошій человѣкъ вашъ Шестовъ,—говорилъ отецъ Андрей Логину.—Помилуйте, онъ мою рясу однажды пальтомъ назвать вздумалъ. На что же это похоже, я васъ спрошу?

— А слышали вы,—спросилъ Логина Палтусовъ,—какъ онъ назвалъ нашего почтеннаго Алексѣя Степаныча?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Это, изволите видѣть, у насъ въ училищѣ, говоритъ, почетная мебель.

— А своего почтеннаго начальника,—сказалъ Мотовиловъ, — уважаемаго нами всѣми Крикунова онъ изволилъ назвать сосулькой!

— Не безъ мѣткости,—сказалъ со смѣхомъ Палтусовъ.

— Конечно,—внушительно продолжалъ Мотовиловъ,—у Крикунова фигура жидковатая, но къ чему глумиться надъ почтенными людьми? Непочтительность чрезмѣрная! на улицѣ встрѣчается съ женой, съ дочками, не всегда кланяться удостоитъ.

— Онъ близорукъ,—сказалъ Логинъ.

— Онъ атеистъ,—возразилъ отецъ Андрей сурово,—самъ признался мнѣ, и со всѣми послѣдствіями, т. е., стало быть, и въ политическомъ отношеніи. И тетка его—бестія преехидная, и чуть ли не староверка.

— Мове!—сказалъ Вкусовъ.—Вся публика на него обижается. Вотъ Крикуновъ—такъ учитель. Такому не страшно сына отдать.

— А если ухо оборветъ?—спросилъ Палтусовъ.

— Ну, кому какъ, — возразилъ исправникъ. — Въ ихъ училищѣ иначе нельзя, такіе мальчишки, все анфанъ терибли.

„Рабы и деспоты въ одно время“, — думалъ Логинъ.

Опять мстительное чувство подымалось въ немъ ярыми порывами, и опять сосредоточивалось на Мотовиловѣ.

— Что ни говорите, — заговорилъ вдругъ Палтусовъ, — славный парень Молинъ: и выпить не дуракъ, да и относительно дѣвочекъ малый не промахъ.

— Ну, ужъ это вы, Яковъ Андреевичъ, напрасно, — укоризненно сказалъ Мотовиловъ.

— А что-же? Ахъ, да... Ну, да вѣдь я, господа, отъ міра не прочь.

— Однако, — сказалъ Логинъ, — ваше мнѣніе, кажется, не сходится съ тѣмъ, что рѣшилъ міръ.

— Гласъ народа — Божій гласъ, — оправдывался Палтусовъ посмѣиваясь. — Однако, не выпить ли пока, стомаха ради?

Въ столовой былъ приготовленъ столикъ съ водками и закусками. Выпили и закусили. Исправникъ Вкусовъ увеселялъ публику „французскимъ“ діалектомъ:

— Дробызнемъ — ну! — шамкалъ онъ беззубымъ ртомъ, потомъ выпивалъ водку, закусывалъ и говорилъ: — Енондеръ-шишъ! Это по-студенчески, такъ студенты въ Петербургѣ говорятъ.

— А что это значитъ? — спрашивалъ съ зычнымъ хохотомъ отецъ Андрей.

— Же не се па, благочинный безчинный, — отвѣчалъ исправникъ. — А ну-тка, же манжера се пти пуасончикъ. Эге, се жоли, се тре жоли, — одобрялъ онъ съѣденную сардинку.

А его жена сидѣла въ гостиной, куда долетали раскаты хохота, и говорила:

— Ужъ я такъ и знаю, что это мой забавникъ всѣхъ развлекаетъ. У насъ вся семья ужасно веселая: и у меня темпераментъ сангвиническій, и дочки мои— хохотушки! О, имъ на язычекъ не попадайся!

— Въ васъ такъ много жизни, Александра Петровна,—томно говорила Зинаида Романовна,—что вамъ хоть сейчасъ опять на сцену.

— Нѣтъ, будетъ съ меня, выслужила пенсію, и слава Богу.

— Выходной была, а туда же,—шепнула сестра Мотовилова, Юлія Степановна, на ухо своей невѣсткѣ.

Та смотрѣла строго и надменно на бывшую актрису, и даже не на нее самое, а на тяжелую отдѣлку ея краснаго платья; но это, впрочемъ, нисколько не смущало исправничихи.

— Вы какія роли играли?—съ видомъ наивности спрашивала актриса Тарантина, красивая, слегка подкрашенная полу-дѣвица.

Наши барыни ласкали ее за талантъ, а въ особенности за то, что она была изъ „хорошей семьи“ и „получила воспитаніе“.

Гомзинъ сидѣлъ противъ нея, и готовилъ на ея голову любезныя слова, а пока тихонько ляскалъ зубами. Его смуглое лицо наклонялось надъ молодцеватымъ, но сутуловатымъ станомъ, а глаза смотрѣли на актрису плотоядно,—издали казалось, что онъ облизывается, томясь восточною нѣгою.

— Когда я была въ барышняхъ,—разсказывала въ другомъ углу гостиной молоденькая дама,—лицо вербнаго херувима, приподнятыя брови,—поѣхали мы разъ въ маскарадъ...

— Со своимъ вѣникомъ,—крикнулъ выскочившій изъ столовой казначей.

— Ахъ, что вы!—воскликнула дама краснѣя.

Рядомъ съ дамою, которая недавно была въ барышняхъ, сидѣла Анна. Пышныя плечи въ широкихъ

воланахъ шелковой кисеи. Цвѣтъ платья, какъ нѣжная кожица персика. Все оно легко золотилось, и золотистые отсвѣты ложились на смуглое лицо и шею. Крупные желтые тюльпаны, которыми съ правой стороны была заткана юбка, казалось, падали изъ-подъ бархатнаго темно-краснаго кушака. Перчатки и вѣеръ цвѣта crême. Бѣлые бальные легкіе башмачки. Медленная улыбка алыхъ губъ. Въ широкихъ глазахъ ожиданіе.

Звуки интимнаго разговора долетали до нея изъ укромнаго уголка.

— Давно мы съ вами не видались, Михаилъ Иванычъ,—притворно-сладкимъ голосомъ говорила Юлія Петровна, дочь Вкусова отъ первой жены, дѣвица съ мужественною физіономіею, краснымъ носомъ, маленькими черненькими усами, высокая, ширококостая, но сухощавая.

Ея собесѣдникъ—учитель Доворецкій, толстенькій коротышъ, лицо приказчика изъ моднаго магазина. Разговоръ ему не нравился; онъ досадливо краснѣлъ, пыхтѣлъ, и оглядывался по сторонамъ, но Юлія Петровна преграждала путь огромными ногами и тяжелыми складками голубого платья.

— Да, это давно было,—сухо отвѣтилъ онъ.

— Вѣдь мы съ вами были почти какъ невѣста и женихъ.

— Мало ли что!

— Почему бы не быть этому снова? Вѣдь вы уже дѣлали мнѣ предложеніе.

— Нѣтъ, я не дѣлалъ.

— Не вы, такъ Ирина Авдѣевна отъ васъ, все равно.

— Нѣтъ, не все равно.

— Папаша вамъ дастъ, сколько вы просили.

— Я ничего не просилъ, я не алтынникъ.

— Онъ даже прибавитъ двѣсти рублей.

Грубоватый голосъ Юлiи Петровны звучалъ при этихъ словахъ почти музыкально. Доворецкiй оставался непреклоннымъ. Досадливо отвѣчалъ:

— Нѣтъ ужъ, Юлiя Петровна, вы мнѣ и не заикайтесь о деньгахъ. У васъ есть женихъ: вы за Бинштокомъ ухаживаете, вы его и прельщайте вашими деньгами, а меня оставьте въ покоѣ.

— Что вы, Михаилъ Иванычъ, что за женихъ Биншгокъ! Это вотъ вы за Машенькой Оглоблиной ухаживаете.

— Оглоблина мнѣ не пара.

— А я?

— Нѣтъ, то было два года тому назадъ. И вы за это время измѣнились, да и я себѣ цѣну знаю. И вы меня оставьте, пожалуйста. Не на такого наскочили!

Доворецкiй рѣшительно всталъ. Лицо его было красно и злобно.

— Раскаетесь, да поздно будетъ,—зловѣщимъ голосомъ сказала Юлiя Петровна, отодвигая ноги и подбирая платье.

— Шкура барабанная, — проворчалъ Доворецкiй, отходя.

Логинъ вошелъ въ гостиную. Улыбка Анны опять показалась ему не то досадною, не то милою. Захотѣлось пройти къ Аннѣ. Клавдiя остановила. Повѣяло запахомъ сердца Жаннеты. Спросила;

— Вы не сѣли играть въ карты?

— Какой я игрокъ!

Стояли у дверей, одни. Клавдiя нервно подергивала и оправляла драпировку корсажа, которая лежала поперечными складками, и была прикрѣплена у лѣваго плеча, подъ вѣткою чайныхъ розъ.

— Мы будемъ танцовать, а вы... Послушайте,— быстро шепнула,—вы меня презираете?

— За что?—такъ же тихо сказалъ онъ, и прибавилъ вслухъ,—я не танцую.

— Что жъ вы будете дѣлать? Скучать?... Вы меня очень презираете? Вы считаете меня нимфоманкой?

— Буду смотрѣть... Полноте, съ какой стати! Презирать—глупое занятіе, на мой взглядъ,—я этимъ давно не занимаюсь.

Вкусова вслушалась въ его слова со своего мѣста, и вмѣшалась въ разговоръ:

— Это танцы-то—глупое занятіе? Эхъ, вы, молодой человѣкъ!

— Какой я молодой человѣкъ! Мы съ вами—старики.

— Благодарю за комплиментъ, только я на свой счетъ не принимаю.

— Василій Марковичъ мастеръ говорить такія любезности, что не обрадуешься,—съ кислою улыбочкою сказала Марья Антоновна Мотовилова.

Кто-то заигралъ на роялѣ кадриль. Произошло общее движеніе. Откуда-то вынырнули и засуетились кавалеры съ развязными жестами. Два-три военныхъ сюртука чрезвычайно ловко извивались рядомъ со своими дамами. Статскіе кавалеры потащили дамъ; двигали въ стороны плечами, словно расталкивали толпу. Барышни и дамы, которыя отправлялись танцовать, имѣли обрадованный видъ.

Логинъ разсѣянно смотрѣлъ на нелѣпыя фигуры кадрили. Молодой человѣкъ, который дирижировалъ, кричалъ глухимъ голосомъ.

„Дышать какъ слѣдуетъ, каналья, не умѣетъ, а туда же кричитъ!“—думалъ Логинъ.

Кадриль кончилась. Логинъ пробрался къ Аннѣ, ѣлъ рядомъ съ нею, и заговорилъ:

— Утомляютъ меня эти добрые люди!

— Почему вы называете ихъ добрыми?—спросила Анна, ласково улыбаясь ему.

— Спросить бы ихъ, каждый о себѣ что думаетъ? Всѣ оказались бы добрыми и хорошими. А если бъ

имъ сказать, что хорошихъ людей по нынѣшнимъ временамъ не такъ много, чтобъ всякая трущоба кишѣла ими,—какъ бы озлились эти добрые люди!

— Можетъ быть, каждый только себя считаетъ хорошимъ?

— Хорошо, кабы такъ...

— Мало хорошаго!

Анна засмѣялась. Логинъ сказалъ, улыбаясь:

— Вѣдь тутъ что утѣшительно? что если всѣ мои знакомые—хорошіе люди, такъ въ хорошіе люди не трудно попасть, —я, вѣдь, знаю ихъ, мерзавцевъ,— такъ разсуждаетъ всякій, и охотно надѣляетъ каждаго дипломомъ хорошаго. А представить себѣ только, что хорошихъ людей мало! Значитъ, это трудно! Ну, я, положимъ, одинъ хорошъ, остальные—подлецы. Но какъ же трудно удержаться въ такой позиціи! Потому ихъ и злитъ всякая критика.

— Ихъ только? А насъ съ вами? оживленно спросила Анна.

— Что жъ, было время; и я считалъ себя и многихъ моихъ друзей альтруистами, а за что? На повѣрку взять, такъ за то только, что мы на высокія темы умѣли красно говорить. Теперь мнѣ и самое это словечко долговязое, „альтруизмъ", нелѣпымъ кажется.

— Вы считаете себя эгоистомъ?

— Всѣ—эгоисты. Люди только обманываютъ себ[illegible] на свою-же бѣду, когда увѣряютъ, что возможна бе[illegible] корыстная любовь.

— Вотъ ужъ это несправедливо такъ разсуждать[illegible] какъ только я перестаы быть альтруистомъ, такъ [illegible] всѣ должны быть эгоистами.

— Впрочемъ, я готовъ на уступку. Пусть будутъ и альтруисты,—не пропадать же слову. Но, право, это не больше, какъ избытокъ питанія.

— Чѣмъ же отличается добро отъ зла?

— А чѣмъ отличается тепло отъ холода или жара? Должно быть, всякое добро произошло отъ того, что намъ кажется зломъ, при помощи какого-нибудь приспособленія.

— Да это нравственная алхимія.

А рояль опять бренчалъ, по залѣ носились пара за парою. Гомзинъ подскочилъ къ Аннѣ съ преувеличенною ловкостью. Анна улыбаясь положила руку на его плечо.

Логинъ разсѣянно слѣдилъ за танцующими. Щеки дамъ горѣли, глаза блестѣли, женскія голыя плечи были красивы, но кавалеры, на взглядъ Логина, были неприличны: красныя, потныя, скуластыя лица, черные клоки волосъ, которые мотались надъ плоскими и наморщенными лбами, и выраженіе любезности и усердія въ вытаращенныхъ глазахъ. Гомзинъ смотрѣлъ сверху, за охрово-желтую кружевную Аннину берту, туда, гдѣ она прикрѣплялась къ корсажу темно краснымъ шу; Анна весело улыбалась. Все это казалось Логину глупымъ.

Анна вернулась, и сейчасъ же ушла танцовать съ молодымъ человѣкомъ въ мѣшковато сидѣвшемъ фракѣ. Фамиліи молодого человѣка Логинъ не зналъ, не зналъ и его общественнаго положенія, но они считали себя знакомыми, и при встрѣчахъ разговаривали.

Логинъ хотѣлъ было ужъ уйти изъ этой пыльной залы, гдѣ музыка и свѣчи надоѣдливо веселились, — но Анна опять сѣла рядомъ, и сказала:

— Если бъ умѣли дѣлать изъ свинца золото, чего стоило бы золото?.. Нѣтъ, благодарю васъ, я устала, — отвѣтила она пригласившему ее танцору, который отъ усталости имѣлъ жалкій и мокрый видъ.

Закрывая вышитымъ вѣеромъ улыбку, Анна смѣющимися глазами слѣдила за нимъ, пока онъ искалъ дамы. Потомъ вопросительно взглянула на Логина. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Золото подешевѣло бы, но не стало бы для всѣхъ доступно.

— Да?—недовѣрчиво спросила Анна.

Опустила на колѣни раскрытый вѣеръ. Имя Анна было вышито на немъ, между вѣтокъ ландышей, желтыми шелками. Логинъ смотрѣлъ на это имя, и говорилъ:

— Того же достигнетъ и психологическая алхимія. „Искру Божію“ находили въ падшихъ, а другою рукою развѣнчивали идеалы. И вотъ, рѣзкое различіе между добрыми и злыми стерлось, мы стали жалостливы, и въ то же время равнодушны къ тому, что прежде казалось возвышеннымъ. Наивность утрачена, и съ нею счастье!

— Точно счастье непремѣнно глупо!

— Избранныя натуры не ищутъ счастья, и не имѣютъ его.

— Почему?—спросила Анна, подымая на Логина удивленные глаза.

— Счастье не для нихъ. Блаженство—для нихъ гнусное чувство. Какъ пользоваться тѣмъ, что намъ представилъ случай, когда вездѣ такъ много печали, страданій!

— Въ страданіяхъ есть восторгъ, — задумчиво сказала Анна.

— Вы то это откуда знаете?

— Изъ опыта. И счастье всегда надо завоевать.

— Да вѣдь побѣждаютъ только сильные?

— Конечно,—сказала Анна.

Рѣшительный складъ ея губъ показался Логину жестокимъ.

— А слабые? Топтать слабыхъ, чтобъ добиться счастья! Ужъ лучше быть побѣжденнымъ. Да и наивное счастье, которымъ удовлетворяется людское стадо, какъ трудно оно достигается! Или пробирайся къ экватору степью подъ вьюгой, или грѣйся у камина. Но въ степи замерзаютъ, а у камина...

— Сердце черствѣетъ,—тихо докончила Анна.

— Да, сердце черствѣетъ!

— Вотъ какъ я удачно подаю реплики!—сказала Анна, смѣясь.

Минутная задумчивость быстро сбѣжала съ ея лица.

— Отвлеченный разговоръ въ неподходящей рамкѣ,—отвѣтилъ Логинъ, стараясь попасть въ ея тонъ для окончанія разговора.—А знаете, кто мнѣ изъ всего этого общества всѣхъ симпатичнѣе?

— Кто? — спросила Анна, слегка нахмуривая брови.

— Баглаевъ.

— Неужели! Что въ немъ хорошаго? Болтаетъ, вретъ.

— Да. Онъ нравится мнѣ тѣмъ, что онъ - самый непосредственный изъ мерзавцевъ. У него нѣтъ ничего въ душѣ, кромѣ того, что появляется на языкѣ.

Барышня съ блѣдными глазами подошла къ Аннѣ, и заговорила съ нею. Логинъ отошелъ, и встрѣтилъ Андозерскаго.

— Ищу визави. Танцуешь?—озабоченно спросилъ его Андозерскій.

— Нѣтъ, гдѣ мнѣ!

— Такъ, дружище, нельзя,—что ты кисляемъ такимъ? Бери съ меня примѣръ. А я тутъ около Неточки занялся.

— Ну, и что жъ?

— А вотъ надо этого актеришку проучить, Пожарскаго,—ухаживать вздумалъ. И какой онъ Пожарскій,- просто буйскій мѣщанинъ Фроловъ, и пьяница вдобавокъ, мразь этакая!

— Не все ли равно! Фроловъ, такъ Фроловъ.

— Ну-да! Да, впрочемъ, и всѣ здѣшніе актеры—тѣ же золоторотцы, босяки. Надоѣдятъ публикѣ, перестанутъ сборы дѣлать, и поплетутся въ другой городъ.

по образу пѣшаго хожденія, на своихъ подошвахъ, вздѣвъ сапоги на палочку. Ну, пойду искать.

Логинъ подошелъ къ Нетѣ: она разговаривала съ незнакомою Логину барышнею. Сѣлъ рядомъ съ Нетою, нагнулся къ ея уху, и тихо спросилъ:

— Кто лучше: Пожарскій или Андозерскій?

Нета вскинула на него глаза, и постаралась придать имъ строгое выраженіе. Логинъ спокойно улыбался, и настойчиво глядѣлъ прямо въ ея глаза. Спрашивалъ:

— Для васъ-то кто лучше кажется?

— Послушайте, такъ нельзя спрашивать,—отвѣчала Нета съ легонькою растяжкою, стараясь выдержать строгій тонъ.

— Полноте, отчего же нельзя?

— Отчего? Да только вы способны такъ спрашивать.

— Но, однако, кто же лучше?

Нета засмѣялась. Сказала съ жеманною ужимкою:

— Андозерскій—вашъ другъ.

— О, я не передамъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, какъ вы меня утѣшили! А я этого-то и боялась.

— Такъ кто же лучше?

— Знаете, вашъ другъ чваненъ и скученъ не по возрасту,—сказала Нета.

Сдѣлала капризную гримасу.

— Да. А неправда ли, какъ милъ и остроуменъ Пожарскій?

— Прелесть!—искреннимъ голосомъ воскликнула Нета.

— А вы не знаете его фамиліи?

— Вотъ странный вопросъ!

— Пожарскій—по сценѣ. Настоящая фамилія—Фроловъ.

К.

— А я не знала.

— Буйскій мѣщанинъ. Въ Костромской губерніи есть городъ Буй.

— Что жъ изъ этого?—краснѣя и досадуя, спросила Нета.

Въ замѣшательствѣ она такъ сильно, по привычкѣ, щипнула свою щеку, что на ней осталось явственное пятнышко.

— Такъ, къ слову пришлось,—равнодушно усмѣхаясь, сказалъ Логинъ.

Нета замолчала. Логинъ отошелъ.

„Я сегодня веду странные разговоры", — подумалъ онъ.

Пожарскій былъ первый актеръ нашего театра. Онъ несъ на своихъ плечахъ весь репертуаръ, игралъ Хлестакова въ Ревизорѣ, а иногда и городничаго, и Гамлета, и все, что придется, кувыркался въ водевиляхъ, умиралъ въ трагедіяхъ, пѣлъ куплеты, читалъ стихи и сцены изъ еврейскаго, армянскаго, народнаго и всякаго иного быта въ дивертисементахъ. Внѣ сцены онъ былъ разбитной малый, могъ выпить водки сколько угодно, мало хмелѣлъ при этомъ, и бывалъ душею общества въ компаніи пьяныхъ купчиковъ, которыхъ мастерски обыгрывалъ въ стуколку. Состязаться съ нимъ въ этомъ искусствѣ могъ одинъ только Моллинъ.

Публика любила Пожарскаго,—театръ въ его бенефисы бывалъ полонъ, и ему подносили цѣнные подарки: иногда серебряный портъ-сигаръ, иногда роскошный халатъ съ кистями и съ ермолкою. Но денегъ у него не водилось,—все добытое отъ искусства или отъ картъ немедленно прошивалось. На его счастье всегда находилась сердобольная вдовушка, которая заботилась объ его удобствахъ. Теперь Нета уязвила его сердце не на шутку,—онъ пилъ меньше обыкновеннаго, и уже мѣсяца два порвалъ съ своею послѣднею подругою.

Глава пятнадцатая.

Кончилась вторая кадриль. Воздухъ сдѣлался мглистымъ. Непріятно пахло духами, потомъ и ароматною смолкою. Середина залы опустѣла. Туманными казались неяркіе цвѣта платьевъ на барышняхъ. Кавалеры успѣли проглотить по нѣсколько рюмокъ водки, но многіе изъ нихъ въ антрактахъ между танцами все еще держались подальше отъ дамъ, только глаза ихъ пріобрѣтали алчное выраженіе. Нѣсколько безусыхъ юношей робко вертѣлись около барышенъ: они старались быть развязнѣе, и безпрестанно густо краснѣли. Глаза ихъ блестѣли, улыбки были пошлыя.

Пожарскій страстно шепталъ Нетѣ:

— Видѣть васъ хоть изрѣдка, хоть издали, чтобы потомъ унести въ памяти вашъ милый образъ, какъ святыню, и молиться ему,—и это одно было бы для меня блаженствомъ, для котораго стоитъ жить. Вы одна отнеслись ко мнѣ, какъ къ человѣку, а не гаеру.

Нета дѣлала актеру нѣжные глазки. Сказала:

— Но васъ здѣсь такъ почитаютъ!

— Почитаютъ! Да, пожалуй, даже любятъ, какъ шута, какъ забавника. Никому нѣтъ дѣла до того, что и въ груди актера бьется человѣческое сердце. Когда мы на сценѣ, мы заставляемъ плакать и смѣяться, и намъ рукоплещутъ. А въ обществѣ — насъ презираютъ.

— О, неправда!

— Доброе, доброе дитя! Вы еще не знаете людей,—они злы и неблагодарны. Актеръ, по ихъ мнѣнію, всегда ломается, и его чувства не настоящія, и всѣ его поступки — дурацкія выходки. Поскользнись актеръ на этомъ паркетѣ,—весь залъ задрожитъ отъ хохота: комедіантъ колѣнце выкинулъ!

— Не все же на свѣтѣ злые люди, Виталій Ѳедоровичъ.

— Да, да, это вѣрно. Вотъ, напримѣръ, господинъ Логинъ,—Гамлетъ, принцъ датскій; онъ не засмѣется, потому что не только актеровъ,—онъ и весь міръ презираетъ. А вотъ благородный отецъ, добродѣтельный Ермолинъ,—онъ слишкомъ высоко паритъ, чтобъ на какого-нибудь фигляра любоваться... Но прочь черныя мысли! Пусть толпа командуетъ: смѣйся, паяцъ!—передо мною вы, бѣлая голубка въ стаѣ черныхъ грачей!

Нета смотрѣла на актера съ восхищеніемъ и жалостью; розовыя тонкія губы улыбались растроганно; бѣлокурые локоны трепетали надъ нащипанными украдкой щеками.

Логинъ сказалъ Андозерскому:

— Кажется, Неточка находитъ Пожарскаго плѣнительнымъ.

— Ну, это дудки!—самоувѣренно отвѣчалъ Андозерскій.

— Однако, взгляни, какъ они мило бесѣдуютъ.

— А вотъ я его спугну.

Андозерскій подошелъ къ Пожарскому, безцеремонно хлопнулъ его по плечу, и сказалъ:

— Ну, что тутъ лясы точить,—пойдемъ, братъ, выпьемъ.

Пожарскій быстро глянулъ на Нету, и повелъ плечомъ. Его быстрая усмѣшка и торжествующій взглядъ сказали ей:

„Вотъ видите, я правъ!"

Нета вспыхнула, и посмотрѣла на Андозерскаго гнѣвно-засверкавшими глазами. Пожарскій всталъ, принялъ видъ изъ „Ревизора", и сказалъ беззаботно, какъ Хлестаковъ:

— Пойдемъ, душа моя, выпьемъ.

Потомъ онъ галантно раскланялся съ Нетою, и по-

шелъ за Андозерскимъ. Пета провожала ихъ опечаленными глазами. Бѣлый вѣеръ дрожалъ и судорожно двигался въ ея маленькихъ рукахъ.

— Пока справки, пока что,—толковалъ исправникъ Логину,—меньше года не пройдетъ.

— Неутѣшительно,—сказалъ Логинъ.—Кто изъ насъ, людей служащихъ, навѣрное знаетъ, гдѣ онъ будетъ черезъ годъ.

— Что дѣлать, атанде-ву немножко. Нельзя тянъ лянъ да и клѣтка! Мье таръ ке жаме, говорятъ французы.

— Что, братъ, все о своемъ обществѣ толкуешь?—спросилъ хихикая подошедшій Баглаевъ:—власть предержащую въ свою ересь прельщаешь?

— Да вотъ бесѣдуемъ о дальнѣйшемъ теченіи этого дѣла,—отвѣтилъ за Логина исправникъ.

— Брось, братъ, всю эту канитель: ничего не выйдетъ. Пойдемъ-ка лучше хватимъ бодряги за здоровье отца-исправника.

— Хватить—хватимъ, только отчего жъ ничего не выйдетъ?

— А вотъ, я тебѣ скажу, я тебѣ въ одинъ мигъ секретъ открою. Ну, держи рюмку,—говорилъ Баглаевъ, когда они вошли въ столовую, и протолкались къ столику съ водкою.—Вотъ, я тебѣ сначала рябиновой налью,—противъ холеры лучше не надо,—а потомъ скажи: кто я таковъ, а?

— Шутъ гороховый,—съ досадою сказалъ Логинъ, и выпилъ рюмку водки.

— Ну, это ты напрасно такъ при благородныхъ свидѣтеляхъ. Нѣтъ, пусть лучше исправникъ скажетъ, кто я.

— Ты, Юшка—городская голова, епондеръ-шишъ; шефъ де ля виль, какъ говорятъ французы.

— Нѣтъ, не такъ, а прево де маршанъ,—попра-

вилъ казначей, ткнулъ Юшку кулакомъ въ животъ, и захохоталъ съ визгомъ и крикомъ.

— Ну ты,—огрызнулся Юшка,—полегче толкайся, я человѣкъ сырой, долго ли до грѣха. Ну такъ вотъ, братъ, я здѣшняя голова, излюбленный, значитъ, человѣкъ, мозговка всего города,—мнѣ ли не знать нашего общества! Мы, братъ, люди солидные, старые воробьи, насъ на мякинѣ не проведешь, мы за твоей фанаберіей не пойдемъ, у насъ никогда этого не бывало. Вотъ если я, къ примѣру, объявлю, что завтра рожать буду, ко мнѣ, братъ, весь городъ соберется на спектакль, въ доску надрызгаемся, а на утро опять чисты, какъ стеклышки, опять готовы „на подвигъ доблестный, друзья“. Такъ, что ли, казначей?

— Вѣрно, Юшка, умная ты голова съ мозгами!

— Вотъ то-то. Ну, братцы, наше дѣло не большое: выпьемъ, да сппно,—чтобъ холера не приставала.

— Все это вѣрно, Юрій Александровичъ, а ты скажи, зачѣмъ ты водки такъ много пьешь?—спросилъ Логинъ.

— Ну, сморозилъ! Гдѣ тамъ много, сущую малость, да и то изъ одной только любви къ искусству: ужъ очень, братцы, люблю чтобъ около посуды чисто было.

— Нельзя, знаете ли, не пить,—вмѣшался Оглоблинъ, суетливый и жирный молодой человѣкъ, красноносый, въ золотыхъ очкахъ,—такое время,—руки опускаются, забыться хочется.

Между тѣмъ у другого угла столика Андозерскій пилъ съ Пожарскимъ.

— Повторимъ, что ли,—угрюмо сказалъ Андозерскій.

Злобно смотрѣлъ на розовый галстухъ актера, повязанный небрежно, сидѣвшій немного вбокъ на манишкѣ небезукоризненной свѣжести.

— Повторимъ, душа моя, куда ни шло,—безпечно откликнулся Пожарскій.

Потянулся за бутылкою, и запѣлъ фальцетомъ:

„Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Но счастливѣй и вольнѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ“.

— Что, братъ, не собрался-ли жениться?—спросилъ Андозерскій.

Покосился на потертые локти актерскаго сюртука

— Справедливое наблюденіе изволили сдѣлать, сеньоръ: публика мало поощряетъ сценическіе таланты,—для избѣжанія карманной чахотки женитьба — преотличное средство.

— Гмъ, а гдѣ невѣста?

— Невѣсту найдемъ, почтеннѣйшій: были бы женихи, а невѣстой Богъ всякаго накажетъ,—такая наша жениховская линія.

— Что жъ, присмотрѣли купеческую дочку?

— Зачѣмъ непремѣнно купеческую?

— Ну, мѣщанскую, что ли?

— Зачѣмъ же мѣщанскую? При нашихъ пріятныхъ талантахъ, да при нашихъ успѣхахъ мы и настоящую барышню завсегда прельстить можемъ, — пройдемъ козыремъ, сдѣлаемъ злодѣйскіе глазки,—и клюнетъ.

— Ну, братъ, гни дерево по себѣ,—со злымъ смѣшкомъ сказалъ Андозерскій.

Актеръ сдѣлалъ лицо приказчика изъ бытовой комедіи:

— Помилуйте, господинъ, напрасно обижать изволите. И мы не лыкомъ шиты. Чѣмъ мы не взяли? И ростомъ, и дородствомъ, и обращеніемъ галантерейнымъ, да и въ темя не колочены Нѣтъ ужъ, сдѣлайте милость, дозвольте имѣть надежду.

— По чужой дорожкѣ ходишь, чужую травку топчешь,—смотри, какъ бы шеи не сломать.

Актеръ сдѣлалъ глупое лицо изъ народной пьесы, разставилъ ноги, тупоумно ухмыльнулся, и заговорилъ:

— Ась? Это, то-ись, къ чему же? То-нсь, къ примѣру, невдомекъ маненечко. Вотъ, дяденька,—обратился онъ къ Гуторовичу, старику актеру на комическія роли,—баринъ серчаетъ, ни съ того, ни съ сего, ажно испужалъ. Чѣмъ его я огорчилъ? Ей-ей, невдомекъ.

Морщинистое, дряхлое лицо Гуторовича сложилось въ гримасу, которая должна была изобразить смиренную покорность подвыпившаго мужичка, и онъ залопоталъ, помахивая головою и руками по-пьяному, и показывая черные остатки зубовъ:

— А мы, Виташенька, другъ распроединственный, пѣсенку споемъ, распотѣшимъ его высокое благородіе, судію неумытнаго.

— А и то, споемъ, старче.

Андозерскій пробормоталъ что-то неласковое, и отошелъ отъ стола. Пожарскій и Гуторовичъ обнялись, и запѣли притворно-пьяненькими голосами, пошатываясь передъ столомъ:

„Эхъ ты, тпруська, ты тпруська бычокъ,
Молодая телятинка!
Отчего же ты не телишься,
Да на что же ты надѣешься?
Эхъ ты, Толя, ты, Толя дружокъ,
Молодая кислятинка!
Отчего же ты не женишься,
Да на что же ты надѣешься?“

Актеровъ окружила компанія подвыпившихъ мужчинъ. Въ середину толпы замѣшалась развеселая жена воинскаго начальника; она выпила двѣ рюмки водки съ юнымъ подпоручикомъ, за которымъ ухаживала. Всѣмъ было весело. Гуторовичъ, для увеселенія зрителей, изображалъ нѣкоторыхъ лицъ здѣшняго общества въ интересные моменты ихъ жизни: врача Матафтина, какъ онъ осматриваетъ холерныхъ больныхъ на почтительномъ разстояніи, и трепещетъ отъ страха;—спѣсиваго

директора учительской семинаріи Моховикова, какъ онъ съ неприступно-важнымъ видомъ и со шляною въ рукѣ расхаживаетъ по классамъ;—Мотовилова, какъ онъ говоритъ о добродѣтели, и проговаривается объ украденныхъ баркахъ; — Крикунова, какъ онъ молится, и потомъ, какъ деретъ за уши мальчишекъ.

— Вотъ чортъ-то! — восклицалъ Баглаевъ,—животики надорвешь.

Все это наконецъ до невыносимости опротивѣло Логину. Ушелъ. Гуторовичъ мигнулъ на него веселой публикѣ, изогнулъ спину, и зашепталъ:

— Экая бѣда,—прямо по землѣ ходить человѣку приходится. Пьедестальчикъ, хоть махонькій, а то вѣдь такъ же нельзя, господа.

„Господа“ радостно захохотали.

Логинъ вошелъ въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ слышался звонкій смѣхъ барышенъ.

„И здѣсь, навѣрно, встрѣтится что-нибудь пошлое“, пришло ему въ голову.

Увидѣлъ Андозерскаго,—тотъ успѣлъ чѣмъ-то насмѣшить дѣвицъ. Среди барышенъ была Клавдія. Кромѣ Андозерскаго, здѣсь не было другихъ мужчинъ. Логину показалось, что Андозерскій смутился, когда увидѣлъ его: круто оборвалъ бойкую рѣчь. Глаза барышенъ обратились къ Логину, веселые, смѣющіеся. Клавдія смотрѣла задорно; что-то враждебное свѣтилось въ глубинѣ ея узкихъ зрачковъ, и злобно горѣли зеленые огни ея глазъ. Она сказала:

— Мы только что о васъ, Василій Марковичъ, говорили.

И слегка отодвинулась на стулѣ, чтобы Логинъ могъ сѣсть на сосѣдній стулъ, который раньше былъ прикрытъ складками ея юбки.

— Легки на поминѣ!—весело сказала маленькая кудрявая барышня съ лицомъ хорошенькаго мальчика.

— Любопытно, что интереснаго нашлось сказать обо мнѣ,—лѣниво молвилъ Логинъ.

— Какъ не найтись! Вотъ Анатолій Петровичъ разсказывалъ...

— Ну, это шутка,—заговорилъ было Андозерскій.

Клавдія удивленно посмотрѣла на него. Андозерскій сконфуженно повернулся къ подошедшей служанкѣ, и взялъ апельсинъ. Онъ сейчасъ же подумалъ, что апельсинъ великъ, и что напрасно было брать его. Ему стало досадно. Клавдія спокойно продолжала:

— Разсказывать, что члены вашего общества должны будуть давать тайныя клятвы въ подземельи, со свѣчами въ рукахъ, въ бѣлыхъ балахонахъ, и что имъ будуть выжигать знаки на спинѣ въ доказательство вѣчной принадлежности. А кто измѣнить, того приговорять къ голодной смерти.

Логинъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ. Сказалъ:

— Какая невеселая шутка! Что же, впрочемъ, мысль не дурна: одну бы клятву слѣдовало брать, хотя почему жъ тайную? Могла бы это быть и явная клятва.

— Какая же?—спросила Клавдія.

— Клятва,—не клеветать на друзей.

— Ну, вотъ, я вѣдь шучу,—безпечно сказалъ Андозерскій.

— Заѣшьте клевету сладкимъ,—сказала Клавдія.

Указала Логину на дѣвушку, которая держала передъ нимъ подносъ съ фруктами.

Логинъ положилъ себѣ на блюдечко очень много, безъ разбору, и принялся ѣсть. Тонкія ноздри его нервно вздрагивали.

Въ сосѣдней гостиной тихо разговаривали Мотовиловъ и исправникъ. Мотовиловъ говорилъ:

— Шибко не нравится мнѣ Логинъ!

— А что?—осторожнымъ тономъ спросилъ Вкусовъ.

— Не нравится,—повторилъ Мотовиловъ.—У меня

взглядъ вѣрный,—даромъ хаять не стану. Повѣрьте мнѣ, не къ добру это общество. Тутъ есть что-то подозрительное.

— Сосьете, еноидеръ-шишъ,—меланхолично сказалъ Вкусовъ.

— Повѣрьте, что это только предлогъ для пропаганды противъ правительства. Надо бы снять съ этого господина личину.

— Гм... посмотримъ, подождемъ.

— Онъ, знаете ли, и въ гимназіи положительно вреденъ. Къ нему ученики бѣгаютъ, а онъ ихъ развращаетъ...

— Развращаетъ? Ахъ, еноидеръ-шишъ!

— Своею пропагандой.

— А!

Хитрое и пронырливое выраженіе пробѣжало по лицу Мотовилова, словно онъ внезапно придумалъ что-то очень удачное. Онъ сказалъ:

— Да я не поручусь и за то, что онъ... кто его тамъ знаетъ; живетъ въ сторонѣ, особнякомъ, прислуга внизу, онъ наверху. У меня сердце не на мѣстѣ. Вы меня понимаете, вы сами отецъ, вашъ гимназистъ—мальчикъ красивый.

— Да вы, можетъ быть, слышали что-нибудь?—спросилъ Вкусовъ съ безпокойствомъ.

— Не слышалъ бы, такъ не позволилъ бы себѣ и говорить о такихъ вещахъ,—съ достоинствомъ сказалъ Мотовиловъ.—Повѣрьте, что безъ достаточныхъ основаній, понимаете,—вполнѣ достаточныхъ!—я-бы не рѣшился...

— О чемъ шушукаетесь?—спросилъ подходя Баглаевъ.

Мотовиловъ отошелъ.

— Да вотъ о Логинѣ говоримъ,—печально сказалъ исправникъ.

— А! Умный человѣкъ! Надменный! Все одинъ,

Онъ, братъ, насъ презираетъ, и за дѣло: мы свиньи! Впрочемъ, онъ и самъ свинья. Но я его люблю, ей Богу, люблю. Мы съ нимъ большіе друзья,—водой не разольешь.

Вкусовъ задумчиво смотрѣлъ на него тусклыми глазами, покачивалъ головою, и шамкалъ:

— Се вре! се вре!

Глава шестнадцатая.

Логинъ искалъ, куда бы поставить опорожненное блюдечко, и забрелъ въ маленькую, полутемную комнату. Тоскующіе глаза глянули на него изъ зеркала. Досадливо отвернулся.

— Дорогой мой, какіе у васъ сердитые глаза!— услышалъ онъ слащавый голосъ.

Передъ нимъ стояла Ирина Авдѣевна Кудинова, молодящаяся вдова лѣтъ сорока, живописно раскрашенная. У нея остались послѣ мужа дочь-подростокъ, сынъ-гимназистъ, и маленькій домикъ. Средства были у нея неопредѣленныя: маленькая пенсія, гаданье, сватанье, секретныя дѣла. Одѣвалась по модному, богато, но слишкомъ пестро (какъ дятелъ, сравнивала Анна). Бывала вездѣ, подумывала вторично выйти замужъ, да не удавалось.

— Что жъ вы, мой дорогой, такой невеселый? Здѣсь такъ много невѣстъ, цѣлый цвѣтникъ, одна другой краше, а вы хандрить изволите! Ай-ай-ай, а еще молодой человѣкъ! Это мнѣ, старухѣ, было бы простительно, да и то, смотрите, какая я веселая! Какъ ртуть бѣгаю.

— Какая еще вы старуха, Ирина Авдѣевна! А я очень веселюсь сегодня.

— Что-то не похоже на то! Знаете, что я вамъ скажу: жениться бы вамъ пора, золотой мой.

— А вамъ бы всѣхъ сватать!

— Да право, что такъ-то киснуть. Давайте-ка, я васъ живо окручу съ любой барышней. Какую хотите?

— Какой я женихъ, Ирина Авдѣевна!

— Ну вотъ, чѣмъ не женихъ? Да любая барышня, вотъ ей-Богу... Вы—образованный, разнорѣчивый.

Подошелъ Андозерскій. Безцеремонно перебилъ:

— Не слушай, братъ, ее. Хочешь жениться,—ко мнѣ обратись: я въ этихъ дѣлахъ малость маракую.

— Хлѣбъ отбиваете у меня,—жеманно заговорила Кудинова,—грѣшно вамъ, Анатолій Петровичъ!

— На вашъ вѣкъ хватитъ. У васъ пенсія.

— Велика ли моя пенсія? Одно названіе.

— Я, братъ, даромъ сосватаю, мнѣ не надо на шелковое платье. И себя пристрою, и тебя не забуду. Только чуръ,—таинственно зашепталъ онъ, отводя Логина отъ Кудиновой:—пуще всего тебѣ мой зарокъ—за Нюткой, смотри, не пріударь: она—моя!

— Зачѣмъ же ты Неточку къ актеру ревнуешь?

— Я не ревную, а только актеръ глазенапы запускаетъ не туда, куда слѣдуетъ, съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ лѣзетъ. Да и все-таки на запасъ. Я тебѣ, такъ и быть, по секрету скажу: на Нютку надежды маловато,—упрямая дѣвчонка!

— Чего жъ ты говоришь, что она—твоя?

— Влюблена въ меня по-уши, это вѣрно. Да тутъ есть крючекъ,—принципы дурацкіе какіе-то. Поговорили мы съ нею на дняхъ пелаєково. Ну, да что тутъ много растабарывать: ты мнѣ другъ, перебивать не станешь.

— Конечно, не стану.

— Ну, и добре. Вотъ займись-ка лучше хозяйкой.

— Которою?

— Конечно, молодою. Эхъ ты, бирюкъ! Ну, я, дружище, опять въ плясъ.

Логинъ остался одинъ въ маленькой гостиной.

Мысленно примѣрялъ роли жениховъ Клавдіи и Петы. Холодно становилось на душѣ отъ этихъ думъ.

Пета — перемѣнчивый, простодушный ребенокъ, очень милый. Но чуть только старался представить Пету невѣстою и женою, какъ тотчасъ холодное равнодушіе мертвило въ его воображеніи черты милой дѣвушки, глуповатой, избалованной, набитой ветхими сужденіями и готовыми словами.

„Вотъ Клавдія—не то. Какая сила, и страстность, и жажда жизни! И какая безпомощность и растерянность! Недавняя гроза прошла по ея душѣ, и опустошила ее, какъ это было и со мною когда-то. Мы оба ищемъ исхода и спасенія. Но нѣтъ ни исхода, ни спасенія: я это знаю, она—предчувствуетъ. Что намъ дѣлать вмѣстѣ? Она все еще жаждетъ жизни, я начинаю уставать.“

Это были мысли, то восторженныя, то холодныя, а настроеніе оставалось такимъ же. Пока вспоминалась Клавдія такою, какъ она есть, было любо думать о ней: энергичный блескъ ея глазъ, и яркій внезапный румянецъ грѣли и лелѣяли сердце. Но стоило только представить Клавдію женою, очарованіе меркло, исчезало.

Иной образъ, образъ Анны представлялся ему. Видѣніе ясное и чистое. Не хотѣлось что-нибудь думать о ней, иначе представлять ее: словно боялся спугнуть дорогой образъ прозаическими сплетеніями обыкновенныхъ мыслей.

Закрылъ глаза. Грезилось ясное небо, бѣлыя тучки, съ тихимъ шелестомъ рожь, и на узкой межѣ Анна,— веселая улыбка, загорѣлое лицо, легкое платье, загорѣлыя тонкія ноги неслышно переступаютъ по дорожной пыли, оставляютъ нѣжные слѣды. Открывалъ глаза,—видѣніе не исчезало сразу, но блѣднѣло, туманилось въ скучномъ свѣтѣ лампъ, милая улыбка тускнѣла, расплывалась, — и опять закрывалъ глаза,

чтобы возстановить ненаглядное видѣніе. Назойливое бренчанье музыки, топотъ танцующихъ, глухой голосъ юнаго дирижера,—а надъ всѣмъ этимъ гвалтомъ слегка насмѣшливая улыбка, и загорѣлыя руки въ тактъ музыки двигались, и срывали синіе васильки и красный макъ.

— Однако, вамъ не очень весело: вы, кажется, уснули,—раздался надъ нимъ тихій голосъ.

Открылъ глаза: Клавдія. Всталъ. Сказалъ спокойно:

— Нѣтъ, я не спалъ, а такъ, просто, замечтался.

Глаза Клавдіи зеленѣя свѣтились знойнымъ блескомъ. Спросила:

— Мечтали о Нюточкѣ?

— Мало ли о чемъ мечтается въ праздныя минуты,— отвѣтилъ Логинъ.

Натянуто улыбнулся, съ чувствомъ странной для него самого неловкости.

— Счастливая Анюточка!—съ ироническою улыбкою и легкимъ вздохомъ сказала Клавдія, и вдругъ засмѣялась.—А я пари готова держать, что вы воображали сейчасъ Анютку въ полѣ, среди цвѣтовъ, во всей простотѣ. Скажите, я угадала?

Логинъ хмурился, и прикусывалъ зубами нижнюю губу.

— Да, угадали,—признался онъ.

— Нюточка солнышку рада. Цвѣточки да мотылечки,—говорила Клавдія, и быстро открывала и закрывала вѣеръ, и дергала его кружевную обшивку.— А вотъ теперь она по-бальному. Вамъ не жаль этого?

— Отчего же?

— Видите, и Нюточка не можетъ стоять выше моды. Глупо, не правда ли? Лучше было бы, если бы мы босыя танцовать приходили, да? Однако, прошу васъ не задремать: сейчасъ будемъ ужинать.

Музыка умолкла. Шумно двинулись къ ужину.

Ужинали въ двухъ комнатахъ: въ большой столовой и въ маленькой комнатѣ рядомъ. Въ большой столовой было просторно и чинно. Тамъ собрались дамы и дѣвицы, нѣсколько почтенныхъ старцевъ скучающаго вида, и молодые кавалеры, обязанные сидѣть съ дамами и развлекать ихъ.

Андозерскій сидѣлъ рядомъ съ Анною, и усердно занималъ ее. Хорошенькая актриса Тарантина наивничала и сюсюкала, блестя бѣлыми, ровными зубами. Апатичный Павликовскій развлекалъ ее разсказами о своихъ оранжереяхъ. Бинштокъ говорилъ что-то веселое Нетѣ. Ната сверкала на него злыми глазами. Гомзинъ растечалъ любезности Натѣ. Каждый разъ, когда Ната взглядывала на его оскаленные зубы, бѣлизна которыхъ была противна ей (у Бинштока зубы желтоваты), въ ней закипала злость, и она говорила дерзость, пользуясь правами наивной дѣвочки. Мотовиловъ съ суровымъ паѳосомъ проповѣдывалъ о добродѣтеляхъ. Жена воинскаго начальника потягивала вино маленькими глотками, и увѣряла, что если бъ ей представился случай для обогащенія отравить кого-нибудь, и если бы это можно было сдѣлать ни для кого невѣдомо, то она отравила бы. Мотовиловъ ужасался, и энергично восклицалъ:

— Вы клевещете на себя!

Дряхлый воинскій начальникъ и обѣ старшія Мотовиловы тихо разговаривали о хозяйствѣ. Дубицкій разсказывалъ, какъ онъ командовалъ полкомъ. Зинаида Романовна дѣлала видъ, что это ей интересно. Клавдія и Ермолинъ о чемъ-то заспорили тихо, но оживленно. Палтусовъ и жена Дубицкаго,—она была рада, что мужъ сидѣлъ отъ нея далеко,—говорили о театрѣ и о цвѣтахъ.

Въ маленькой комнатѣ было тѣсно, весело и пьяно. Здѣсь были одни мужчины: подвыпившій отецъ Андрей,—Вкусовъ, безпрестанно восклицавшій то по-русски:

— Я, братцы, налимонился!

То по-французски:

— Фрерчики, же сюи налимоне!

— И забылъ о женѣ!—попадалъ ему въ риѳму Оглоблинъ.

Казначей разсказывалъ циничные анекдоты;—Юшка, красный, какъ свекла;—Пожарскій и Гуторовичъ, ихъ не забиралъ хмель, хоть они пили больше всѣхъ;—Саноцкій и Фрицъ, неразлучная парочка инженеровъ;—еще штукъ пять господъ съ сѣдѣющими волосами и наглыми взглядами. Сюда же попалъ и Логинъ.

За этимъ столомъ пили много, словно всѣхъ томила жажда, выбирали напитки покрѣпче, лили ихъ въ самыя большія рюмки, не стѣсняясь тѣмъ, что на днѣ остаются капли иного напитка; ѣли съ жадностью и неопрятно, громко чавкали, говорили громко, перебивали другъ друга, переругивались. Разговоры были такіе, что даже эти пьяные люди иногда понижали голосъ, чтобъ не услышали дамы. Тогда кружокъ собесѣдниковъ сдвигался, сидѣвшіе далёко перегибались черезъ столъ, другіе наклоняли головы, на короткое время становилось тихо; слышался только торопливый шепотъ,—и вдругъ раскаты разудалаго хохота оглашали тѣсную комнату, и заставляли вздрагивать дамъ въ большой столовой.

— Что анекдоты,—сказалъ съ гулкимъ смѣхомъ отецъ Андрей,—слушайте, братцы, я вамъ лучше разскажу дѣйствительное происшествіе, бывшее со мною. Какой я на дняхъ сонъ видѣлъ! Вижу я себя въ нѣкоемъ саду, и въ томъ саду стоятъ все елочки, а на елочкахъ висятъ лампадочки. Въ лампадочкахъ масло налито, свѣтиленки плаваютъ, огонечки теплятся, такъ это все чинно, благообразно. И вижу я, около тѣхъ лампадочекъ суетятся услужающіе. Какъ только погаснетъ лампадка, сейчасъ ее услужающій снимаетъ. Вотъ я

постоялъ, поглядѣлъ, да и спрашиваю, что, молъ, это за лампадки. Услужающій и говоритъ: „это не простыя лампадки, это—судьба человѣческая; гдѣ ярко горитъ огонь, тамъ еще много жизни у человѣка осталось, а гдѣ масла мало, тому, говоритъ, человѣку скоро конецъ". Тутъ я, братцы, ужаснулся хуже, чѣмъ передъ архіереемъ. Однако, собрался съ духомъ, да и спрашиваю: „а что, господинъ, нельзя ли узнать, какая тутъ моя лампадка?" Повелъ онъ меня къ одной елочкѣ. Виситъ тамъ нѣсколько лампадочекъ, всѣ горятъ ярко, а одна чуть-чуть теплится. „Вотъ эта,—говоритъ,—твоя и есть". Сталъ я изыскивать средства. Вижу,—услужающій отвернулся. Я засунулъ скорѣе палецъ въ чужую лампадку,—масло, извѣстно, пристаетъ,—я въ свою лампадку его скапнулъ,—огонекъ опять оживился. И такъ я нѣсколько разъ: какъ только онъ отвернется, такъ я палецъ въ чужую лампадку, а потомъ въ свою, накапываю себѣ помаленьку. И ужъ изрядно накапалъ, только вдругъ не остерегся, поторопился,—и попался. Услужающій, какъ на грѣхъ, обернись, и видитъ, что я пальцемъ въ чужой лампадкѣ колупаюсь. Какъ онъ закричитъ: „Что ты дѣлаешь? да куда ты лѣзешь?" Да какъ хлобыснетъ меня по рожѣ, ажъ, братцы, я проснулся.

Гулкое грохотаніе носилось вокругъ стола.

— И что жъ оказывается? Это по мордѣ-то меня жена въ сердцахъ огрѣла.

Когда хохотъ затихъ, Баглаевъ началъ было:

— А вотъ, господа, когда я служилъ въ сорокъ второй артиллерійской бригадѣ...

— Врешь, Юшка,—крикнулъ Сапоцкій,—никогда ты въ артиллеріи не служилъ.

— Ну вотъ, какъ не служилъ!

— А ты, голова съ мозгами, въ какомъ университетѣ воспитывался?

— Въ Московскомъ, извѣстно!

— А я такъ слышалъ, что тебя изъ второго класса гимназіи выгнали.

— Наплюй тому въ глаза, кто тебѣ это говорилъ.

— Плюй самъ: вотъ онъ здѣсь, — Константинъ Степанычъ.

— Костя, другъ, и это ты? и у тебя языкъ повернулся?—съ укоромъ восклицалъ Баглаевъ.

— Знаемъ мы тебя, городская голова: враль извѣстный,—отвѣчалъ Оглоблинъ.—Вотъ ты разскажи лучше, какъ изъ городской богадѣльни мальчишки бѣгаютъ.

— Богадѣльня — мерзость! — оживился Юшка:— грязь, безпорядокъ, всѣ крадутъ, старики и старухи пьянствуютъ, мальчишки безъ надзору шляются и шалятъ.

— Стой, стой, голова съ мозгами,—закричалъ Саноцкій,—кого ты обличаешь? кто богадѣльней завѣдуетъ?

— Извѣстно кто: голова.

— А голова-то кто?

За столомъ хохотали.

— Ловко, Юшка,—восторгался казначей,—забылъ, что голова.

— Вовсе не забылъ!

— Это онъ чуетъ, что его прокатятъ, еноидеръшишъ!

— Ничего не прокатятъ, а я самъ не хочу. А богадѣльню я подтяну.

— Разскажи, отчего у тебя мальчишка далъ тягу,— приставалъ Оглоблинъ.

— Оттого, что мерзавецъ: каждый годъ бѣгаетъ. Прошлый годъ убѣжалъ, да дурака свалялъ,—поймали въ Лѣтнемъ саду подъ кустикомъ, привели, и выдрали; а нынче онъ опять по привычкѣ, айда въ лѣсъ,—весну почуялъ. Негодяй! не сносить ему головы!

— А ты что жъ, нынче въ задатокъ его взъерепенилъ, что ли? или такъ, здорово живешь?

— Ничего не въ задатокъ, а не учится! Крикуновъ пожаловался, а я распорядился.

— Всыпать сотню горячихъ?

— Ничего не сотню, а всего пятнадцать. При мнѣ и пороли.

— А ты держалъ, что-ли?

— Дуракъ! Не хочу съ дуракомъ и разговаривать!

За столомъ хохотали, а Юшка злился и бубнилъ:

— Я голова. Мое дѣло— распорядиться, а не держать, вотъ что.

— Юрочка!—кричалъ отецъ Андрей.—Юрочка, не хочешь ли окурочка?

Логинъ упрямо молчалъ, всматривался въ пьяныя лица, и трепеталъ отъ мучительной злобы и тоски. Каждое слово, которое онъ слышалъ, вонзалось раскаленною иглою, и терзало его. Пилъ стаканъ за стаканомъ. Сознаніе мутнѣло. Злоба расплывалась въ неопредѣленно-тяжелое чувство.

Наконецъ ужинъ кончился. Сквозь шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, топотъ ногъ и весело-оживленный ропотъ разговоровъ послышались звуки музыки: молодежь собиралась еще танцовать. Но гости, болѣе отяжелѣвшіе, прощались съ хозяевами.

Логинъ вышелъ на лѣстницу вмѣстѣ съ Баглаевымъ. Юшка увивался вокругъ Логина, и лепеталъ что-то. Логинъ на крыльцѣ протянулъ руку Баглаеву, и сказалъ:

— Ну, намъ въ разныя стороны.

— Зачѣмъ, чудакъ? Говорю,—пойдемъ пьянствовать.

— Ну вотъ, мало пили! Да и куда мы пойдемъ такъ поздно?

— Ужъ я знаю, я тебя проведу! Чудородъ, насъ пустятъ,—убѣдительно говорилъ Баглаевъ.—Даромъ,

что ли, я отъ жены сбѣжалъ? Пусть она мазурку отплясываетъ, а мы кутнемъ. Право, чего тамъ,—тряхнемъ стариной!

Логинъ подумалъ, и пошелъ за нимъ. Скоро ихъ догналъ Палтусовъ. Юшка хихикая спрашивалъ:

— А, волыглазъ! бросилъ гостей?

— Ну ихъ къ черту, — мрачно говорилъ Палтусовъ.—Твоя жена тебя хватилась, такъ я обѣщалъ тебя найти...

— И напоить,—кончилъ Логинъ.

— И доставить домой.

— Ой-ли?—хихикалъ Баглаевъ.—Такъ я и пошелъ домой, держи карманъ. Нѣтъ, чорта съ два.

— Скажу, не нашелъ, говорилъ Палтусовъ.—Голова болитъ, напиться хочется.

— Дѣло!—сказалъ Логинъ.

— Нельзя мнѣ не пить,—объяснялъ Палтусовъ.—Жить въ Россіи, и не пьянствовать такъ же невозможно для меня, какъ нельзя рыбѣ лежать на берегу, и не задыхаться. Мнѣ нужна другая атмосфера... Тьфу, чортъ, здѣсь и фонари не на мѣстѣ!.. Исправники,земскіе начальники, — меня отъ одного ихъ запаха коробитъ. Все колебалось и туманилось въ сознаніи Логина. Сдѣлалось какъ-то „все равно". Съ чувствомъ тупого удовольствія и томительнаго безволія шелъ за пріятелями, прислушивался къ ихъ рѣчамъ и бормотанью. Ихъ шаги и голоса гулко и дрябло отдавались въ ночной тишинѣ.

Въ трактирѣ, куда они зашли черезъ заднія двери, дрема начала овладѣвать Логинымъ. Все стало похоже на сонъ: и комната за трактиромъ, слабо освѣщенная двумя пальмовыми свѣчками,—и толстая босая хозяйка въ разстегнутомъ капотѣ, которая шептала что-то невнятное и, какъ летучая мышь, неслышно сновала съ бутылками пива въ рукахъ,—и это пиво, теплое и невкусное, которое зачѣмъ-то глоталъ.

Палтусовъ говорилъ что-то грустное и откровенное, о своей любви и о своихъ мукахъ; имя Клавдіи раза два сорвалось у него ненарочно. Юшка лѣзъ къ нему цѣловаться, и плакалъ на его плечѣ. Логинъ чувствовалъ великую тоску жизни, и хотѣлъ разсказать, какъ онъ сильно и несчастливо любилъ: ему хотѣлось бы, чтобъ Юшка и надъ нимъ заплакалъ. Но слова не подбирались, да и разсказать было не о чемъ.

— Зинаида! воскликнулъ Палтусовъ.—Я никогда ее не любилъ, а теперь она мнѣ ненавистна.

— Субтильная дама!—бормоталъ Юшка.

— Жеманство, провинціализмъ, это выше моихъ силъ. Въ ней нѣтъ этого букета аристократизма, безъ котораго женщина—баба. О, Клавдія! Только я могу ее оцѣнить. Мы съ нею родственныя души.

— Огонь дѣвка!—одобрилъ Юшка.

Палтусовъ замолчалъ, облокотился на столъ, залитый пивомъ, и свѣсилъ на руки голову. Юшка подвинулся къ Логину, и зашепталъ:

— Вотъ, братъ, человѣкъ замѣчательный, я тебѣ скажу. Онъ только одинъ меня понимаетъ до тонкости, братъ,—хитрая штука, шельма. Ему бы Панаму воровать, ужъ онъ бы не попался,—нѣтъ, братъ, шалишь,—геній!

Въ двери заглянулъ городовой. Хозяйка испуганно зашептала:

— Говорила я вамъ! Господи, этого только не доставало!

— Крышка!—въ ужасѣ лепеталъ Юшка, и пучилъ глаза на городового.

— Не извольте безпокоиться, ваше благородіе,—успокоительно заговорилъ городовой,—я такъ, потому какъ, значитъ, огонь; а ежели знакомые хорошіе господа...

Знакомые хорошіе господа дали ему по двугривенному, и велѣли хозяйкѣ угостить его пивомъ. Городовой остался „много благодаренъ", и ушелъ. Юшка

началъ хорохориться по адресу полиціи. Но настроеніе было испорчено. Посидѣли молча, высосали пиво, и ушли.

Что было дальше, Логинъ не помнилъ. Онъ очнулся дома у открытаго окна. Лица и образы проносились. Новое чувство кипѣло.

„Это—ревность къ Андозерскому",—подумалъ онъ, и самъ удивился своей мысли.

Онъ думалъ, что Андозерскій глуповатъ и пошловатъ, даже подловатъ, и злоба къ Андозерскому мучила его. Но вдругъ изъ темноты выплыла жирная и лицемѣрная фигура Мотовилова, и Логинъ весь затрепеталъ и зажегся древнею каинскою злобою. А на постели опять лежалъ трупъ, и опять страхъ приступами начиналъ знобить Логина.

Вдругъ Логинъ почувствовалъ приливъ неодолимой злобы, и рѣшительно двинулся къ ненавистному трупу.

— Перешагну!—хрипло шепталъ онъ, и сжималъ горячими руками тяжелыя складки одѣяла.

Онъ заснулъ тяжелымъ, безгрезнымъ сномъ. Подъ утро вдругъ проснулся, какъ разбуженный. Визгливый вопль раздался въ его ушахъ. Сердце усиленно билось. Съ яркостью видѣнія предстали передъ нимъ своды, рѣшетка въ окнѣ, обнаженное дѣвичье тѣло, пытка. Кто-то злой и свѣтлый говорилъ, что все благо, и что въ страданіяхъ есть паѳосъ. И подъ ударами кнута изъ бѣлой, багрово-исполосованной кожи брызгала кровь.

Глава семнадцатая.

Ермолинъ и Анна возвращалась домой. Коляска плавно покачивалась, колеса на резиновыхъ шинахъ катились безшумно, и только копыта лошадей мѣрно и часто стучали по мелкому щебню.

Уже передразсвѣтный сумракъ начиналъ рѣдѣть. Влажныя, неподвижныя вершины деревьевъ окрашивались еле замѣтными розовыми отсвѣтами. Гдѣ-то недалеко соловей устало и томно досвистывалъ нѣжную пѣсенку. Запоздалая летучая мышь пронеслась близъ коляски, угловато повернулась въ воздухѣ, и шарахнулась прочь.

Анна обмѣнивалась съ отцомъ отрывочными фразами. Глаза ея были дремотны. Впечатлѣнія вспыхивали, перебѣгали: отъ тяжелыхъ, шумныхъ воспоминаній вечера отвлекали вдругъ нѣжныя прикосновенія холоднаго вѣтра, и тогда все дорогое и знакомое придвигалось къ ней, вся эта мирная тишина отуманенныхъ полей и темныхъ деревьевъ. Теперь, въ этотъ необычайный для бодрствованія часъ, все это знакомое и мирное являлось загадочнымъ и обманчивымъ.

Прежде было у Анны ясное міропониманіе, была любовь къ природѣ и разсудочныя объясненія явленій, а неизвѣстное и непонятное въ природѣ не тревожило. Но эта весна пришла странная, непохожая на прежнія, и обвѣяла страхами и тайнами. Ничто, повидимому, не измѣнилось въ Аннѣ, такъ же ясны были ея взгляды на жизнь и на міръ, но сны стали тревожны, и мечтанія иногда устремлялись, наперекоръ всему прошлому, къ безполезному и невозможному. Въ былые дни она ясно видѣла свои отношенія къ каждому, съ кѣмъ приходилось встрѣчаться, и свои чувства къ каждому изъ этихъ людей. Но теперь предчувствовала въ себѣ что-то новое, еще неопредѣлившееся. Тяготила неясность мыслей и чувствъ. Съ непривычною робостью пока оставляла нѣкоторую область впечатлѣній неразъясненною. Но такъ какъ мысли иногда невольно и случайно обращались къ этой области, и съ теченіемъ времени все чаще, то и объединяющее, опредѣленное слово порою внезапно представлялось, и тогда она вся загоралась застѣнчивымъ

и радостнымъ, и жуткимъ чувствомъ. Но не вѣрила еще этому определѣнному объясненію, и, вся взволнованная, вздыхала тихонько,—и высоко подымалась грудь.

Теперь, передъ розовою прохладою ранней зари, Аннѣ было радостно отдаваться влажнымъ прикосновеніямъ тихо вѣющей силы, на встрѣчу которой уносилась она по затишью дороги. Неподвижная рябина бѣлыми, душистыми цвѣтами предвѣщала печаль,—но не страшили грядущія печали.

Вдругъ тѣнь непріятныхъ воспоминаній легла на ея лицо, слегка поблѣднѣлое отъ усталости, и она тихо сказала:

— Какъ тяжело веселятся здѣшніе молодые люди!

Ермолинъ посмотрѣлъ на нее ласковыми глазами,—въ нихъ таилась старинная грусть. Отвѣтилъ:

— Хорошо и то, что хоть и такая радость не изсякла.

Анна закрыла глаза. Дремотно наклонила голову. Легкій сонъ набѣжалъ, но чрезъ минуту разбудило что-то, невнятный звукъ. Выпрямилась, посмотрѣла на отца широко открытыми глазами.

— Спишь?—ласково спросилъ Ермолинъ, и улыбнулся.

— Дремлется. Пѣлъ кто-то?—спросила Анна вслушиваясь.

— Нѣтъ, не слышалъ,—отвѣчалъ отецъ.

Все было тихо. Кучеръ дремля покачивался на козлахъ. Лошади не спѣша бѣжали знакомою дорогою.

— Такъ это я заснула,—сказала Анна.—Мнѣ казалось, что солнце на закатѣ, и кто-то поетъ: „Не одна-то во полѣ дороженька“. А я будто иду на проселкѣ, и мнѣ хочется итти на встрѣчу тому, кто поетъ,—такъ и манитъ пѣсней.

— Иди, милая,—задумчиво промолвилъ Ермолинъ.

Анна покраснѣла. Подняла на него удивленные, заискрившіеся глаза. Спросила:

— Куда?

Ермолинъ встряхнулъ головою. Провелъ рукою по лицу. Сказалъ:

— Куда? Нѣтъ, это такъ. Я, кажется, тоже дремлю.

Анна улыбаясь закрыла глаза. Откинулась назадъ. Было удобно и пріятно лежать, покачиваться, нѣжиться въ прохладѣ предутренняго воздуха.

По лицу пробѣгали тѣни деревьевъ; онѣ чередовались съ розовыми просвѣтами отъ начинающейся зари. Деревья разростались, становились гуще, придвигались купами, сумрачно заслоняли отъ розовыхъ, такихъ еще слабыхъ просвѣтовъ.

И опять снится Аннѣ, что она идетъ въ странной, сумрачной долинѣ, среди темныхъ, угрюмыхъ деревьевъ. Между ними струится слабый, невѣрный свѣтъ. Тягостное предчувствіе наводитъ тоску.

Вдругъ, замѣчаетъ Анна, все вокругъ просыпается: старыя деревья, широколиственныя и высокія,—и молодыя травы, жесткія и блестящія,—и блѣдно-зеленые мхи,—и робкіе лѣсные цвѣты,—все проснулось, и чувствуетъ Анна на себѣ устремленные со всѣхъ сторонъ тяжелые и враждебные взоры. Все слѣдитъ за Анною, и все неподвижно и безмолвно. Страшна вражда безмолвныхъ свидѣтелей. Анна идетъ. Тяжело двигаются ноги,—идетъ одна, идетъ торопливо. И знаетъ, что итти некуда, а ноги все болѣе тяжелѣютъ. И она падаетъ, и открываетъ испуганные, отяжелѣлые глаза.

Лошади пофыркиваютъ,—чуютъ близость конюшни. Кучеръ встрепенулся, помахиваетъ кнутомъ. Отецъ смотритъ, ласково улыбается. Анна отвѣчаетъ улыбкою, но лѣнь шевельнуться, и глаза опять смыкаются.

— Вотъ мы и дома,—говоритъ отецъ.

Протягиваетъ ей руку, помочь выйти изъ коляски.

Анна сбросила одежды, стала у окна, оперлась плечемъ, всѣмъ стройнымъ тѣломъ отдалась ласкамъ холоднаго воздуха. Садъ радостно вздрагивалъ росистыми и сочными вѣтвями. Небо быстро и весело алѣло, и нѣжная алость широко лилась на смуглость лица и на линіи обнаженнаго тѣла.

Внезапная радость первыхъ ждала лучей.

Напряженно глядѣла Анна на зарю, полыхавшую въ небѣ, но легкая греза неслышно подкралась, и опустилась на глаза золотистымъ туманомъ. Глаза сомкнулись.

Ярко-зеленый лугъ приснился, весь залитъ солнечнымъ свѣтомъ, обнесенъ низенькими кирпичными стѣнами. На скошенной травѣ бѣгаютъ мальчики въ красныхъ плащахъ и дѣвочки въ голубыхъ юбочкахъ. Перебрасываютъ ловкими ударами палокъ большой мячъ, и онъ высоко взлетаетъ. Дѣти смѣются. Серебристый смѣхъ раскатывается, звонъ колокольчиковъ, безостановочный, ровный.

Аннѣ сначала весело слѣдить за игрою. Хочется вмѣшаться,—ловче бы это дѣлала. Но скоро смѣхъ утомляетъ. Анна всматривается въ дѣтей, и думаетъ:

„Отчего у нихъ блѣдныя, злыя лица?"

Подымаетъ глаза къ кирпичнымъ стѣнамъ,—онѣ непрерывны, за ними ничего не видно, только утомительно одноцвѣтное, блекло-голубое небо подымается надъ ними. Анна опять смотритъ на дѣтей. Ничто не измѣнилось въ скучномъ однообразіи веселой игры,—но Аннѣ внезапно дѣлается страшно.

Знаетъ, что приближается ужасное, и каждый разъ, какъ взлетаетъ мячъ, сердце сжимается отъ ужаса. Подъ однозвучное бренчаніе безрадостнаго смѣха возрастаетъ ужасъ.

Знаетъ, что надо сдѣлать что-то, чтобы разсѣять гибельныя чары, но не может двинуться. Какъ пора-

женная летаргіею, напрягаетъ всѣ силы, но напрасно,— и неподвижно цѣпенѣетъ посреди ярко-зеленаго луга.

Видитъ: мячъ опускается на нее, растетъ... Дѣлаетъ послѣднее, отчаянное усиліе,—и открываетъ глаза.

Сердце колотится до боли быстро, тѣло дрожитъ, холодѣя, но страхъ скоро уступаетъ мѣсто радости. Солнце только что взошло, но все еще тихо вокругъ, и только раннія пташки гомозятся въ кустахъ.

Анна дивится своимъ грезамъ. Хотѣлось бы выйти въ паркъ, къ рѣкѣ, но сонъ клонитъ, и она нехотя подошла къ постели.

Закрывая одѣяломъ похолодавшія плечи, почувствовала во всемъ тѣлѣ истому и усталость, но ей казалось, что не заснуть. Однако, едва прилегла щекою къ подушкѣ, какъ уже глаза закрылись, и заснула.

Пролежала въ постели меньше обыкновеннаго, и за это время нѣсколько разъ просыпалась. Передъ каждымъ пробужденіемъ снились новые сны, странные для нея,—прежде спала крѣпко, и сновъ почти никогда не видала. Казалось потомъ, что во всю ночь грезила и поминутно просыпалась.

Приснилась густая роща. Между высокими деревьями тѣснились кусты, желтѣли стручки акацій, краснѣла волчья ягода и рябина. Удивительными цвѣтами покрыты были маленькіе холмики. Еле видные изъ-за чащи, пестрѣли деревянные кресты и каменныя плиты. Свѣтло, тихо, грустно...

Приснилось, что въ густомъ лѣсу рыщутъ свирѣпые псы, яростно лаютъ, обнюхиваютъ землю и кусты, выслѣживаютъ кого-то... Блѣдный, испуганный, прячется за деревомъ. А она верхомъ въѣзжаетъ въ лѣсъ, и не знаетъ, что ей дѣлать.

Еще видѣла себя у постели больного ребенка. Подымаетъ одѣяло,—все тѣло ребенка въ темныхъ пятнахъ. Ребенокъ лежитъ смирно, смотритъ на нее укоряющими глазами. Анна спрашиваетъ его:

— Ты знаешь?

Ребенокъ молчитъ,—еще совсѣмъ маленькій, и не умѣетъ говорить,—но Анна видитъ, что онъ понимаетъ и знаетъ. Кто-то спрашиваетъ ее:

— Чья же это вина? И чѣмъ помочь?

Аннѣ становится страшно, и она просыпается.

Потомъ увидѣла себя въ каменистой пустынѣ. Воздухъ душенъ, мглистъ и багрянъ, почва—красный пепелъ. Анна несетъ на плечахъ человѣка,—неподвижную, холодную ношу. Онъ раненъ, и на Аннины плечи падаетъ густая, липкая кровь. Его руки въ ея сильныхъ рукахъ,—онѣ блѣдны и знакомы ей. Она торопится, и жадно смотритъ впередъ, гдѣ, сквозь мглу, видится слабый свѣтъ.

Раненый говоритъ ей:

— Оставь меня. Я погибъ, спасайся ты.

Она слышитъ шумъ погони, гвалтъ, хохотъ. Онъ шепчетъ:

— Брось, брось меня! не вынесешь ты меня.

— Вынесу,—упрямо шепчетъ она, и торопится впередъ,—какъ-нибудь да вынесу.

Ея ноги тяжелы, какъ свинцовыя, она движется медленно, а погоня приближается. Отчаяніе! Выбивается изъ силъ,—и просыпается, и опять тревожно прислушивается къ торопливому біенію сердца.

Глава восемнадцатая.

Въ маленькомъ городѣ, какъ нашъ, быстро расходятся сплетни, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ неправдоподобнѣе и грязнѣе. Стоило поговорить Мотовилову со Вкусовымъ наединѣ на вечерѣ у Кульчицкой, какъ уже на другой день неожиданная выдумка Мотовилова гуляла по городу, выдавалась за несомнѣнное, и ни въ комъ не встрѣчала возраженій.

Въ тотъ же день сплетня дошла до Клавдіи. Занесла ее Валя,—она забѣгала иногда и къ Кульчицкимъ, гдѣ ихъ семьѣ тоже помогали.

Клавдія выслушала, сдвинула брови, и сказала:

— Пустое! Какъ вамъ, Валя, не стыдно повторять такія гадости!

Валя засмѣялась, и приняла лукавый видъ. Когда она ушла, Клавдія задумалась.

«Узнаетъ и Нюточка» —злорадно соображала она,—оскорбится, и не повѣритъ. А можетъ быть, и повѣритъ? Или будетъ сомнѣваться? Или и совсѣмъ не узнаетъ,— не скажетъ ей Валя, не посмѣетъ, или и начнетъ говорить, да не захочетъ и слушать Нюточка?"

Клавдія долго стояла у окна, щурила зеленые глаза, и коварно улыбалась. День былъ ясенъ и тихъ, небо безоблачно, деревья зелены и свѣжи, теплый воздухъ льнулъ къ блѣднымъ щекамъ Клавдіи, — и жестокая непреклонность ясной природы навѣвала злыя мысли.

Наконецъ веселая, рѣшительная улыбка озарила лицо Клавдіи. Она сѣла къ своему красивому письменному столу, загроможденному блестящими, вычурными пустяками, расчистила мѣсто для бумаги, откинула широкіе рукава, взяла въ руки перо, — и звонко засмѣялась. Беззаботный смѣхъ, какъ у мальчишки передъ потѣшною шалостью. Но глаза дико горѣли.

Принялась выводить на почтовой бумагѣ буквы; старалась удалиться отъ обычнаго почерка. Всячески измѣняла положеніе бумаги и рукъ, то изгибала, то выпрямляла спину, наклоняла голову то на одну, то на другую сторону, вскакивала иногда со стула, становилась на него колѣнями, и вся при этомъ трепетала и рдѣла, и пачкала пальцы чернилами.

Когда буквы долго не слушались, сжимала зубы, колотила кулакомъ по столу. Когда же казалось, что дѣло идетъ на ладъ, Клавдія вдругъ принималась хохотать, и зажимала ротъ рукою, чтобы кто-нибудь въ саду или въ комнатахъ не услышалъ ея веселья. Исписанный листъ сжигала на свѣчкѣ, и принималась за другой.

Чѣмъ больше уничтожала листовъ, тѣмъ труднѣе казалось достиженіе цѣли, но тѣмъ спокойнѣе становилась она. Лицо блѣднѣло сильнѣе обычнаго, и принимало упрямое выраженіе. Черезъ нѣсколько часовъ рѣшила, что торопливостью не возьмешь, и продолжала трудиться настойчиво, терпѣливо замѣчала малѣйшія разности, и укрѣпляла ихъ старательными упражненіями.

Поздно ночью увидѣла, что достигла еще немногаго, но что все-таки кое-чего добилась. На другой и на третій день сидѣла у себя безвыходно, и все медленнѣе, спокойнѣе и увѣреннѣе становилась работа.

Къ вечеру третьяго дня осталась довольна своимъ трудомъ: передъ нею лежалъ листъ, котораго уже не надо было жечь.

Откинулась на спинку стула, подняла надъ головою бѣлыя руки — рукава съ нихъ упали до плечъ,— и устало потянулась. Лицо было блѣдно и спокойно. Подошла къ зеркалу. Долго смотрѣла прямо въ глаза своему отраженію, не улыбаясь, не торжествуя, холоднымъ и неотразимымъ взглядомъ. Казалось, не было никакого выраженія въ ея лицѣ, такъ оно было неподвижно.

Наглядѣвшись, равнодушно улыбнулась, опустила глаза на бѣлыя руки. На нихъ были чернильныя пятна,—принялась отмывать.

Потомъ стала передъ открытымъ окномъ на колѣни, и цѣлый часъ такъ стояла, прямо и неподвижно, и смотрѣла на ясное небо и на яркую зелень.

Съ почты принесли Аннѣ письмо съ городскою маркою, что было рѣдкостью въ нашемъ маленькомъ городѣ. Почеркъ былъ незнакомъ.

Первыя же строчки заставили Анну ярко покраснѣть. Брезгливо уронила письмо на полъ, и съ гнѣвно-сдвинутыми бровями подошла къ окну. Яcенъ и тихъ былъ день передъ нею, и она преодолѣла отвращеніе, подняла письмо, и внимательно прочла съ начала до конца. Оно было наполнено такими подробностями достовѣрныхъ, будто бы, похожденій Логина, которыя невозможно передать. Въ концѣ приведены были оскорбительныя и циничныя слова, будто бы сказанныя Логиномъ объ Аннѣ въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ.

Долго сидѣла передъ прочтеннымъ письмомъ, и всматривалась въ бѣлыя тучки, которыя скользили по небу. Щеки горѣли, на глаза навертывались слезы. Мысли были разсѣянны, но, какъ эти бѣлыя тучки, неудержимо влеклись въ одну сторону. Чѣмъ дальше всматривалась въ нихъ, тѣмъ свѣтлѣе и торжественнѣе становилось въ душѣ. Когда косвенные лучи мирнаго заката упали на ея платье, кто-то незримый тихо и благостно сказалъ:

— Солнце ихъ заходитъ, но тѣнь твоя передъ тобою!

Вслушиваясь въ эти странныя слова, которыя носились надъ душою, какъ вечерній благовѣстъ надъ широкими полями, Анна встала, и радостно и грустно заблестѣли подъ слезами лучистые глаза.

— Такъ надо,— тихо сказала она, и покорно наклонила голову.

Но хотѣла знать мнѣніе отца,— во всемъ была ему послушна. Принесла письмо отцу, молча отдала. Ермолинъ прочелъ.

— Доброжелатель, какъ водится,— сказалъ онъ, когда дошелъ до подписи.

Анна молча стояла передъ нимъ, и смотрѣла съ

ожиданіемъ. Ея платье, изжелта-бѣлое съ розовыми цвѣтами, съ очень высокимъ поясомъ, почти безъ складокъ опускалось къ нагимъ стопамъ. Широко собранные выше локтя рукава обнажали неподвижно-опущенныя руки.

— Вѣришь?—спросилъ Ермолинъ.

Анна отрицательно покачала головою.

— И не слѣдуетъ вѣрить,—рѣшилъ Ермолинъ.— Это не можетъ быть правдою,—не должно быть правдою.

Анна стала на колѣни передъ отцомъ, и опустила на его колѣни голову. Ермолинъ видѣлъ, что она плачетъ, но зналъ, что слезы ея радостны. Она сказала:

— Я рада, что и ты такъ думаешь. Нѣтъ, это я думаю, какъ ты,—ты мнѣ показываешь, куда мнѣ итти, и я дѣлаю то, что ты мнѣ скажешь.

Ночью Аннѣ снилось, что она летаетъ. Поднялась съ постели, легкая, почти безтѣлесная, и тихо плыла подъ самымъ потолкомъ, лицомъ кверху. Опускалась немного, когда достигала двери, и опять подымалась въ другой комнатѣ. Было сладко и жутко. Изъ окна тихо выскользнула въ садъ. Была темная ночь. Аллеи, подъ старыми вѣтвями которыхъ проносилась она, хранили тайну и молчаніе. Кто-то слѣдилъ за темнымъ полетомъ черными глазами. Древніе каменные своды вдругъ поднялись надъ нею,—она медленно подымалась къ вершинѣ широкаго, мрачнаго купола. Смутно-розовая заря занималась за узкими окнами. Своды раздвигались и таяли,—смутный свѣтъ разливался кругомъ. Заря блѣдно разгоралась. Небеса казались блеклыми, ветхими. Яркія полосы, какъ трещины, вдругъ изрѣзали ихъ. Еще мгновеніе, — и словно завѣсы упали съ неба. Анна смотрѣла внизъ, мирныя долины радовались солнцу. Мальчикъ трубилъ въ серебряную дудку. Его розовыя щеки надулись.

Солнце горѣло на его дудкѣ,—и въ этомъ была несказанная радость.

Казенной работы у Логина было мало. Учебный годъ кончался, начались экзамены.

Съ учениками у Логина установились хорошія отношенія. Онъ имѣлъ способность привлекать юношей и мальчиковъ, хотя никогда не заботился о томъ. Влеченіе къ нему гимназистовъ происходило, можетъ быть, оттого, что ему нравилось быть съ ними, и онъ искренно хотѣлъ, чтобъ они приходили. Мягкія и незаконченныя очертанія ихъ лицъ тѣшили Логина, какъ и незрѣлыя особенности ихъ рѣчи.

«Они еще строятся, - думалъ онъ,—а мы начинаемъ разрушаться. Они захватываютъ отъ жизни, что можно, все себѣ и себѣ; мы, усталые подъ бременемъ нашей ноши, облегчаемъ себя, разбрасываемъ на-вѣтеръ какъ можно больше,—и если нашею расточительностью кто-нибудь пользуется, мы называемъ ее любовью. Какъ невыразимо хорошо было бы умалиться, стать ребенкомъ, жить порывисто,—и не задумываться надъ жизнью!»

Мечта рисовала наивныя картины,—а разсудокъ ворчливо разрушалъ ихъ. Возникала зависть къ дѣтскому жизнерадостному настроенію, и даже къ ихъ легкимъ и быстрымъ печалямъ. Порою хотѣлось быть жестокимъ съ ними,—но былъ только ласковъ.

Иногда казалось, что слѣдуетъ стать дальше отъ мальчиковъ. Повидимому, это было не трудно: стоило только быть, какъ всѣ, смотрѣть на гимназистовъ, какъ на машинки для выкидыванія тетрадокъ съ ошибками. Но вотъ это и не удавалось: какъ бы ни былъ онъ иногда угрюмъ, онъ смотрѣлъ на нихъ, и желалъ отъ нихъ чего-то. И они приходили къ нему, какъ будто это было въ обычаѣ, или такъ нужно было.

Сослуживцамъ его не нравилось, что гимназисты

къ нему ходятъ; говорили, что это не порядокъ. Имъ бы съ учениками не о чемъ было говорить. Съ любовью бесѣдовали только о городскихъ дѣлишкахъ, и разносили сплетни, ничтожныя, какъ соръ задняго двора.

Въ эти дни толки шли о дѣлѣ Молина. Передавались нелѣпые слухи. Не стѣснялись въ непристойностяхъ,—ими сопровождались всегда разговоры среди учителей, благо дамъ нѣтъ.

Утромъ въ учительской комнатѣ, въ гимназіи, Антушевъ, учитель исторіи, стоя у окна, сказалъ:

— Нашъ почетный куда-то катитъ въ коляскѣ.

— Гдѣ, гдѣ? — засуетился любопытный отецъ Андрей.

Всѣ столпились у оконъ. Остались сидѣть только Логинъ и Рябовъ, учитель древнихъ языковъ, длинный, сухой, въ синихъ очкахъ, съ желтымъ лицомъ и чахоточною грудью, одна изъ тѣхъ фигуръ, о которыхъ говорятъ: „жердяй! въ плечахъ лба поуже“. Онъ тихонько покашливалъ, язвительно улыбался, и курилъ папиросу за папиросою съ отчаянною поспѣшностью, словно отъ ихъ количества зависѣло спасеніе его жизни. Подмигивая шепнулъ Логину:

— Устремились, какъ цвѣты къ солнцу.

— Нашъ домъ на такой окраинѣ,—отвѣтилъ Логинъ,—что здѣсь рѣдко кто проѣдетъ.

Зналъ, что Рябовъ—большой сплетникъ, и любитъ, когда сплетничаетъ на кого-нибудь, приписать тому или совершенную небывальщину, или свои же слова.

— А вѣдь это онъ къ намъ!—воскликнулъ отецъ Андрей.

— Красное солнышко, — проворчалъ Рябовъ, — маіорское брюхо.

— А вы, Евгеній Григорьевичъ, его не любите?—спросилъ Логинъ.

— Я? Помилуйте, почему вы такъ спрашиваете?

— Да такъ, мнѣ показалось.

— Нѣтъ-съ, не имѣю причинъ не любить его.

— Въ такомъ случаѣ, прошу извинить.

Рябовъ подозрительно посмотрѣлъ на Логина, улыбнулся мертвою гримасою, похлопалъ Логина по колѣну деревяннымъ движеніемъ холодной руки, и шепнулъ:

— Всѣ мы, батенька, не прочь другъ другу ногу подставить,—только зачѣмъ кричать объ этомъ?

— Благоразумно!

Всѣ усѣлись по мѣстамъ, и говорили въ полголоса, точно ждали чего-то.

Минутъ черезъ пять показался Мотовиловъ. Онъ былъ въ мундирѣ. Форменный темно-синій полукафтанъ, сшитый, когда Мотовиловъ былъ потоньше, тѣснилъ его. Толстая красная шея оттѣняла своимъ яркимъ цвѣтомъ золотое шитье на бархатѣ воротника. Шпага неловко торчала подъ кафтаномъ, и колотилась на ходу по жирнымъ ногамъ. Мотовиловъ имѣлъ торжественный видъ. На его лѣвой рукѣ была бѣлая перчатка: въ той же рукѣ держалъ онъ другую перчатку и треугольную шляпу. За нимъ вошелъ директоръ, Сергѣй Михайловичъ Павликовскій, человѣкъ еще не старый, но болѣзненный, съ равнодушнымъ безкровнымъ лицомъ.

— Пахнетъ рѣчью!—шепнулъ Логину Рябовъ, и устремился мимо него къ Мотовилову.

Произошло общее движеніе. Учителя толкались, чтобы пораньше пробраться къ Мотовилову. Кланялись почтительно, сладко улыбались, и пожимали пухлую руку Мотовилова съ благоговѣйною осторожностью.

— Удостоился и я приложиться,—опять шепнулъ Рябовъ Логину,—а вы что жъ такой гмырой стоите? Видите, стѣнка какая: и не замѣтитъ.

Но Мотовиловъ замѣтилъ, раздвинулъ толпу же-

стомъ необыкновеннаго достоинства, и съ протянутою рукою сдѣлалъ къ Логину шага два. Учителя смотрѣли на Логина съ завистью.

— Я особенно радъ,—сказалъ Мотовиловъ,—что нахожу здѣсь и васъ. Вы познакомитесь съ нашимъ общимъ дѣломъ, къ которому направлены наши мысли и, смѣю сказать, наши чувства. По всей вѣроятности, вы уже знакомы отчасти съ этимъ.

— Кажется, еще не знакомъ,—возразилъ Логинъ.

— Знакомы, навѣрное,—я говорю о дѣлѣ несчастнаго Молина.

— Ахъ, это! Виноватъ, я не догадался, что это—общее дѣло.

— Вы познакомились съ нимъ черезъ лицъ заинтересованныхъ, а теперь послушайте насъ, людей безпристрастныхъ.

Мотовиловъ тяжелою поступью подошелъ къ столу, остановился передъ нимъ, и значительно посмотрѣлъ на учителей. Логинъ замѣтилъ въ рукахъ директора бумагу, большой листъ, свернутый трубочкою. Мотовиловъ заговорилъ:

— Господа, мнѣ очень пріятно, что я вижу здѣсь почти всѣхъ васъ. Мы успѣли составить дружную семью. Если въ дѣлѣ нашего взаимнаго единенія и я моими скромными стараніями могъ помочь, то я весьма горжусь этимъ. Я всегда былъ того мнѣнія,—и глубокоуважаемый Сергѣй Михайловичъ, насколько мнѣ извѣстно, согласенъ со мною,—что моя обязанность не состоитъ только въ томъ, чтобы дѣлать взносы. Я рѣшаюсь надѣяться на болѣе, такъ сказать, интимное отношеніе къ вамъ, господа. Мнѣ кажется, я встрѣчаю на этомъ пути ваше полное сочувствіе. Надѣюсь, что я не ошибаюсь?

— Мы всѣ,—льстиво отвѣтилъ отецъ Андрей,—очень высоко цѣнимъ ваше сердечное участіе въ нашихъ дѣлахъ. Да и какъ не цѣнить? Вы у насъ, мо-

жетъ быть, умнѣйшій человѣкъ въ городѣ. Я и старикъ, а съ удовольствіемъ слушаю ваши разсказы, и поучаюсь, безъ стѣсненія говорю, истинно поучаюсь.

— Краснобаи!—шепнулъ Рябовъ Логину.

А желтое лицо его, обращенное къ Мотовилову, корчилось такою-же гримасою низкопоклонства, какъ и умильныя лица остальной компаніи.

— Благодарю васъ,—сказалъ Мотовиловъ, и пожалъ руку отца Андрея.—Само собой разумѣется, что такія же отношенія пытался я установить и въ городскомъ училищѣ. Но въ послѣдніе годы, къ сожалѣнію, мои намѣренія стали встрѣчать дурную почву. Въ дружную семью преподавателей вторгся, если можно такъ выразиться, зловредный элементъ. Надѣюсь, что мнѣ позволено будетъ говорить напрямки. Молодые люди часто заражены духомъ излишняго самомнѣнія.

Мотовиловъ строго покосился на Логина, и всѣ посмотрѣли на Логина строго.

— Да, молодежь не всегда достаточно почтительна,—съ улыбкою сказалъ Логинъ.

Дѣло не въ одной почтительности. Впрочемъ, мы, люди стариннаго покроя, думаемъ, что и почтительность къ людямъ, достойнымъ уваженія,—дѣло не лишнее. Почтенный инспекторъ городского училища, Галактіонъ Васильевичъ, уже не разъ выражалъ желаніе оставить свое мѣсто. Я уговаривалъ его. Я даже не разъ ходатайствовалъ передъ начальствомъ,—въ частныхъ разговорахъ,—объ его повышеніи, котораго этотъ честный труженикъ вполнѣ заслуживаетъ. Мнѣ обѣщали. И вотъ, когда явилась возможность, что освободится вакансія инспектора, явилась претензія на нее съ той стороны, откуда ее нельзя было ждать, такъ какъ нѣтъ никакихъ заслугъ, и всего года два службы, и возрастъ слишкомъ ранній. Былъ въ училищѣ и другой кандидатъ, вполнѣ достойный,—и вотъ

онъ теперь устранилъ при помощи возмутительнаго поклепа.

— Да это—трагедія,—сказалъ Логинъ улыбаясь,—и злодѣй, и жертва.

— Могу только удивляться вашему... взгляду на этотъ весьма серьезный предметъ,—сказалъ Мотовиловъ, и значительно поглядѣлъ на Логина.

Логинъ не отвѣчалъ. Ненависть къ Мотовилову опять начинала мучить его. Мотовиловъ продолжалъ:

— Господа, я полагаю, что мы обязаны притти на помощь нашему собрату.

— По картамъ и вину,—шепнулъ Рябовъ Логину.

— Перестаньте шептать,—тихо сказалъ Логинъ,—вѣдь онъ можетъ обидѣться.

— Всѣ порядочные люди, съ которыми я говорилъ объ этомъ, думаютъ, что Алексѣй Ивановичъ—жертва интриги. Вы знакомы съ его благороднымъ характеромъ и высоконравственными правилами, и я увѣренъ, что найду въ васъ такое же сочувствіе. Алексѣй Иванычъ совершенно убитъ, и мы его должны утѣшить. Вотъ отецъ Андрей его видѣлъ, и подтвердитъ вамъ, что онъ плачетъ.

— Да, плачетъ,—уныло сказалъ отецъ Андрей.

Всѣ выразили на своихъ лицахъ сочувствіе.

— Необходимо вывести дѣло на свѣжую воду, иначе это ляжетъ на нашу совѣсть. Мы составили коллективное заявленіе прокурору, что мы всѣ увѣрены въ невинности Молина, что просимъ освободить его, и ручаемся за него всѣмъ своимъ имуществомъ.

— Беремъ на поруки,—пояснилъ директоръ.

— Попрошу кого-нибудь изъ васъ, господа, прочесть заявленіе, и затѣмъ, кому угодно, пусть подпишетъ. Только тѣ, кому угодно.

Рябовъ просунулся впередъ, и прочелъ заявленіе вслухъ. Всѣ внимательно выслушали, сдѣлали сочувственныя лица, и потянулись подписываться. Въ сто-

ронѣ остались Мотовиловъ, директоръ, которые подписались раньше, и Логинъ.

— Очень жалѣю,—сказалъ онъ,—но не могу присоединиться. Какъ я могу ручаться?

— Ваша воля!—сказалъ Мотовиловъ.

— Вотъ если бъ насчетъ вышивки,—по этой части я его знаю. Да и принесетъ ли это пользу?

— Тамъ не могутъ не дать вѣса нашему мнѣнію. Господа,—обратился Мотовиловъ къ другимъ, круто отвернувшись отъ Логина,—могу сообщить вамъ печальную новость: и у насъ холера,—вчера захворало двое мужчинъ и одна женщина.

Учителя испуганно переглянулись.

— Ничего,—ободрительно сказалъ отецъ Андрей,—до насъ не доберется. Мнѣ кстати прислали боченочка три очищенной, — славная водка, — милости прошу завтра ко мнѣ отвѣдать.

Глава девятнадцатая.

Вечеромъ у Логина былъ Андозерскій. Они сидѣли въ саду, въ бесѣдкѣ, пили чай, и разговаривали. Въ сосѣднемъ огородѣ бѣгали и смѣялись Валя, ея вторая сестра Варвара, и подруга ихъ, Лиза Швецова, дочь здѣшняго частнаго повѣреннаго, полуграмотнаго, почти всегда пьянаго мѣщанина.

Андозерскій посматривалъ на Валю масляистыми глазками.

— Аппетитненькій кусочекъ! егоза!—шепталъ онъ Логину.—Только чуръ—мое! Это не про тебя, у меня ужъ начато здѣсь дѣльце.

— А какъ же тѣ три невѣсты?

— Э, невѣсты своимъ чередомъ: тамъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку, а здѣсь такъ, для пріятнаго времяпрепровожденія.

— Вотъ оно что! А и баболюбъ же ты!

— Есть тотъ грѣхъ,—скромно сознался Андозерскій, нескромно подмигивая на дѣвицъ.

— Что жъ, развѣ эта лучше?

— Ну, чего тамъ,—я, дружище, не брезгуля. Да ты что думаешь? Она рада радешенька. Вотъ увидишь, я сейчасъ заговорю.

Андозерскій заговорилъ съ дѣвицами, и открылъ имъ калитку сада. Дѣвицы, повидимому, были очень довольны. Положимъ, въ садъ онѣ не входили, жеманились, но зато не отходили и отъ калитки. Логинъ даже замѣтилъ, что Валя расцвѣтала отъ удовольствія каждый разъ, какъ Андозерскій заговоритъ съ нею.

Поболтавъ съ дѣвицами съ полчаса, и посмѣшивъ ихъ незамысловатыми анекдотцами и шуточками, Андозерскій тихонько сказалъ Логину:

— Ну, хорошаго понемножку. Этотъ народецъ, дѣвчоночки, не цѣнятъ того, что имъ подносятъ въ изобиліи, а потому пора благородно отретироваться.

Логину жаль стало бѣдной дѣвочки, и захотѣлось предостеречь ее. За годъ онъ успѣлъ присмотрѣться къ ней, хотя она, служа въ селѣ, бывала дома, у матери, только по праздникамъ.

Валя была дѣвушка совсѣмъ простенькая, легкомысленная. Кромѣ учебниковъ своихъ, которые знала она плохо, да трехъ—четырехъ случайно попавшихся ей въ руки романовъ, она ничего не читала. Само собою разумѣется, что у Вали было очень мало отвлеченныхъ понятій, и что идеалы ея не были возвышенными.

Бѣдность не исключаетъ желанія повеселиться и принарядиться. Не была чужда этому желанію и Валя, какъ и ближайшая къ ней по возрасту сестра, Варя. Дома, не при людяхъ, онѣ ходили въ затрапезныхъ платьицахъ, босикомъ, но отправляясь въ городъ погулять или въ гости, онѣ принаряжались и охораши-

вались, какъ и слѣдъ быть настоящимъ барышнямъ.

У Вали уже былъ и женихъ. Не то, чтобъ они совсѣмъ сговорились, но какъ-то всѣ точно условились называть и дразнить ихъ женихомъ и невѣстою.

Это былъ воспитанникъ здѣшней учительской семинаріи, Яковъ Сеземкинъ, рябой, кудрявый молодецъ по двадцатому году, который нынче весною кончалъ свой курсъ.

Мѣщанская молодежь, въ которой вращались Валя и Варя, разбивалась очень рано на парочки: „кавалеръ“ лѣтъ семнадцати выбиралъ „барышню“ лѣтъ пятнадцати, и валандался съ нею. Эти связи не бывали прочны: то барышня, то кавалеръ измѣняли своему „предмету“, чтобы вступить въ новый союзъ. Возникали отсюда сцены ревности, ссоры, баламуты.

Случалось и Валѣ и Варѣ посчитаться изъ-за кавалера или другъ съ дружкою, или съ подругами. Бывали и такія размолвки, которыя постороннему могли бы показаться очень серьезными. Такъ иногда сестры вдвоемъ нападутъ на свою задушевнѣйшую подругу и наиболѣе частую гостью, смазливенькую Лизу Швецову, и, по наивной простотѣ своего нрава и пылкости темпераментовъ, поколотятъ ее, „поправятъ ей прическу“, какъ онѣ выражались. Лиза заверещитъ, и выбѣжитъ отъ нихъ въ слезахъ и гнѣвѣ, объявляя, что „нога ея больше не будетъ въ этомъ домѣ“. Пройдетъ два—три дня, Лиза снова у Дылиныхъ, обнявшись съ сестрами, гуляетъ по огороду.

Но изъ-за Якова Сеземкина сестрамъ не приходилося завидовать подругамъ: онъ ухаживалъ только за ними, поочередно, то за Валею, то за Варею, и не давалъ другимъ дѣвицамъ ни малѣйшихъ надеждъ на благосклонность. Сестры по праву стараго знакомства называли его, иногда даже въ глаза, запросто Яшкою. Они были сосѣдями: мать Сеземкина имѣла домишко, полуразвалившуюся избушку на курьихъ ножкахъ, рядомъ съ

огородомъ, который принадлежалъ къ квартирѣ Дылиныхъ. Этотъ домишко зачастую бывалъ предметомъ насмѣшекъ, которыми обѣ сестры безжалостно осыпали бѣднаго Яшку.

Вообще сестры почти всегда ссорились и ругались съ Яшкою, хотя питали высокое уваженіе къ его уму и познаніямъ.

— Онъ—башковатый,—говорили онѣ про него.

Самъ Наземкинъ чванился тѣмъ, что онъ умный, и что онъ педагогъ. Самомнѣніе и обидчивость Сеземкина особенно подстрекали сестеръ: онѣ вволю надъ нимъ издѣвались, и тѣмъ его бѣленили. А все-таки его тянуло въ ихъ квартиру, какъ муху къ меду.

Въ послѣдній годъ одна Валя была его зазнобою: онъ ухаживалъ только за нею. Варя ожесточеннѣе обыкновеннаго издѣвалась надъ нимъ, Валя за него начала заступаться.

Какъ-то незамѣтно для себя перешли они къ интимнымъ бесѣдамъ: стали строить планы, какъ они будутъ жить, когда онъ кончитъ семинарію; встрѣчаясь наединѣ, они торопливо цѣловались, и при этомъ оба краснѣли до ушей, и стыдливо потупляли глаза.

Но все это измѣнилось, когда Андозерскій обратилъ вниманіе на Валю. Валя вздумала, что Андозерскій влюбленъ въ нее, и хочетъ на ней жениться; тогда она будетъ барынею. Это льстило ея воображенію. Да и самъ Андозерскій былъ бравый мужчина, и не примѣръ солиднѣе молоденькаго, неоперившагося еще семинариста. Что Яшка? мальчишка, молокососъ, а тотъ настоящій баринъ и красавецъ.

Валя охладѣла къ Якову. Онъ сначала недоумѣвалъ, потомъ озлился, сталъ высматривать, выспрашивать, и узналъ-таки, въ чемъ дѣло. Это было и не трудно въ нашемъ городѣ, гдѣ всѣ обо всѣхъ знаютъ всю подноготную.

Яковъ попытался было убѣдить Валю.

— Ой ты, безстыжіе глазья,—говорилъ онъ,—не женится вѣдь онъ на тебѣ. Онъ только лясы точитъ, турусы на колесахъ подпускаетъ, — а ты и развѣсила уши. Поддѣнетъ онъ тебя, какъ щуку на блесну, тогда запоешь свинымъ голосомъ.

Но сестры безпечно подняли его на смѣхъ. Яковъ съ горя запилъ. Это было еще на Пасхѣ. Каждый день на брезгу онъ начиналъ пить, и къ полудню бывалъ уже пьянъ.

Такъ продолжалось нѣсколько дней.

Наконецъ товарищи стали его уговаривать:

— Брось, вѣдь могутъ исключить.

— Теперь мнѣ все равно,—мрачно отвѣчалъ Яковъ, помотывая надъ водкою вихрастою головою,—пусть исключаютъ, я пришелъ въ отчаяніе. Бултыхну въ воду,—и дѣло съ концомъ.

«Мнѣ больше некого любить,
Мнѣ больше некому молиться!»

—продекламировалъ онъ, упалъ головою на столъ, и горько зарыдалъ.

Товарищи стояли вокругъ съ торжественными лицами. Они прониклись сознаніемъ важности того, что совершалось: они созерцали, какъ губительно дѣйствуетъ на сильную и гордую душу отвергнутая любовь. Впрочемъ, всѣ они были пьяны.

На буесть пьяныхъ товарищей остальные семинаристы смотрѣли съ уваженіемъ. Но тѣмъ было мало этого: они жаждали всенароднаго подвига.

На пятый день праздника банда подвыпившихъ семинаристовъ быкалась по городскимъ улицамъ, оглашая городъ удалыми пѣснями. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ бутылку съ водкою, другой тащилъ связку изваляв шихся въ грязи бубликовъ. На соборной площади они усѣлись на землѣ въ кружокъ,

взялись за руки, и запѣли „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Яковъ запѣвалъ. Грубые съ перепоя голоса далеко раздавались, какъ дикій ревъ.

Горожане были возмущены. Сразу два анонимныхъ доноса полетѣли къ учебному начальству. Но авторы переусердствовали, нагородили несообразностей, и къ тому же разошлись въ показаніяхъ. Доносы были брошены подъ столъ. Доносчики ждали ревизіи,—и не дождались.

На другой день, раньше, чѣмъ вчерашніе герои успѣли опохмѣлиться, имъ пришлось уже имѣть объясненіе съ директоромъ семинаріи. Объясненіе было кратко, но внушительно. Пришедшіе было въ отчаяніе семинаристы вернулись въ прежнее, не отчаянное, состояніе, и перестали баловаться.

Только Сеземкинъ напивался еще каждое воскресенье у себя дома, подальше отъ директорскихъ глазъ.

А Валя размечталась не на шутку. Да и какъ ей было не мечтать? Вѣдь и свое мѣсто получила она лишь благодаря общему сочувствію къ Дылинымъ, вызванному смертью ихъ отца. А раньше нашъ инспекторъ народныхъ училищъ никакъ не могъ признать простенькую Валю достойною занять учительскую должность.

— Помилуйте,—говорилъ Александръ Ивановичъ Пономаревъ,—что это за учительница: за водой съ ведрами босая бѣгаетъ! Да и науки изучала она не отлично. Легкомысленная дѣвчонка, и больше ничего. И безъ всякихъ манеръ. Да у меня есть кандидаты изъ учительской семинаріи, прекрасно воспитанные юноши: говоритъ съ начальствомъ, такъ онъ руки по швамъ держитъ, стоитъ на вытяжку. Вотъ это я понимаю, я спокоенъ за школу,—онъ тамъ заведетъ образцовую дисциплину. А чтобъ эту вертушку назначить,—да ни за какую благодать! Да и изъ дѣвицъ у меня есть кандидатки, воспитанныя барышни изъ

хорошихъ семей. А этой, ужъ извините, я не могу довѣрить школу.

Инспекторъ говорилъ рѣшительно и убѣжденно, потому что такъ думали вліятельныя лица въ земствѣ и въ городѣ. Самъ же онъ былъ человѣкъ къ школьнымъ вопросамъ довольно равнодушный уже по самому своему невѣжеству: отличался онъ въ молодости не столько успѣхами въ наукахъ, сколько скромнымъ поведеніемъ, и на свое настоящее мѣсто былъ назначенъ за благочестіе, которымъ сумѣлъ обратить вниманіе какой-то особы. До маноръ и воспитанности тоже ему мало было дѣла: самъ онъ до настоящаго времени сохранилъ много простоватыхъ привычекъ. Въ службѣ нашъ инспекторъ былъ и очень исполнителенъ, и очень несообразителенъ, и всячески старался оберегать школы отъ неблагонамѣренныхъ элементовъ: онъ не давалъ потачки учителямъ, которые не постились по средамъ и пятницамъ, а красное платье одной учительницы послужило поводомъ къ ея увольненію отъ должности.

Когда въ городѣ заговорили о бѣдственномъ положеніи Дымиыхъ, всѣми было рѣшено безъ разсужденій, что Валѣ надо дать мѣсто. Инспекторъ не сопротивлялся, и далъ Валѣ мѣсто на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ.

— Послужите помощницей годика два, три,—ласково говорилъ онъ ей,—а тамъ мы васъ и учительницей сдѣлаемъ.

Валя была въ восторгѣ, и горячо принялась за дѣло. Мальчики, ея ученики, маленькіе удивленные звѣрьки съ грязными лапами и неопрятными носами, были тупы и безтолковы, но они хотѣли учиться, и всячески натуживались на урокахъ, чтобъ „дойти до дѣла". Уроки были, конечно, трудны для неопытной и мало свѣдущей Вали, но дѣло кой-какъ двигалось.

Зато Валѣ трудно было ладить съ учителемъ. Сер-

гѣй Яковлевичъ Алексѣевъ былъ человѣкъ дикаго и глупаго вида. Лобъ у него былъ узкій, низкій, затылокъ воловій, лицо заросло колючими темно-рыжими волосами. Сестры Дылины, знавшія его раньше, со свойственною имъ откровенностью называли его обалдуемъ. Бѣда Вали была въ томъ, что онъ имѣлъ причины быть недовольнымъ ея назначеніемъ, и смотрѣлъ на Валю, какъ на врага.

До Вали въ его школѣ тоже была помощница. Учитель и помощница разсчитали, что имъ будетъ выгодно соединить свои жалованья и жить вмѣстѣ: сорокъ рублей въ деревнѣ—это громадныя деньги,—къ старости можно прикопить кругленькій капиталецъ, если откладывать каждый мѣсяцъ понемногу. Они поженились въ прошломъ году на Красной горкѣ. Лизавета Никифоровна переселилась изъ крестьянской избы въ квартиру учителя, при школѣ. Въ неуютныхъ доголѣ двухъ комнатахъ Сергѣя Яковлевича запахло семейнымъ очагомъ,—и учитель блаженствовалъ.

Получивъ въ земской управѣ въ первый разъ жалованье свое и женино, и почувствовавъ себя богаче Ротшильда, Сергѣй Яковлевичъ рѣшилъ кутнуть во всю Ивановскую, но не по-холостецки, а приличнымъ, семейнымъ образомъ. Онъ купилъ съ этою цѣлью Елисѣевскаго портвейну, цѣлую бутылку, въ рубль двадцать пять копѣекъ, и остальную до двухъ рублей сумму издержалъ на пріобрѣтеніе разныхъ закусокъ, а именно: сыру со слезою и трещинками, и колбасы, полгода тому назадъ привезенной изъ столицы и слегка подернутой бѣлесоватымъ слоемъ плѣсени. Нагрузивъ карманы, онъ шелъ по улицамъ въ праздничномъ настроеніи, которому соотвѣтствовала превосходная погода. Сквозныя тучки тихонько таяли и тонули въ голубой пустынѣ; молодыя березки буль-

вара покачивали, за зеленою рѣшеткою, своими бѣлыми стволами, и протяжно лепетали тоненькими вѣточками; веселая пыль вилась и носилась сѣрыми вихрями и облаками, и не хотѣла угомониться: рѣка игриво колыхалась, во всю свою ширину, мелкою рябью, и солнечные лучи дробились на ней, словно кто-то разсыпалъ цѣлую горсть новенькихъ гривенниковъ. Такое сравненіе пришло въ голову Сергѣю Яковлевичу, и онъ, опершись на перила моста, размышлялъ:

„А что, если бъ тамъ въ самомъ дѣлѣ были гривенники? Пошелъ ли бы я теперь собирать ихъ? Э, зачѣмъ бы я сталъ трудиться, лѣзть въ воду, рисковать простудиться!"

Встрѣчались знакомые, поздравляли, дружелюбно подмигивали на лѣвый карманъ его пальто, откуда торчала завернутая въ бѣлую бумагу бутылка. Сергѣй Яковлевичъ улыбался, хлопалъ себя по карману, гдѣ было вино, и по тому карману, гдѣ были деньги, и объявлялъ:

— Тороплюсь домой. Знаете, нельзя жъ.

— Ну, ну,—отвѣчали ему,—еще бы, жена, поди, ждетъ, не дождется.

И присовокупляли къ этому еще разныя поощрительныя и остроумныя замѣчанія, соотвѣтствующія, по правиламъ пріятнаго обхожденія, положенію дѣлъ.

Встрѣтился Сергѣю Яковлевичу и инспекторъ, Александръ Ивановичъ, и тоже поздравилъ.

— Вотъ теперь вамъ веселѣе будетъ, — сказалъ онъ.

— Какъ-же-съ, Александръ Иванычъ, гораздо веселѣе.

— Семейка ваша учительская увеличится...

— Гы-гы,—стыдливо и радостно хихикнулъ Сергѣй Яковлевичъ.

— Къ осени,—кончилъ Александръ Ивановичъ.

— Гы-гы, Александръ Иванычъ, къ осени не поспѣетъ.

— Чего не поспѣетъ,—ужъ есть кандидатка.

— Кандидатка?—въ замѣшательствѣ и недоумѣніи пролепеталъ Сергѣй Яковлевичъ.

— Есть, есть! Ужъ за лѣто, такъ и быть, пусть ваша супруга попользуется жалованьемъ,—пригодится вамъ на обзаведенье,—а съ осени назначимъ вамъ помощницу.

— Да зачѣмъ же, Александръ Иванычъ? Жена вѣдь не хочетъ уходить,—она останется, что жъ, отчего жъ ей не остаться?

— Что вы, Сергѣй Яковлевичъ, развѣ это можно?

— Да отчего же?

— Оттого, что не дѣло. Что за учительница, коли она замужемъ? У нея хозяйство, дѣти будутъ. Да надо и другимъ мѣсто дать,—Лизавета Никифоровна пристроилась.

Сергѣй Яковлевичъ какъ съ неба упалъ.

Въ состояніи, близкомъ къ мрачному отчаянію, возвращался онъ домой, трясясь на жесткомъ сидѣньи валкаго тарантаса, который прыгалъ высокими колесами по твердымъ колеямъ глинистой дороги.

Несносная пыль лѣзла Сергѣю Яковлевичу въ ротъ и въ носъ, слѣпила глаза; солнце, опускаясь къ западу, глупо и равнодушно смотрѣло ему прямо въ лицо,—очень неудобно было ѣхать. Воркуны надоѣдали своимъ однозвучнымъ брекоткомъ. Притомъ же вспомнилъ онъ, что Лизавета Никифоровна вовсе не такъ красива, какъ ему казалось до свадьбы.

„Это я, значитъ, на свою шею взвалилъ такой сахаръ,—злобно думалъ онъ,—бантики, тряпочки, а зубы ужъ съѣла,—ни кожи, ни рожи, ни видѣнья!“

Его оскорбила мысль, что онъ везетъ для нея вино.

„Не жирно ли будетъ?“—подумалъ онъ, и принялся откупоривать бутылку при помощи перочиннаго

ножа. Выпивая и закусывая, скоротал онъ дорогу. Домой вернулся онъ въ настроеніи воинственномъ, и произвелъ первый семейный дебошъ.

Сергѣй Яковлевичъ притѣснялъ Валю, и старался показать ей, что онъ—начальникъ. Лизавета Никифоровна „подпускала шпильки". Батюшка—законоучитель держался сначала дипломатично, но предпочиталъ Сергѣя Яковлевича: у учителя бывала водка, у Вали ея не было; Валя жила въ избѣ у крестьянина, которому платила пять рублей въ мѣсяцъ за квартиру и за обѣдъ,—Сергѣй Яковлевичъ жилъ по-семейному, солидно, у него можно было и закусить послѣ урока.

И вотъ однажды, когда при такой закускѣ случилась Валя, батюшка рѣшился дружески попенять ей, что она мало слѣдуетъ примѣру старшихъ.

— Вы ихъ избаловали, Валентина Валентиновна,— укоризненно говорилъ онъ, закусывая верещагою водку:—давно ли здѣсь, а избаловали. Не хорошо-съ!

— Да чѣмъ же?

— У Лизаветы Никифоровны не такъ бывало. Были тише воды, ниже травы. Безъ мѣръ строгости нельзя-съ, милостивая государыня!

— Вѣстимо, нельзя,—солидно сказала Лизавета Никифоровна.

— Да коли мнѣ не приходится наказывать!

— Да, вотъ разводите имъ ушами,—вотъ и распустили.

— Да коли не за что наказывать, такъ какъ же, батюшка?

— Ну, это дичинка съ начинкой,—сказалъ Сергѣй Яковлевичъ.

— Г-мъ, не за что!—продолжалъ батюшка.—А вотъ вамъ примѣръ: придетъ къ вамъ какой-нибудь мерзавый мальчишка съ грязными лапами, такъ вы что сдѣлаете?

— Пошлю помыться,—отвѣтила Валя.

— А если и завтра тоже?

— Ну, что жъ, ну, опять пошлю мыться.

— Нѣтъ-съ, это канитель одна. А вотъ вы у вашего большака спросите, какъ онъ въ такихъ случаяхъ поступаетъ, а то вы очень артачливы, вамъ бы все по своему.

— Гы-гы, да-съ, вы у меня спросите, дѣло-то лучше будетъ. Слава Богу, не первый годъ въ школѣ.

— Ну, какъ же вы поступаете?

— А вотъ какъ: я такого неряху, не говоря худого слова, пошлю на дворъ, да велю ему на руки шестьдесятъ ковшиковъ вылить.

— Это зимой-то?

— Да-съ, зимой. Небось, другой разъ не захочетъ.

— Ну, братъ, не захочетъ,—подтвердилъ батюшка.—Такъ-то вотъ, молоденькая наставница, вы у насъ, опытныхъ людей, спросите.

— А по моему, это глупо,—сказала Валя, густо краснѣя.

— Вотъ какъ!—воскликнула Лизавета Никифоровна,—скажите, пожалуйста, мы и не знали!

Вскорѣ произошелъ случай, который заставилъ батюшку занять положеніе, явно враждебное Валѣ.

Когда батюшка приходилъ на урокъ въ ея отдѣленіе,—младшее,—Валя уходила домой. Однажды во время батюшкина урока не посидѣлось ей дома, и она вернулась въ школу раньше обыкновеннаго. Въ сѣняхъ услышала она крикъ батюшки и вой мальчугана. Она открыла дверь. Удивительное зрѣлище представилось ей.

Батюшка съ ожесточеніемъ бутетенилъ свернутою полою рясы мальчика; другую руку онъ запустилъ ему въ волоса; мальчикъ вопилъ и корячился. Другой наказанный стоялъ у печки вверхъ тормашки; ноги

его были подняты на печку, тѣло наклонно свѣшивалось головою внизъ, лицо, обращенное къ полу, было закрыто опустившимися и спутанными волосами. Мальчикъ стоялъ, какъ вкопанный, крѣпко упираясь въ полъ растопыренными пальцами.

Услышавъ стукъ отворившейся двери, батюшка выпустилъ мальчика, съ которымъ занимался, строго посмотрѣлъ на Валю, и спросилъ:

— Вамъ что угодно?

— Что вы дѣлаете?— крикнула Валя, краснѣя до слезъ:—какъ вамъ не стыдно!

Она бросилась къ печкѣ, и поставила мальчика на ноги. Мальчикъ тяжело пыхтѣлъ. Покраснѣвшее до синевы лицо его выражало тупой испугъ.

— А позвольте васъ спросить, госпожа помощница учителя, вы по какому праву вмѣшиваетесь въ мои распоряженія?— воскликнулъ батюшка, грозно выпрямляясь.

— А по такому праву, что вы такъ не смѣйте поступать. Дурману вы объѣлись, что ли?

— Такъ то вы при ученикахъ поговариваете! Вы ихъ противъ меня бунтовать! Ну, попомните вы это. Я вамъ улью щей на ложку! Я не останусь въ долгу!

Батюшка ушелъ, грозно хлопнувъ дверью. Мальчишки сидѣли ни живы, ни мертвы. Засудятъ, поди,— думалось имъ,—безшабашную учительницу!

Начались у Вали раздоры съ учителемъ, и съ батюшкою, раздоры, не разъ заставлявшіе ее поплакать. Поповны сдѣлались также ея врагами, и разъ весною чуть не засыпали ей глаза табакомъ, когда она шла мимо ихъ дома. Сеземкинъ помогалъ ей совѣтами,— далъ ей, напримѣръ, рецептъ отъ глупости, который Валя подбросила Сергѣю Яковлевичу, и тѣмъ очень оскорбила его. Но когда съ Яковомъ она поссорилась, уже некому было давать ей остроумные совѣты.

Когда Андозерскій ушелъ, Логинъ опять спустился въ садъ. Дѣвицы были еще въ огородѣ. Логинъ подошелъ къ калиткѣ.

— Послушайте-ка, Валя, хотите я вамъ новость скажу?

Дѣвицы захихикали.

— Ахъ скажите, пожалуйста,—сказала Валя, жеманно поджимая губы.

— Вотъ скоро свадьба будетъ.

— Ахъ, неужели? Ахъ, какъ это интересно! Чья же свадьба?

— А вы будто не слышали?

— Право, не знаю.

— Андозерскій женится.

Валя покраснѣла.

— Не можетъ быть!—воскликнула она.

Логинъ улыбнулся.

— Отчего жъ ему и не жениться?

— На комъ же?—спросила Варя, насмѣшливо посматривая на сестру.

— А вотъ ужъ этого я вамъ не скажу. Впрочемъ, на богатой дѣвицѣ.

— На богатой?—переспросила Валя, стараясь сдѣлать равнодушное лицо.—Вотъ какъ!

— Да, да, на богатой. Однако, по любви.

— На комъ же, однако?—приставала Варя.

— Нѣтъ, ужъ не скажу. Сами догадайтесь.

— О, я разнюхаю!—воскликнула Валя.

Она еще пуще покраснѣла, и бросилась бѣжать домой.

Глава двадцатая.

Анатолій часто заходилъ къ Логину,—успѣлъ завязать сѣть общихъ интересовъ.

— А вы, Толя, похожи на сестру,—сказалъ Логинъ.

Мальчикъ въ это время пересматривалъ берендейки на письменномъ столѣ. Онъ засмѣялся и сказалъ:

— Должно быть, очень похожъ: вы мнѣ и вчера то же говорили.

— Да? Я очень разсѣянъ бываю нерѣдко, мой другъ.

— У насъ съ сестрой широкіе подбородки, правда?

— Чѣмъ широкіе? Вотъ вы какой молодецъ, — кровь съ молокомъ!

Анатолій застѣнчиво покраснѣлъ.

— Я къ вамъ по дѣлу. Можно говорить? Не помѣшаю?

Прочелъ о летательномъ снарядѣ,—и захотѣлось сдѣлать этотъ снарядъ по рисункамъ. Долго и подробно толковали, что нужно для устройства снаряда. Заходила рѣчь и о другихъ предметахъ.

Провожая Анатолія, Логинъ опять думалъ, что мальчикъ похожъ на сестру. Захотѣлось цѣловать Толины розовыя губы,—онѣ такъ довѣрчиво и нѣжно улыбались. Ласково обнялъ мальчика за плечи. Сказалъ:

— Приходите почаще съ вашими дѣлами.

— Спасибо, что берегли,—сказалъ Анатолій.—Это такъ здѣшніе мѣщане говорятъ хозяевамъ, когда уходятъ, — пояснилъ онъ, сверкая радостными глазами; потомъ сказалъ тихо:—А къ вамъ барышня идетъ.

И побѣжалъ по ступенькамъ крыльца. Логину весело было смотрѣть на его бѣлую одежду и быстрое мельканіе загорѣлыхъ босыхъ ногъ, голыхъ выше колѣнъ.

Ирина Петровна Ивакина, сельская учительница, шла навстрѣчу Анатолію поосткамъ пустынной улицы. Логинъ встрѣчалъ ее всего раза два, три. Ея школа была верстахъ въ тридцати отъ города.

Логинъ провелъ Ивакину въ гостиную. Дѣвица уже не молодая, маленькая, костлявая, какъ тарань, чахоточно-розовая, легко волнующаяся, говорила быстро,

трескучимъ голосомъ, и сопровождала рѣчь безпокойными движеніями всего тѣла. Заговорила:

— Я явилась къ вамъ, чтобы указать вамъ дѣло, которое наиболѣе необходимо для нашей мѣстности. Я слышала о вашихъ предположеніяхъ отъ Шестова. Это чрезвычайно порядочный господинъ, но, къ сожалѣнію, заѣденный средою и своей скромностью. Я вполнѣ увѣрена, что его безвинно впутали въ дѣло Молина: это интриги протоіерея Андрея Никитича Никольскаго, который состоитъ личнымъ врагомъ Шестова изъ-за религіозныхъ убѣжденій. Но это послѣ. А теперь я должна сказать, что необходимо издавать газету.

— Газету? здѣсь?

— Ну, да, что же васъ удивляетъ? Необходимо имѣть мѣстный органъ общественнаго мнѣнія въ нашей глухой, забытой Богомъ трущобѣ.

— На что вамъ такъ вдругъ понадобилось общественное мнѣніе? — спросилъ Логинъ съ усмѣшкою.

Ивакина вся взволновалась, раскраснѣлась, закашлялась.

— Какъ! помилуйте! можно ли объ этомъ говорить? Вы здѣсь смѣетесь, вамъ хорошо въ городѣ, а каково намъ въ селахъ, въ самыхъ центрахъ арміи невѣжества и суевѣрій, гдѣ мы, учителя и учительницы, являемся единственными піонерами прогресса!

— Едва ли мы можемъ помочь вамъ нашей газетой, да и средства...

— Обязательно можете, — барабанила Ивакина: — направленіе школьнаго дѣла во многомъ зависитъ отъ людей, живущихъ въ городѣ, — здѣсь живутъ тѣ особы, на отвѣтственности которыхъ лежитъ весь ходъ кампаніи во имя народнаго просвѣщенія, и они должны сосредоточить все свое вниманіе на положеніи народной школы.

— Ужъ и все вниманіе!

— Обязательно. Школа въ селѣ — это аванпостъ, утвердившійся во враждебномъ станѣ, аванпостъ, который одинъ могъ бы пробить брешь въ китайской стѣнѣ народнаго неразумія. А вмѣсто того полнѣйшее невниманіе, хоть волкомъ вой.

— Но развѣ у васъ не бываютъ?

— Я, напримѣръ, за два года завѣдыванія школой въ Кудрявцѣ только однажды удостоилась посѣщенія господина инспектора, но и это посѣщеніе было только провѣркою школьныхъ успѣховъ безъ всякаго отношенія къ внутреннему строю школы.

Чрезмѣрно-быстрая трескотня Ивакиной начала утомлять Логина. Онъ вяло сказалъ:

— Должно быть, вамъ довѣряютъ.

— Я имѣю за собою пятнадцатилѣтнюю опытность и нѣкоторое знаніе школы,—продолжала Ивакина,— что и помогло мнѣ не потерять головы, не отрясти праха отъ ногъ своихъ, и не убѣжать безъ оглядки. Впрочемъ, тому, что я была забыта, причиной, вѣроятно, личные счеты, хотя, по моему крайнему разумѣнію, въ такомъ дѣлѣ, какъ народная культура, личныя недоразумѣнія слѣдуетъ откладывать въ сторону до болѣе удобнаго случая. Я, напримѣръ, не могла добиться полнаго сочувствія въ такомъ полезномъ и чрезвычайно благородномъ предпріятіи, какъ „товарищество покровительства полезнымъ птицамъ“ изъ школьниковъ, устроенное недавно мною.

— Какъ же это, я не понимаю, полезныя птицы изъ школьниковъ?—спросилъ Логинъ съ досадливою усмѣшкою.

— Нѣтъ, школьники по моей иниціативѣ составили изъ себя товарищество для покровительства полезнымъ птицамъ, гнѣзда которыхъ разоряются мальчиками изъ шалости.

— А!

— Можете себѣ представить, даже такая свѣтлая

личность, какъ Ермолинъ, отнесся къ этому дѣлу безъ должнаго сочувствія,—хотя онъ и признаетъ это товарищество полезнымъ, но не смотритъ на него, какъ на дѣло возвышенное, идеальное.

— А Анна Максимовна какъ смотритъ на это дѣло?

— Она слишкомъ молода. Она еще только улыбается, когда съ нею говорятъ о такихъ серьезныхъ вопросахъ. Она только жать хлѣбъ умѣетъ, да свои платочки стирать, а вопросы высшаго порядка ей мало доступн л.

— Вотъ какъ!

— Но я все-таки устроила это товарищество. Ни за какія блага въ мірѣ я не намѣрена въ чемъ-нибудь скиксовать!

— Это дѣлаетъ честь вашей энергіи.

— Наша обязанность — посвящать всѣ силы святому дѣлу просвѣщенія. Не то поразительно, что приходится вести борьбу съ дикостью массы,—это естественно,—а поражаетъ то грустное явленіе, что лица, которыхъ обязанность — служить духовному просвѣщенію этой массы и поддерживать учрежденія, стремящіяся къ той же великой цѣли поднятія массъ, поступаютъ какъ разъ наоборотъ: подкапываютъ эти учрежденія, стараются всячески уронить ихъ въ глазахъ народа, не брезгая для этого ни заугольными сплетнями, ни грязными инсинуаціями или прямо клеветой. Я говорю о тамошнемъ священникѣ, господинѣ Волковѣ. Это человѣкъ, котораго не сразу раскусишь, совершенный хамелеонъ. Онъ расточаетъ любезности, пожимаетъ вамъ руку, а въ то же время всячески старается васъ подкузьмить, и пишетъ на васъ кляузные доносы. Я не стала бы подымать всей этой грязи, если бъ не считала себя нравственно-обязанной разоблачить шашни этого человѣка.

Ивакина тарантила бы еще долго. Но Логинъ угрюмо и настойчиво перебилъ ее.

— Послушайте, Ирина Петровна, вы не пишете ли стиховъ?

Ивакина опѣшила.

— Но какое же отношеніе? Я не понимаю... Конечно, нѣтъ.

— Знаете что? Вы подождите немножко... хотя воздушныхъ шаровъ.

— Какъ? аэростатовъ?

— Вотъ когда полетятъ всюду управляемые воздушные шары, тогда и безъ газеты вашъ аванпостъ, какъ вы изволите выражаться, будетъ сильнѣе, я вамъ ручаюсь за это.

— Но какъ же это ждать?—лепетала Ивакина въ недоумѣніи.

— А теперь никакая газета не поможетъ, отложите попеченіе. Дѣлайте скромно ваше дѣло, и ждите воздушныхъ шаровъ.

— Съ динамитомъ! — прошептала Ивакина, въ страхѣ вглядываясь въ угрюмое лицо Логина.

— Съ динамитомъ?—съ удивленіемъ переспросилъ Логинъ.—Полноте, есть вещи посильнѣе динамита, безъ всякаго сравненія.

— Сильнѣе динамита?

— Ну, да, конечно.

— Но... какъ же... неужели безъ революціи нельзя?

— Ну, какая тамъ революція,—сказалъ Логинъ, и прибавилъ, чтобъ утѣшить Ивакину: — что жъ, подумаемъ и о газетѣ.

Ивакина съ перепуганнымъ видомъ стала прощаться.

„Мозги у нея на бекрень",—думалъ Логинъ.

Едва ли могъ предвидѣть, къ какимъ послѣдствіямъ приведутъ нечаянныя слова о воздушныхъ шарахъ.

Ивакина вышла напуганная. Разговоръ припоминался ей въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: Логинъ сидѣлъ хмурый, почти ничего не говорилъ, кусалъ губы,

улыбался саркастически, — и вдругъ таинственныя слова,— воздушные шары, и на нихъ что-то сильнѣе динамита. Ивакина боялась и говорить объ этомъ,— разсказала двумъ, тремъ, на скромность которыхъ можно положиться. А на другой же день пошли слухи, одинъ нелѣпѣе другого, и взбудоражили городъ.

Стали говорить, что кто-то видѣлъ воздушные шары отъ прусской границы (она находится на разстояніи многихъ верстъ отъ нашего города). Говорили, что одинъ шаръ леталъ совсѣмъ близко къ землѣ, и что съ него нѣмецкіе офицеры бросали прокламаціи, а мужики ихъ подбирали, и не читая несли къ уряднику. Другіе говорили, что это не прокламаціи, а цѣлая уйма поддѣльныхъ кредитокъ, и мужики будто бы ихъ припрятали,—собираются платить ими подати.

Говорили и то, что сидѣли въ шарахъ не офицеры, а молодые люди въ поярковыхъ шляпахъ и красныхъ рубахахъ-косовороткахъ пьяные, и пѣли возмутительныя пѣсни, не то Марсельезу, не то Камаринскаго. Казначей Свѣжуновъ споритъ, что пьяные въ поярковыхъ шляпахъ пріѣхали не „на шарахъ", а по рѣкѣ въ лодкахъ, что пѣли они про утесъ Стеньки Разина, и привезли съ собою голую дѣвку; все это, увѣрялъ казначей, видѣлъ онъ своими собственными глазами купаясь, а теперь, по его словамъ, молодые люди сидятъ въ Лѣтнемъ саду въ ресторанѣ, пьютъ и поютъ, а дѣвка пляшетъ, и краснымъ флагомъ машетъ. Многіе пошли въ садъ, но не нашли молодыхъ людей въ поярковыхъ шляпахъ, а половые увѣряли, что чужихъ голыхъ дѣвицъ здѣсь не было. Обманутые устремлялись снова къ казначею, и укоряли его.

— Я пошутилъ, душа моя,—говорилъ Свѣжуновъ, и громко хохоталъ.

Но мѣщане волновались и безпокоились не на шутку.

Солнце склонялось къ западу, и стремилось озарить насквозь террасу дома Ермолиныхъ,—оно вонзало неяркіе лучи въ промежутки холстинныхъ занавѣсей. Смуглыя Аннины щеки пламенѣли. Задумчивая улыбка румянила ея губы, и онѣ круглились, какъ створки розовой раковины. Ея руки устало лежали. На ней было платье изъ полосатой вигони. Черныя атласныя ленты на кушакѣ и на бантѣ у воротника въ лучахъ солнца казались подернутыми розоватымъ налетомъ, нѣжнымъ, какъ цвѣтень. И нарядное платье, и едва видныя изъ-подъ его края бѣлыя ноги, какъ ноги лѣсной царевны,—и вся она, какъ сказка, какъ воплощенная жизнью милая мечта.

Ермолинъ и Логинъ оживленно разговаривали. Это была одна изъ безконечныхъ бесѣдъ, которыя Логинъ часто велъ съ Ермолиными. Его неопредѣленныя воззрѣнія были такъ печально противоположны яснымъ взглядамъ Ермолиныхъ, что онъ самъ чувствовалъ свою душевную разоренность, но не хотѣлъ отказаться отъ своего.

Въ саду послышались шаги. Анна прислушалась къ нимъ. Сказала, улыбаясь Логину:

— Нашего полку прибываетъ.

— Кажется, я узнаю шаги,—тихо отвѣтилъ онъ:—тогда это не тѣ, съ кѣмъ я хотѣлъ бы стоять въ однихъ рядахъ.

Это пришли Андозерскій и Михаилъ Павловичъ Ухановъ, судебный слѣдователь. Его считали у насъ необыкновенно умнымъ за то, главнымъ образомъ, что онъ всегда бранилъ русскихъ людей и русскіе порядки. Онъ начиналъ болѣзненно тучнѣть, имѣлъ блѣдное лицо, и казался недолговѣчнымъ. Своими длинными черными волосами онъ кокетничалъ. Андозерскій посѣщалъ Ермолиныхъ не только потому, что имѣлъ виды на Анну, но и потому, что считалъ своею обязанностью, какъ членъ судейскаго сословія, при-

держиваться общества образованныхъ, независимыхъ людей, хотя скучалъ, если не было картъ, танцевъ или вышивки. Душою же тянулся къ влiятельнымъ людямъ, дѣлающимъ свои и чужiя судьбы.

Ухановъ, на вопросъ Ермолиныхъ про дѣла, заговорилъ о трудностяхъ слѣдствiя по дѣлу Молина. Разсказывалъ:

— Получается такое впечатлѣнiе, точно кто-то старается замазать дѣло. Свидѣтели несутъ околесицу, точно ихъ запугиваютъ или подкупаютъ.

— Ну, кому тамъ подкупать!—вмѣшался Андозерскiй.

— Кому? Русскiе люди, извѣстно,—одинъ затѣетъ пакость, за нимъ и другiе. Я вотъ увѣренъ въ его виновности, а въ городѣ шумятъ, на меня жалуются.

— Добрый малый,—друзьямъ за него обидно.

— То-то вотъ, друзьямъ,—тоже гуси лапчатые. Мотовиловъ, напримѣръ,—да это привычный преступникъ. Нагрѣлъ руки, воровать ужъ не надо,—онъ иначе законъ нарушаетъ: подкупаетъ свидѣтелей, самоуправствуетъ. У него и дѣти—выродки.

— Ну, вы ужъ слишкомъ,—перебилъ Андозерскiй.

Ухановъ сердито замолчалъ. Логинъ сказалъ:

— А и правда,—объ этомъ дѣлѣ всѣ въ городѣ подъ чью-то дудку поютъ; по своему и думать боятся,—терроръ какой-то: кто запуганъ, кто захваленъ. Вотъ я слышалъ на дняхъ, кто-то хвалилъ Миллера: „прекрасный человѣкъ, честный,—онъ такъ возмущенъ поступками слѣдователя въ дѣлѣ Молина.“

Всѣ засмѣялись. Ермолинъ замѣтилъ:

— Многiе изъ нихъ увѣрены, что доброе дѣло дѣлаютъ, спасаютъ.

Логинъ и Анна сидѣли за шахматнымъ столикомъ, у окна, въ розовомъ свѣтѣ догорающаго вечера. Анна играла внимательно, точно работала,—Логинъ разсѣ-

янно. Пока Анна обдумывала ходъ, онъ печально смотрѣлъ на ея наклоненную надъ шахматами голову и на высокій узелъ прически. Томила мысль, посторонняя игрѣ, мысль, которую не могъ бы выразить словами,—точно надо было рѣшить какой-то вопросъ, но рѣшеніе не давалось. Зналъ, что она сдѣлаетъ ходъ, подыметъ глаза, и улыбнется. Зналъ, что въ ея довѣрчивой улыбкѣ и въ ея свѣтлыхъ глазахъ мелькнетъ ему рѣшеніе вопроса, простое, но для него непонятное и чуждое. Болѣе всего томило это сознаніе отчужденія, неразрушимой преграды между ними.

Когда приходила его очередь дѣлать ходъ, онъ изобрѣталъ затѣйливыя и рискованныя сочетанія. Отвѣты Анны были просты, но сильны; они приводили его въ игрецкій восторгъ. Составить себѣ ясный планъ онъ теперь не могъ,—увлекали ненадежныя, перемѣнчивыя соображенія; могъ бы выиграть только въ томъ случаѣ, если бы игралъ съ неискуснымъ или горячимъ игрокомъ. Но Анна продолжала играть обдуманно и вѣрно.

Наконецъ увидѣлъ, что его фигуры нелѣпо разбросаны, а черные,—ими играла Анна,—держатся дружно. Сдѣлалъ ходъ осторожный, но зато и слабый. Анна послѣ отвѣтнаго хода сказала:

— Если вы такъ будете продолжать, живо проиграете,—вы точно поддаетесь.

— Поддаюсь? Нѣтъ, но на моемъ мѣстѣ фаталистъ-азіатъ, любитель шахматъ, сказалъ бы; „мудрый знаетъ волю Всемогущаго,—я долженъ проиграть“.

— Пока еще нельзя сказать.

— Я долженъ проиграть,—съ грустью въ голосѣ сказалъ Логинъ, и сдѣлалъ рискованный ходъ.

Анна покачала головою, и быстро отвѣтила смѣлою жертвою. Онъ поднялъ было руку, чтобы взять ферзя, но сейчасъ же опять сѣлъ спокойно. Анна спросила:

— Что же вы?

— Все равно, пришелъ матъ,—вяло отвѣтилъ Логинъ.—Приходится сдаваться. Выигрываетъ только тотъ, кто вѣритъ, а вѣритъ только тотъ, кто любитъ, а любить можетъ только Богъ, а Бога нѣтъ,—нѣтъ, стало быть, и любви. То, что зовутъ любовью, неосуществимое стремленіе.

— Этакъ разсуждая, никто не долженъ выигрывать.

— Никто и не выигрываетъ. Да не только выигрышъ, побѣда,—самая жизнь невозможна. Если позволите, я разскажу вамъ одно дѣтское воспоминаніе.

Анна молча наклонила голову. Она откинулась на спинку стула, и на минуту закрыла глаза. Шахматная доска съ фигурами ясно рисовалась передъ нею, потомъ задвигалась, и растаяла. Логинъ говорилъ:

— Было мнѣ лѣтъ двѣнадцать. Я захворалъ. И вотъ передъ болѣзнью или когда выздоравливалъ, не помню хорошо, приснилось мнѣ, что случилось что-то невозможное, а виной этому я, и это невозможное я долженъ исполнить, но нельзя исполнить, силъ нѣтъ. Словами сказать—это блѣдно, а впечатлѣніе было неизъяснимо-ужасное, ни съ чѣмъ несравнимое,—какъ будто все небо съ его звѣздами обрушилось на мою грудь, а я долженъ его поставить на мѣсто, потому что я самъ уронилъ его. И я безумно шепталъ въ просонкахъ: „тысячу гнѣздъ разорилъ,—сыграть не могу“. Это часто припоминалось мнѣ потомъ, но всегда гораздо слабѣе, чѣмъ я пережилъ. Такъ удивительно было это впечатлѣніе, что я потомъ старался вызвать его въ себѣ,—искусственно создавалъ кошмаръ. Кошмары мучили, томительные, сладостные,—но то, единственное, не повторялось. Теперь, послѣ того, какъ я такъ долго и упорно гнался за жизнью, и такъ много ея погубилъ, я понимаю этотъ пророческій сонъ: жизнь душила меня,—ея необходимость и невозможность.

— Невозможность жизни! Живутъ же...

— Живутъ? Не думаю. Умираютъ непрерывно,—въ томъ и вся жизнь. Только хочешь схватиться за прекрасную минуту жизни,—и нѣтъ ея, умерла.

— Какая гордость! Зачѣмъ требовать отъ жизни того, чего въ ней нѣтъ, и не можетъ быть? Сколько поколѣній прожило,—и умерли покорно.

— И увѣрены были, что такъ и надо, что у жизни есть смыслъ? А стоитъ доказать, что нѣтъ смысла въ жизни,—и жизнь сдѣлается невозможною. Если истина станетъ доступна всѣмъ, никто не захочетъ жить. Чѣмъ болѣе знанія и ума въ обществѣ, тѣмъ замѣтнѣе дѣлается, какъ иссякаютъ источники жизни. Вотъ почему, я думаю, люди нашего вѣка такъ жалостливы къ дѣтямъ: ихъ наивная простота завидна намъ. Говорятъ,—я для дѣтей живу. Для дѣтей! Прежде для себя жили, и были счастливы, какъ умѣли.

— Потому что были глупы?

— Давно сказано: „блаженны нищіе духомъ".

— Что жъ дальше будетъ?

— Что? Дальше—хуже. Великій Панъ умеръ,—и не воскреснетъ.

— Зато Прометей освобождается.

— Да, да, освобождается,—свирѣпый отъ боли, рычитъ, и жаждетъ мести. Скоро увидитъ, что мстить некому,—и завалится дрыхнуть на-вѣки.

— Какое неожиданно-грубое окончаніе!—воскликнула Анна.

— Что тутъ грубаго? Естественное дѣло.

— Нѣтъ, я съ этимъ несогласна. У жизни есть смыслъ, да и пусть нѣтъ его,—мы возьмемъ и нелѣпую жизнь, и будемъ рады ей.

— А въ чемъ смыслъ жизни?

Анна положила локти на столъ, оперла голову на ладони, и молчала. Обшитые тонкими нитяными кружевами воланы пышныхъ, длинныхъ рукавовъ обвисли

двумя желтоватыми запястьями. Улыбалась, и глядѣла на Логина. Радостью и счастьемъ вѣяло отъ довѣрчивой улыбки; она сулила блаженство, и погружала душу въ тихій покой самозабвенія. Логину казалось, что душа растворяется въ этомъ вѣяніи юной радости, что нисходитъ забвеніе, успокоительное и желанное, какъ смерть.

— Смыслъ жизни,—сказала наконецъ Анна,—это только наше человѣческое понятіе. Мы сами создаемъ смыслъ, и вкладываемъ его въ жизнь. Дѣло въ томъ, чтобъ жизнь была полна,—тогда въ ней есть и смыслъ, и счастье.

„Мысль изреченная есть ложь", припомнилось Логину. Да и самое обаяніе, которое владѣетъ имъ, не обманъ ли, не одна ли изъ тѣхъ ловушекъ, которыя вездѣ разставлены жизнью? Онъ грустно сказалъ:

— Такъ, та́къ, вкладываемъ въ жизнь смыслъ,—своего-то смысла въ ней нѣтъ. И какъ ни наполняйте жизнь, все же въ ней останутся пустыя мѣста, которыя обличатъ ея безцѣльность и невозможность.

— Вы упрямы, васъ не переспоришь,—мягко сказала Анна, разставляя шахматныя фигурки: ея руки привыкли приводить вещи въ порядокъ.

— Всѣ люди упрямы,—отвѣтилъ въ тонъ ей Логинъ, нѣжно глядя на ея задумчивое лицо.— Ихъ можно убѣдить только въ томъ, что имъ нравится. На что очевиднѣе—смерть, и то не вѣрится; хочется и сгнивши опять жить на томъ свѣтѣ.

„Умреть и она!— подумалъ вдругъ Логинъ.—И всякая смерть будетъ встрѣчена безъ ужаса,—и забудется!"

Острыя струи жалости, ужаса и недоумѣнія пробѣжали въ его душѣ. Онъ почувствовалъ, какъ погибло то молодое и счастливое, что трепетало сейчасъ въ его сердцѣ.

„Умерла минута счастія,—и не воскреснетъ!“

Что-то поблекло, отлегѣло. Минуты умирали. Было тоскливо и больно.

Глава двадцать первая.

Въ первомъ часу ночи Логинъ, Андозерскій и Ухановъ вышли на крыльцо. У крыльца стояли дрожки: Андозерскій велѣлъ извозчику пріѣхать за нимъ. Но извозчика отпустили,—ночь стояла теплая, тихая,—и пошли пѣшкомъ. При лунѣ дорога блестѣла мелкими камнями. Ермолинъ и Анна проводили гостей съ полверсты, и вернулись домой. Андозерскій началъ разсказывать неприличные анекдоты; Ухановъ не отставалъ. Ихъ голоса и смѣхъ оскорбляли чистую тишину ночи,—и влажный воздухъ дрожалъ смутно и недовольно. Логинъ незамѣтно отсталъ, и вошелъ въ лѣсъ. Мѣста здѣсь были ему памятны: онъ любилъ бывать въ этомъ лѣсу.

— Ау, ау! куда запропастился?—раздались съ дороги голоса его спутниковъ:—волки съѣдятъ!

Логинъ не откликнулся, и продолжалъ углубляться въ чащу. Скоро голоса замолкли, ихъ замѣнилъ далекій, но звонкій голосъ соловья. Березы чутко наклоняли къ нему молчаливыя вѣтви, зелено и влажно задѣвали его по лицу, точно спрашивали у него, что значитъ жить и любить, и жаловались на свою грустную безсознательность. Онъ шелъ,—и сладостныя грезы носились въ его головѣ. Извилистыя тропинки на каждомъ поворотѣ напоминали ему милый образъ дѣвушки съ довѣрчиво-ясными глазами. Точно бѣлая тѣнь мелькала передъ нимъ въ просвѣтѣ вѣтвей; казалось, что на дорожкѣ еще видны слѣды ея ногъ.

Онъ подходилъ къ той лужайкѣ у ручья, гдѣ первый разъ увидѣлъ въ прошломъ году Анну и удивился ей. Мыслями о ней была полна его душа. Роб-

кая надежда на любовь согрѣвала ее. Безшумный ручей, который широко разливался здѣсь на обмелѣвшемъ руслѣ, блеснулъ передъ нимъ гладкою поверхностью. Онъ отражалъ деревья, но не видѣлъ ихъ, и былъ печаленъ. Старый дубъ, подъ которымъ Логинъ увидѣлъ тогда Анну, выступалъ изъ мглы съ какимъ-то напряженнымъ и скрытымъ волненіемъ, словно желанія, рожденныя чьею-то горячею кровью, трепетно бились о его безжизненно-отяжелѣлый стволъ, и почти овладѣли его покорнымъ сномъ. Что-то смутно темнѣло подъ этимъ деревомъ. Логинъ подошелъ.

У дерева лежалъ худенькій мальчикъ, въ рваныхъ штанишкахъ, изношенныхъ сапоженкахъ и пестрядинной рубахѣ съ балаболами и помятыми кузиками. Наивно и кротко было его лицо; оно казалось синевато-блѣднымъ, потому что луна любовалась имъ, и раздвигала холодными лучами верхнія вѣтки деревьевъ. Короткіе каштановые волосы слиплись на лбу неровными прядками. Засунувъ руки въ рукава, поджимая ноги, онъ дышалъ быстро и тревожно, и во снѣ иногда бормоталъ. Съ нимъ рядомъ стоялъ на землѣ пустой маленькій буракъ изъ сосновой драни.

Логинъ подумалъ, что это, должно быть, бѣглый изъ богадѣльни мальчишка, которымъ дразнили Баглаева. Истомленное лицо ребенка показывало, что онъ усталъ и проголодался. Очевидно было, что нельзя его здѣсь оставить. Логинъ потрясъ его за плечо. Мальчикъ открылъ глаза. Логинъ сказалъ:

— Вставай, братъ, домой пора!

Мальчикъ приподнялся, и сѣлъ на землю. Онъ лихорадочно дрожалъ, глаза его горѣли, весь онъ былъ жаркій и потный. Логинъ спросилъ:

— Ты въ богадѣльнѣ живешь?

Мальчикъ безпокойно задвигался. Залепеталъ:

— Не хочу, не надо, не пойду въ богадѣльню.

— Такъ какъ же? Здѣсь, братъ, плохо ночевать,—сыро.

Мальчикъ молчалъ, и наклонялся впередъ всѣмъ тонкимъ тѣломъ, словно въ дремотѣ.

— Пойдемъ, я тебя къ себѣ отведу,—сказалъ Логинъ, и попытался поднять его.

Мальчикъ ухватился за дерево слабыми руками.

— Ну, что жъ ты, я тебя не отдамъ въ богадѣльню. У тебя отецъ есть?

— Нѣтъ,—прошепталъ мальчикъ, опуская руки и разсматривая Логина.

— А мать?

— Нѣтъ.

— Кто жъ у тебя есть?

— Никого нѣтъ. Оставьте, пустите,—шепталъ мальчикъ, рванулся, чтобы встать, но какъ-то ослабѣло вытянулся, и легъ на травѣ.

— Ну, что жъ ты!—повторилъ Логинъ.—Вотъ я нашелъ тебя, теперь, братъ, ты мой, а въ богадѣльню я тебя не отдамъ. Пойдемъ.

Мальчикъ съ помощью Логина поднялся на ноги. Онъ безсильно покачивался и, повидимому, переставалъ соображать и сознавать. Логинъ поднялъ мальчика на руки. Мальчикъ, почувствовавъ себя на воздухѣ, потянулся руками, и охватилъ шею Логина. Логинъ понесъ его. Мальчикъ дремалъ; ему сдѣлалось тепло,—онъ улыбнулся. Потомъ онъ открылъ глаза, и посмотрѣлъ на Логина.

— Да вы меня въ богадѣльню не отдавайте,—сказалъ онъ внезапно.

— Ладно, не отдамъ.

Мальчикъ закрылъ глаза, и помолчалъ.

— Я заслужу,—опять сказалъ онъ.

— Ну, ладно, спи себѣ.

— Я самъ пойду,—сказалъ онъ, помолчавъ еще немного.

Логинъ поставилъ его на ноги. Мальчикъ ухватился за его руки.

— Меня Леонидомъ зовутъ, Ленькой, — сказалъ онъ, и приникъ къ ногамъ Логина.

Логинъ приподнялъ его лицо съ устало-закрытыми глазами, неподвижное и блѣдное.

— Эхъ, ты, путешественникъ!—сказалъ онъ.

Мальчикъ молчалъ. Логинъ опять взвалилъ его на плечи.

„Однако, нелегкая ноша! — думалъ Логинъ, подходя къ дому.—Не достаетъ того, чтобъ онъ умеръ у меня на плечахъ“.

Ленька не умеръ, но былъ боленъ. Нѣсколько дней пролежалъ, начиналъ бредить, но все обошлось легко. Логинъ позвалъ къ нему врача, и тотъ принялся угощать мальчика микстурами. Надо было опредѣлить положеніе ребенка въ будущемъ. Логинъ заявилъ о своемъ желаніи взять мальчика на воспитаніе. Препятствій не оказалось. Однако всѣ, съ кѣмъ Логину приходилось говорить объ этомъ, удивлялись и спрашивали:

— Да на что онъ вамъ понадобился? Маята одна съ ними,—у кого и свои, такъ плачутся.

Логинъ тоже удивлялся, и отвѣчалъ вопросомъ:

— Да куда жъ мнѣ его дѣть?

— Какъ куда! Вѣдь онъ же былъ въ богадѣльнѣ?

— Да я обѣщалъ ему, что не отдамъ его туда: онъ не хочетъ.

— Вотъ еще, нѣжности какія! Съ непутевымъ мальчишкой!

И не было въ городѣ никого, кто бы не подивился странной затѣѣ Логина.

— Дурь на себя напускаетъ!—говорили благоразумные люди.

А тѣ, до кого уже дошла сплетня, зародившаяся

въ разговорѣ Мотовилова со Вкусовымъ, многозначительно переглядывались.

Одни Ермолины не удивлялись, и не сердились на Логина. Анна однажды сказала ему съ улыбкою:

— Достанется вамъ за Леньку.

— Отъ кого?

— Отъ всѣхъ здѣшнихъ. Взяли бы вы мальчика для того, чтобы пользоваться его силенками, были бы вы купецъ или ремесленникъ, это было бы понятно. Но пустить къ себѣ чужого ребенка только потому, что у васъ найдется лишняя копѣйка для него,—это для нихъ диковинка. Подождите, васъ еще хвалить будутъ, да такъ, что не поздоровится.

Ленька сталъ выздоравливать; онъ каждый день отымалъ у Логина долю времени, и создавалъ для него что-то вродѣ семейной обстановки. Ленька былъ безпомощенъ и кротокъ, конфузился своего новаго положенія, боязливо слушался, и начиналъ поговаривать о городскомъ училищѣ, гдѣ учился. Потомъ повадился разсматривать картинки въ книжкахъ, и пытался срисовывать, но рисунковъ своихъ не показывалъ, вообще дичился, и разговаривалъ мало. Иногда же на него находилъ откровенный стихъ, и онъ вдругъ, безъ всякаго, повидимому, повода, принимался выкладывать Логину свои воспоминанія.

Анатолій часто забѣгалъ къ нимъ. Ленька и его дичился сначала, но скоро привыкъ. Они сдѣлались мало-по-малу друзьями. Анатолій пользовался большимъ уваженіемъ Леньки, и Ленька ему безпрекословно подчинялся. Это было полезно для „смягченія нравовъ“, говорилъ Толя.

Прасковья, служанка Логина, рябая и мрачная, была въ большомъ негодованіи: ей прибавилось дѣла. Въ бесѣдахъ съ сосѣдками, Дылиными, она называла обращеніе Логина съ Ленькою баловствомъ. Когда Ленька сталъ на ноги, Прасковья, чтобъ онъ не ло-

дырпичалъ, пыталась приспособить его къ кухнѣ: заставить сапоги почистить, въ лавочку сходить. Мальчикъ повиновался, если не былъ въ распоряженіи Анатолія. Вся его способность сопротивленія, казалось, была истощена безъ остатка побѣгомъ.

Дылины сочувствовали Прасковьѣ. Какъ всѣ, привыкшіе бѣдняться и пользоваться подачками, они были завистливы на чужое добро. Тратить на „дрянного мальчишку“ то, что могло бы быть подарено кому-нибудь изъ братьевъ или сестеръ! Это казалось имъ свинствомъ. То, что Леня можетъ, когда захочетъ, усѣсться на любое кресло и даже на диванъ, злило мальчишекъ и дѣвчонокъ, которые спали, гдѣ придется, на полу, на лавкахъ, покрывались тряпками, и носили рваную одежонку. Поэтому они дразнили Леньку, и задѣвали его, когда онъ показывался на дворѣ одинъ.

— Завидущіе!—называлъ ихъ Ленька.

Въ городѣ продолжали носиться слухи, которые волновали горожанъ. Были случаи смерти отъ холеры. Къ толкамъ о причинахъ ея приплелась басня о воздушныхъ шарахъ. Говорили, что на шарахъ невѣдомые люди летаютъ, сыплютъ сверху въ рѣки и колодцы зелье, и отъ того холера. А потомъ сообразили, что шары прилетѣли изъ Англіи: англичане народъ морить вздумали, потомъ воевать придутъ,—англичане будто бы и врачей подкупили. Около холерныхъ бараковъ стали похаживать небольшія артели мѣщанъ; они злобно посматривали на фельдшеровъ, и тихонько поругивались. Фельдшера принимали напряженно-равнодушный видъ. Они напрасно ждали больныхъ: родные прятали заболѣвшихъ, или просто не давали переносить ихъ въ больницу,—думали, что въ баракѣ уморятъ. На улицахъ чаще стали попадаться пьяные.

Кто-то пустилъ молву, что Молинъ улетѣлъ изъ

тюрьмы на воздушномъ шарѣ. Къ острогу собралась толпа мѣщанъ, и загалдѣла подъ окномъ квартиры тюремнаго смотрителя. Оказалось, что Молинъ на мѣстѣ. Но многіе говорили:

— Извѣстно, убѣжитъ, — господа всѣ за-одно.

— Нашли дурака,—на каторгу итти!

Юшка Баглаевъ, какъ городской голова, вздумалъ показать свою распорядительность, и велѣлъ окрасить нѣсколько фуръ въ черный цвѣтъ: на этихъ фурахъ думалъ онъ перевозить въ бараки холерныхъ больныхъ. Когда фуры были готовы, и Юшка осматривалъ ихъ, онъ внезапно вдохновился, и велѣлъ намазать на нихъ по краямъ бѣлыя полосы. Мрачные экипажи показались на улицахъ, и привели горожанъ въ уныніе.

Къ городскимъ толкамъ припleталось имя Логина,—и сталъ онъ въ городѣ популярнымъ, самъ не зная о томъ. Въ низшихъ слояхъ общества догадки на счетъ Логина были совсѣмъ нелѣпы. Говорили, что это онъ летаетъ на шарахъ по ночамъ, когда всѣ спятъ, а видѣть его нельзя, и шара нельзя видѣть: вродѣ какъ шапка-невидимка.

— Какой тамъ шаръ!—толковали старухи,—а летаетъ онъ на огненномъ змѣѣ.

— А пожалуй, что и такъ,—соглашались другіе.

— А то просто осѣдлаетъ метлу, да и поѣдетъ.

Говорили, будто Логинъ собираетъ людей въ тайное согласіе, и кладетъ на нихъ антихристову печать. Эти толки исходили преимущественно изъ лавокъ,—купцы возненавидѣли проектъ Логина, какъ только услышали о немъ.

Толками о Логинѣ особенно интересовался Мотовиловъ. У него тоже былъ въ городѣ магазинъ, а потому и его сердилъ проектъ Логина. По поводу городскихъ толковъ Мотовиловъ имѣлъ интимный разговоръ съ директоромъ гимназіи. Директоръ выслушалъ Мо-

товилова апатично, и выразилъ мнѣніе, что надо подождать „поступковъ", а пока все въ порядкѣ. Мотовиловъ замѣтилъ, что дожидаться поступковъ будетъ, пожалуй, неосторожно, надо бы объясниться съ Логинымъ, и вывести его на чистую воду. Директоръ усмѣхнулся, но согласился. Однако, онъ не торопился требовать отъ Логина объясненій.

Каждый разъ, когда Логинъ выходилъ на улицу, встрѣчные осматривали его съ особеннымъ вниманіемъ. Иные останавливались, и смотрѣли вслѣдъ за нимъ. Враждебны и боязливы были эти взгляды. А Логинъ не замѣчалъ ихъ, — онъ погруженъ былъ въ свои планы и мечты. Надежда на счастіе все чаще зажигалась въ немъ, какъ заря надъ развалинами. Образъ Анны мелькалъ передъ нимъ, ея голосъ звучалъ въ его ушахъ. Но что-то темное бросало на его душу колеблющуюся, тревожную тѣнь. Кто-то туманный, неуловимый, злой издѣвался надъ завѣтными мечтами.

Тоскливые глаза Логина и его малословность поражали иногда, но не пугали Леню. Мальчикъ присматривался къ нему, и старался что-то сообразить, но пока напрасно.

Вечеромъ, когда Логинъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ, пришелъ Юшка Баглаевъ, по обыкновенію, подъ хмѣлькомъ и красный. Объявилъ:

— Сперва дѣла, — завтра на маевку ѣдемъ. Согласенъ? Что тебѣ все корномъ корпѣть, — надо поразмяться.

— Кто ѣдетъ, скажи сначала, — лѣниво спросилъ Логинъ.

— Чудакъ! — воскликнулъ Юшка: — ужъ скучать не будешь, — вѣдь и я тамъ съ тобой буду.

— Въ такомъ разѣ какъ не ѣхать! — усмѣхаясь, отвѣчалъ Логинъ.

— Ну, а коли такъ, давай водки.

— Вотъ я тебѣ чаю налилъ,—сказалъ Логинъ, указывая на дымившійся передъ Баглаевымъ стаканъ.

Но Юшка вытребовалъ водки. Ухвативъ рюмку дрожащими руками, онъ нечаянно стукнулъ ею о край стакана, и пролилъ въ свой чай половину водки. Логинъ потянулся за Юшкинымъ стаканомъ, и сказалъ:

— Давай-ка, я тебѣ чай перемѣню.

Но Юшка замахалъ руками. Закричалъ:

— Что ты, что ты! Добромъ добра не испортишь.

— Гдѣ это ты клюкнулъ сегодня, городская голова?

— Извѣстно гдѣ,—дома, за обѣдомъ, около стекла чисто обошелся,—а вотъ, пока къ тебѣ шелъ, вѣтромъ опахнуло, и опять чистъ, какъ стеклышко. Юшка Баглаевъ, замѣть себѣ, никогда не бываетъ пьянъ.

— Вѣрно!

— Я, братъ, къ тебѣ урвался потихоньку отъ жены,—зашепталъ Юшка:—ревнуетъ меня къ Валькѣ.

— Да Валентины нѣтъ сегодня въ городѣ.

— Да, поговори вотъ съ бабой.

— А ты, надо полагать, далъ поводъ къ ревности.

— Ну, ври больше.

Не успѣлъ Юшка опрокинуть еще и двухъ рюмокъ, какъ на улицѣ раздались звонкіе крики Жозефины Антоновны, жены Баглаева:

— Я знаю, что онъ здѣсь, подлецъ этакой! Я ему кишки повытереблю!

Юшка вскочилъ, и прижался къ стѣнѣ. Выпуклые глаза его выразили страхъ. Онъ прижималъ локти къ стѣнѣ, словно желая вдавиться въ нее. Зашепталъ, вращая покраснѣвшими бѣлками:

— Вотъ влопался! Спрячь, спрячь меня подальше: всѣ закоулки обшаритъ.

Логинъ подошелъ къ окну. Жозефина Антоновна, вертляво двигаясь всѣмъ своимъ тѣломъ, закричала:

— Какъ вамъ не стыдно, господинъ Логинъ! Гдѣ

вы спрятали моего мужа? Но не безпокойтесь, я знаю, гдѣ онъ, и съ кѣмъ онъ.

Смуглое лицо Баглаевой нервно подергивалось тысячью гнѣвныхъ гримасъ. Съ нею пришли Биншгокъ, слюняво и опасливо хихикающій въ сторонкѣ, и Евлалія Павловна, увядающая дѣвица съ веселыми улыбками и хмурыми глазами, учительница женской прогимназіи.

— Полноте, Жозефина Антоновна,—принялся уговаривать Логинъ:—вашъ мужъ у меня въ безопасности, ужъ я его въ обиду не дамъ.

— А, вы еще смѣетесь!—пуще загорячилась Баглаева:—да что жъ это такое! Что вы у себя публичный домъ, что ли, устроили?

— Да вы войдите, посмотрите сами, Жозефина Антоновна.

— Вы мнѣ мужа моего подайте, а къ вамъ я не пойду.

— Ну, Юшка,—сказалъ Логинъ, отходя отъ окна,—убирайся, не продолжай скандала.

Юшка, видя, что Логинъ намѣренъ выдать его, мгновенно разсвирѣпѣлъ, и забормоталъ, наступая на Логина:

— Что? Гнать меня? За это я даю по мордасамъ.

Логинъ засмѣялся.

— Ну, иди, иди, нечего хорохориться.

Юшка такъ же быстро остылъ. Логинъ нахлобучилъ на него шляпу, взялъ его подъ локоть, и вывелъ на улицу.

— Вотъ вашъ супругъ,—сказалъ онъ Баглаевой,—и клянусь вамъ, никого, кромѣ Свѣтланы, съ нами не было.

— Знаю я васъ, — ворчливо отвѣчала Жозефина Антоновна.—Вамъ, мужчинамъ, повѣрить, такъ будешь плакать кровавыми слезами. На ваше счастье я навѣрное знаю, что эта стрекоза Валька сегодня въ деревнѣ.

— Такъ зачѣмъ же вы скандалили? — спросилъ Логинъ, досадливо хмуря брови.

— А зачѣмъ вы мнѣ его сразу не отдали? Ну, да Богъ съ вами. Не забудьте же, завтра на маевку.

Юшка съ беззаботнымъ видомъ распрощался съ Логинымъ, и прошепталъ ему, подмигивая на жену:

— Нервы! самъ знаешь!

— Вѣдь вотъ, — сказалъ Ленька, когда Логинъ вернулся,—во всемъ-то онъ жены боится, а чтобы онъ водки не пилъ, до этого она еще не дошла.

Ночью нѣсколько шалуновъ изъ мѣщанскихъ семей забрались въ огородъ Мотовилова, къ его парникамъ. Были тамъ сестры и братья Дылины, была и сама Валя. Было темно и тихо. Шалуны тихонько пересмѣивались. Вдругъ одинъ изъ нихъ отчаянно взвизгнулъ. Остальные мигомъ были на заборѣ.

Самъ Мотовиловъ заслышалъ шорохъ въ огородѣ, подкрался къ одному изъ незванныхъ посѣтителей, и ухватилъ его за волосы. Мальчишка отчаянно барахтался, а Мотовиловъ тащилъ его къ дому, и громкимъ крикомъ сзывалъ прислугу.

— Эге! да я тебя, негодяй, знаю!—заговорилъ Мотовиловъ, вглядѣвшись въ мальчишку.—Ахъ ты, скотина, а еще въ училищѣ былъ!

Это былъ Иванъ Кувалдинъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Былъ онъ родомъ изъ ближней деревни, но жилъ въ городѣ, въ обученіи у сапожника. Раньше онъ учился въ городскомъ училищѣ, но не кончилъ. Шалуны поставили Ваньку на стражу, а сами занялись дѣломъ. Мальчишка зазѣвался, и попался.

Послышались голоса людей, которые бѣжали изъ дому на помощь барину. Ванька изловчился, и укусилъ правую руку Мотовилова, прямо въ большой палецъ. Мотовиловъ вскрикнулъ, и выпустилъ его. Ванюшка въ одинъ мигъ былъ на заборѣ, и улепетывалъ

за своими товарищами. Скоро онъ догналъ ихъ, и похвалялся удачею.

Съ хохотомъ, крикомъ и визгомъ неслась по городу толпа мальчишекъ, дѣвчонокъ, подростковъ и дѣвушекъ. Растрепанные, босые, дикіе, мелькали они въ бѣлесоватой мглѣ чуть обозначившагося въ воздухѣ разсвѣта, какъ неистовыя привидѣнія, которыя бѣгутъ за околицу по крику пѣтуха. Собаки подняли тревожный и громкій лай. Въ домахъ поспѣшно открывались окна. Встревоженные обыватели выбѣгали на улицу, неодѣтые. Полиція всполошилась. Караульный, который задремалъ было на вышкѣ пожарной каланчи, сдуру ударилъ въ набатъ. По всему городу пробѣжала тревога. Раздавались боязливые крики:

— Пожаръ!

— Шары пріѣхали! Холеру окаянники спущаютъ!

— Англичане мору въ колодецъ засыпали, да наши ребята поймали, и колошматятъ.

На базарной площади было особенно людно и шумно,—туда подзывалъ набатъ, туда гнала и привычка. Пьяный мужчина стремительно перъ въ толпу, отчаянно работалъ могучими кулаками и локтями, и оралъ:

— Никто, какъ Богъ! Не выдавайте, православные!

А зачинщики безпорядка бѣгали по городу, кричали, ухали, и наслаждались смятеньемъ.

Потомъ собралась толпа и у дома Логина. Близко къ дому не подходили, и криковъ здѣсь не было. Окна были не освѣщены,—Логинъ спалъ, и не слышалъ суматохи. Въ толпѣ одни смѣнялись другими,—разошлись только подъ утро.

Глава двадцать вторая.

Пріѣхали на маевку, и расположились верстахъ въ шести отъ города, на лѣсной лужайкѣ близъ дороги, у ручья, за которымъ подымались холмы, заросшіе сосною да елью. По другую сторону дороги, на травѣ, около тарантасовъ паслись отпряженныя лошади. Вокругъ костра, на которомъ варилось что-то, на коврахъ или прямо на травѣ сидѣли и лежали маевщики, разговаривали и смѣялись.

Здѣсь были: Логинъ, Мотовиловы, Клавдія, Анна, супруги Баглаевы, съ ними Евлалія Павловна, Андозерскій, Бинштокъ, Гомзинъ, юный товарищъ прокурора, Браннолюбскій, сѣренькій, тоненькій, съ прилизанными волосиками, актеры Пожарскій, Гуторовичъ, Тарантина, Ивакина, и Валя съ сестрою. Было еще нѣсколько дамъ, дѣвицъ, молодыхъ людей, гимназистовъ. Вся эта компанія казалась Логину докучною,— ужъ очень много лишнихъ людей.

Ивакина смотрѣла на Логина съ ужасомъ, но ее тянуло къ нему; робко лепетала объ идеалахъ и золотыхъ сердцахъ. Логинъ глядѣлъ на залитое чахоточнымъ румянцемъ лицо, на перепуганные глазки, на сѣрое платье съ мелкими складками на груди, и ему казалось, что Ивакина больна и бредитъ. Впрочемъ, привѣтливо улыбался ей: Анна сидѣла противъ него, и глаза ея были лучисты. Она сняла, и положила рядомъ съ собою шляпу изъ черной соломы съ желтыми цвѣтами и высокимъ бантомъ, и тихонько разглаживала на колѣняхъ широкое платье изъ легкой узорчатой матеріи лиловаго цвѣта. Логину казалось, что Анна рада сидѣть здѣсь, молчать и улыбаться,—и ра-

дость ея сообщалась ему. Ивакина расхрабрилась, и рѣшилась коснуться того, что ее волновало.

— Позвольте васъ спросить,—начала она,—объ одномъ предметѣ, который въ послѣдніе дни чрезвычайно интересуетъ и даже волнуетъ меня.

— Сдѣлайте одолженіе,— сказалъ Логинъ хмурясь.

Сѣрые глаза его стали суровы. Ивакина струсила. А ему было на Анну досадно,—теперь онъ испытывалъ это часто: Андозерскій дѣлалъ ей нѣжные глаза, и она весело говорила съ нимъ. Его румяныя щеки лоснились изъ-подъ широкополой соломенной шляпы. Логинъ не понималъ, какъ она можетъ смотрѣть на этого фата безъ отвращенія, и улыбаться ему. Ивакина волнуясь говорила:

— Когда я имѣла честь быть у васъ послѣдній разъ, вы изволили упоминать объ аэростатахъ.

— Объ аэростатахъ?—съ удивленіемъ переспросилъ Логинъ.

„Конечно,—думалъ онъ,—нельзя же ей быть прямо невѣжливою,—но зачѣмъ ясная довѣрчивость въ глазахъ, безразличная ко всѣмъ? Зачѣмъ солнечная улыбка на этого нетопыря?"

— Я тогда не совсѣмъ поняла,—лепетала Ивакина.—То есть, я поняла, но я хотѣла бы знать о времени. Вы говорили, что скоро послѣдуетъ прибытіе воздушныхъ шаровъ, но не можете ли вы опредѣлить болѣе точно, когда именно это произойдетъ?

Испуганные глазки Ивакиной уставились на Логина съ томительнымъ ожиданіемъ.

— Извините, я что-то не помню,—сказалъ Логинъ съ мягкою улыбкою.

„Ого,—думалъ онъ,—какими жестокими бываютъ Анютины глазки! Бѣдный ухаживатель, кажется, наткнулся на хорошенькую шпильку, и дѣлаетъ жалкое лицо. По дѣломъ. Но мнѣ непростительно думать, что Анна не видитъ его насквозь!"

Снялъ свою мягкую сѣрую шляпу, и махалъ ею передъ лицомъ. Тонкая прядь свѣтло-русыхъ волосъ надъ высокимъ лбомъ колебалась отъ движенія воздуха. Ивакина шептала.

— Позвольте, я понимаю, что это секретъ, но я, увѣряю васъ, не выдамъ. Я оправдаю ваше довѣріе.

Логинъ наконецъ вспомнилъ.

— Ну, это я неясно выразился. Я хотѣлъ сказать, что теперь не всѣмъ доступны скорые способы сообщенія,—желѣзныхъ дорогъ мало, воздушные шары не усовершенствованы. А если бы житель каждой деревушки могъ легко сноситься съ кѣмъ угодно, жизнь измѣнилась бы.

На лицѣ Ивакиной отразилось сначала разочарованіе, потомъ недовѣрчивость. Она обиженно сказала:

— Нѣтъ, я вижу, вы не хотите оказать мнѣ довѣрія. Но это совершенно напрасно. Конечно, я не принадлежу къ партіи дѣйствія, но я глубоко презираю тѣ злоупотребленія, которыя держатъ нашъ бѣдный, заброшенный край въ глубокихъ объятіяхъ мрака невѣжества и суевѣрій. И если ожидаются какіе-нибудь неожиданные акты, которые двинутъ впередъ дѣло цивилизаціи и прогресса, то я, какъ всякій искренній другъ народа и просвѣщенной культуры, буду искренно радоваться.

„Вотъ дура какая досадная!—думалъ Логинъ.— Ей хочется, чтобъ я преподнесъ ей какую-нибудь нелѣпость. Ну что жъ, изволь!“

И онъ сказалъ ей шопотомъ:

— Здѣсь могутъ услышать. Посмотрите,—сказалъ онъ громко,—за рѣкой деревянныя развалины,—что-то вродѣ мельницы. Черезъ полчаса,—опять шепнулъ онъ,—я тамъ буду.

Онъ отошелъ отъ Ивакиной. Глаза его глядѣли устало и слегка насмѣшливо.

Ивакина заволновалась, и стала пробираться къ кустамъ. Она приняла такъ много предосторожностей быть незамѣченною, что всѣ замѣтили ея желаніе скрыться. Но у нея былъ такой несчастный видъ, что никто не мѣшалъ ей, и только Баглаевъ началъ объяснять что-то на ухо Андозерскому, давясь отъ хохота. Андозерскій выслушалъ, захохоталъ, хлопнулъ Баглаева по плечу, и закричалъ:

— Ахъ ты, брехунъ, что выдумалъ!

Баглаевъ испугался, и растерянно забормоталъ:

— Ну, ну, пожалуйста, ты вслухъ не повторяй, здѣсь барышни.

— Такъ ты и не говори при барышняхъ такихъ вещей, гусь лапчатый!

— Ну, ну, нализался ни свѣтъ, ни заря, да и безобразничаешь,—надо и стыдъ знать.

— Выпьемъ, братъ, Юша, лучше,—примирительно сказалъ Андозерскій.

— Ну, вотъ это—дѣло. А то что хорошаго такъ то,—рогъ на распашку, языкъ на плечо. И хлобыснуть можно.

— И при барышняхъ можно?

— Это, братъ, всегда можно. Ея же и монаси пріемлютъ.

Евлалія Павловна бесѣдовала тихо съ юнымъ товарищемъ прокурора. Ея щеки раскраснѣлись, а Бранволюбскій млѣлъ и таялъ. Биншток смотрѣлъ на нихъ, и злился. Когда Бранволюбскій отошелъ, Бинштокъ горячо заговорилъ о чемъ-то шопотомъ: онъ наклонялся къ самому уху Евлаліи, подъ ея широкую, нарядную шляпку. Она досадливо отклонилась отъ него, и сказала негромко:

— Ахъ, оставьте,—что вы за женихъ!

— Что жъ такое! я, кажется... Положимъ, я теперь мало получаю, но у меня есть протеже.

Евлалія засмѣялась язвительно.

— Протеже! Туда же! А съ Жозефиной кто цѣловался?

Она отошла отъ Бинштока. Онъ сдѣлалъ сердитое лицо, и сталъ иронически улыбаться. Логинъ подошелъ къ нему. Бинштокъ сказалъ злобно:

— Ну, люди здѣсь! Скандалъ!

— А что?

— Сплетники, клеветники. Знаете, напримѣръ, что про васъ говоритъ Браннолюбскій?

Логинъ нахмурился, и спросилъ:

— А помните, что вы сами обо мнѣ говорили?

Глаза Бинштока смущенно забѣгали.

— Что вы, Василій Марковичъ, когда же это? Кто это вамъ сказалъ? Повѣрьте, я всегда за васъ, а вотъ Андозерскій...

— Не желаю этого знать,—сухо прервалъ его Логинъ, и отошелъ отъ него.

Бинштокъ торчалъ среди полянки, и сконфуженно улыбался.

Межъ тѣмъ, въ ожиданіи завтрака, общество расходилось съ лужайки въ лѣсъ. Барышни вздумали купаться: Валя обѣщала показать превосходное мѣсто. Но когда уже совсѣмъ собрались уходить, Анна сказала что-то на ухо Клавдіи. Клавдія покраснѣла, и сѣла на прежнее мѣсто.

— Что же ты, не пойдешь? спросила ее Анна.

— Конечно, не пойду.

— Такъ и я не пойду, — сказала Анна, и тоже сѣла.

Остались и другія. Клавдія тихо сказала Аннѣ:

— Ты же сама говоришь...

Анна взглянула на нее холодными, ясными глазами, повела плечомъ, и лѣниво отвѣтила:

— Я навѣрное не знаю,—я только такъ подумала. Да и не все ли равно?

Валя и Варя попытались было уговорить другихъ

итти съ ними, потоптались, похихикали, и пошли себѣ однѣ. Анна посмотрѣла за ними съ равнодушною улыбкою, и сказала:

— Всѣ уши понемногу, пойдемъ и мы куда-нибудь.

Она пошла въ другую сторону отъ ручья, между кустами и дорогою. Клавдія и Нета шли за нею.

— Какъ надоѣли мнѣ эти господа! — говорила Клавдія —Какъ съ ними мучительно-скучно!

Анна задумалась о чемъ-то. Почти безсознательно сорвала она тонкую вѣтку, обломнула ее, и легонько поколачивала ею по своему платью.

— Кажется онъ не во-время затѣялъ это,—сказала она вдругъ.

— Ты про кого это?—удивилась Клавдія.

— Я думаю про Логина.

— Ты ужъ не влюбилась ли?—воскликнула Нета, и засмѣялась. Вотъ ужъ прелесть! какой-то неодушевленный.

Анна покраснѣла, и сказала:

— А ты, одушевленная...

— Да ужъ я, конечно,—съ бойкою гримасою говорила Нета.

— А онъ что?

Нета быстро оглядѣлась,— никого близко не было.

— Не знаю, какъ быть, — зашептала она,—хоть убѣгомъ вѣнчайся, такъ ни за что не отдадутъ.

— Поэтично!—насмѣшливо сказала Клавдія.

— Вотъ ужъ нѣтъ, — одна досада! То ли дѣло, какъ все по порядку.

— Фата, цвѣты, подружки, пѣвчіе, —тихо улыбаясь, говорила Анна.

Логинъ стоялъ на мостикѣ, который своими полусгнившими досками уныло нависъ надъ веселымъ ручьемъ. Безоблачно ясенъ былъ день,—безнадежно тоскливо было въ душѣ Логина.

Андозерскій и Баглаевъ подошли къ нему. Оба они были чѣмъ-то радостно возбуждены. Андозерскій сказалъ со смѣхомъ:

— Барышни не пошли купаться, —жаль! Все Анюточка виновата.

— Что жъ, ты подсматривать собирался?—спросилъ Логинъ почти враждебно.

— А то зѣвать, что ли? Ну да ничего, и эти двѣ сестрицы недурненькія, какъ веретенца ровненькія.

— Сущія лягушки по граціозности,—сказалъ хихикая Баглаевъ.—Пойдемъ, спасибо скажешь.

— Онѣ не обидятся,—убѣждалъ Андозерскій.—Нарочно на видное мѣсто пошли.

Они оба потянули за собою Логина, но онъ наотрѣзъ отказался,—и они отправились вдвоемъ подсматривать за купающимися дѣвицами. Сестры плескались въ ручьѣ на открытомъ мѣстѣ, гдѣ было широкое русло. Еще издали были слышны ихъ крики и визги, и всплески воды подъ ихъ ногами. Андозерскій и Баглаевъ остановились за кустами, и смотрѣли на купальщицъ. Потомъ присѣли на корточки, и пробрались поближе къ берегу.

Валя метнула на нихъ вороватыми глазами, затрепетала отъ веселой радости, и сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ никого. Тихонько сказала что-то сестрѣ Варя посмотрѣла въ ту же сторону, и тоже притворилась, что ничего не видитъ. Сестры смѣялись, и плавали, и брызги воды вздымались со звонкимъ стекляннымъ плескомъ изъ-подъ ихъ проворныхъ ногъ. Сильныя, стройныя тѣла подъ яркимъ, веселымъ солнцемъ выдѣлялись розово-золотистыми яркими пятнами среди бѣлыхъ брызгъ, синей полупрозрачной воды, веселой зелени лѣса, и желтой полосы прибрежнаго песку, на которомъ лежали платья. Тяжелые черные волосы красиво осѣняли загорѣлыя лица съ блудливыми глазами и пышно-багряными щеками.

— Вотъ бы сюда Гомзина,—захихикалъ Баглаевъ,—то-то бы онъ зубами защелкалъ.

— А вотъ и Валькинъ женихъ любуется,—сказалъ Андозерскій.—Эхъ, рыломъ не вышелъ!

— Чучело гороховое! — подхватилъ Баглаевъ. — Черти у него на рожѣ въ свайку играли. Ишь, глазища выкатилъ!

На другомъ берегу изъ-за кустовъ выглядывала кудрявая голова Якова Сеземкина. Очевидно, что онъ не видѣлъ тѣхъ, кто стоялъ противъ него: его глаза жили въ это время одною только Валею,—онъ словно заучивалъ каждую черточку красиваго тѣла. Сестры видѣли его, и были рады.

Логинъ постоялъ на мосту, потомъ перешелъ ручей, и сталъ взбираться на высокій берегъ по узкой тропинкѣ. Но когда съ вершины холма услышалъ смѣхъ и голоса купающихся сестеръ, и увидѣлъ, что онѣ плещутся на открытомъ мѣстѣ, онъ повернулъ назадъ,– и вдругъ встрѣтилъ Жозефину Баглаеву. Она запыхалась отъ скорой ходьбы. У нея было озабоченное и раздраженное лицо. Быстро спросила:

— Гдѣ мой мужъ?

— Право не знаю.

— Ахъ, вы его укрываете!—злобно закричала Баглаева, и черные глаза ея гнѣвно засверкали на Логина. Но не безпокойтесь,—найду и безъ васъ.

Пробѣжала мимо Логина. Онъ остановился и прислушался. Скоро услышалъ ея гнѣвливые крики, и громкій визгъ и смѣхъ сестеръ Дылиныхъ.

Вспомнилъ, что Ивакина уже давно ждетъ его. То подымаясь, то опускаясь по крутымъ откосамъ берега, пробирался къ той мельницѣ, которую показалъ Ивакиной. Иногда приходилось схватываться за смолистыя вѣтви молодыхъ елокъ, чтобъ не соскользнуть внизъ.

Въ укромномъ мѣстечкѣ за кустами увидѣлъ

нѣжную парочку: Нета и Пожарскій сидѣли рядомъ, тѣсно прижимались другъ къ другу, любовно переглядывались, и говорили. Онъ прошелъ сзади ихъ,—не замѣтили. Сладкій, звонкій поцѣлуй раздался за нимъ, и разнѣжилъ его истомою желанія.

Наконецъ Логинъ добрался до заброшенной мельницы. Ивакина сидѣла на порогѣ покинутой избы. Ея горячее лицо было почти красиво,—такимъ пылкимъ нетерпѣніемъ сверкали маленькіе глазки. Логинъ сказалъ:

— Вотъ вы гдѣ! Пойдемте-ка внизъ, авось насъ тамъ угостятъ варен.

Ивакина робко подала ему руку, и они потихоньку пошли къ мостику. Логинъ сказалъ:

— Такъ вотъ, любезнѣйшая Ирина Петровна, вы хотите знать, когда именно. Извольте,—но сначала дайте клятву, что вы сохраните это въ тайнѣ.

— Клянусь,—торжественно сказала Ивакина.

Логинъ остановился, выпустилъ ея руку и, мрачно глядя на нее, сказалъ:

— Клянитесь спасеніемъ вашей души.

Ивакина изумилась, и даже всплеснула руками.

— Но, помилуйте, это—нераціональная клятва. Съ тѣхъ поръ, какъ Дарвинъ доказалъ...

— Ну, все равно,—снисходительно сказалъ Логинъ,—каждый даетъ обѣщаніе сообразно своимъ убѣжденіямъ. Да вы, можетъ быть, толстовка?

— Я отношусь, понятно, къ великому русскому писателю съ глубочайшимъ уваженіемъ, но нахожу, что пресловутыя доктрины о непротивленіи злу, о неделаніи,—ошибки геніальнаго человѣка. Когда повсюду вокругъ царитъ безпросвѣтное зло, когда паразиты на двухъ ногахъ и кулаки въ поддевкахъ и во фракахъ сосутъ народную кровь, обязанность каждаго честнаго гражданина—борьба и трудъ. Къ тому же ссылки на такой устарѣлый источникъ, какъ еван-

геліе, въ нашъ электрическій и нервный вѣкъ я признаю нераціональными и несовременными; принципы, изложенные въ этой замѣчательной книгѣ въ перемежку съ легендами, конечно, были въ свое время полезны, но уже давно отслужили человѣчеству свою службу.

— Итакъ, заповѣдь: не клянись...

— Въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни я отвергаю клятву, какъ недостойное уважающихъ себя людей проявленіе взаимныхъ отношеній недовѣрія и мелочной подозрительности. Но въ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло касается соціальныхъ и прогрессивныхъ интересовъ, а также возвышенно-идеальныхъ стремленій, я считаю своимъ долгомъ признавать обязательность клятвы.

„Типунъ тебѣ на языкъ, распространенная болячка!"—думалъ между тѣмъ Логинъ.

— Итакъ,—сказалъ онъ,—клянитесь не выдавать никому тайны, которую я вамъ открою, клянитесь наукой, прогрессомъ и народнымъ благомъ.

Ивакина торжественно подняла правую руку, и воскликнула:

— Клянусь наукой, прогрессомъ и народнымъ благомъ никому не выдавать тайнъ, которыя будутъ мнѣ открыты вами!

— Черезъ двѣ недѣли въ четвергъ,—таинственнымъ голосомъ сказалъ Логинъ, и опять подалъ руку Ивакиной.

Ивакина затрепетала.

— Какъ? Но что именно?

— Произойдетъ рѣшительное: прилетятъ воздушные шары секретной конструкціи, и привезутъ конституцію прямо изъ Гамбурга.

— Изъ Гамбурга!—въ благоговѣйномъ ужасѣ шептала Ивакина.

Она шла взволнованная, не замѣчая дороги. Логинъ продолжалъ:

— Больше ничего не могу сказать. И помните: за измѣну—смертная казнь,—въ мѣшокъ и въ воду.

— О, я знаю, знаю! Я дала клятву,—и сдержу ее!

— Не занимаетесь ли вы, Ирина Петровна, литературой?

Ивакина лукаво улыбнулась, и спросила:

— Почему же вы такъ думаете, Василій Марковичъ?

— Да вы такъ литературно выражаетесь.

— Да? Вы находите? О, я очень много читаю: не говоря уже о томъ, что ни одна деталь школьнаго режима не ускользнула отъ моего вниманія, я читаю много и по общей литературѣ. Но представьте! въ моемъ захолустьи, гдѣ вмѣсто людей можно встрѣтить только господъ Волковыхъ да совершенно неинтеллигентныхъ волостныхъ писарей, мнѣ не съ кѣмъ, положительно не съ кѣмъ, обмѣняться живыми и свѣжими мыслями, которыя навѣваются чтеніемъ книгъ честнаго направленія. Да, вы угадали: я немножко занимаюсь литературой. То-есть, я, видите ли, составила одну азбуку по генетически-синтетическому слогозвуковому методу, и сборникъ диктантовъ популярно-практически-научнаго содержанія, расположенныхъ по аналитически-индуктивному методу.

— Очень полезныя работы; онѣ, конечно, приняты во многихъ школахъ?

— Увы! къ сожалѣнію, у насъ вездѣ царитъ такая рутина, стремленіе придерживаться разъ пробитой колеи: ничего оригинальнаго и знать не хотятъ. Азбука моя употребляется въ двухъ школахъ нашего уѣзда, представьте, только въ двухъ! и въ одной школѣ тетюшскаго уѣзда, всего въ трехъ школахъ. Сборникъ диктантовъ постигнутъ еще болѣе плачевною участью: я не могла даже найти для него издателя, и могу употреблять только въ своей школѣ.

— Это очень печально.

— Но я не падаю духомъ. Меня воодушевляетъ мысль, что въ великомъ процессѣ поднятія народныхъ массъ и я приношу долю пользы, хотя-бы и минимальную. Теперь я привожу къ окончанію одно грандіозное предпріятіе, которое стоило мнѣ многихъ безсонныхъ ночей, нравственной и умственной борьбы, и нѣсколькихъ лѣтъ интенсивнаго труда и неутомимыхъ изысканій.

Логинъ напряженно старался не засмѣяться. Онъ сказалъ:

— Это очень любопытно. Какое же это предпріятіе?

— Это — хрестоматія для народныхъ школъ съ цѣлью поставить передъ сознаніемъ дѣтей во весь ростъ тѣ идеальныя личности, которыхъ такъ много на нашей родинѣ, чтобы дѣти имѣли образцы для почитанія и подражанія.

— А вы вѣрите въ идеальныя личности?

— Безусловно! Я привожу литературные примѣры идеальнаго священника, доктора, лакея, сестры милосердія, идеальной учительницы, идеальнаго помѣщика, идеальнаго становового, — словомъ идеальныхъ личностей всѣхъ сословій.

— Ну, а просто человѣкъ, живой человѣкъ, — есть онъ въ вашей книгѣ?

— Это все люди, и притомъ лучшіе!

— И всей этой слащавой идеальностью вы хотите пичкать деревенскихъ малышей? Къ чему? Зачѣмъ обманывать ихъ? — горячо говорилъ Логинъ.

— Къ чему? Что же, по вашему слѣдуетъ съ самаго ранняго возраста показать дѣтямъ все худое въ жизни, и разбить въ нихъ вѣру въ хорошее? Нѣтъ, школа обязана давать дѣтямъ положительные идеалы добра и правды.

— Идеалъ — Богъ, идеальный человѣкъ — Христосъ, а вы имъ дрянныхъ кумирчиковъ налѣпите, пріучите

всякихъ лицемѣрныхъ честолюбцевъ на пьедесталъ ставить, по холопски стукаться лбами, и передъ кѣмъ?

— Вы отвергаете, что есть идеально—хорошіе люди?

— Не встрѣчалъ я такихъ.

— Сожалѣю васъ. А я встрѣчала.

— Всякій паршивецъ воображаетъ, что онъ на каждомъ шагу такъ подвигами любви и сыплетъ. А поглядишь,—и наилучшіе люди самолюбцы, только полезные для другихъ.

— Какъ? Вы отвергаете самоотверженную любовь? Эту святую силу, которая иногда облагораживаетъ даже злодѣя?

— Самоотверженная любовь, Ирина Петровна, такая же нелѣпость, какъ великодушный голодъ. Ужъ коли я люблю, такъ для себя люблю.

— Я должна вамъ сказать, что вы или не видѣли хорошихъ людей, или не сумѣли оцѣнить ихъ. Но я глубоко вѣрю въ то, что есть высоко-идеальныя, свѣтлыя личности, и я убѣждена, что мы обязаны показать дѣтямъ идеалы въ ихъ жизненномъ воплощеніи. Думать иначе, извините меня, могутъ только черствыя натуры или люди, желающіе щеголять напускнымъ нигилизмомъ.

Ивакина была въ большомъ негодованіи; всѣ морщинки ея маленькаго лица дрожали и волновались. Логинъ смотрѣлъ на нее съ улыбкою, но и съ досадою.

„Вотъ, вѣдь чахоточная, а какой въ ней отважный духъ!“ —думалъ онъ.

Въ это время они пришли на лужайку, гдѣ остальное общество уже сидѣло за завтракомъ, въ тѣни старыхъ илимовъ и березъ.

— Что, дружище,—закричалъ Андозерскій,—никакъ тебѣ Ирина Петровна головомойку за нигилизмъ задаетъ?

Логинъ засмѣялся. Сказалъ:

— Да, вотъ мы объ идеалахъ не сошлись мнѣніями.

— Не признавать идеаловъ — безнравственно и нераціонально, — горячо сказала Ивакина.

— Я вполнѣ согласенъ съ многоуважаемой Ириной Петровной, — внушительно сказалъ Мотовиловъ. — Главный недостатокъ нашего времени — затемнѣніе нравственныхъ идеаловъ, которымъ, къ сожалѣнію, отличается наша молодежь.

— Совершенно вѣрно изволили сказать, къ сожалѣнію, — подтвердилъ Гомзинъ, почтительно оскаливая зубы.

Глава двадцать третья.

Мотовиловъ ораторствовалъ объ идеалахъ длинно, внушительно и кругло. Иные почтительно слушали, другіе вполголоса разговаривали. Андозерскій занималъ Нету, и украдкою кидалъ на Анну проницательные взгляды.

— Вы были съ нею на мельницѣ? — тихо спросила Клавдія.

— Да, — сказалъ Логинъ, — тамъ хорошо.

— Хорошо! Въ этомъ прекрасномъ дикомъ мѣстѣ говорить съ нею! И она молола вамъ суконнымъ языкомъ объ идеалахъ! Какая жалость!

Логинъ засмѣялся.

— Вы не любите ея?

— Нѣтъ, я только дивлюсь на нее. Быть такой мертвой, говорить о прописяхъ, букваряхъ, и вклеивать въ эти разговоры тирады объ идеалахъ, — какъ глупо! Идеалы установленнаго образца!

— Она любитъ говорить, — сказала Анна, — о томъ, чего не понимаетъ, — о своемъ дѣлѣ. Такъ, заученныя слова, лакированныя, прочныя. И при томъ теплыя. И безспорныя.

Она говорила спокойно,—и Логину ея слова. и ясная улыбка, и медленныя движенія рукъ казались жестокими.

Браннолюбскій хлопалъ подъ шумокъ рюмку за рюмкою, и быстро пьянѣлъ. Вдругъ закричалъ:

— Не согласенъ! Къ чорту идеалы!

Но тотчасъ же „ослабѣлъ и легъ". Бинштокъ и Гомзинъ прибрали его, и онъ больше не являлся. Евлалія Павловна притворялась, что весела, но была въ жестокой досадѣ, и безжалостно издѣвалась надъ Гомзинымъ. Бинштокъ не подходилъ къ ней, и посматривалъ злорадно.

Баглаевъ сидѣлъ рядомъ съ женою; имѣлъ пристыженный видъ. Дѣвицы Дылины вернулись съ видомъ „какъ ни въ чемъ не бывало", и только потряхивали мокрыми косами. Андозерскій подмигнулъ Валѣ, Валя лукаво опустила глазки, Баглаевъ старательно не глядѣлъ на сестеръ. Нета разрумянилась, и лицо у нея было счастливое.

Пришли гимназисты; съ хохотомъ разсказывали что-то Андозерскому. Андозерскій захохоталъ. Крикнулъ:

— Вотъ такъ дѣти!

Всѣ повернулись къ нему.

— Вотъ наши молодые люди интересное зрѣлище видѣли.

— Представьте, — заговорилъ Петя Мотовиловъ, показывая гнилые зубы и брызжась слюною,—мальчишки изображаютъ волостной судъ: тамъ одинъ изъ нихъ будто пьяница, его приговорили къ розгамъ. И все это у нихъ съ натуры, и тутъ же приговоръ исполняютъ. А дѣвчонки тоже стоятъ, и любуются.

Барышни краснѣли, кавалеры хохотали. Баглаева сказала пренебрежительно:

— Какіе грубые русскіе мужики!

— Ну, и что жъ дальше?—спросилъ Бинштокъ.

— Да мы ушли: очень ужъ подробно они представляютъ, даже противно.

Жозефина Антоновна сердито ворчала на мужа, сверкала на всѣхъ черными глазами, и бросала гнѣвные взгляды на Валю. Совсѣмъ неожиданно она заявила:

— Которая дрянь чужихъ мужей прельщаетъ, той безстыдной дѣвицѣ иная жена можетъ и глаза выцарапать.

— Руки коротки,— огрызнулась Валя.

— Что жъ вы на свой счетъ принимаете,—накинулась на нее Баглаева,—видно, по вашей русской пословицѣ, знаетъ кошка, чье мясо съѣла?

Валя хотѣла было отвѣчать, но Анна строго уняла ее. Валя ярко покраснѣла, и смущенно начала разсказывать барышнямъ, что говорятъ въ городѣ о холерѣ. Анна засмѣялась, взяла ее за локоть, и тихо сказала ей:

— Надо васъ, Валя, выдрать хорошенько.

— За что жъ, Анна Максимовна? Почему жъ я знала, что онъ пойдетъ?—оправдывалась Валя.

Варвара злорадно смотрѣла на сестру. Мотовиловъ сказалъ внушительно и негромко:

— А вотъ мнѣ на васъ жалуются, госпожа Дылина.

Валя сидѣла, какъ на иголкахъ, и растерянно молчала.

— Да-съ, крестьяне жалуются,—продолжалъ Мотовиловъ, помолчавъ немного.

— Да за что же?—робко спросила Валя.

— Вообще, недовольны. Вообще, имъ не нравится, что учительница. Ну, и вы ссоритесь съ сослуживцами, и дѣтей балуете, да-съ! И все вообще у васъ идетъ на-вонъ-тараты.

— Да я, Алексѣй Степанычъ...

— Ну-съ, я васъ предупредилъ, а тамъ не мое

дѣло. А впрочемъ, и я согласенъ. По моему, баба или дѣвка въ классѣ—одно баловство.

— Ну, что о дѣлахъ теперь! — вмѣшался было Баглаевъ.

Но жена сейчасъ же его уняла.

— Какое ты имѣешь право вступаться? Развѣ тебя просили? Развѣ ты чей-нибудь здѣсь любовникъ? Ты отъ всякой смазливой вертуньи самъ не свой. Знай свою жену, и будетъ съ тебя.

— Знаю, знаю, матушка, виноватъ!

— То-то, — наставительно сказалъ Гуторовичъ,— не фордыбачь, виносось,—у тебя еще вино на губахъ не обсохло.

Молодые люди смѣялись.

— Что, напудрили голову?—язвительнымъ шопотомъ спрашивала Варя у своей сестры.—Такъ тебѣ и надо!

Логинъ и Пожарскій стояли въ сторонѣ. Логинъ спросилъ:

— Скоро на вашей свадьбѣ запируемъ?

— Какая тамъ свадьба!—уныло сказалъ Пожарскій.

— Что такъ?

— Сама дѣвица—ничего, почтительна къ намъ, что и говорить, да вотъ гдѣ точка съ запятой: богатый, но неблагородный родитель и слышать о насъ не хочетъ,—козырь есть на примѣтѣ.

— Плохо! Но все жъ вы попытайтесь.

— Чего пытаться-то? Формальное предложеніе сегодня по дорогѣ дѣлалъ,—носъ натянули. А вы, почтеннѣйшій синьоръ, ужъ за престарѣлой ingenue приударили, за Ивакиной. Но это сушь! Вы-бы лучше наперсницу барышень тронули,—веселенькая дѣвочка!

— Занята ужъ она, мой другъ.

— Фальстафъ?

— Нѣтъ. Это—ложная тревога Жозефины,—женихъ есть.

— Елена прекрасная, значитъ, даромъ волнуется?

– Совершенно напрасно.

Бинштокъ обратился къ Мотовилову съ заискивающею улыбкою:

— Алексѣй Степанычъ, вотъ Константинъ Степанычъ желаетъ прочесть вамъ стихи.

— Стихи? Я не охотникъ до стиховъ: стихами преимущественно глупости пишутъ.

— Но это,—сказалъ авторъ, Оглоблинъ,—совсѣмъ не такіе стихи. Я взялъ смѣлость написать ихъ въ вашу честь.

— Пожалуй, послушаемъ, — благосклонно согласился Мотовиловъ.

Логинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на неожиданнаго автора стиховъ въ честь Мотовилова; его раньше не было на маевкѣ, и какъ онъ сюда попалъ, Логинъ не замѣтилъ. Оглоблинъ сталъ въ позу, заложилъ руку за бортъ пальто и, дѣлая другою рукою нелѣпые жесты, прочелъ на память:

Недавно гражданинъ честной,
Нашъ другъ и педагогъ искусный,
Былъ вдругъ постигнутъ клеветой
И возмутительной, и гнусной.
И кто же первый клеветникъ?
Его завистливый коллега!
Быть можетъ, цѣли-бы достигъ
Лукавый нравственный калѣка,
Но вдругъ за правду поднялся
Бояринъ доблестно безстрашный,
И рѣчью гнѣвно-безшабашной
Скликать сограждапъ принялся.
И имъ всеобщаго протеста
Проектъ разумный предложилъ
Противъ того, что дали мѣсто
Въ тюрьмѣ тому, кто честенъ былъ.
И говоритъ, не уставая,
Бояринъ мудрый за того,
Кто горько слезы лилъ, рыдая,
Когда схватили вдругъ его,—

И за невиннаго хлопочетъ,
И постоять за правду радъ,
И доказать начальству хочетъ,
Кто въ этомъ дѣлѣ виноватъ.
Хвала, бояринъ именитый!
Живи и здравствуй столько лѣтъ,
Чтобъ былъ ты въ старости маститой
Не только дѣдъ, но и прадѣдъ!
А намъ тебѣ кричать пора:
Ура! ура! ура! ура!

Стихотвореніе, прочитанное съ чувствомъ и съ дрожью въ голосѣ, произвело впечатлѣніе. Мотовиловъ всталъ, и горячо пожималъ руку Оглоблина. На лицѣ его лежалъ отпечатокъ величія души, которой услышанныя похвалы были какъ разъ въ пору. Говорилъ:

— Очень вамъ благодаренъ за чувства, выраженныя вами по отношенію ко мнѣ. Но и вообще очень прочувствованные стихи. Такія мысли дѣлаютъ вамъ честь.

Оглоблинъ прижималъ руку къ сердцу, кланялся, бормоталъ что-то умиленное. Около него столпились, пожимали руку, хвалили за хорошія чувства. Баглаевъ восклицалъ:

— Ловкачъ! Обожженный малый!

Были немногіе, на которыхъ чтеніе произвело иное впечатлѣніе. Палтусовъ улыбался язвительно. Логинъ слушалъ съ досадою. Клавдія тихонько засмѣялась при словахъ „нравственный калѣка“: потомъ она слушала съ презрительно-скучающимъ видомъ. Анна хмурила брови, неопредѣленно улыбалась; слово „прадѣдъ“ разсмѣшило ее своимъ удареніемъ, и она весело, долго смѣялась. Нета чувствовала себя неловко: стихи ей нравились, но презрительный видъ Клавдіи и смѣхъ Анны заставляли ее краснѣть.

Клавдія спросила Валю:

— Что, Валя, понравились вамъ стихи?

— Отличные стишки, — съ убѣжденіемъ сказала

Валя.—А вотъ теперь есть еще очень хорошій поэтъ, господинъ Фофановъ, совсѣмъ вродѣ Пушкина. Говорятъ, ему одно время запретили писать.

— За что же?

— Ну вотъ, развѣ вы не слышали?

— Не слышала.

— Да, а теперь, говорятъ, опять пишетъ. Тоже, говорятъ, очень хорошіе стишки.

Анна стояла одна у ручья. Задумчиво глядѣла на тихо-струящуюся воду, на темно-зеленые, широкіе листья водяного лопуха. Они качались и дремали, но Анна знала, что надъ ними развернутся, будетъ время, большіе бѣлые цвѣты. Издалека слышался рѣзкій стукъ дятла.

Логинъ подошелъ къ Аннѣ. Спросилъ:

— И зачѣмъ вы здѣсь?

Анна улыбнулась. Логинъ продолжалъ:

— Такое пошлое все это общество! Впрочемъ, пусть ихъ, здѣсь хорошо, вотъ здѣсь, гдѣ мы одни.

Осторожно заглянулъ въ ея рдѣющее лицо. Глаза ея были грустны и ласковы. Руки ихъ сошлись въ нѣжномъ пожатіи, и ощущеніе радости пронизало обоихъ, какъ внезапная боль.

Вдругъ страстное желаніе чего-то невозможнаго повелительно охватило Логина. Онъ смотрѣлъ на Анну, и ему стало досадно, что она теперь нарядна, какъ всѣ. Спросилъ притворно-ласково:

— Вы сегодня опять въ новомъ платьѣ?

— И рыбы наряжаются, бываетъ пора,—отвѣтила она. Я люблю радость.

— Только радость?

— Нѣтъ, и все въ жизни. Хорошо испытывать разное. Струи моэта, и боль отъ лозины—во всемъ есть полнота ощущеній.

Логину больно было думать, что Анна переноситъ боль. А она говорила спокойно:

— Хорошо чувствовать, какъ падаютъ грани между мною и внѣшнимъ міромъ,—сродниться съ землею и съ воздухомъ, со всѣмъ этимъ.

Показала широкимъ движеніемъ руки на воду ручья, на лѣсъ, на далекое небо,—и все далекое показалось Логину близкимъ.

Пьяный мужикъ топтался на дорогѣ. Понемногу дѣлался смѣлѣе, все ближе подвигался къ веселящимся господамъ. Подбитое лицо, недоумѣвающіе глаза, тусклая постоянная улыбка на синеватыхъ, сухихъ губахъ, взлохмаченные волосы, плохая одеженка; пахло водкою; впечатлѣніе безвозвратно опустившагося пропойцы.

Баглаевъ захихикалъ. Сказалъ Логину тихонько:

— Скандальчикъ будетъ, чуетъ мое сердце, веселенькій скандальчикъ.

Логинъ вопросительно посмотрѣлъ на него. Баглаевъ объяснялъ:

— Видишь этого субъекта? Ну, это, въ нѣкоторомъ родѣ, соперникъ Алексѣя Степановича.

— Какъ это такъ?—спросилъ Логинъ.

— А это Спирька, Ульянинъ мужъ, той, знаешь, что у Мотовилова живетъ, экономкой, понимаешь? Мотовиловъ Спирькѣ рога ставитъ, а Спирька съ горя пьянствуетъ.

— Вотъ такъ мужичинища! — опасливо сказалъ Биштокъ:—этотъ притиснетъ, такъ мокренько станетъ.

Спирька былъ уже совсѣмъ близко, и вдругъ заговорилъ:

— Ежели, къ примѣру, господинъ какую дѣвку изъ нашего сословія, то, выходитъ, на высидку, а тамъ, братъ, ау! пошлютъ лѣчиться на теплыя воды. Ну, а

ежели кто бабъ, такъ я такъ полагаю, что и за это по головкѣ не погладятъ.

— Ты, Спирька, опять пьянъ,—сказалъ Гомзинъ.

— Пьянъ? Вотъ еще! Важное дѣло! И господа пьютъ. Вотъ въ нашей школкѣ учитель пьетъ здорово, а гдѣ научился? Въ семинаріи, обучили въ лучшемъ видѣ, всѣмъ наукамъ, и пить, и, значитъ, за дѣвочками.

— Спиридонъ, уходи до грѣха,—строго сказалъ Мотовиловъ.

— Чего уходи! Куда я пойду? Ежели теперь моя жена... Ты мнѣ жену подай, —взревѣлъ яростно Спирька,—а не то я, баринъ, и самъ управу найду. Есть и на васъ, чертей...

Но тутъ Спирьку подхватили Мотовиловскіе кучера и извозчики, за которыми успѣлъ сбѣгать проворный Бинштокъ. Спирька отбивался, и кричалъ:

— Ты меня попомни, баринъ: я тебѣ удружу, я тебѣ подпущу краснаго пѣтуха.

Но скоро крики его затихли въ отдаленіи. Общество усиленно занялось развлеченіями. Всѣ дѣлали видъ, что никто ничего не замѣтилъ. Тарантина затянула веселую пѣсенку, ей стали подтягивать. Нестройное, но громкое и веселое пѣніе разносилось по лѣсу, и звонкій эой передразнивалъ его.

Бинштокъ придумывалъ, что бы сказать пріятное Логину, доказать, что онъ не клевещетъ на Логина, а сочувствуетъ. Подошелъ къ Логину, и сказалъ, дѣлая серьезное лицо:

— Несчастный человѣкъ—этотъ Спиридонъ. Мнѣ его очень жалко!

— Да?—переспросилъ Логинъ.

— Правда! И я думаю, что всѣ бѣды народа отъ его невѣжества и малой культурности. Я часто мечтаю о томъ времени, когда всѣ будутъ равны и образованы.

— И мужики будутъ щеголять въ крахмальныхъ сорочкахъ и цилиндрахъ?

— Да, я убѣжденъ, что такое время настанетъ.

— Это будетъ хорошо.

— Еще бы! Тогда не будетъ этой захолустной тосчищи: общество вездѣ будетъ большое. И вообще у насъ много предразсудковъ. Вотъ хоть бракъ. Дѣти Адама женились на сестрахъ, отчего же намъ нельзя?

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ жаль!

— Или древніе пользовались мальчиками, а мы отчего же?

— Да, все предразсудки, подумаешь!

— Но прогрессъ побѣдитъ ихъ, все это будетъ впослѣдствіи, и свободный бракъ, и все, и вольная проституція.

— Именно.

— А какую стишину онъ сляпалъ! - осклабился Бинштокъ.

— Вамъ нравится?

Бинштокъ фыркнулъ.

— Еле выдержалъ!

— Ну, что, канашка-соблазнитель,—сказалъ подошедшій Гуторовичъ,—что жъ барышенъ забыли? Евлалія, живописная раскрасавица, поди, соскучилась!

— А ну ее!—досадливо сказалъ Бинштокъ, и отошелъ.

Пьяный Баглаевъ подходилъ то къ одному, то къ другому, и таинственно шепталъ:

— А вѣдь Спирьку-то Логинъ подуськалъ, никто, какъ онъ, ужъ это, братъ, вѣрно. Ужъ я знаю, мы съ нимъ пріятели.

— Ты врешь, Юшка,—сказалъ Бинштокъ.

— А, ты не вѣришь? Мнѣ, головѣ? Ахъ ты, нѣмецкая штука! Эй, ребята,—заоралъ Баглаевъ,—нѣмца крестить, Быньку! Въ воду.

Подвыпившіе молодые люди съ хохотомъ окружили

Бинштока, и потащили его къ ручью. Бинштокъ хватался за кусты, и кричалъ:

— Костюмчикъ испортите, вся новая тройка! Скандалъ.

Глава двадцать четвертая.

Царскій день. Къ концу обѣдни церковь наполнилась. Чиновники съ важнымъ положеніемъ въ городѣ пыжились впереди, въ мундирахъ и при орденахъ. Сбоку, у клироса, стояли ихъ дамы. И они, и онѣ мало думали о молитвѣ; они крестились съ достоинствомъ, онѣ съ граціею, и въ промежуткѣ двухъ крестныхъ знаменій вполголоса сплетничали,—такъ было принято. Барышни жеманились, и часто опускались на колѣни, отъ усталости. Одна изъ нихъ молилась очень усердно: прижавъ ко лбу средній палецъ, стояла нѣсколько мгновеній неподвижно на колѣняхъ, съ глазами, устремленными изъ-подъ руки на образъ, потомъ кончала начатое знаменіе, и прижималась лбомъ къ пыльному полу.

Дальше стояла средняя публика: чиновники помоложе, красавицы изъ мѣщанскаго сословія. Еще дальше—публика послѣдняго разбора: мужики въ смазныхъ сапогахъ, бабы въ пестрыхъ платочкахъ. Сѣдой старикъ въ сермягѣ затесался промежъ средней публики, истово клалъ земные поклоны, шепталъ что-то. Два канцеляриста, одинъ маленькій, сухонькій, тоненькій, какъ карандашъ, другой повыше и потолще, бѣло-розовое лицо вербнаго херувима, подталкивали другъ друга локтями, показывали глазами на старика, и фыркали, закрывая рты шапками.

Впереди слѣва стояли рядами мальчишки, ученики городского училища. Стояли смирно, исподтишка щипались. Въ положенное время крестились, дружно становились на колѣни. Дѣтскія лица были издали

милы, и очень красивы были колѣнопреклоненные ряды, особенно для близорукихъ, не замѣчавшихъ шалостей. За ними стоялъ Крикуновъ. Молитвенно-сморщенное лицо; злые глазки напряженно смотрѣли на иконостасъ и на мальчишекъ; маленькая головка благоговѣйно покачивалась. Новенькій мундиръ, сшитый недавно на казенный счетъ по случаю проѣзда высокопоставленной особы, стягивалъ его шею, и очень мало шелъ къ его непредставительной фигуркѣ.

Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, пришедшій съ родителями, молился усердно, дѣлалъ частые земные поклоны. Когда подымался, видно было по лицу, что очень доволенъ своею набожностью.

Пѣвчіе, изъ учениковъ семинаріи и начальной при ней школы, были хороши. Пѣли на хорахъ, какъ ангелы. Регентъ, красное лицо, свирѣпая наружность, увѣсистый кулакъ. Зазѣвавшіеся дискантики и сплутовавшіе альтики испытывали неоднократно на своихъ затылкахъ силу регентовой длани. Поэтому шалили только тогда, когда регентъ отворачивался. Публика не видѣла ихъ, слушала ангельское пѣніе, и не знала, что уши пѣвцовъ, изображавшихъ тайно херувимовъ, находятся въ постоянной опасности.

День выдался жаркій, сухой. Въ соборѣ становилось душно. Логинъ стоялъ въ толпѣ; мысли его уносились, и пѣніе только изрѣдка пробуждало его. Потныя лица окружающихъ вѣяли на него истомою.

Молебенъ кончился. Особы и дамы ихъ прикладывались къ кресту; они и онѣ старались не дать первенства тому, кто по положенію своему не имѣлъ на то права.

Къ Логину подошелъ Андозерскій въ красиво-сшитомъ мундирѣ. Спросилъ:

— Что, братъ, жарища? А какъ ты находишь мой мундиръ, а? хорошъ?

— Что жъ, недуренъ.

— Шитье, дружище, замѣть: мундиръ пятаго класса, почти генеральскій! Это не то, что какого-нибудь восьмого класса, бѣдненькое шитьецо. А ты что не въ мундирѣ?

— Ну, что жъ, — съ улыбкою отвѣтилъ Логинъ,— мой мундиръ восьмого класса,—что въ немъ? бѣдненькое шитьецо!

— Да, братъ, я многонько обскакалъ тебя по службѣ. Что жъ ты не тянешься?

— Это для мундира-то?

— Ну, для мундира! Вообще, мало ли. Ну, да ты, дружище, и такъ по барски устраиваешься.

— Это какъ же?

— Да какъ же: свой казачекъ, обзавелся, вродѣ какъ бы крѣпостного,—да еще какой смазливый.

Въ голосѣ Андозерскаго прорвалась нотка злобнаго раздраженія. Логинъ усмѣхнулся. Спросилъ:

— Ужъ ты не завидуешь ли?

— Нѣтъ, братъ, я до мальчиковъ не охотникъ.

— Ты, мой милый, какъ я вижу, до глупостей охотникъ, да и до глупостей довольно поплыхъ.

— Ну, пожалуйста, не очень.

— Только ты вотъ что скажи: самъ ты сочинилъ свою эту глупость, или заимствовалъ отъ кого, и повторяешь?

— Позволь, однако, я, кажется, ничего оскорбительнаго...

— А ну тебя,—прервалъ Логинъ, и отвернулся отъ него.

Андозерскій злобно усмѣхнулся Язвительно подумалъ:

„Не нравится, видно!“

Слова о казачкѣ онъ слышалъ отъ Мотовилова, счелъ ихъ чрезвычайно остроумными, и повторялъ всякому, кого ни встрѣчалъ, повторялъ даже самому Мотовилову.

Дома Логинъ нашелъ приглашеніе на обѣдъ къ Мотовилову; были именины Неты. По дорогѣ встрѣтилъ Пожарскаго. Актеръ былъ грустенъ, но храбрился. Сказалъ:

— Великодушный синьоръ! вы, надо полагать, направляете стопы „въ ту самую сторонку, гдѣ милая живетъ?“

— Вѣрно, другъ мой!

— Стало быть, удостоитесь лицезрѣть мою очаровательную Джульетту! А я-то, несчастный...

— Что жъ, идите, поздравьте именинницу.

— Геніальнѣйшій, восхитительный совѣтъ! Но, увы! не могу имъ воспользоваться, — не пустятъ. Формально просили не посѣщать и не смущать.

— Сочувствую вашему горю.

— Ну, это еще полъ-горя, а горе впереди будетъ.

— Такъ тѣмъ лучше,—значитъ, „лягъ, опочинься, ни о чемъ не кручинься!“.

— А великодушный другъ сварганитъ кой-какое дѣльце, а? не правда ли?

Пожарскій схватилъ руку Логина, крѣпко пожималъ ее, умильно смотрѣлъ ему въ глаза, просительно улыбался. Логинъ спросилъ:

— Какое дѣло? можетъ, и сварганимъ.

— Будьте другомъ, вручите прелестнѣйшей изъ дѣвъ это бурно-пламенное посланіе,—но незамѣтнымъ манеромъ.

Пожарскій опять сжалъ руку Логина,—и сложенная крохотнымъ треугольникомъ записочка очутилась въ рукѣ Логина. Логинъ засмѣялся.

— Ахъ, вы, ловеласъ! Вы моему другу дорогу перебиваете, да еще хотите, чтобъ я вамъ помогалъ.

— Другу? Это Донъ-Жуанъ Андозерскій—вашъ другъ? Сбрендили, почтенный,—не валяйте Акимапростоту, онъ вамъ всучитъ щетинку. Да вы, я знаю,

иронизировать изволите! Такъ ужъ позвольте быть въ надеждѣ!

Когда Логинъ здоровался съ Нетою, онъ ловко всунулъ ей въ руку записку. Нета вспыхнула, но сумѣла незамѣтно спрятать ее. Потомъ она долго посматривала на Логина благодарными глазами. Записка обрадовала ее,—она улучила время ее прочесть, и щеки ея горѣли, такъ что ей не приходилось ихъ пощипывать.

Передъ обѣдомъ у Мотовилова въ кабинетѣ сидѣли городскія особы, и разсуждали. Мотовиловъ говорилъ съ удвоенно-важнымъ видомъ:

— Господа, я хочу обратить ваше вниманіе на слѣдующее печальное обстоятельство. Не знаю, изволили вы замѣчать, а мнѣ не разъ доводилось наталкиваться на такого рода факты: послѣ молебна младшіе чиновники, наши подчиненные, выходятъ первыми, а мы, первыя лица въ городѣ, принуждены итти сзади, и даже иногда приходится получать толчки.

— Да, я тоже возмущался этимъ,—сказалъ Моховиковъ, директоръ учительской семинаріи,—и я, между прочимъ, вполнѣ согласенъ съ вами.

— Не правда-ли?—обратился къ нему Мотовиловъ.—Вѣдь это возмутительно: подчиненные насъ въ грошъ не ставятъ.

— Это, енондеръ-шишъ, вольнодумство,—сказалъ исправникъ:—либерте, эгалите, фратерните!

Слѣдуетъ пресѣчь,—угрюмо рѣшилъ Дубицкій.

— Да, но какъ?—спросилъ Андозерскій.—Тутъ вѣдь разныя вѣдомства. Это—щекотливое дѣло.

— Господа,—возвысилъ голосъ Мотовиловъ,—если всѣ согласны... Вы, Сергѣй Михайловичъ?

— О, я тоже вполнѣ согласенъ,—съ лѣнивою усмѣшкою отозвался директоръ гимназіи Павликовскій, не отрываясь отъ созерцанія своихъ пухлыхъ ладоней.

— Вотъ и отлично,—продолжалъ Мотовиловъ.—Въ такомъ случаѣ, я думаю, такъ можно поступить. Каждый въ своемъ вѣдомствѣ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобъ младшіе чиновники отнюдь не позволяли себѣ выходить изъ собора раньше начальствующихъ лицъ. Не такъ ли, господа!

— Такъ, такъ, отлично!—раздались восклицанія.

— Такъ мы и сдѣлаемъ. А то, господа, совершенное безобразіе, полнѣйшее отсутствіе дисциплины.

— Какую у насъ разведешь дисциплину, епондеръ—шишъ! Скоро со всякимъ отерхотникомъ на вы придется говорить. Ему бы, прохвосту, языкъ пониже пятокъ пришить, а съ нимъ... тьфу ты, прости, Господи!

— Да-съ, — сказалъ инспекторъ народныхъ училищъ,—взять хотя бы моихъ учителей: иной изъ мужиковъ, отецъ землю пахалъ, самъ на какіе-нибудь пятнадцать рублей въ мѣсяцъ живетъ, одно слово—гольтепа,—а съ нимъ нѣжничай, руку ему подавай! Баринъ какой!

— Нѣтъ,—хриплымъ басомъ заговорилъ Дубицкій,—я имъ повадки не даю. За то они меня боятся, какъ черти ладана. Пріѣзжаю въ одну школу. Учитель молодой. Который годъ?—спрашиваю. Первый,—говоритъ. То-то,—говорю,—первый, съ людьми говорить не умѣешь; я генералъ, меня ваше превосходительство называютъ. Покраснѣлъ, молчитъ. Эге, думаю, голубчикъ, надо тебѣ гонку задать, да такую, чтобъ ты ѣста не нашелъ. Экзаменую. Какъ звали жену Лота? Мальчишка не знаетъ...

— А какъ ее звали? и я не знаю,—сказалъ Баглаевъ.

Онъ до тѣхъ поръ сидѣлъ скромненько въ уголкѣ, и тосковалъ по водкѣ.

— Я тоже забылъ. Но вѣдь я давно учился, а они... Ну, ладно, это по Закону Божьему. А по дру-

гимъ предметамъ? Читай! Газета со мной была, „Гражданинъ“, далъ ему. Читаетъ плохо. А что такое, спрашиваю, палка? Молчатъ, стервецы, никто не можетъ отвѣтить. Хорошо! Пиши! Пишетъ съ ошибками, сѣчь черезъ е пишетъ! Это,—говорю,—любезный, что такое? да чему ты ихъ учишь? да за что ты деньги получаешь? да я тебя, мерзавца!—Да вы,—говоритъ,—на какомъ основаніи?—Ахъ ты, ослопъ! Основаніе? На основаніи предоставленной мнѣ диктаторской власти—вонъ! Да чтобъ сегодня же, такой-сякой, и потроховъ твоихъ въ школѣ не было, чтобъ и духу твоего не пахло! А какъ это вамъ понравится?

Дубицкій захохоталъ отрывисто и громко. Свѣжуновъ крикнулъ:

— Вотъ это ловко!

— Нагнали вы ему жару,—говорилъ Мотовиловъ. Остальные сочувственно и солидно смѣялись.

— Что жъ вы думаете? Смотрю, дрожитъ мой учитель, лица на немъ нѣтъ, да вдругъ мнѣ въ ноги, разрюмился, вопитъ благимъ матомъ: „Смилуйтесь, ваше превосходительство, пощадите, не погубите!“—Ну,—говорю,—то-то, вставай, Богъ проститъ, да помни на будущее время, такой-сякой, ха-ха-ха!

Одобрительный хохотъ покрылъ послѣднія слова Дубицкаго.

— Вотъ это по-нашему, сподеръ-шпицъ!—въ восторгѣ восклицалъ исправникъ.

Когда смѣхъ поулегся, отецъ Андрей льстиво заговорилъ:

— Вы, ваше превосходительство, для всѣхъ насъ какъ маякъ въ бурю. Одного боимся: не взяли бы васъ отъ насъ куда повыше.

Дубицкій величаво наклонилъ голову.

— И безъ меня есть. Не гонюсь. Впрочемъ, отчего жъ!

— Да-съ, господа,—солидно сказалъ Мотовиловъ,—дисциплина—всему основаніе. Вожжи были опущены слишкомъ долго, пора взять ихъ въ руки.

— А вотъ, господа,—сказалъ отецъ Андрей,—у меня служанка Женька,—видѣли, можетъ быть?

— Смуглая такая?—спросилъ Свѣжуновъ.

— Во-во! Грубая такая шельма была. Вотъ я погрозилъ ее высѣчь: позову, молъ, дьячка, заведемъ съ нимъ въ сарай, да тамъ такъ угощу, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь. Теперь стала какъ шелковая, хи-хи!

— Ишь ты, не хочетъ отвѣдать, спондеръ-шишъ!

— И дѣльно,—сказалъ Мотовиловъ.—Потомъ сама будетъ благодарна. Дисциплина, дисциплина прежде всего. Къ сожалѣнію, надо признаться, мы сами во многомъ виноваты.

— Да, гуманничаемъ не въ мѣру,—меланхолично замѣтилъ Андозерскій.

— Да,—сказалъ Мотовиловъ,—и въ нашей, такъ сказать, средѣ происходятъ явленія глубоко прискорбныя. Возьмемъ хоть бы недавній фактъ. Вамъ, господа, извѣстно, въ какомъ образцовомъ порядкѣ содержится, стараніями Юрія Александровича, здѣшняя богадѣльня, какой пріютъ и уходъ получаютъ тамъ старики и старухи, и какое высоко-нравственное воспитаніе дается тамъ дѣтямъ, въ духѣ доброй нравственности, скромности и трудолюбія.

— Да, могу сказать,—вмѣшался Юшка,—не жалѣю трудовъ и заботъ.

Затасканное лицо его засвѣтилось самодовольствомъ.

— И Богъ воздастъ вамъ за вашу истинно-христіанскую дѣятельность! Да-съ, такъ вотъ, господа, изъ богадѣльни убѣжалъ мальчишка, убѣжалъ, замѣтьте, второй разъ: въ прошломъ году его пашли,

наказали, такъ сказать, по-родительски, но, замѣтьте, не отказали ему въ пріютѣ, и опять помѣстили въ богадѣльнѣ. И какъ же онъ платитъ за оказанныя ему благодѣянія? Бѣжитъ, слоняется въ лѣсу, его тамъ находитъ человѣкъ, извѣстный намъ всѣмъ, беретъ къ себѣ, и что же съ нимъ дѣлаетъ? Возвращаетъ туда, гдѣ мальчикъ получалъ соотвѣтственное его положенію воспитаніе? Нѣтъ-съ! Мальчишку, котораго за вторичный побѣгъ слѣдовало бы выпороть такъ, чтобъ чертямъ стало тошно, онъ беретъ къ себѣ, и обращаетъ въ барченка! Положенію этого олуха можетъ буквально позавидовать иной благородный ребенокъ, сынъ бѣдныхъ родителей. Я спрашиваю васъ: не безобразно ли это?

— Безнравственно!—рѣшилъ Дубицкій.

— Именно безнравственно!—подхватилъ казначей. И почемъ знать, къ чему ему понадобилось брать этого свиненка?

— Знаете,—сказалъ Андозерскій,—есть люди, которымъ мальчики нравятся.

— Именно, нравятся,—согласился Мотовиловъ,—но я васъ спрошу: какъ слѣдуетъ относиться къ такимъ возмутительнымъ явленіямъ?

Всѣ изобразили на своихъ лицахъ глубочайшее негодованіе.

— Гуманность!—сказалъ Дубицкій съ презрѣніемъ.—А по моему, мальчишку слѣдовало бы отобрать отъ него, отодрать и сослать подальше.

— Да, да, сослать, — подхватилъ Вкусовъ, — въ Сибирь, приписать куда-нибудь къ обществу, къ пейзанамъ.

— По крайней мѣрѣ, — сказалъ Мотовиловъ, — нравственность его была бы въ безопасности. Какое-то общество затѣваетъ! Но это—такая глупая мысль, что просто нельзя повѣрить, чтобъ здѣсь чего не скрывалось.

— Гордыня, умствованіе,—наставительно говорилъ отецъ Андрей,—а вотъ Богъ за это и накажетъ. Нѣтъ, чтобы жить, какъ всѣ,—надо свое выдумывать!

— Господа,—сказалъ Андозерскій, — я долженъ заступиться за Логина: онъ, въ сущности, добрый малый, хотя, конечно, съ большими странностями.

Мотовиловъ перебилъ его:

— Извините, мы васъ понимаемъ! Это съ вашей стороны вполнѣ естественно и великодушно, что вы желаете вступиться за вашего бывшаго школьнаго товарища. Но кого ни коснись, кому пріятно быть товарищемъ сомнительнаго господина.

— Ужъ это,—сказалъ исправникъ, — конечно, се не на жоли.

— Но все-таки, любезный Анатолій Петровичъ, ужъ насъ-то вы не переубѣдите.

— Да вѣдь я, господа, что жъ—оправдывался Андозерскій:—я, конечно, знаю, что у него одного винтика не хватаетъ. Вѣдь мы съ нимъ давно знакомы, знаю я, что это за господчикъ. Но въ существѣ, такъ сказать, въ сердцевинѣ, онъ добрый малый,—конечно, неиспорченный, ну, да что станешь дѣлать! Сами знаете, нашъ нервный вѣкъ!

— Да,—сказалъ Дубицкій,—не разъ пожалѣешь доброе старое время.

— Доброе дворянское время,—подхватилъ Мотовиловъ,—когда невозможны были оригиналы, вродѣ Ермолина, который такъ дико воспиталъ своихъ несчастныхъ дѣтей.

— Да,—сказалъ Вкусовъ озабоченно,—смирно живетъ, а все у меня сердце не на мѣстѣ: Богъ его знаетъ.

— Вредный человѣкъ!—сказалъ отецъ Андрей.— Атеистъ, и даже не считаетъ нужнымъ скрывать этого. Человѣкъ, который не вѣритъ въ Бога,—да что жъ онъ самъ послѣ того? Если нѣтъ Бога, значитъ и души

нѣтъ? Да такой человѣкъ все равно, что собака, хуже татарина.

— Что собака!—сказалъ Дубицкій:—да иной человѣкъ хуже всякой собаки.

— И дочка у него,—продолжалъ сокрушаться Вкусовъ,—ведетъ себя совсѣмъ неприлично. Пристало ли дворянской дѣвицѣ, богатой невѣстѣ, бѣгать по деревнѣ, съ позволенія сказать, босикомъ? Нехорошо, еноидеръ-шишъ, не хорошо! Совсѣмъ моветонъ!

— Дрянная дѣвчонка!—рѣшилъ отецъ Андрей.

А въ гостиной дамы съ большимъ участіемъ разспрашивали Логина о мальчикѣ-найденышѣ.

Анна Михайловна Свѣжунова, жена казначея, говорила, подымая глаза къ потолку:

— Вы поступили такъ великодушно, такъ по-христіански!

— О да, это такой благородный поступокъ!—вторила ей Александра Петровна Вкусова.

Клеопатра Ивановна Сазонова, мать предсѣдателя земской управы, пожелала показать и другую сторону медали, и съ грустнымъ сочувствіемъ сказала:

— Да, но люди такъ неблагодарны! Вы имъ благодѣяніе оказываете, но они развѣ чувствуютъ?

— Ахъ, это такъ вѣрно, Клеопатра Ивановна,—сказала Свѣжунова,—ужъ какая отъ нихъ благодарность!

— Жулье-народъ,—сказала Вкусова, сконфузилась, и прибавила:—извините за выраженіе.

— Вотъ хоть бы у меня,—разсказывала Клеопатра Ивановна:—взяла я сиротку, воспитала, какъ родную дочь, и что же? Можете себѣ представить, идетъ замужъ, сама выбрала себѣ жениха, какого-то купца, Глинянаго, Фаянсова, что-то въ этомъ родѣ,—а обо мнѣ и думать не хочетъ. Ей это ничего не значитъ, что я къ ней такъ привыкла!

— Удивительная неблагодарность! — воскликнула Вкусова.—Смотрите, Василій Марковичъ, и съ вами то же самое случится.

— О, непремѣнно, подтвердили другія дамы.

— Помилуйте, что за благодарность! - сказалъ Логинъ,—вѣдь если мы дѣлаемъ что-нибудь полезное для другихъ, то единственно потому, что это намъ самимъ приноситъ удовольствіе...

Дамы выразительно переглянулись.

— За что же тутъ благодарность?—продолжалъ Логинъ.

— Вотъ ужъ я не понимаю, какое удовольствіе—безпокоиться о людяхъ, отъ которыхъ, знаешь напередъ, не будетъ никакой тебѣ благодарности,—сказала Сазонова.

— Ахъ, Клеопатра Ивановна,—язвительно подбирая губы, сказала Вкусова,—у всякаго свой вкусъ; вѣдь кому что нравится.

Въ это время изъ кабинета вышли Мотовиловъ и его гости. Мотовиловъ, вслушавшись въ слова Логина, обратился къ нему съ наставительною рѣчью:

— Я долженъ вамъ сказать, Василій Марковичъ, что нашъ простой народъ не понимаетъ деликатнаго съ нимъ обращенія. Развѣ это такіе же люди, какъ мы? Вы ему одолженіе дѣлаете, даже благодѣяніе, а онъ принимаетъ это за должное

— Ахъ, это совершенно вѣрно! Совершенная правда!—раздались сочувственные голоса.

Мотовиловъ продолжалъ:

— Я вообще думаю, что съ этимъ народомъ нужны мѣры простыя и быстрыя. Позвольте разсказать вамъ по этому поводу фактъ, случившійся на-дняхъ. Живетъ у меня кухарка Марья, очень хорошая женщина. Правда, любитъ иногда выпить,—да вѣдь кто безъ слабостей? Одинъ Богъ безъ грѣха! Но, надо вамъ сказать, очень хорошая кухарка, и почтительная. Есть

у нея сынъ, Владимиръ. Держитъ она его строго, ну и мальчикъ онъ смирный, послушный, услужливый. Учится онъ въ городскомъ училищѣ. Конечно, отчего не поучиться? Я держусь того мнѣнія, что грамота, сама по себѣ, еще не вредна, если при этомъ добрые нравы. Ну-съ, вотъ одинъ разъ стою я у окна, и вижу: идетъ Владимиръ изъ школы,—а было ужь довольно поздно. Ну, тамъ, заигрался съ товарищами, или былъ наказанъ,—не знаю. И вижу, другіе мальчишки съ нимъ. Вдругъ, вижу, выскакиваетъ изъ калитки Марья, прямо къ сыну, и по щекѣ его ботъ! по другой ботъ! да за волосенки! Тутъ же на улицѣ такую трепку задала, что любо дорого.

Разсказъ Мотовилова произвелъ на общество впечатлѣніе очень веселаго и милаго анекдота.

— Расчесала!—вкусно и сочно сказалъ Андозерскій.

— Воображаю,—кричалъ казначей,—какая у него была рожа!

— Да-съ,—продолжалъ Мотовиловъ,—тутъ же на улицѣ, при товарищахъ: товарищи хохочутъ, а ему и больно и стыдно.

— Верхъ безобразія,—брезгливо сказалъ Логинъ:—эта таска на улицѣ, и смѣхъ мальчишекъ, гадкій смѣхъ надъ товарищемъ,—какая подлая сцена!

Всѣ неодобрительно и сурово посмотрѣли на Логина. Вкусова воскликнула:

— Вы ужъ слишкомъ любите мальчиковъ!

— А по моему мнѣнію,—сказалъ Мотовиловъ,—весьма нравственная сцена: мать наказала своего ребенка,—это хорошо, а смѣхъ исправляетъ. Зато онъ у нея по ниточкѣ ходитъ.

Логинъ улыбнулся. Странная мысль пришла ему въ голову: смотрѣлъ на полусѣдую бороду Мотовилова, и почти неодолимо тянуло встать и дернуть Мото-

вилова за сѣдые кудри. Голова кружилась, и онъ съ усиліемъ отвернулся въ другую сторону. Но глаза противъ воли обращались къ Мотовилову, и глупая мысль, какъ наважденіе, билась въ мозгу, и вызывала натянутую, блѣдную улыбку. И вдругъ волна злобнаго чувства поднялась, и захватила. Онъ вздохнулъ облегченно, глупая мысль утонула, унося съ собою блѣдную, ненужную улыбку.

„Убить тебя—доброе дѣло было бы!"—подумалъ онъ.

Его глаза загорѣлись сухимъ блескомъ. Рѣзко сказалъ:

— Ваша теорія имѣетъ одно несомнѣнное преимущество: это—послѣдовательность.

— Очень радъ,—иронически отвѣтилъ Мотовиловъ,—что сумѣлъ угодить вамъ хоть въ этомъ отношеніи.

Въ это время въ дверяхъ показалась Анна. Шелестъ ея свѣтло-зеленаго платья успокоилъ Логина.

„Какъ глупо,—подумалъ онъ,—что я чувствую злобу! Негодовать на филиновъ, когда знаешь, что солнце все такъ же ярко!"

И отвѣчалъ Мотовилову спокойно и мягко:

— Нѣтъ, извините, мнѣ вовсе не мила такая послѣдовательность. Я привыкъ чувствовать по другому... У всякаго свои мысли... Я не думаю переубѣдить...

— Совершенно вѣрно,—сухо сказалъ Мотовиловъ.— У меня ужъ сивая борода, мнѣ не подъ стать переучиваться.

После этого разговора общество окончательно убѣдилось въ томъ, что отношенія Логина къ Ленѣ не чисты.

— Какое безстыдство!—говорила потомъ Свѣжунова, когда Логинъ былъ въ другой комнатѣ:—самъ проговорился, что этотъ мальчишка доставляетъ ему удовольствіе.

— Воображаю,—сказала Сазонова,—какое это удовольствіе. Хорошъ гусь!

Въ компаніи мужчинъ,—конечно, тоже въ отсутствіи Логина,—Бинштокъ увѣрялъ, что уже давно извѣстно, какія именно штуки продѣлываетъ Логинъ съ мальчишкою, и что ему, Бинштоку, это извѣстно раньше всѣхъ и доподлинно: онъ самъ де это видѣлъ, то есть чуть чуть не видѣлъ, почти совсѣмъ засталъ. По этому поводу Бинштокъ разсказалъ, довольно некстати, какъ въ Петербургѣ одна барыня завладѣла имъ на Невскомъ проспектѣ, и цѣлую недѣлю пользовалась его услугами, а потомъ уплатила весьма добросовѣстно. Разсказъ Бинштока вызвалъ общій восторгъ.

Подстрекаемый успѣхомъ Бинштока, Андозерскій вдохновился, и сочинилъ, что у Логина была очень молодая и очень красивая мать, весьма чувственная женщина.

— Ну, и вы понимаете?

Негодующіе сплетники восклицали хоромъ:

— Однако!

— Это ужъ слишкомъ!

— Гадость какая!

— И вотъ, представьте,—продолжалъ фантазировать Андозерскій,—одинъ разъ отецъ ихъ засталъ!

— Вотъ такъ штука!

— Епондеръ-шишъ, се тре мове!

— Воображаю!

— Положеніе хуже губернаторскаго!

— Мать—хлопъ въ обморокъ. Отецъ—пѣна у рта. А сынъ прехладнокровно: ни слова, или я выведу на чистую воду ваши шашни съ моей сестрой! Ну, и отецъ сбердилъ, можете представить!—тихими стопами назадъ, а вечеромъ женѣ брошку въ презентъ, а сыну—ружье!

Раздался громкій хохотъ, посыпались восклицанія:

— Вотъ такъ семейка!

— Ай да папенька!

— Переплетъ!

— Конечно, господа,—озабоченно сказалъ Андозерскій,—это между нами.

— Ну, само собой!

Глава двадцать пятая.

Обѣдъ, шумный, веселый, для Логина тянулся скучно. Пили, ѣли, говорили пошлыя глупости. Даже съ Анною не пришлось говорить сегодня.

Мотовиловъ обратился къ Логину съ вопросомъ:

— Ну, а что вы намѣрены, Василій Марковичъ, дѣлать въ послѣдующее время съ этимъ... какъ его... вашимъ воспитанникомъ?

Разговоры призатихли, ножи пріостановились въ рукахъ обѣдающихъ, всѣ повернули головы къ Логину, и прислушивались къ тому, что онъ скажетъ. Не успѣлъ приспособить голоса къ внезапному затишью, и отвѣтъ прозвучалъ несоразмѣрно-громко:

— Отдамъ въ гимназію.

— Въ гимназію?—съ удивленнымъ видомъ переспросилъ Мотовиловъ.

Дамы засмѣялись, мужчины улыбались насмѣшливо, и изображали на своихъ лицахъ, что отъ него, молъ, чего же и ожидать, какъ не глупостей. Мотовиловъ сдѣлалъ строгое лицо, и сказалъ:

— Ну, я долженъ вамъ замѣтить, что это едва ли вамъ удастся.

Логинъ удивился. Спросилъ:

— Это отчего?

— Да кто же его приметъ? Я первый противъ. И

я увѣренъ, что и почтенный Сергѣй Михайловичъ со мною согласенъ, не правда ли?

Павликовскій апатично улыбнулся, молча наклонилъ голову. Логинъ сказалъ:

— Приготовится, выдержитъ экзаменъ,—за что жъ его не принимать? Въ нашей гимназіи не тѣсно.

— Гимназія не для мужиковъ,—возразилъ Мотовиловъ,—вы это напрасно изволите не принимать во вниманіе.

— И гимназія, и университетъ,—настаивалъ Логинъ,—для всѣхъ желающихъ.

— Даже университетъ?—посмѣиваясь сказалъ Андозерскій.—Нѣтъ, дружище, и такъ перепроизводство чувствуется, да еще мужиченковъ черезъ университетъ протаскивать,—да они еще тамъ будутъ стипендіи выклянчивать. Ну, и конечно, съ ихъ мужицкимъ трудолюбіемъ...

— Стипендіи всѣ эти,—заявилъ Дубицкій, грозно хмуря брови,—баловство, развратъ. Не на что тебѣ учиться,—маршъ въ деревню, паши землю, а не клянчи. Учатся они тамъ! На собакахъ шерсть околачиваютъ, а потомъ въ чиновники лѣзутъ, да чтобъ имъ тысячи отваливали. Это изъ податного сословія-то, а?

— Да,—сказалъ Павликовскій,—ужъ вы оставьте эту дорогу дѣтямъ изъ общества, а для другихъ... ну, тамъ у нихъ свои школки есть,—вѣдь это достаточно, куда жъ тамъ!

— Напрасно думать,—возражалъ Логинъ,—что у насъ людей образованныхъ достаточно. Въ нашемъ обществѣ невѣжество сильно даетъ себя чувствовать.

— Вотъ какъ! Въ нашемъ обществѣ—невѣжество?—обидчиво сказала хозяйка.

Дамы переглядывались, улыбались, пожимали плечами. Только Анна ласково смотрѣла, оправляя широкій бантъ своей газовой свѣтло-зеленой косынки. Кроткая улыбка ея говорила:

„Не стоитъ сердиться!"

— Извините меня,—сказалъ Логинъ,—я вовсе не то хочу сказать. Я вообще о русскомъ обществѣ говорю.

— А вотъ мы, спондеръ-шишъ,—вмѣшался Вкусовъ,—и не были въ университетѣ, да что-жъ мы, невѣжды? А мы и парле-франсе умѣемъ!

— Мы съ тобой—дурачье,—закричалъ казначей,—такъ умники рѣшили.

Логинъ обвелъ глазами столъ: глупыя, злыя лица, пошлость, злорадство. Онъ подумалъ:

„А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ могутъ не пустить Леньку въ гимназію!"

Апатичное лицо Павликовскаго никогда раньше не казалось такимъ противнымъ. Торжественно-самодовольная мина Мотовилова подымала со дна души негодованіе безсильное и озлобленное.

Въ концѣ обѣда произошелъ неожиданный и даже мало-вѣроятный скандалъ. Невѣдомо какими путями въ дверяхъ появился пьяный Спирька. Оборванный, грязный, безобразный, стоялъ передъ удивленными гостями, подымалъ громадные кулаки, кричалъ дикимъ голосомъ, пересыпалъ слова непечатною бранью:

— Всѣ—одна шайка! Нашихъ бабъ портить! Подавай мою жену, слышь, подавай! Расшибу! Будешь мою дружбу помнить!

Дамы и дѣвицы выскакивали изъ-за стола, разбѣгались, мужчины приняли оборонительныя позы. Только Анна сидѣла спокойно.

Спирьку скоро удалось вытащить. Все пришло въ порядокъ. Мотовиловъ ораторствовалъ.

— Вотъ, мы видимъ воочію, что такое мужикъ. Это—тупая скотина, когда онъ трезвъ, и разъяренный звѣрь, когда онъ напьется,—но всегда животное, которое нуждается въ обузданіи. Вы, члены первенствующаго сословія, не должны забывать нашего высо-

каго призванія по отношенію къ народу и государству. Если мы устранимся или ослабѣемъ, вотъ кто явится намъ на смѣну. И чтобы выполнить нашу миссію, мы должны быть сильны не только единодушіемъ, но и тѣмъ, что, къ сожалѣнію, даетъ теперь силу всякому: мы должны быть богаты, должны не расточать, а собирать. И мы явимся въ такомъ случаѣ истинными собирателями русской земли. Это—великая заслуга передъ государствомъ, и государство должно оказать намъ болѣе существенную поддержку, чѣмъ было до сихъ поръ. Пора вернуться и намъ домой!

— Что такъ, то такъ!—подтвердилъ Дубицкій,—поразбрелись.

— Я иногда мечтаю, господа,—продолжалъ Мотовиловъ,—какъ наша святая Русь опять покроется помѣщичьими усадьбами, какъ въ каждой деревнѣ опять будетъ культурный центръ,—ну, а также и полицейскій,—будетъ баринъ и его семья...

—Это—мифъ, русское дворянство,—сказалъ Логинъ,—и повѣрьте, ничего не выйдетъ изъ дворянскихъ поползновеній. Таковъ удѣлъ нашего дворянства—прогорать, съ блескомъ: пыль столбомъ, дымъ коромысломъ.

*

Когда обѣдъ кончился, Баглаевъ подъ шумокъ отвелъ Логина въ сторону, и шепнулъ ему заплетающимся отъ излишне выпитаго вина языкомъ:

— А вѣдь это я сдѣлалъ!

— Что такое!

— Спирьку-то,—напоилъ и науськалъ—я!

— Какъ это ты? и для чего?

— Т-съ! Послѣ разскажу. А? что? потѣшно? Утеръ я ему носъ? А Спирька то каковъ!

Улучивъ минуту, когда Логинъ остался одинъ, Нета подошла къ нему. Сказала:

— Извините, но вы такой добрый!

И опять крохотный лоскуток лежалъ въ его ладони. Логинъ усмѣхнулся, сунулъ письмо въ боковой карманъ сюртука, и заговорилъ о другомъ.

Уже былъ вечеръ, когда Логинъ вышелъ изъ дома Мотовилова. На небѣ высыпали звѣзды. Толпился народъ на улицахъ,—больше народа, чѣмъ обыкновенно въ праздничные дни. Шорохъ возбужденныхъ разговоровъ струился по улицамъ. Всѣ глядѣли въ одну сторону, на небо, гдѣ свѣтилась яркая звѣзда. Говорили о воздушномъ шарѣ, о прусскихъ офицерахъ, объ англичанкѣ, и о холерѣ. Кто-то увѣренно разсказывалъ, что въ самую полночь шаръ „подъѣдетъ“ къ окну острога, Молинъ сядетъ „въ шаръ“, и уѣдетъ. Женщины причитали, охали. Мужчины больше прислушивались къ бабьимъ толкамъ, и были озлоблены.

Логинъ услышалъ за собою нахальный голосъ:

— А вотъ это и есть самый лютый лютичъ!

Оглянулся. Кучка мѣщанъ, человѣкъ десять, стояла посреди улицы. Впереди молодой парень съ блѣднымъ, злымъ лицомъ. Какой-то несуразный видъ. Сбитые на бокъ волосы торчали изъ-подъ фуражченки, просаленной насквозь, какъ ржаной блинъ; на него она была похожа и формою, и цвѣтомъ. Губы перекошенныя, сухія, синія, тонкія. Глаза тускло-оловянные. Тонкій, большой носъ казался картоннымъ. Измызганный пиджачишка, рваные штаны, заскорузлые опорки, все неуклюже торчало, какъ на огородномъ чучелѣ. Онъ-то и сказалъ слова, которыя остановили Логина.

Логинъ стоялъ, и смотрѣлъ на мѣщанъ. Они мрачно разсматривали его. Парень съ оловянными глазами сплюнулъ, покосился на товарищей, и заговорилъ:

— Антихристову печать кладетъ на людей, кого, значитъ, въ свое согласіе повернетъ. Что ни ночь,

на парахъ летаетъ, нѣмитъ травой сыплетъ, оттого и холера.

Остальные всѣ молчали, угрюмо и злобно.

Поле зрѣнія Логина вдругъ сузилось: видѣлъ только блѣдное лицо, синія губы, оловянные глаза,—все это гдѣ-то далеко, но поразительно отчетливо. Чувствовалъ въ груди какое-то, словно радостное, стѣсненіе; что-то властное и торжествующее толкало впередъ. Блѣдное лицо, которое приковало къ себѣ его глаза, приближалось съ удивительною быстротою, и такъ же быстро суживалось поле зрѣнія: вотъ въ немъ остались только оловянные глаза,—и вдругъ эти глаза безпомощно и робко забѣгали, замигали, заслезились, шмыгнули куда-то въ сторону.

Логинъ очнулся. Мѣщане раздвинулись. Уходилъ не оглядываясь. Мѣщане глядѣли за нимъ.

Одинъ изъ толпы сказалъ:

— Ежели слово знаетъ, такъ его не возьмешь.

— Нѣтъ, — возразилъ другой, — коли на-отмашь сдѣйствуешь, такъ оно того, и не зацкнется.

— На-отмашь, это вѣрно,—подтвердилъ буянъ съ оловянными глазами.

Жгучее любопытство мѣшало Логину итти домой. Ходилъ по улицамъ, смотрѣлъ, слушалъ. Незамѣтная для него самого злая улыбка иногда выползала на его губы, медленная, печальная. Горожане, которые видѣли эту улыбку и слышали короткій смѣхъ, вырывавшійся порою изъ его груди, смотрѣли на него со злобою.

Долго ходилъ, и сталъ собирать впечатлѣнія.

„Дикія, злобныя лица!—думалъ онъ.—За что? Нѣтъ, вздоръ, это—иллюзія. Я просто пьянъ, и все тутъ“.

На одной улицѣ встрѣтилъ директоровъ, Павликовскаго и Моховикова. Стояли на деревянныхъ мосткахъ, поддерживали другъ друга подъ руку, слегка

покачивались, смотрѣ на яркую звѣзду. Моховиковъ обратился къ Логину:

— Удивительное невѣжество! Ну скажите, пожалуйста, гдѣ тутъ сходство съ воздушнымъ шаромъ?

— Да, сходства мало,—согласился Логинъ.

Павликовскій продолжалъ апатично глазѣть на небо. Пьяная улыбка некрасиво растягивала его малокровныя губы. Моховиковъ продолжалъ излагать свои соображенія:

— Я, между прочимъ, думаю, что это комета.

— Почему вы такъ думаете, Николай Алексѣевичъ?—спросилъ Павликовскій.

По его лицу видно было, что на него напала блажь заспорить.

— На томъ простомъ основаніи,—объяснялъ Моховиковъ,—что у него есть фостъ.

— Извините, я не вижу хвоста.

— Маленькій фостикъ!

— И хвостика не вижу,—невозмутимо продолжалъ настаивать Павликовскій.

— Этакъ, знаете, закорючкой,—очень убѣдительно говорилъ Моховиковъ, но въ голосѣ его уже звучала нотка нерѣшительности и сомнѣнія.

— Нѣтъ, я не вижу.

— Г-мъ, странно,—протянулъ Моховиковъ, чувствуя себя сбитымъ съ толку.—Ну, а что же это по-вашему?

Павликовскій принялъ важный видъ, и сказалъ:

— Какъ вамъ сказать! Я думаю, что это—Венера.

Моховиковъ постарался придать своему лицу, раскраснѣвшемуся отъ вина, еще болѣе глубокомысленное выраженіе, и сказалъ:

— А я хочу вамъ сказать слѣдующее, Сергѣй Михайловичъ,—по моему мнѣнію, ужъ если это не комета-то Курмурій!

— Какъ?—удивился Павликовскій. - То есть, Меркурій?

— Ну да, я и говорю, между прочимъ, Меркурій.

— Вы думаете?

— Да непремѣнно,—убѣжденно и горячо говорилъ Моховиковъ. Ну посудите сами, какая жъ это Венера! Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что это именно Меркурій.

— Пожалуй,—согласился Павликовскій, — можетъ быть, и Меркурій.

Уже его упрямство улеглось, удовлетворенное первою побѣдою; надоѣло спорить, было все равно. Моховиковъ пыжился отъ радости, что верхъ таки его.

Бойкая бабенка, которая вынырнула изъ толпы и сновала около разговаривавшихъ господъ, теперь метнулась къ своимъ товаркамъ, и оживленнымъ шопотомъ сообщила:

— Слышь ты, тамъ въ шарѣ сидитъ не то Невѣра, не то Моръ курій, господамъ-то не разобрать до точности.

Среди столпившихся бабъ послышались боязливыя восклицанія, молитвенный шопотъ.

Логинъ вышелъ изъ города, и пошелъ по шоссейной дорогѣ. Было тихо, темно. Быстро шелъ. Вѣтеръ тихонько шелестѣлъ въ ушахъ, напѣвалъ скорбныя и влажныя пѣсни. Мечты и мысли неслись, отрывочныя, несвязныя, какъ мелкія вешнія льдинки. Нѣсколько верстъ прошелъ, вернулся въ городъ, и почти не чувствовалъ усталости.

Было уже далеко за полночь. Городъ спалъ. На улицахъ никого не было. Когда Логинъ переходилъ черезъ одну улицу, мощеную мелкимъ щебнемъ, покатился подъ ногами камешекъ, выпавшій изъ мостовой. Логинъ оглядѣлся. Недалеко былъ домъ Андозерскаго.

Логинъ поднялъ камешекъ, и улыбаясь пошелъ къ

этому дому. Окна были темны. Логинъ поднялъ руку, размахнулся, и швырнулъ камешекъ въ окно спальни Андозерскаго. Послышался звонъ разбитаго стекла.

А Логинъ уже быстро шелъ прочь. Онъ завернулъ за первый же уголъ, и все ускорялъ шаги. Сердце его сильно билось. Но мысли ни на одну минуту не останавливались на этомъ странномъ поступкѣ, только неумолчно раздавался въ ушахъ назойливый, звонкій смѣхъ стекла, разлетающагося въ дребезги,— и смѣхъ звучалъ отчаяніемъ.

Глава двадцать шестая.

Въ безпокойной головѣ Коноплева развивался планъ, который, по его расчетамъ, можно привести въ исполненіе теперь же, до утвержденія задуманнаго общества: Саввѣ Ивановичу хотѣлось устроить типографію. Работы нашлось бы, по соображеніямъ Коноплева: мало ли въ городѣ учрежденій, которыя заказываютъ множество форменныхъ бланокъ. Всѣ заказы достаются типографіи въ губернскомъ городѣ, единственной на губернію. До той типографіи далеко, своя же будетъ подъ бокомъ, вотъ и шансъ взять въ руки всю типографскую работу въ городѣ.

Объ этомъ разсуждали, выпивая и закусывая, въ одно прекрасное утро въ квартирѣ Логина онъ самъ, Коноплевъ и Шестовъ. Денегъ ни у кого изъ нихъ не было, но это не останавливало: Коноплевъ былъ увѣренъ, что все можно достать и устроить въ долгъ; Логинъ соглашался,—заранѣе былъ увѣренъ, что изъ этого все равно ничего не выйдетъ, кто-нибудь помѣшаетъ, наклевещетъ, а пока все-таки это создаетъ призракъ жизни и дѣятельности; Шестовъ вѣрилъ другимъ на слово по молодости и совершенному незнанію того, какъ дѣла дѣлаются.

Возникъ споръ, очень горячій, и обострился до

нельзя: Коноплевъ разсчитывалъ, что типографія будетъ печатать даромъ его сочиненія, Логинъ возражалъ, что Коноплевъ обязанъ платить. Коноплевъ забѣгалъ по комнатѣ, безтолково махалъ длинными руками, и кричалъ захлебывающеюся скороговоркою:

— Помилуйте, если типографія моя, то зачѣмъ же я буду платить? Что мнѣ за расчетъ? Да плевать я хочу на типографію тогда.

— Типографія не ваша собственная, а общая,— возражалъ Логинъ.

— Да польза-то мнѣ отъ нея какая?—кипятился Коноплевъ.

— А польза та, что дешевле, чѣмъ въ чужой: часть того, что вы заплатите, вернется вамъ въ видѣ прибыли.

— Да никогда я вамъ платить не буду: бумагу, такъ и быть, куплю, за шрифтъ, сколько сотрется, заплачу, чего еще!

— А работа?

— А работники на жалованьи, это изъ общихъ средствъ.

— Такъ! А вознагражденіе за затраченный вашими компаньонами капиталъ?

— Ну, это чортъ знаетъ что такое! Съ вами пива не сваришь. Вы смотрите на дѣло съ узко-меркантильной точки зрѣнія, у васъ грошовая душонка!

— Савва Ивановичъ, обращайте вниманіе на ваши выраженія.

— Ну да, да, именно грошовая, мелкая душонка. У васъ самые буржуазные взгляды! У васъ фальшивыя слова: на словахъ одно, на дѣлѣ другое!

— Однимъ словомъ, мы съ вами не сойдемся, я по крайней мѣрѣ.

— Я тоже,—вставилъ Шестовъ, и покраснѣлъ.

Коноплевъ посмотрѣлъ на него свирѣпо и презрительно.

— Эхъ вы, туда же! А я было считалъ васъ порядочнымъ человѣкомъ. Своего царя въ головѣ нѣтъ, что ли?

— Поищите другихъ компаньоновъ,—сказалъ Логинъ, — а насъ отъ вашей ругани избавьте.

— Что, не нравится? Видно, правда глаза колетъ.

— Какая тамъ правда! Вздоръ городите, почтеннѣйшій.

— Вздоръ? Нѣтъ-съ, не вздоръ. А если бы вы были честный и послѣдовательный человѣкъ...

— Савва Ивановичъ, вы становитесь невозможны...

Но Коноплевъ продолжалъ кричать, неистово бѣгая изъ угла въ уголъ:

— Да-съ, вы воспользовались-бы случаемъ примѣнить свои идеи на практикѣ. Если я написалъ, я уже сдѣлалъ свое дѣло, а вы обязаны печатать даромъ, если и я участвую въ типографіи.

— Савва Ивановичъ, вы не стали бы даромъ давать уроки?

— Это другое дѣло: тамъ трудъ, а тутъ капиталъ. Эхъ вы, буржуй презрѣнный! Теперь я понимаю ваши грязныя дѣлишки!

— Да? Какія же это дѣлишки?—спросилъ Логинъ, дѣлая надъ собою усиліе быть спокойнымъ.

— Да не ахтительныя дѣлишки, что и говорить! Вѣрно правду говорятъ, что вы самый безнравственный человѣкъ, что вы такъ истаскались, что вамъ ужъ надоѣли дѣвки, что вы для своей забавы мальчишекъ заводите.

Логинъ поблѣднѣлъ, нахмурился, сурово сказалъ:

— Довольно!

— Постыдныя, подлыя дѣла!—продолжалъ кричать Коноплевъ.

— Молчите!—крикнулъ Логинъ, подходя къ Коноплеву.

— Ну ужъ, нѣтъ, на чужой ротокъ не накинете платокъ.

— Вамъ не угодно ли взять свои слова назадъ?

— Нѣтъ-съ, не угодно-съ, оставьте ихъ при себѣ!

— Предпочитаете вызовъ?

— Вызовъ? — презрительно протянулъ Коноплевъ.— Это какой же?

— Дуэль, что ли, предпочитаете?

Коноплевъ захохоталъ. Крикнулъ:

— Нашли дурака! У меня жена, дѣти, стану я всякому проходимцу лобъ подставлять.

— Въ такомъ случаѣ, вы неуязвимы, — сказалъ Логинъ, отвертываясь отъ него — судиться я не стану.

— По принципу, будто бы? Такъ я вамъ и повѣрилъ, просто изъ трусости.

— Ужъ это мое дѣло, а только...

— А напрасно. Я бы васъ на судѣ раздѣлалъ, въ лоскъ положилъ бы. Понимаю я теперь отлично, что и общество ваше — только обольщеніе одно, а цѣль тоже какая-нибудь подлая. Чортъ васъ знаетъ, да вы, можетъ быть, бунтъ затѣваете! Правъ, видно, Мотовиловъ, что называетъ васъ анархистомъ. Только не выгоритъ ваше общество, не безпокойтесь, пожалуйста, мы съ Мотовиловымъ откроемъ глаза кому слѣдуетъ.

Наконецъ Коноплевъ изнемогъ отъ своей скороговорки, и пріостановился. Логинъ воспользовался передышкою. Сказалъ:

— А теперь прошу васъ избавить меня отъ вашего присутствія.

— Не безпокойтесь, уйду, и нога моя больше у васъ не будетъ. Я вамъ не такая овца, какъ Егоръ Платонычъ, котораго вы совсѣмъ обошли.

А Егоръ Платонычъ сгоралъ отъ неловкости. Краснѣя, забился въ уголъ комнаты, и глядѣлъ оттуда обиженными глазами на Коноплева. А тотъ кричалъ все громче, брызжа бѣшеною слюною:

— Но на прощанье я вамъ выскажу всю правду-матку. Вы ужъ меня больше не обольстите, сахаръ медовичъ! Я вамъ отплою.

— Нѣтъ, ужъ увольте.

— Нѣтъ, ужъ я не смолчу. Да чего ужъ, коли ваши сосѣди даже говорятъ, вѣдь ужъ имъ-то можно знать. Да васъ изъ гимназіи гнать собираются!

— Послушайте, если вы не оставите моей квартиры, я самъ уйду.

— Нѣтъ, шалишь, никуда вы отъ меня не уйдете! Да я за вами по улицѣ пойду, на перекресткахъ васъ расписывать буду, что вы за человѣкъ! У васъ болячки вездѣ, у васъ носъ скоро провалится. Туда же еще къ честнымъ дѣвицамъ липнете, свиданія имъ въ бесѣдкѣ назначаете!

Логинъ подошелъ къ двери,—Коноплевъ загородилъ дорогу.

— Вы заманиваете къ себѣ гимназистовъ, и развращаете!

Дрожа отъ бѣшенства, сдерживаемаго съ трудомъ, Логинъ попытался отстранить Коноплева рукою,—говорить не могъ, стискивалъ зубы: чувствовалъ, что вмѣсто словъ вопль ярости вырвался бы изъ груди,—но Коноплевъ схватилъ его за рукавъ, и сыпалъ гнусныя слова.

— Да что, васъ бить, что ли, надо?—сквозь зубы тихо сказалъ Логинъ.

Сумрачно всматривался въ лицо Коноплева,—оно все трепетало злобными судорогами, и нахально склонялось къ Логину: Коноплевъ былъ ростомъ выше, но держался сутуловато, а въ горячемъ спорѣ имѣлъ привычку подставлять лицо собесѣднику. Онъ заревѣлъ благимъ матомъ:

— Что? Бить? Меня? Вы? Да я васъ въ порошокъ разотру.

Злобное чувство, какъ волна, разорвавшая плотину,

разлилось въ груди Логина,—и въ то же мгновеніе почувствовалъ онъ необычайное облегченіе, почти радость,—чувство стремительное, неодолимое. Что-то тяжелое, захваченное рукою, подняло съ неожиданною силою эту руку, и толкало его самого впередъ, гдѣ сквозь розовый туманъ бѣлѣло злое лицо съ испуганно забѣгавшими глазами.

Шестовъ крикнулъ что-то, и бросился впередъ къ Логину. Тяжелый мягкій стулъ упалъ у стѣны съ рѣзкимъ трескомъ разбитаго дерева, и пружины его сидѣнья встревоженно и коротко загудѣли. Коноплевъ, ошеломленный ударомъ по спинѣ, съ растеряннымъ и жалкимъ лицомъ отодвигалъ дрожащими руками предливанный столъ. Логинъ отбросилъ ногою кресло съ другой стороны стола; Коноплевъ опять увидѣлъ передъ собою лицо Логина, багровое, съ надувшимися на лбу венами, окончательно струсилъ, опустился на полъ, и юркнулъ подъ диванъ. Закричалъ оттуда глухо и пыльно:

— Караулъ! убили!

Логинъ опомнился. Подошелъ къ Шестову. Сказалъ:

— Какія безобразія способенъ выдѣлывать человѣкъ! Вы его уберите. Скажите, чтобъ вылѣзъ.

Старался улыбнуться. Но чувствовалъ, что дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, и готовъ разрыдаться. Торопливо вышелъ.

Шестовъ скоро поднялся къ нему наверхъ. Сказалъ:

— Я пока посижу, пусть уходитъ, а то всю дорогу ругаться будетъ.

Скоро Логинъ увидѣлъ изъ окна, какъ Коноплевъ шелъ тою особенною, виновато-стыдливою походкою, какою ходятъ только что побитые люди.

— Вотъ какое здѣсь общество!—печально разсуждалъ Шестовъ.—Клеветы, сплетни!

— То-то вотъ клеветы,—сказалъ Логинъ,—а знаете пословицу: безъ огня дыма не бываетъ?

— Какъ же это такъ?—удивленно спросилъ Шестовъ.

— А такъ, что мы сами виноваты. Дѣйствуемъ, точно въ пустотѣ живемъ. Или какъ тотъ чортъ, который стригъ свинью: визгу много, а шерсти нѣтъ. А вокругъ насъ люди, со своими пороками и слабостями. Они хотятъ жить по своему для себя; они правы. И мы правы, пока дѣлаемъ для себя. А чуть ступимъ хоть шагъ въ область чужой души, беремъ на себя заботу о другихъ, тутъ ужъ нечего на стѣну лѣзть, когда слышимъ критику.

— Какая же это критика—клевета, сплетня!

— А вы бы хотѣли, чтобъ у насъ даже и клеветы и сплетенъ не было?—угрюмо спросилъ Логинъ.— Какъ ни какъ, все же это общественное мнѣніе, первыя ступени общественнаго самосознанія.

— Хороши ступени!

— Что дѣлать: все хорошее произошло изъ очень скверныхъ, на нашъ взглядъ, явленій.

Шестовъ ушелъ. Горькія чувства томили Логина. Порывами вспыхивалъ гнѣвъ, и тогда изъ-за озлобленнаго лица Коноплева опять вставала грузная фигура Мотовилова.

Наконецъ мысли остановились на Аннѣ. Къ душѣ приникло успокоеніе. Образъ Анны искрился, переливался тонкими улыбками, довѣрчивыми взорами. Но Логинъ не рѣшался итти къ ней сегодня съ сумерками и стыдомъ разбросанныхъ мыслей.

Нелѣпая клевета вспоминалась часто, какъ злое наважденіе,—и вызывала жестокое желаніе мучить кого-нибудь слабаго, и наслаждаться муками. Логину казалось иногда, что вотъ сейчасъ встанетъ, спустится внизъ, и прибьетъ Леньку, такъ, безъ причины. Но сурово тушилъ это желаніе,—и тогда Аннины глаза улыбались ему.

Поздно вечеромъ сидѣлъ у постели мальчика, и смотрѣлъ на него странно-внимательными глазами. Смуглое лицо, пріоткрытый соннымъ дыханіемъ ротъ съ губами суховато-малиноваго цвѣта, и тѣни надъ слабыми выпуклостями закрытыхъ глазъ, и вихрастые коротенькіе волосенки надъ выпуклымъ лбомъ, полуобращеннымъ кверху, между тѣмъ какъ одно ухо и часть затылка тонули въ смятыхъ складкахъ подушки,—все это казалось запретно-красивымъ. Изъ подъ разстегнутаго ворота виднѣлся шнурокъ креста, какъ прикрѣпленіе печати, которую надо сломать, чтобы завладѣть чѣмъ-то, что-то смять и изуродовать. Логинъ думалъ:

„Это—клевета. Она возмутила меня. А чего тутъ было возмущаться? Если это наслажденіе, то во имя чего я отвергну его законность? Во имя религіи? Но у меня нѣтъ религіи, а у нихъ вмѣсто религіи лицемѣріе. Во имя чистоты? Но моя чистота давно потонула въ грязныхъ лужахъ, а чистота ребенка тонетъ неудержимо въ такихъ же лужахъ; раньше, позже погибнетъ она,—не все ли равно! Во имя внѣшняго закона? Но насколько онъ для меня внѣшній, настолько для меня онъ необязателенъ, а они, другіе, клеветники и распространители клеветъ, для нихъ самихъ законъ—это то, что можно нарушать, лишь бы никто не узналъ. Во имя гигіены? Но я сомнѣваюсь, что этотъ порокъ сократитъ количество моей жизни, да и во всякомъ случаѣ пикантнымъ опытомъ только расширятся ея предѣлы. Вотъ ребенка мнѣ не хотѣлось бы подвергать болѣзнямъ.

„Самое главное—придется имѣть его передъ глазами, придется прятаться, и онъ будетъ осуждать,—и все это унизительно.

„И онъ сдѣлался бы циниченъ, грубъ, лѣнивъ, грязенъ. Это было бы противно. Его блѣдность и худоба внушала бы жалость,—и омерзѣніе въ то же

время! Но они... если бы они смѣли, это ихъ не остановило бы!

„Да, здоровое тѣло—нужно ему,—если онъ будетъ жить. Но нужна ли ему жизнь? Что ждетъ его въ жизни?

„Я думаю, что жизнь—зло, а самъ живу, не зная, зачѣмъ, по инерціи. Но если жизнь—зло, то почему непозволительно отнимать ее у другихъ?

„Вѣдь если бы онъ пролежалъ тамъ, въ лѣсу, еще нѣсколько часовъ, онъ, все равно, умеръ бы.

„И если бы мнѣ пришлось выбирать между удовлетвореніемъ моего желанія и жизнью этого ребенка, то во имя чего я долженъ былъ бы предпочесть сохраненіе чужой жизни пользованію хотя бы одною минутою реальнаго наслажденія?

„Да и невозможно смотрѣть на человѣка безъ вожделѣнія. Каждый смотритъ на своего „ближняго", вожделѣя,—и это неизбѣжно; мы—хищники, мы обожаемъ борьбу, намъ пріятно кого-нибудь мучить. Потому-то мы всѣ такъ ненавидимъ стариковъ,—намъ нечего отымать отъ нихъ!"

Приподнялъ одѣяло: худенькое, маленькое тѣло мальчика показалось жалкимъ. Кроткое чувство, внезапно поднявшееся, стало между нимъ и знойнымъ желаніемъ. Отошелъ отъ постели. Кроткія Аннины глаза ласково глянули на него.

А потомъ опять тучи набѣжали на сознаніе, опять дикія мечты зароились. И долгіе часы томился, какъ на люлькѣ качаясь между искушеніемъ и жалостью къ ребенку. Усталость и сонъ побѣдили искушеніе, и онъ заснулъ съ кроткими думами, и Аннины глаза опять улыбнулись ему.

Утромъ Логинъ спалъ долго. Леня тихонько подошелъ къ постели, и подумалъ:

„Надо разбудить".

Шорохи пробудившагося дня долетали до Логина, и разбудили въ немъ неясное сознаніе. Приснилось пустынное, печальное мѣсто. Гора; пещера у подошвы; входъ въ пещеру мрачно зіяетъ, пріосѣненъ хмурыми соснами. Въ груди утомленнаго путника жажда неизвѣданнаго счастья. Нечѣмъ утолить ее,—источникъ изъ-подъ голыхъ скалъ, воды,—мутная кровь, горькія слезы. Кто-то сказалъ:

— Засни, пока не разбудитъ тебя беззакатное счастье людей.

И увидѣлъ Логинъ, какъ онъ въ изношенной одеждѣ и пыльной вошелъ въ пещеру, и легъ головою на обомшаломъ камнѣ. Сонъ, тяжелый, долгій, долгій. Сквозь сонъ слышалъ иногда дикое завываніе бури, шумное паденіе сосны,—иногда беззаботное щебетаніе птицы. Сердце страстно замирало, и жаждало воли и жизни. Разгоняло по тѣлу горячую кровь, и она шумѣла въ ушахъ, и шептала знойно, торопливо:

— Пора вставать, пора!

Пріоткрывалъ тяжелыя рѣсницы. Унылыя сосны печально покачивали вершинами, и глухо говорили:

— Рано!

Опять смыкались рѣсницы, сердце опять замирало, и трепетно билось. Проносились вѣка, долгіе, какъ безсонная ночь.

И вотъ повѣяло ароматомъ беззаботнаго дѣтства, серебристо зазвенѣли въ лѣсу бѣлые вешніе ландыши, шаловливый лучъ восходящаго солнца звучно засмѣялся и заигралъ на утомленной сномъ груди, золотыми огнями вспыхнули пѣсенки неназванныхъ птичекъ, и кристальнымъ лепетомъ зажурчалъ прояснѣвшій родникъ:

— Пора вставать!

Леня постоялъ съ минуту, потрогалъ Логина за плечо, и сказалъ:

— Василій Марковичъ, пора вставать!

Логинъ открылъ глаза. Въ комнатѣ было свѣтло, весело. Леня улыбался. Лицо его было свѣжо тою особенною утреннею дѣтскою свѣжестью, которой не увидишь ни на чьемъ лицѣ днемъ или вечеромъ. Логинъ потянулся, зѣвнулъ, и заложилъ руки подъ голову.

— А, ты ужъ всталъ?

Леня похлопывалъ ладонями по краю кушетки. Говорилъ:

— Самоваръ поставленъ.

— Ну ладно, я сейчасъ тоже встану,—лѣниво сказалъ Логинъ.

Леня подобралъ руки въ рукава рубахи, потоптался у постели, и побѣжалъ внизъ. Ступеньки лѣстницы слегка поскрипывали подъ его босыми ногами.

Логинъ поднялся, и сѣлъ на постели. Голова слегка закружилась. Опять опустился на подушки. Накрылъ глаза, и всматривался въ темныя фигурки, которыя быстро вертѣлись, образовывали цѣлый калейдоскопъ лицъ смѣющихся и уродливыхъ. Потомъ круговоротъ замедлился, выдѣлилось румяное, бѣлое лицо, плотная, широкая фигура, и она дѣлалась все ярче, все живѣе. Наконецъ передъ сомкнутыми глазами отчетливо нарисовался улыбающійся мальчикъ, крѣпкій, высокій, гораздо болѣе объемистый, чѣмъ Ленька; онъ былъ обведенъ синими чертами. Логинъ открылъ глаза,— тотъ же образъ стоялъ одно мгновеніе, еще болѣе отчетливый, только блѣдный, потомъ быстро началъ тускнѣть и расплываться, и черезъ полминуты исчезъ.

Утромъ Леня былъ оживленъ и веселъ. Онъ съ раскраснѣвшимся лицомъ внезапно началъ разсказывать, какъ убѣжалъ въ прошломъ году изъ богадѣльни какъ его нашли въ Лѣтнемъ саду въ кустахъ, вернули въ богадѣльню, и наказали. Логинъ привлекъ къ себѣ мальчика, и обнялъ его. Леня довѣрчиво разсказывалъ, какъ было больно и стыдно. Въ воображеніи Логина встала картина истязаній,—обнаженное маленькое, ху-

денькое тѣло, и удары, и багровыя полосы, и кровь. Эта картина не казалась отвратительною, и влекла жестокое желаніе осуществить ее снова, подъ своими руками услышать крики испуга и боли.

Заговорилъ суровымъ, но срывающимся голосомъ:

— Послушай-ка, Ленька, ты зачѣмъ у меня вчера книги съ этажерки посронялъ? И все тамъ вверхъ дномъ поставилъ.

Ленька поднялъ глаза, открытые и чистые. Въ ихъ широкихъ просвѣтахъ мелькнуло выраженіе привычнаго испуга. Онъ виновато улыбнулся, и шепнулъ тихонько:

— Я нечаянно.

Тоненькіе пальцы его задрожали на колѣнѣ Логина. Логинъ понялъ смыслъ придирки и безобразіе своихъ мыслей. Жалость тронула его сердце. Губы его сложились въ такую-же виноватую улыбку, какъ у Леньки. Онъ смущенно и ласково сказалъ:

— Ну ладно, это не бѣда. А что, не пора ли тебѣ итти?

Въ этотъ день въ городскомъ училищѣ былъ экзаменъ, и Леня надѣялся выдержать его.

За обѣдомъ Логинъ спрашивалъ Леню:

— Ну что, братъ, какъ дѣла? Срѣзался?

— Нѣтъ, выдержалъ,—сказалъ Ленька, но какъ-то безъ всякаго удовольствія.

Помолчавъ немного, началъ:

А только...

И остановился, и пытливо посмотрѣлъ на Логина.

— Что только?—спросилъ Логинъ.

— По разному спрашивали,—отвѣтилъ Ленька.

— Какъ же это по разному?

— А такъ. Егоръ Платонычъ всѣхъ одинаково, а другіе по разному.

— Ну, кто жъ другіе?

— Кто? Почетный смотритель былъ, отецъ Андрей, Галактіонъ Васильевичъ. Богатыхъ—полегче да ласково, а бѣдныхъ—погрубѣе.

— Сочиняешь ты, Сенька, какъ я вижу.

— Ну вотъ, съ чего мнѣ сочинять, другихъ спросите. У насъ богатымъ дивья отвѣчать,—стоитъ, молчитъ, въ зубъ толкнуть не знаетъ, а ему отецъ Андрей или Галактіонъ Васильевичъ все и разскажутъ. А какъ бѣдный мальчикъ запнется, сейчасъ его Галактіонъ Васильевичъ обругаетъ: „мерзавый мальчишка, говоритъ, шалишь только,"—а у самого глаза, какъ гвоздики, станутъ. А смотритель тоже говоритъ: „гнать, говоритъ, такихъ негодяевъ надо, — изъ милости, говоритъ, тебя только и держатъ!" Такъ и награды будутъ давать.

— Какую ты чепуху говоришь, Ленька! Ну, самъ посуди, съ чего имъ такъ поступать?

— Съ чего:—Кто гуся, кто — что...

— Ну, ужъ это...

— Да они сами говорятъ, богатенькіе-то, хвастаютъ: «мы и не учась перейдемъ, намъ что!»... А у насъ на экзаменѣ барышни были сегодня, — учительницы изъ прогимназіи. Ну, при нихъ легче было. И меня при нихъ спросили.

— Потому-то ты только и отвѣтилъ?

— Ну да, я и такъ бы...

— Вотъ видишь, знать надо, — никто тебя не обидитъ.

— А все-таки зачѣмъ же такія несправедливости?— запальчиво заговорилъ Леня. — И какъ не обидятъ? Они такія слова придумаютъ... Вотъ одного у насъ спросили сегодня: „что такое дикіе?"—Это въ книгѣ о дикаряхъ читали. Ну, а онъ и не знаетъ сказать, что такое дикіе. Вотъ батюшка и говоритъ: „ну, какъ ты не знаешь, что такое дикіе,—да вотъ твой отецъ дикій!" А у него отецъ — деревенскій. Это онъ па-

рочно, чтобъ барышень насмѣшить. Тѣмъ забавно, а мальчику обидно,—потомъ заплакалъ, какъ его отпустили. Зачѣмъ такъ? Вѣдь это неправда! Дикіе Богу не молятся, ходятъ голые, земли не пашутъ, падаль пожираютъ. И всегда-то нашъ батюшка любитъ такъ издивляться.

— Издѣваться:

— Вотъ, издѣваться,—протянулъ мальчикъ.

— Ну что жъ,—спросилъ Логинъ,—вамъ, конечно, жалко, что Алексѣя Иваныча у васъ на экзаменахъ не было:

— А вотъ и не жалко. Онъ самый жестокій. У него и на урокахъ наплачешься. Я у него на урокахъ семьдесятъ два раза на колѣняхъ стоялъ, — да все больше на голыя колѣни ставитъ.

— Вотъ ты какъ много шалилъ,—нехорошо, братъ

— Да, кабы за шалости, а то все больше такъ здорово живешь.

Какъ ни дико было то, что говорилъ Ленька, Логинъ вѣрилъ, и имѣлъ на то основанія: дурною славою въ нашемъ городѣ пользовалось здѣшнее городское училище. Да и въ гимназіи, гдѣ служилъ Логинъ, совершались несправедливости, хотя въ формахъ гораздо болѣе мягкихъ, почти незамѣтныхъ для гимназистовъ. Учителя въ гимназіи не гнались такъ отчаянно за взяткою, какъ въ городскомъ училищѣ,—дорожили больше пріятнымъ знакомствомъ. Было также во многихъ желаніе угодить директору, а потому и отношенія учителя къ тому или другому гимназисту сообразовались съ отношеніями директора. Замѣчалось у иныхъ стремленіе доказать мало-состоятельнымъ родителямъ, что напрасно они пихаютъ своихъ сыновей въ гимназію.

Когда стало темнѣть, и Логинъ былъ одинъ наверх ,унеясное волненіе снова овладѣло имъ. Пригре-

зившійся утромъ мальчикъ стоялъ передъ нимъ, едва онъ закрывалъ глаза. Читая, Логинъ часто бросалъ книгу, чтобы закрыть глаза, и увидѣть мальчика. Нестерпимо дразнилъ его мальчишка румяною, назойливою улыбкою. Казалось, что теперь онъ румянѣе и тѣлеснѣе, чѣмъ былъ раньше,—какъ будто, рѣя надъ Логинымъ, набирался силъ и крови. Когда Логинъ, погасивъ свѣчу и закрываясь одѣяломъ, опустилъ голову на подушку,—губы мальчика дрогнули, зашевелились, онъ заговорилъ что-то быстро, но невнятно, сдѣлался вдругъ особенно яркимъ и живымъ и, все болѣе приближаясь къ Логину, началъ падать куда-то на бокъ, быстрѣе, быстрѣе, опрокинулся, и исчезъ. Логинъ заснулъ.

Утромъ, въ лучахъ солнца, пыльныхъ и задорныхъ, опять засвѣтились рыжеватые волосы мальчика, опять пригрезилась его улыбка и слова, невнятныя, но звонкія, и дольше вчерашняго стоялъ онъ передъ открытыми глазами Логина, и медленнѣе таялъ.

Чтобъ избавиться отъ нечистаго обаянія, Логинъ старался представить Анну, и его опять потянуло увидѣть и услышать ее.

Глава двадцать седьмая.

Логинъ вышелъ изъ дому. Пусто было на улицахъ, только въ одномъ мѣстѣ толпа мѣщанъ и тотъ же парень съ оловянными глазами попались на встрѣчу; молча пропустили его. Вышелъ за городъ, по дорогѣ къ усадьбѣ Ермолиныхъ. Битый часъ проходилъ по извилистымъ тропинкамъ въ лѣсу, вблизи дома Ермолина, и не рѣшился войти туда. Думалъ:

„Что общаго между нею, чистою, и мною, порочнымъ? Какая пытка мнѣ быть теперь съ нею: безнадежное блужданіе у закрытыхъ дверей потеряннаго рая!“

Потомъ онъ вдругъ уличилъ себя въ тайной надеждѣ, что случайно увидитъ Анну, встрѣтитъ ее на знакомыхъ ей тропинкахъ. Стало досадно и стыдно, и онъ быстро пошелъ домой. У Лѣтняго сада встрѣтилъ Андозерскаго. Андозерскій хмуро улыбнулся, и сказалъ неискреннимъ голосомъ:

— Зайдемъ, дружище, шары попихать на шаропихѣ.

— Не хочется,— отвѣтилъ Логинъ, пожимая его руку.

Мягкое и теплое прикосновеніе этой руки было непріятно.

— Что такъ? На охоту, братъ, собрался? Смотри, не промахнись.

Андозерскій самодовольно захохоталъ, и скрылся въ саду. Логинъ стоялъ на пыльной дорогѣ, и досадливо смотрѣлъ ему въ слѣдъ. Поднялся легкій вѣтерокъ, пыль и соломенки повлеклись изъ города, пошелъ за ними и Логинъ.

Пыльные столбы плясали передъ нимъ, дразнили его, слагались въ черты Андозерскаго; и слова, и фигура,—все въ Андозерскомъ было противно. Логинъ сдѣлалъ усиліе не думать объ Андозерскомъ, и это удалось. Однако не даромъ.

Пыльные столбы все плясали вокругъ, и рядомъ засіяла назойливая улыбка, сверкнули лукавые глаза, и потухли. Пылью разсыпалась привидѣвшаяся внезапно знойная сѣрая морока, но что-то коварное было въ ея появленіи. Логину стало грустно.

Въ печальной задумчивости, наклонивъ голову, шелъ онъ по шоссе, потомъ свернулъ на тропинку во ржи. Среди шумящей ржи прошелъ онъ съ полверсты, и вдругъ встрѣтилъ Анну. Она была въ легкомъ и короткомъ желтовато-розовомъ сарафанѣ. Тонкая паутина сѣрой пыли мягко охватывала окрыленныя легкимъ и вольнымъ движеніемъ ноги. Широкія, ото-

гнутыя по бокамъ внизъ поля легкой соломенной шляпы со свѣтло-розовыми лентами бросали тѣнь на ея смуглое лицо. Улыбалась Логину. Сказала:

— Вотъ встрѣча! Вы гуляете здѣсь, да? А я по дѣлу.

— Куда, можно спросить?

— А вотъ тамъ деревня Рядки,—тамъ у меня дѣло. Отецъ послалъ.

— Благотворительное? — съ жесткою улыбкою спросилъ Логинъ, пропуская Анну впередъ, и идя за нею.

Анна засмѣялась, и спросила:

— Вы не любите благотворительныхъ дѣлъ?

— Помилуйте, что это за дѣла! Забава сытыхъ,— отвѣчалъ онъ, угрюмо разсматривая узкія лямки ея сарафана, лежащія на желтоватой бѣлизнѣ открытой сорочки.

— А я думаю, что это и есть настоящія дѣла. Только слово нехорошее, книжное. И его употребляли слишкомъ много, неразборчиво. А дѣла помощи... Да у насъ, людей сытыхъ, какъ вы называете, и дѣлъ-то другихъ почти быть не можетъ.

— Есть лучшее дѣло.

— Какое?—спросила Анна, оглядываясь на Логина.

— Исканіе правды.

— Это—отвлеченное дѣло. А правда—не въ добрѣ и не во злѣ, она—только въ любви къ людямъ, и къ міру, ко всему. Хорошо все любить, и звѣзду, и жабу.

— Едва ли много правды въ любви,—тихо сказалъ Логинъ.

— А это, однако, такъ. Люди ищутъ правды, и приходятъ къ любви. Мнѣ представляется, что такъ дѣло и шло. Сначала люди жили надеждою. Надежда часто обманывала, и отодвигалась все дальше, какъ

марево: евреи ждутъ Мессіи, христіане надѣются на загробную жизнь,—и вотъ люди стали жить вѣрою. Но вѣкъ вѣры кончается.

— Да, кончается,—старые боги умерли. А все-таки сильна потребность въ вѣрѣ. Новыя божества еще не родились, и въ томъ и вся наша бѣда, и вся разгадка нашего пессимизма.

— Да новыя божества и не родятся,—со спокойною увѣренностью возразила Анна.

— Ихъ выдумаютъ!

— Нѣтъ, этого не можетъ быть. Будущее принадлежитъ любви.

— Вы, кажется, думаете, что и вѣра, и надежда мѣшаютъ любви?—спросилъ Логинъ.

— Да, я такъ думаю. Мнѣ кажется вотъ что: надежда—такая безпокойная, эгоистичная, при ней и вѣрѣ и любви тѣсно. Вѣра слишкомъ точна,—при ней и надежда таетъ, и любовь смиряется заповѣдями и догматами. Надѣются вѣдь только тогда, если можетъ быть и такъ, и этакъ, а тутъ все ясно, какъ въ сказкѣ: пойдешь направо,—коня потеряешь, налѣво,—головы не сносишь, вотъ и выбирай добро или зло. На что тутъ надѣяться? И любить можно только свободно, а не по заповѣдямъ. А потомъ любовь будетъ людямъ, какъ воздухъ.

— И земной рай устроитъ?—насмѣшливо спросилъ Логинъ.

— Не знаю. Можетъ быть, она будетъ жестокая. Она будетъ принята міромъ, которому не на что надѣяться, не во что вѣрить.

Логинъ слушалъ разсѣянно. Чувственная раздраженность опять томила его, и смущала близость голыхъ плечъ и рукъ, полуоткрытой груди, дразнили мелькающія изъ-подъ короткаго сарафана слегка загорѣлыя икры легко идущихъ по дорожной пыли ногъ; загоралось желаніе обнажить это стройное тѣло, бла-

гоухающее зноемъ амбры и розы, и овладѣть имъ. Сказалъ томнымъ голосомъ:

— Любовь—невозможность. Она—мэонъ, атрибутъ Бога, создавшаго міръ, и почившаго навѣки. Наша любовь—только самолюбіе, только стремленіе расширить свое я,—неосуществимое стремленіе.

— А вы его испытывали?

— Жажду его!—тоскливо воскликнулъ Логинъ.— Ахъ, Анна Максимовна, скажите, вы вѣрите въ эту будущую людскую любовь?

— Вѣрю,—отвѣтила Анна улыбаясь.

— Да вѣдь вѣра мѣшаетъ любви? Вы непослѣдовательны! Но какъ вы достойны любви!

Анна засмѣялась.

— Вотъ неожиданный комплиментъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я хотѣлъ бы вамъ сказать... Но всѣ слова – такія жалкія! О, если бъ и вы...

Анна повернулась къ Логину, и смотрѣла на него. Ея вспыхнувшее лицо съ широко открытыми глазами горѣло радостнымъ ожиданіемъ. Логинъ замолчалъ, и шелъ рядомъ съ нею, и глядѣлъ на ея вздрагивающія алыя губы.

— Да,—сказала она смущенно,—можетъ быть...

— Ахъ, Нюта!—страстно воскликнулъ Логинъ.

Губы Анны, алыя и трепещущія, были такъ близки. Знойное облако желаній трепетно пронеслось надъ ними.

Далекія, нечистыя воспоминанія вспыхнули въ его душѣ, зазвенѣли въ ушахъ грубыя слова. Что-то повелительное, какъ совѣсть, стало между нимъ и непорочною улыбкою Анны. А молодая радость, жажда счастія влекли его къ ней. Земля и пыль, приставшія къ Анинымъ ногамъ, напоминали, что она—земная, родная, близкая, возникшая изъ темнаго земного радостнымъ цвѣтеніемъ, устремленіемъ къ высокому Пламени небесъ. Онъ мучительно колебался.

Ея губы горделиво дрогнули, и улыбка ихъ померкла. Въ ея глазахъ промелькнуло скорбное выраженіе. Анна отвернулась, и тихонько засмѣялась. Холодомъ повѣяло на Логина. Припомнился ему смѣхъ русалки на мельничной запрудѣ, тотъ смѣхъ, который слышался ему въ одну изъ его тяжелыхъ ночей. Анна сказала грустно:

— Вы замечтались подъ яснымъ небомъ, а мнѣ надо торопиться, а то отецъ... Я слышала, что вы разошлись съ Коноплевымъ.

Логинъ разсказалъ ей о ссорѣ. Анна выслушала молча, и потомъ сказала

— Того и надо было ждать. Что это за человѣкъ! Дулъ вѣтеръ съ запада, онъ былъ нигилистомъ. Повѣяло съ востока,—сталъ фанатикомъ Домостроя. А могъ бы сдѣлаться и фанатикомъ опрощенія. Можетъ быть, и сдѣлается. Все это у него случайное. Своего ничего. Онъ весь, какъ парусъ, надутый вѣтромъ.

— Странно,—сказалъ Логинъ,—что онъ ни на кого не ссылается, кромѣ Мотовилова.

— Мотовиловъ! Вотъ человѣкъ, который не имѣетъ права жить!

Логинъ заглянулъ въ ея лицо. Оно все пылало гнѣвомъ и негодованіемъ. Логинъ покорно улыбнулся.

Свѣтло и грустно было въ душѣ Логина, когда онъ возвращался домой. Косвенные лучи солнца улыбались въ малиново-красныхъ отблескахъ на стеклахъ сѣренькихъ деревянныхъ домишекъ. Улицы къ вечеру начинали быть болѣе людными. Попадались иногда шумныя ватажки мѣщанъ.

А вотъ посреди улицы, изъ-за угла по дорогѣ отъ прѣпости, показалась толпа. Что-то въ родѣ процессіи. Окна по пути поспѣшно отворялись, выглядывали головы обывателей, прохожие останавливались, уличные

ребятишки бѣжали за процессіею съ видомъ чрезвычайнаго удивленія.

Наконецъ Логинъ разсмотрѣлъ всѣхъ. Шли по самой серединѣ улицы Мотовиловъ съ женою, Крикуновъ съ табакеркою, оба директора, казначей, закладчикъ и его жена, Гомзинъ,—великолѣпные зубы радостно сверкали издали,—еще нѣсколько мужчинъ и дамъ, и среди этой толпы Молинъ, арестованный недавно учитель. Очевидно, его только что выпустили изъ тюрьмы.

Логинъ догадался, что устраиваютъ овацію „невинно-пострадавшему".—ведутъ его съ почетомъ по городу, показать всѣмъ, что репутація Молина не пострадала. Лица были торжественныя и, какъ часто бываетъ въ неожиданно-торжественныхъ случаяхъ, довольно таки глупыя. Герой торжества хранилъ на лицѣ угрюмо-угнетенное и очень благородное выраженіе, и шелъ ребромъ. Лѣтъ двадцати семи; лицо, покрытое рябинами и прыщами; багровый носъ запоевого пьяницы. Копна курчавыхъ волосъ приподымала на головѣ поярковую шляпу. Лобъ узокъ; черепъ съ хорошо развитымъ затылкомъ казался толстостѣннымъ; громадныя скулы придавали лицу татарскій характеръ. Синими очками въ стальной оправѣ прикрывались тусклые, близорукіе глаза. Въ рукахъ громадный букетъ цвѣтовъ.

Поровнявшись съ этимъ обществомъ, Логинъ приподнялъ шляпу. Мотовиловъ сказалъ:

— Вотъ кстати, Василій Марковичъ, пожалуйте-ка къ намъ сюда!

Логинъ остановился на мосткахъ, и спросилъ:

— Прогуливаетесь, Алексѣй Степанычъ?

Тріумфальная толпа пріостановилась посреди улицы. Всѣ смотрѣли на Логина съ вызывающею угрюмостью.

— Да, прогуливаемся,—значительно отвѣтилъ Мотовиловъ.

— Что жъ, доброе дѣло. А меня прошу извинить,— усталъ. Имѣю честь кланяться.

Логинъ опять приподнялъ шляпу, и пошелъ дальше. Пожарскій догналъ его, и спросилъ:

— Какъ же это вы въ наше тріумфальное шествіе не впряглись? Вѣдь вы разсердили этимъ сѣдого прелюбодѣя.

— Глупо это, мой другъ. Тѣ, ну чиновники тамъ разные—они... ну, у нихъ связи, боятся, можетъ быть, наконецъ, просто, пѣшки. А вы-то зачѣмъ? человѣкъ вы независимый, въ нѣкоторомъ родѣ—артистъ, такъ сказать,—и вдругъ!

Пожарскій добродушно засмѣялся.

— Не ехидничайте, почтеннѣйшій синьоръ: я единственно изъ любви къ искусству.

— Это какъ же?

— Мимику, значитъ, изучаю. Нашему брату это необходимо. Ну, да и то еще, грѣшнымъ дѣломъ... знаете сами: польсти, мой другъ, польсти...

— Коли не хочешь быть въ части? такъ, что ли?— закончилъ Логинъ.

— Вотъ, вотъ, оно самое и есть. То-есть не то, что въ части, а все же—сборы, ну да и бенефисишко. Эхъ, почтеннѣйшій, всѣ мы отъ всѣхъ васъ въ крѣпостной зависимости обрѣтаемся, вотъ ей-Богу. Да что, батенька, главнаго-то вы не видѣли,—много потеряли, ей-Богу! У вратъ обители святой,—то бишь передъ острогомъ,—вотъ гдѣ было зрѣлище! Мотовиловъ рѣчь на улицѣ говорилъ, дамы плакали, барышни ему, герою нашему, цвѣты поднесли,—видѣли, букетище! Ната и Нета и подносили. Съ одной стороны, знаете, ангельская непорочность, а съ другой стороны— угнетенная невинность.

— А со всѣхъ сторонъ глупость и пошлость,— злобно сказалъ Логинъ.

Пожарскій захохоталъ.

— Злитесь, почтеннѣйшій. А я радъ, что васъ встрѣтилъ. Теперь я отъ нихъ отсталъ, и кстати, географію города изучать пойду. Барышни Мотовиловы отправились купаться, такъ мнѣ надо пробраться въ ту сторону.

— Подсматривать?—брезгливо спросилъ Логинъ.

— Ни-ни! На обратномъ пути Нюточку встрѣчу,—только и всего.

— Вотъ какъ,—она вамъ ужъ Нюточка?

— Чистѣйшій пылъ! Любовная чепуха! Женьпремьерствую подъ открытымъ небомъ: дьявольски-выигрышная роль.

— Значитъ, дѣла хороши?

— Съ барышней давно поладили, вотъ какъ поладили! Прелесть-дѣвочка: огонекъ и душа,—ахъ, душа! Но самъ Тартюфъ,—увы и ахъ! И подступиться страшно. Хоть въ петлю.

— Что жъ, убѣгомъ!

— И то придется. Только попа гдѣ возьмешь,—вотъ въ чемъ загвоздка!.. Ахъ, любовь, любовь! Поэзія, восторгъ! Безъ вина—пьянъ, вдохновеніе такъ и распираетъ грудь. Кажется, луну съ неба для нея досталъ бы.

— А попа достать не можете!

— Достану, почтеннѣйшій, какъ пить дамъ, достану!

Молинъ поселился временно, пока найдетъ квартиру, у отца Андрея. Вещи его еще оставались у Шестова.

Когда всѣ провожавшіе разошлись, Молинъ сталъ предъ отцомъ Андреемъ, низко поклонился, и произнесъ:

— Ну, архіерей, спасли вы съ Мотовиловымъ меня.

— Ну, чего тамъ —свои люди,—отмахивался отецъ Андрей.

Но Молинъ продолжалъ:

— Вѣкъ не забуду. Спасибо. Чего ужъ, не умѣю, не рѣчистъ, а что чувствую, прямо скажу: спасли! Сослали бы въ каторгу, какъ пса смердящаго,—такъ тамъ и сгнилъ бы.

— Ну, будетъ, чего тамъ причитать!

— Эхъ, что тутъ! Дай-ка, отецъ благодѣтель, водки: цѣлый стаканъ за ваше здоровье хвачу.

Водка была подана. Хозяинъ и гость пили, обнимались, цѣловались, пили еще и еще, охмѣлѣли и плакали. Потомъ пришли гости. Засѣли играть въ карты, и опять пили.

На другой день, когда Шестовъ вышелъ изъ училища, онъ встрѣтилъ Молина. Молинъ подошелъ къ нему, подалъ руку. Пошли рядомъ. Молинъ молчалъ съ тѣмъ же вчерашнимъ видомъ человѣка, который невинно страдаетъ. Это раздражало Шестова. Шестовъ не находилъ, что сказать, хотя они встрѣтились первый разъ послѣ ареста Молина.

Молинъ оттопырилъ толстыя губы, и заговорилъ угрюмо:

— Вы съ вашей тетушкой меня въ каторжники записали: ну, погодите еще радоваться.

Шестовъ покраснѣлъ, и дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Я очень желаю вамъ выпутаться изъ этого дѣла, — а радостнаго тутъ нѣтъ ничего.

Молинъ хмыкнулъ, сдѣлалъ жалкое и злое лицо, и молчалъ. Молча дошли они до дома отца Андрея. Молинъ, не говоря ни слова и не прощаясь, повернулся, и пошелъ къ воротамъ. Шестовъ, не оборачиваясь, пошелъ дальше. Сердце его забилось отъ горькаго чувства и отъ неловкости отъ стыда: увидятъ— посмѣются.

Молинъ вошелъ въ столовую. Отецъ Андрей собирался обѣдать.

Онъ жилъ въ собственномъ домѣ. Небольшой деревянный домъ въ пять оконъ на улицу, одноэтажный, съ подваломъ. Столовая въ подвальномъ этажѣ, рядомъ съ кухнею. Свѣтъ двухъ небольшихъ окошекъ недостаточенъ для столовой; въ длину, отъ оконъ, она втрое больше, чѣмъ въ ширину, вдоль оконъ. Въ глубинѣ столовой даже и днемъ сумрачно. Тамъ поставецъ съ настойками. Возлѣ него боченокъ дубоваго дерева съ водкою, особо-пріятнаго вкуса и значительной крѣпости. Эту водку отецъ Андрей выписывалъ прямо съ завода, для себя и нѣкоторыхъ друзей, въ складчину. Въ окна видна поросшая травою поверхность улицы, да изрѣдка чьи-нибудь ноги. Вдоль длинной стѣны что противъ двери въ кухню, узкая скамейка обитая мягкими подушками и снабженная, для вящшаго комфорта, достаточнымъ количествомъ мягкихъ валиковъ. Длинный обѣденный столъ стоялъ вдоль комфортабельной лавки. На одномъ концѣ, у окна накрытъ бѣлою скатертью. Замѣтно по многимъ пятнамъ, что эта скатерть стелется уже не первый день.

На лавкѣ возлежалъ отецъ Андрей, головою къ окошку. Покрикивалъ на Евгенію. Евгенія порывисто носилась изъ столовой въ кухню и обратно съ тарелками и ножами, потрясала полъ тяжелою поступью босыхъ ногъ, и отвѣчала сердитыми взглядами на сердитые окрики отца Андрея.

Около стола копошилась матушка, Ѳедосья Петровна, маленькая, юркая, лѣтъ пятидесяти. Часто выбѣгала въ кухню, потихоньку шпыняла тамъ Евгенію и, видимо, была озабочена предстоящимъ обѣдомъ. Изъ кухни слышались ея хлопотливыя восклицанія:

— Вѣдь ты знаешь, что батюшка не любитъ. Дура зеленая! Вѣдь ты знаешь, что Алексѣю Иванычу... Ахъ ты, дерево стоеросовое!

Молинъ усѣлся за столъ, горько улыбнулся, и сказалъ:

— Отскочилъ!

Отецъ Андрей посмотрѣлъ на него внимательно, и спросилъ:

— О комъ это?

— Да тотъ, Шестовъ.

Матушка съ любопытнымъ видомъ выскочила изъ кухни, и спросила Молина:

— А что, встрѣтили его?

— Какъ же, встрѣтилъ!—отвѣчалъ Молинъ.

Онъ заколыхалъ сутуловатымъ станомъ, выдавилъ изъ него странный, косолапый смѣхъ, и сталъ разсказывать отрывисто, словно сердился и на собесѣдниковъ:

— Изъ училища перъ. Подскочилъ, лебезитъ, руку суетъ. Такъ бы по зубамъ и смазалъ! Еле сдержался.

— И слѣдовало бы,—съ веселымъ смѣшкомъ сказалъ батюшка. Эй, Евгенія, неси обѣдъ!

— Да еще какъ слѣдовало бы! — подтвердила матушка.—Евгенія, дура косолапая! гдѣ ты пропала?

— А ну его ко всѣмъ чертямъ!—сердито говорилъ Молинъ.—Еще заплачетъ, ябедничать побѣжитъ, фитюлька проклятая!

— Жена,—воскликнулъ отецъ Андрей, — гдѣ же водка?

— Евгенія, Евгенія!—засуетилась матушка.—дурища несосвѣтимая, есть ли у тебя башка на плечахъ!

Евгенія вносила въ столовую горячій пирогъ. Кричала:

— Не разорваться!

Матушка метнулась къ поставцу, и въ одинъ мигъ притащила водку и рюмки. Евгенія помчалась за супомъ, а Молинъ бубнилъ себѣ:

— Юлилъ за мной. До самыхъ воротъ бѣжалъ... въ притруску... Ну, да я на него нуль вниманія. Прикусилъ язычекъ, подралъ, какъ ошпаренный.

Отецъ Андрей зычно захохоталъ. Матушка налила водку въ рюмки, и придвинула одну изъ нихъ Молину. Смотрѣла на него ласковыми, влюбленными глазами. Отецъ Андрей и Молинъ выпили, а матушка межъ тѣмъ положила Молину громадный кусокъ пирога съ говяжьею начинкою, и наполнила его тарелку супомъ, еще дымнымъ отъ горячаго пара.

— Ловко!—говорилъ отецъ Андрей. — Такъ ихъ, мерзавцевъ, и надо учить. Ну что жъ, братъ, по первой не закусываютъ. Ась, Алексѣй Иванычъ?

— Дѣльно!—одобрилъ Молинъ.— Я, признаться, выпью,— въ проклятомъ острогѣ пришлось попоститься.

Налили по второй, и выпили. Горькія воспоминанія преслѣдовали Молина. Онъ заговорилъ:

— Если бъ онъ, скотина, былъ настоящій товарищъ, онъ бы сразу долженъ былъ сунуть подъ хвостъ той сволочи. Сочлись бы!

— Извѣстно!

— Ну, если бъ она не взяла, да наклявузничала бы слѣдователю, я все же былъ бы въ сторонѣ, — не я подкупалъ, мнѣ что за дѣло! А то не мнѣ же было ей деньги предлагать.

— Ну, само собой. Да и мнѣ неловко. Я такъ и думалъ, они съ теткой обтяпаютъ! А они вонъ что.

— Подлѣйшія твари! взвизгнула матушка.

— Ну да ладно, и даромъ отверчусь.

Отецъ Андрей вдругъ засмѣялся, и спросилъ Молина:

— На экзаменѣ-то, говорилъ я вамъ, что вышло?

— Нѣтъ. А что?

— Да, да, представьте, какая подлость!—закипятилась матушка.

— На Акимова накинулся,—разсказывалъ отецъ Андрей. — Не знаетъ, дескать, геометріи. Единицу поставилъ. Переэкзаменовку, молъ, надо. Ну, да мы еще посмотримъ. Почемъ знать, чего не знаешь.

— Это, знаете, изъ зависти, объясняла матушка,— отецъ Акимова подарилъ батюшкѣ на рясу, а ему— шишъ. Акимовъ—купецъ почтительный, только, конечно, кому слѣдуетъ; вѣдь всякій видитъ, кто чего стоитъ. Батюшка, Андрей Никитычъ, да что жъ ты не угощаешь? Видишь, рюмки пустыя.

— И то,—сказалъ батюшка, и налилъ.

— Эхъ!—крикнулъ Молинъ,—Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти.

— Евгенія!—крикнулъ отецъ Андрей въ открытую дверь кухни,—ты это съ кѣмъ тамъ тарантишь?

— Да это, батюшка, мой братъ,—отвѣтила Евгенія.

Мальчишка лѣтъ двѣнадцати опасливо жался къ углу кухни. Боялся отца Андрея: учился въ городскомъ училищѣ.

— Братъ? Ну и кстати. Пусть посидитъ тамъ, мнѣ его послать надо. Удивляюсь я только тому, — обратился отецъ Андрей къ Молину,—какъ это наши мальчишки не устроятъ ему сюрприза за единицы. Пустилъ бы кто-нибудь камешкомъ изъ-за угла,—преотличное дѣло! ха-ха-ха!

Матушка взвизгнула отъ удовольствія.

— Въ загривокъ!—крикнула она, и звонко засмѣялась

Молинъ кивнулъ головою на открытую дверь кухни. Отецъ Андрей закричалъ:

— Евгенія, дверь запри! Ишь напустила чаду, кобыла!

Евгенія стремительно захлопнула дверь. Отецъ Андрей тихонько засмѣялся.

— Чего тамъ!—сказалъ онъ.

— Все же неловко,—ученикъ, и все такое.

— Чудакъ, да вѣдь я нарочно,—зашепталъ отецъ Андрей:—пусть слышитъ. Скажетъ товарищамъ,—найдется шалунъ поотчаяннѣе, да и запуститъ.

Отецъ Андрей снова захохоталъ, и налилъ по четвертой рюмкѣ. Мологинъ сочувственно захихикалъ, и показалъ пожелтѣлые отъ табака зубы. Онъ проглотилъ водку, и крикнулъ:

— Эхъ, завей горе веревочкой!

— Все шляется къ Логину, — сказалъ отецъ Андрей.

— А, къ слѣпому чорту! Ишь ты, агитаторъ пустоголовый, нашелъ себѣ дурака, плѣнилъ кривую рожу. Ну, да онъ мастакъ бредки городить.

— Возжались съ Коноплевымъ, да расплевались,— сообщила матушка.

— Ишь ты, лѣшева дудка, куда полѣзла! почуялъ грошъ.

— Ничего, сведется на нѣтъ вся ихъ затѣя, общество это дурацкое,—злорадно сказалъ отецъ Андрей.

— А что?—спросилъ Молинъ.

— Да ужъ подковырнетъ ихъ Мотовиловъ.

— Подковырнетъ!—съ азартомъ воскликнула матушка.

— Ужъ Мотовилова на это взять,—согласился Молинъ: — шельмецъ первой руки.

— Да, братъ,—разъяснялъ отецъ Андрей,—ему въ ротъ пальца не клади. Съ нимъ дружить дружи, а камень за пазухой держи.

— Шельма, шельма, одно слово! —восторгалась матушка.

— Но умная шельма,—поправилъ Молинъ.

— Да я то же и говорю: первостатейная шельма, молодецъ,—продолжала матушка.—Ужъ мой Андрей Никитычъ хитеръ, ой хитеръ, а тотъ и еще хитрѣе.

Глава двадцать восьмая.

Логинъ вернулся изъ гимназіи рано и въ вяломъ настроеніи. Сѣлъ за столъ, лѣниво принялся

завтракать. Водка стояла передъ нимъ. Логинъ посмотрѣлъ на бутылку, и подумалъ, что привычка пить каждый день — скверная привычка. Откинулся на спинку стула, и продекламировалъ вполголоса:

„Прощай вино въ началѣ мая,
А въ октябрѣ прощай любовь!“

Потомъ придвинулъ къ себѣ бутылку и рюмку, налилъ, выпилъ. Мысли стали веселы и легки.

Въ это время раздался непріятно-рѣзкій стукъ палкою въ подоконникъ открытаго окна. Логинъ вздрогнулъ. Досадливо нахмурился, вытеръ губы салфеткою, и подошелъ къ окну.

— Дома, дружище?—раздался голосъ Андозерскаго.

Логинъ сдѣлалъ видъ, что очень радъ, и отвѣчалъ:

— Дома, дома. Ну, что жъ ты тамъ,—заходи!

— Водка есть?—оживленно спросилъ Андозерскій.

— Какъ не быть!

Андозерскій проворно взбѣжалъ на крыльцо. Румяное лицо его казалось измятымъ. Маленькіе глазки были сонны, и смотрѣли съ трудомъ. Голосъ у него сегодня былъ хриплый. Шея страдальчески вращалась въ узкомъ воротникѣ судейскаго мундира. Онъ сѣлъ къ столу.

— Эге, у тебя огурцы! Славно! И редиска,—еще лучше.

Логинъ налилъ по рюмкѣ водки.

— Опохмѣлиться со вчерашняго треба?—спросилъ онъ.

— Опохмѣлялся, дружище, да мало: всталъ поздно, надо было тащиться въ съѣздъ,—сегодня было судебное засѣданіе.

— Гдѣ жъ ты это вчера засидѣлся?

— Въ томъ-то и дѣло, что нигдѣ. Сидѣлъ дома, и трескалъ водку.

— Съ кѣмъ?

— Одинъ, братъ, по-фельдфебельски. Столько вывудилъ, что и вспомнить скверно.

— Съ горя или съ радости?

— Съ раздумья, дружище.

— Ой-ли?

— Да, да,—рѣшился, выбралъ... Ну, да что тамъ... Завтра все разскажу.

— Ну что жъ вы, судьи неумытные, надѣлали сегодня?

— Надѣлали мы дѣловъ! Мы, братъ, сегодня грозный судъ творить вздумали.

Андозерскій влилъ въ себя другую рюмку водки, и весело засмѣялся.

— Вотъ теперь на поправку пошло! Знаешь Спирьку? Комичный Отелло.

— Какъ не знать! Только какой же это Отелло, это — Гамлетъ.

— Спирька-то Гамлетъ? Ну ужъ, скажешь тоже!

— Ну да, именно Гамлетъ: онъ жаждетъ мести, и ненавидитъ месть, и вотъ увидишь—отомститъ какъ-нибудь по своему. Ну, что жъ у васъ съ нимъ?

— А видишь, его волостной судъ приговорилъ къ пятнадцати розгамъ; Мотовиловъ жаловался, а также за мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство.

— Спирькино хозяйство!

— Ну, все же! Такъ вотъ онъ намъ жалобу. Ну, что жъ, мы судъ судомъ, дѣло разобрали, да и рѣшили усилить ему, мерзавцу, наказаніе, всыпать двадцать!

Андозерскій сказалъ это очень горячо и съ видимымъ удовольствіемъ.

— Но, однако, зачѣмъ же усиливать?—удивился Логинъ.

— А затѣмъ: не жалуйся!

— Ай-да Соломоны! Ну, еще что натворили?

— А еще, дружище, засудили мальчишку. Пожалѣй, братъ, ты къ мальчишкамъ жалостливъ.

— Это какого же мальчишку?

— А вотъ тотъ, Кувалдинъ, что въ огородѣ Моговилова попался. Его тоже волостной судъ присудилъ къ десяти ударамъ, а онъ тоже жаловаться. Ну, мы ему и накинули еще пяточекъ.

— Да вѣдь вы знаете, что онъ попался случайно въ шалости, которая здѣсь въ обычаѣ.

— А кусаться зачѣмъ? Да и обычай скверный.

— Да вѣдь мальчика вы не могли присудить болѣе, какъ къ половинному наказанію? Выходитъ, вы законъ нарушили.

— Нарушили? Ну, это буква закона, а мы... Мы, братъ, новое наслоеніе магистратуры. Мы безъ сантиментовъ.

— Несимпатичное наслоеніе, что и говорить!

— Несимпатичное! А вамъ бы по головкѣ гладить всякаго шельмеца! Нѣтъ, братъ, на нашихъ плечахъ лежитъ важная задача: подтянуть и упорядочить. Миндальничать нечего: имъ дай палецъ, они и руку отхватятъ. Особенно теперь это необходимо въ нашихъ мѣстахъ: броженіе въ народѣ,—того гляди, холерный бунтъ намъ преподнесутъ. И такъ чортъ знаетъ какіе слухи ходятъ.

— Что жъ, сознаніе законности хотите водворить въ населеніи?

— Конечно! Давно пора. Въ нашихъ селахъ вѣдь просто жить нельзя: потеряно всякое уваженіе къ властямъ, къ дворянству, къ праву собственности, къ закону.

— Постой, братъ, какъ же это вы сумѣете вбить въ народъ сознаніе законности, когда сами законъ нарушаете?

— Мужика надо пріучить къ повиновенію, къ дисциплинѣ. Мы, дворяне,—его естественные опекуны.

— Скажи, а что же, вашъ товарищъ прокурора заявилъ протестъ?

— А съ чего ему заявлять протестъ?

— Да вѣдь незаконно!

— Ну, пусть самъ мальчишка жалобу принесетъ губернскому присутствію. Да не посмѣетъ мальчишка,— побоится, какъ бы еще не прибавили.

Андозерскій захохоталъ.

— И неужели такъ таки никто изъ васъ и не спорилъ? Неужели среди васъ не нашлось ни одного порядочнаго человѣка?

Андозерскій опять захохоталъ, весело и беззаботно.

— Нашелся, братъ, одинъ такой же, какъ ты, идеалистъ, кисельная душа, Уклюжевъ, молоденькій земскій начальникъ,—вздумалъ распинаться за мальчишку. Умора! Такъ разжалобился надъ сорванцомъ, самъ чуть не плачетъ! Ну, мы его пристыдили. Заплачь,—говоримъ. Ну, онъ сконфузился, на попятный дворъ, мямлитъ: да я,—говоритъ,—вообще. Такъ мы его оконфузили, что потомъ ему пришлось оправдываться: это,—говоритъ,—потому, что я до суда клюкнулъ малость. Вретъ, конечно: ни въ одномъ глазу.

— Одинъ только нашелся, да и тотъ—тряпка!— презрительно сказалъ Логинъ.

Андозерскій весело хохоталъ. Продолжалъ разсказывать:

— Умора! Вышли мы изъ совѣщательной комнаты, прочелъ Дубицкій рѣшеніе, мальчишка какъ всплачется,—повалился въ ноги: «отцы родные, благодѣтели!» И вѣдь по рожѣ видно, что мерзавецъ мальчишка: хорошенько его надо выжарить!

— Какъ все это у васъ грубо, дико, по-татарски! Живодеры вы этакіе!—сказалъ Логинъ съ отвращеніемъ.

Противно было смотрѣть на улыбающееся лицо Андозерскаго, и хотѣлось говорить что-нибудь дерзкое,

оскорбить, озлить его. И Андозерскій, въ самомъ дѣлѣ, озлобился, надулся.

— Да ты что такъ заступаешься за мальчишку? Ты его видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Ну то то, вѣдь не красавецъ,—твой Ленька куда смазливѣе. Нечего тебѣ на стѣну лѣзть.

Лицо Логина побагровѣло, и онъ почувствовалъ то особое замираніе въ груди, которое помнятъ люди, грубо и несправедливо оскорбленные.

— Послушай, Анатолій Петровичъ,—сказалъ онъ,— ты уже не первый разъ говоришь мнѣ такое, что я вынужденъ тебя просить; сдѣлай милость, скажи ясно, что хочешь сказать.

Логинъ чувствовалъ, что слишкомъ волнуется, и упрекалъ себя за это, но не могъ сдержать волненія.

— Что хочу сказать?—со злобною усмѣшкою переспросилъ Андозерскій.—Надо полагать, не больше того, что всѣ говорятъ.

— А именно?—сурово, металлическимъ звукомъ спросилъ Логинъ.

— Видишь ли, много глупостей болтаютъ. Общество, молъ, предлогъ для противоправительственной пропаганды. Болтаютъ, что гимназистовъ ты собираешь, чтобъ имъ идеи вредныя внушать. Заговоръ какой-то, говорятъ, ты устраиваешь, воздушные шары какіе-то къ тебѣ полетятъ. Развратничаешь, говорятъ, съ мальчишками.

— Грязно, грязно это!

— А у насъ то и любятъ, дружище. Грязно, вишь, тебѣ! А для насъ пикантно,—у насъ такими штучками барышни захлебываются. Послушалъ бы ты, какъ объ этомъ Клавдія разговариваетъ, — съ упоеніемъ!

— Да, помню я, какъ ты передъ Клавдіею прохаживался на мой счетъ.

— Ну, ужъ это ты... Я за тебя вездѣ распинаюсь.

— Совершенно напрасно.

— Чудакъ, не могу же я слушать клеветы, и не возражать. Но мнѣ не вѣрятъ,—послушаютъ, пожмутъ плечами, да при своемъ и остаются. Самъ долженъ знать, что за остолопы въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ водятся. Ихъ хлѣбомъ не корми, а гадость разскажи. Что имъ и дѣлать? Разговоры о пустякахъ, читаютъ только сальные романы,—праздность, скука, духовныхъ интересовъ никакѣйшихъ. А ты самъ даешь поводъ,—неостороженъ, дразнишь гусей,—и въ усъ себѣ не дуешь.

— Вотъ что!

— Да, братъ: съ волками жить—по волчьи выть. Взять хоть дѣло Молина. Оно, можетъ, и некрасиво,—да только зачѣмъ тебѣ понадобилось такой видъ дѣлать, что это, дескать, за мерзавца мерзавцы заступились. Шестовъ—дуракъ, мальчишка; по глупости разозлилъ, кого не надо, на него и клевещутъ. Ты съ нимъ дружишь,—ну вотъ и на тебя тоже. Ну, пусть мы, и въ самомъ дѣлѣ, всѣ мерзавцы, но не любимъ мы, дружище, ой какъ не любимъ, чтобъ насъ презирали такъ ужъ очень откровенно.

— Клеветой мстить начнете?

— Не начнемъ, а начнутъ!—внушительно поправилъ Андозерскій.—Что дѣлать, всѣ люди—всѣ человѣки, и у всякаго свой собственный взглядъ на вещи. Мы вотъ по совѣсти судимъ, а ты насъ живодерами облаялъ. Этакъ ты насъ, если бы власть у тебя была, и въ каторгу сослалъ бы.

Логинъ тихо и зло засмѣялся. Его лицо поблѣднѣло.

— Да, Анатолій Петровичъ, есть изъ насъ такіе, что и каторги имъ мало! Ядовитыхъ змѣй истреблять надо.

— Ну, ты, однако, нехорошо смѣешься!—хмуро

сказалъ Андозерскій.—Нервы, дружище; лѣчиться надо. Ну, и заболтался же я съ тобою.

Онъ ушелъ, и оставилъ на душѣ Логина злобное, мстительное чувство. И опять, какъ прежде, это темное чувство сосредоточилось на Мотовиловѣ.

„Вотъ человѣкъ, который не имѣетъ права жить!“ — припомнилось ему.

Блѣдный и злой, Логинъ сжалъ руками спинку стула, и нѣсколько разъ ударилъ имъ по стѣнѣ,—нелѣпое движеніе успокоило. Опять вспомнилась Анна,—глаза ея посмотрѣли укоризненно.

Новости въ нашемъ городѣ распространяются съ удивительною быстротою. Не успѣлъ Андозерскій дойти до квартиры Логина, какъ Валѣ уже извѣстенъ былъ произнесенный въ утреннемъ засѣданіи съѣзда приговоръ,—и Валя поспѣшила воспользоваться имъ.

Убѣдилась, что Андозерскій ухаживаетъ за барышнями, выбираетъ невѣсту, а ею только забавляется. Она рѣшилась опять сойтись съ Сеземкинымъ. Бѣдный Яшка почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ отъ восторга. Но Валѣ было досадно за обманутыя надежды. Ждала случая отплатить Андозерскому.

Сегодняшнее судьбище,—Валя хорошо знала это,—могло не понравиться только Аннѣ; Нета искренно вѣровала, что мужики—дикіе люди; для Клавдіи такія низменныя вещи, какъ мужицкія дѣла, вовсе не могли быть интересны. И вотъ Валя побѣжала въ усадьбу Ермолиныхъ, босикомъ, красная отъ радостнаго волненія.

Анна только что вернулась откуда-то, и перемѣняла амазонку на домашнее платье. Валя стояла передъ нею, и разсказывала. Анна строго смотрѣла на Валю и хмурила брови. Сказала:

— Не хорошо, Валя. Вы тамъ тоже были,—и вотъ...

— Анна Максимовна,—оправдывалась Валя,—да ништо ему: чего же онъ зѣвалъ, а потомъ палецъ укусилъ Алексѣю Степанычу.

— Ахъ, Валя, не въ томъ дѣло,—а его на чужомъ огородѣ поймали, вотъ что. Вамъ бы унимать ребятъ, а вы сами съ ними.

— Да вѣдь это же не кража,—а просто шалость.

— Хороша шалость! Это не мальчишка, а вы заслужили то наказаніе.

Валя заплакала. Говорила всхлипывая:

— Я знаю, что я виновата, только зачѣмъ же они такъ жестоко!

— Что другихъ обвинять, Валя! Напрасно вы торопились мнѣ это разсказывать.

Валя пуще расплакалась, стала на колѣни передъ Анною, и ловила ея руки.

— Ей Богу, я больше не буду,—говорила она.— Не отталкивайте меня,—лучше накажите, какъ знаете.

Въ этотъ день Андозерскій рѣшился наконецъ закрѣпить выборъ невѣсты. Не даромъ вчера сидѣлъ запершись, и пилъ: обдумывалъ предстоящій шагъ.

Богаче всѣхъ невѣстъ была Анна. Андозерскій рѣшилъ, что любитъ ее. Пора было сдѣлать предложеніе. Былъ почти увѣренъ, что его ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Благоразумнѣе бы отложить до завтра, чтобъ вести дѣло со свѣжею головою. Но водка и досада на Логина подстрекали.

„Онъ за нею, кажется, приволокнуться вздумалъ,— размышлялъ Андозерскій,—докажу жъ я ему дружбу!"

Выкупался. Показалось, что голова свѣжа, какъ никогда. „Чистъ, какъ стеклышко",—вспомнилъ поговорку Баглаева. Вдругъ стало весело и пріятно. Думалъ, что отъ него, можетъ быть, попахиваетъ виномъ,

но это не бѣда: облилъ духами одежду, и былъ увѣренъ, что благоуханіе заглушитъ винный букетъ.

Быстро доѣхалъ Андозерскій до усадьбы Ермолина. Судьба благопріятствовала: Анна была дома, одна, сидѣла на террасѣ, читала. Черныя косы сложены низкимъ узломъ. Золотисто-желтое, узкое платье, высоко опоясанное, шло къ милому загару босыхъ ногъ.

— Можно полюбопытствовать?—спросилъ Андозерскій.

Анна дала ему книгу. Андозерскій прочелъ заглавіе, сдѣлалъ удивленные глаза, и сказалъ:

— Охота вамъ читать такія книги!

Анна сдержанно улыбнулась. Спросила:

— Отчего же не читать такихъ книгъ?

— Эти книги годятся только для того, кто богатъ жизненнымъ опытомъ. Сердца неопытныя, незакаленныя, только напрасно ожесточаются при чтеніи такихъ книгъ, пропитываются ложными взглядами, а противовѣса въ пережитомъ и испытанномъ нѣтъ.

Анна внимательно смотрѣла на Андозерскаго. Легонько усмѣхнулась. Сказала:

— Что жъ дѣлать! эту начала, такъ ужъ надо кончить.

—Охъ, не совѣтовалъ бы! Но, впрочемъ, не будемъ терять дорогого времени. Я хотѣлъ сообщить вамъ кое-что, вы позволите?

— Пожалуйста.

Андозерскій замолчалъ, словно отыскивалъ слова. Анна выждала немного, и сказала:

— Я слушаю васъ, Анатолій Петровичъ.

— Видите ли, этого въ короткихъ словахъ не скажешь. Да и нѣтъ, пожалуй, словъ подходящихъ: все старо, избито. Вотъ видите, весна, цвѣты цвѣтутъ,— все это настраиваетъ такъ мечтательно, молодѣешь весной.

— Ваша весна уже прошла, —лукаво сказала Анна.

— Да, прошла, украдкой, незамѣтно, а теперь возвращается, да какая прекрасная! Душа радуется, становиться добрѣе и чище.

— Чѣмъ же вы отмѣтили этотъ возвратъ вашей весны?—тихо спросила Анна.

Смотрѣла вдаль мимо Андозерскаго. Глаза ея сдѣлались грустными.

— Пока еще не знаю,—сказалъ Андозерскій, но думаю, что отмѣтилъ чувствомъ.

— Вы говорите, что стали добрѣе, лучше,—конечно, это не фраза?

— Да, да, это вѣрно!—воскликнулъ Андозерскій.

Онъ видѣлъ лицо Анны только сбоку: она повернулась на стулѣ, и, казалось, внимательно разсматривала что-то вдали, тамъ, гдѣ сквозь ярко-зеленую листву сада виднѣлись золоченые кресты городскихъ церквей. Сказала медленно, раздумчиво:

— Это бываетъ рѣдко, такъ рѣдко, что въ такіе праздники души какъ-то даже и не вѣришь. Добрѣе, лучше,—какъ это хорошо, какое просвѣтлѣніе! Послѣ причастія такъ чувствуютъ себя вѣрующіе. Но вотъ, скажите, какъ же это отражается въ вашей дѣятельности? въ службѣ?

Анна быстро повернулась къ Андозерскому, и внимательно всматривалась въ него. Ея лицо вдругъ вспыхнуло, и отражало быструю смѣну чувствъ и мыслей.

— Это, Анна Максимовна, сухая и грубая матерія, моя служба,—для васъ это вовсе не интересно.

Аннино лицо внезапно стало равнодушнымъ. Она сказала холодно:

— Извините. Я приняла это за чистую монету: думала, вы, въ самомъ дѣлѣ, хотите разсказать о вашемъ ренессансѣ.

— Анна Максимовна, могу ли я говорить о дѣлахъ, когда у меня на сердцѣ совсѣмъ другое! Но

скажите, ради Бога, вѣдь вы не могли не замѣтить того нѣжнаго чувства, которое я къ вамъ питаю?

Анна встала порывисто. Краснѣя багряно, отвернулась отъ него.

— Скажите,—говорилъ Андозерскій, подходя къ ней,—вѣдь вы...

Анна перебила его:

— Вотъ, вы говорите о вашемъ возрожденіи, а не хотите сказать, что дѣлаете на службѣ. Я знаю, сегодня было назначено засѣданіе уѣзднаго съѣзда, и вы тамъ должны были быть. Скажите, измѣнилъ съѣздъ приговоръ объ этомъ мальчикѣ? Кувалдинъ, такъ, кажется, его фамилія?

— Да, измѣнилъ.

— Оправдали мальчика?

— Какъ же можно было его оправдать!

— Смягчили приговоръ? Нѣтъ? Усилили, значитъ? Да? Неужели, неужели?

— Ахъ, Анна Максимовна!

— Но вы-то, вѣдь вы были несогласны съ другими? Нѣтъ? И вы такъ же думали? Съ весною въ сердцѣ вы подписывали такой приговоръ, грубый, глупый, безжалостный? И для этого стоило возрождаться? Вы любите шутить, Анатолій Петровичъ!

— Къ чему вамъ это, Анна Максимовна? Вѣдь это—служба, дѣло совѣсти.

— Вся жизнь—дѣло одной совѣсти, а не двухъ... Впрочемъ, этотъ разговоръ, конечно, ни къ чему. А только вы сами заговорили о вашемъ возрожденіи. Не терплю я пустыхъ фразъ.

— Любовь моя къ вамъ—не фраза. Анна Максимовна, скажите же мнѣ...

— Если бы даже я имѣла несчастіе полюбить человѣка, который любитъ то, что я ненавижу, ненавидитъ то, что я люблю, то и тогда я отказалась бы

отъ глупости разбить свою жизнь. И у меня къ вамъ нѣтъ никакихъ чувствъ.

— Но я питалъ надежды, и мнѣ казалось, что я имѣлъ основаніе...

— Довольно объ этомъ, Анатолій Петровичъ, прошу васъ. Вы ошибались.

Анна тихо сошла по ступенямъ террасы въ садъ, зелено смѣющійся передъ нею. Веселые красные цвѣтки на куртинѣ закружились хороводомъ, радостно-легкимъ.

Андозерскій съ яростью смотрѣлъ на Анну. И уже все въ ней стало для него вдругъ ненавистнымъ,— и красивость ея простой одежды, и ея прическа, и ея увѣренная и легкая походка, и нестыдливая загорѣлость ея босыхъ ногъ.

„Хоть бы для гостя башмаки надѣла!"—съ яростною досадою думалъ онъ.

Глава двадцать девятая.

Логинъ шелъ по улицамъ. Томило ощущеніе сна и бездѣятельности. Не то, чтобъ всѣ спали; солнце было еще высоко, люди шевелились, тявкали собаченки, смѣялись дѣти,—но все было мертво и тускло. У заборовъ кое-гдѣ таила злые ожоги высокая крапива; пыль сѣрѣла на немощеной землѣ.

Логинъ остановился на мостикѣ черезъ ручей; облокотился о перила. Мутная вода лѣниво переливалась въ узкомъ руслѣ; упругія дымно-синеватыя струйки змѣились около устоевъ мостика; тамъ колыхались щепки и соръ. Мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ по восьми, блуждали у берега, и брызгали вскипавшую бѣлою пѣною подъ ихъ бурыми отъ загара босыми ногами воду. Ихъ шалости были флегматичны.

Логинъ шелъ дальше. Пятилѣтній мальчишка, сынъ акцизнаго чиновника, катился на самокатѣ. Не улы-

бался, и не кричалъ. Лицо его было блѣдно, мускулы вялы.

Попадались бабы: тупыя лица, дѣвчонки: пустые глаза, въ цѣпкихъ рукахъ что-то изъ лавки,—рыжій мѣщанинъ: книжка подъ мышкою,—босой и грязный юродивый, у всѣхъ просилъ копеечку и, не получивъ ея, ругался. Встрѣчались пьяные мужики, растерзанные, безобразные. Шатались, горланили. Изрѣдка проплывала барыня кутафья, утиная походка, лимонное лицо, глаза сусальнаго золота.

Логинъ проходилъ мимо холернаго барака. На крылечкѣ стоялъ фельдшеръ, толстенькій карапузъ, бѣлый пиджачекъ. Логинъ спросилъ:

— Какъ дѣла, Степанъ Матвѣичъ?

— Да что, табакъ дѣло!—отвѣчалъ сокрушенно фельдшеръ.

— Что жъ такъ?

— Повѣрите ли, весь истрепался, такъ истрепался... Да вотъ вы посмотрите, вотъ пиджакъ...

Фельдшеръ запахнулъ на груди пиджакъ.

— Видите, какъ сходится?

— Похудѣли,—съ улыбкою сказалъ Логинъ.

— И сколько тутъ всякой рвани шляется, просто уму непостижимо! Такихъ словъ каждый день наслушаешься,—душа въ пяткахъ безвыходно пребываетъ. Хоть бы ужъ одинъ конецъ!

— Ничего, обойдется.

— Ужъ не знаю, какъ Богъ пронесетъ.

Вдругъ фельдшеръ какъ-то весь осунулся, поблѣднѣлъ, наскоро поклонился Логину, и юркнулъ внутрь барака. Логинъ оглянуся. На другой сторонѣ улицы, противъ барака, стоялъ буянъ оловянные глаза. Онъ презрительно скосилъ губы, сплюнулъ и заговорилъ:

— Удивительно! Такъ-таки среди бѣла дня! Тьфу! Ни стыда, ни совѣсти, ни страха! Ну, народецъ! Ужъ, значитъ, на отчаянность пошли.

Логинъ постоялъ, поглядѣлъ, и пошелъ на валъ. Эта встрѣча тяжко подѣйствовала на его настроеніе, но въ сознаніи только поверхностно скользнула: думалъ о другомъ.

Любилъ бывать на валу. Вокругъ было открыто и свѣтло, вѣтеръ налеталъ и проносился смѣло и свободно,—и думы становились чище и свободнѣе. Послѣ подъема на высокую лѣстницу и грудь расширялась радостно и вольно.

Но сегодня и наверху было плохо: вѣтеръ молчалъ, солнце свѣтило мертво, неподвижно, воздухъ былъ зноенъ, тяжелъ. Порою пыльная морока плясала, мальчишка съ хохочущими глазами. Порою Логинъ слышалъ рядомъ шорохъ босыхъ ногъ по травѣ,—что это? поступь Анны? или сѣрая морока? Обернется,—никого.

И объ Аннѣ думалъ сегодня горько:

„Я погублю ее, или она меня спасетъ? Я недостоинъ ея, и не долженъ къ ней приближаться. Да и можетъ ли она полюбить меня? Меня самого, а не созданный, быть можетъ, ею лживый образъ, разукрашенный несуществующими достоинствами?“

Андозерскій проѣзжалъ на извозчичьей пролеткѣ мимо вала. Увидѣлъ Логина, вышелъ изъ пролетки, и быстро поднялся наверхъ. Капли пота струились по румяному лицу. Сердито заговорилъ:

— Скажи ты мнѣ, Христа ради, чѣмъ вы живете, идеалисты безпочвенные?

— Въ чемъ дѣло?

— Что за принципы у васъ такіе, чтобы разбивать свое-же благополучіе? Влюбится, какъ кошка, завлекаетъ нѣжными взглядами,—и вдругъ преподнесетъ кукишъ: я, молъ, за васъ не пойду,—вы мерзавцевъ не оправдываете!

— Да что съ тобой случилось? Предложеніе сдѣлалъ, что ли? . .

— Сваляль дурака, предложилъ руку и сердце этой дурѣ самородковой, и что же? Въ отвѣтъ цѣлую рацею прочла, въ которой капли здраваго смысла нѣтъ! Чортъ знаетъ что! А вѣдь навѣрное знаю, что влюблена, какъ кошка.

— Вы съ ней не пара: женись на Неточкѣ.

— Не пара! Смотри, не твои ли это штучки? Самъ втюрился, да ужъ и ее въ себя не втюрилъ ли? Чортъ возьми, добро бы красавица! Ласточкинъ ротокъ!

Все это Андозерскій выкрикивалъ, почти задыхаясь отъ злобы. Логинъ спокойно возразилъ:

— Напрасно ты такъ волнуешься. Любви къ ней ты, какъ видно, не чувствуешь особенной.

— Да ужъ стрѣляться не буду, пусть будетъ спокойна. Можешь даже передать ей.

— Могу и передать, если тебѣ угодно. Что жъ, вѣдь у тебя еще двѣ невѣсты есть, если не больше.

— Да ужъ не безпокойся, не заплачу,—ну ее къ ляду!

Андозерскій плюнулъ и побѣжалъ внизъ. Логинъ съ улыбкою смотрѣлъ за нимъ.

Дома ждало приглашеніе директора гимназіи пожаловать для объясненій по дѣламъ службы.

Павликовскій имѣлъ озабоченный и даже смущенный видъ. Съ любезною улыбкою придвинулъ для Логина кресло къ письменному столу, на которомъ въ разныхъ направленіяхъ красовались фотографическія группы въ рѣзныхъ стоячихъ рамочкахъ изъ орѣха и бронзы,—подношенія сослуживцевъ и гимназистовъ. Самъ помѣстился въ другомъ креслѣ, и предложилъ Логину курить. Логинъ не курилъ, но Павликовскій до сихъ поръ не могъ этого запомнить. Онъ былъ человѣкъ разсѣянный. Разсказывали, что однажды въ коридорѣ онъ остановилъ расшалившагося гимна-

виста, который разбѣжавшись стукнулся головою въ его животъ.

— Что вы такъ расшалились! Какъ ваша фамилія?—вяло спросилъ директоръ.

Его глаза были устремлены вдаль, а правую руку онъ положилъ на плечо гимназиста. Мальчикъ, его сынъ, смотрѣлъ съ удивленіемъ, и улыбался.

— Что жъ вы молчите? Я васъ спрашиваю: какъ ваша фамилія?

— Павликовскій,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Какъ? Ахъ, это вотъ кто!—разглядѣлъ наконецъ директоръ.

— Ахъ, да, да,—говорилъ теперь Павликовскій,—я все забываю, что вы не курите. Такъ вотъ, я васъ просилъ пожаловать. Извините, что обезпокоилъ. Но мнѣ необходимо было съ вами поговорить.

— Къ вашимъ услугамъ,- отвѣтилъ Логинъ.

— Вотъ видите, есть нѣкоторые... Извините, что я этого касаюсь, но это, къ сожалѣнію, необходимо... Вы вступили, такъ сказать, на поприще общественной дѣятельности. А какъ взглянетъ начальство?

— Что жъ, окажется неудобнымъ, не разрѣшатъ, и все тутъ.

— Такъ, но... Вотъ къ вамъ гимназисты ходятъ... И у васъ живетъ этотъ бѣглый... Я, конечно, понимаю ваше великодушное побужденіе, но все это неудобно.

— Все это, извините меня, Сергѣй Михайловичъ, больше мои личныя дѣла.

— Ну, знаете ли, это не совсѣмъ такъ. И во всякомъ случаѣ, я васъ прошу гимназистовъ у себя не собирать.

— Да я ихъ и не собираю,—они сами приходятъ, кому нужно, или кому хочется.

— Во всякомъ случаѣ, я васъ прошу, чтобъ они впередъ не ходили.

— Это все?

— Затѣмъ я просилъ бы васъ не водить знакомства съ подозрительными личностями, въ родѣ, напримѣръ, Сериенщына.

— Извините, я долженъ отклонить это ваше предложеніе.

— Ужъ это какъ вамъ угодно. Я сказалъ вамъ, что считалъ своею обязанностью, а затѣмъ — ваше дѣло. Впрочемъ, я надѣюсь, что вы обдумаете это внимательно.

Павликовскій хитро и лѣниво усмѣхнулся.

— Вопросъ для меня и теперь ясенъ,—рѣшительно сказалъ Логинъ.

— Тѣмъ лучше. Затѣмъ... Видите ли, въ городѣ много толковъ. И ваше имя приплетаютъ. Вамъ приписываютъ такія рѣчи,—ужъ я не знаю, что-то о воздушныхъ шарахъ, и вдругъ какая-то конституція. А потому убѣдительно прошу васъ воздерживаться на будущее время отъ всякихъ разговоровъ на такія темы. Заниматься политикой намъ, видите ли... Наконецъ, вѣдь васъ не насильно заставили служить,— стало быть...

— Это я очень хорошо понимаю, Сергѣй Михайловичъ, и о политикѣ вовсе не думаю и не говорю...

— Однако...

— Какая-нибудь глупая сплетня, рѣшительно ничего основательнаго.

— Да, тѣмъ не менѣе... Затѣмъ, я просилъ бы васъ чаще посѣщать церковь. Ну и наконецъ, я просилъ бы... Вотъ, я помню, у Мотовилова вы съ такимъ раздраженіемъ изволили отзываться о дворянствѣ, ну и тамъ... о другихъ предметахъ... и вообще, такой тонъ... это, видите ли, неумѣстно.

— Иначе говоря, требуется, когда говорить съ Мотовиловымъ, поддакивать ему?

— Нѣтъ, зачѣмъ же—у всякаго свое мнѣніе, но... Видите ли, надо уважать чужое мнѣніе. Вотъ напримѣръ, вы такъ демонстративно отклонили приглашеніе Алексѣя Степаныча, когда мы всѣ сопровождали

этого несчастнаго Молина. Вѣдь это, въ сущности, ни къ чему не обязываетъ, а просто актъ христіанскаго милосердія,—и обособляться тутъ неудобно.

— Позвольте сказать вамъ, Сергѣй Михайловичъ, что и это ваше требованіе я вполнѣ понимаю, но подчиниться и ему не могу.

— Напрасно.

Усталый и грустный вернулся Логинъ домой.

„Начнется борьба,—думалъ онъ,—но съ кѣмъ, и чѣмъ? Борьба съ чѣмъ-то безымяннымъ, борьба, для которой нѣтъ оружія! Но все это пустяки, и вопросъ о Ленькѣ, и почтительность къ Мотовилову, и болтовня о неблагонадежности: въ этихъ вопросахъ не трудно даже побѣды одерживать. Но вотъ что уже не пустяки, - крушеніе задуманнаго дѣла, потому только, что оно Мотовилову не нравится, что Дубицкій находитъ его не нужнымъ, что Коноплевъ ищетъ въ немъ только личныхъ выгодъ, а остальные ждутъ, что выйдетъ. Крушеніе замысловъ, а за нимъ пустота жизни!“

Въ эту ночь Логину не спалось. Часовъ около двѣнадцати вышелъ изъ дому. Влекло въ ту сторону, гдѣ Анна. Зналъ, что она спитъ, что не время для посѣщеній. И не думалъ увидѣть ее, не думалъ даже о томъ куда идетъ,—мечта рисовала знакомыя тропинки, и калитку, и домъ, погруженный въ полуночную дремоту, среди дремлющаго сада, въ прозрачной и прохладной тишинѣ, въ свѣжихъ и влажныхъ благоуханіяхъ.

Вотъ и послѣдняя сумрачная лачуга, послѣдній низенькій плетень. Логинъ вышелъ изъ города.

Широкая дорога блестѣла при лунѣ мелкими вершинками избитаго и заколенѣвшагося щебня,—тихая, ночная дорога, зачарованная невидимымъ прохожденіемъ блуждающей о полночь у распутій. Впереди таинственно молчалъ невысокій лѣсъ. Подымалась

легкая серебристая мгла. Подъ расплывающеюся дымкою туманились очертанія одинокихъ деревьевъ и кустовъ, которые неподвижно стояли кой-гдѣ по сторонамъ дороги. Легкія тучки наплывали на мѣсяцъ, и играли около него радужными красками. Казалось, что мѣсяцъ бѣжалъ по небу, а все остальное, и дорога, и лѣсъ, и луга, и самыя тучки остановились, очарованные зеленымъ таинственнымъ свѣтомъ, засмотрѣлись на волшебный бѣгъ.

Мечты и мысли, неопредѣленныя, смутныя, толпились. Томительная, сладкая тоска, безпокойная, узкокрылая ласточка, рѣяла надъ сердцемъ. И сердце такъ билось, и глаза такъ блестѣли, и грудь такъ вздымалась, и томилась весеннею жаждою, обольстительною жаждою, которую утолитъ только любовь, а можетъ быть, только могила!

Логинъ прошелъ немного дальше проѣзда въ усадьбу Ермолина. Съ широкаго простора дороги свернулъ въ лѣсъ узкою, знакомою тропинкою. Что-то треснуло подъ ногою. Сырыя вѣтви орѣшника задѣли мягко и нѣжно, и съ тихимъ лепетомъ опустились за нимъ.

Дорожка извивалась прихотливою змѣйкою. Здѣсь было свѣжѣе, прохладнѣе. Тишина оживилась, лѣсныя тѣни развороживали лунныя чары; кусты чуть слышно переговаривались еле вздрагивающими листьями. Раздался легкій шорохъ и ропотъ лѣсного ручья. Бревна узкаго мостика заскрипѣли, зашатались подъ ногами.

Что-то тихое, робкое прошумѣло въ воздухѣ. Вдругъ ярко и весело посыпалась гдѣ-то въ сторонѣ соловьиная бить: нѣжный, звонкій рокотъ полился чарующими, опьяняюще-сладкими звуками. Волна за волною, истомные перекаты проносились подъ низкими сводами вѣтвей. Лѣсъ весь замолкъ, и слушалъ, жадно и робко. Только вздрогнутъ порою молодые листочки, когда звенящій трепетъ томной пѣсни вдругъ загре-

мить, и вдругъ затихнетъ, какъ сильно натянутая и внезапно лопнувшая струна. Казалось, съ этими пѣснями непонятныя чары нахлынули, и подняли, и понесли въ невѣдомую даль.

А вотъ и знакомый заборъ, вотъ калитка, и она теперь открыта: въ ней что-то бѣлѣетъ при лунномъ невѣрномъ свѣтѣ. И вдругъ все внѣшнее и чуждое погасло, и замерло вокругъ: и звуки, и свѣтъ, и чары,—все понеслось оттуда, гдѣ стояла у калитки Анна. Кутала плечи въ бѣлый платокъ, и улыбалась, и въ улыбкѣ ея слились и звуки, и свѣтъ, и чары, весь внѣшній міръ и міръ души.

Соловьиная ли пѣсня вызвала ее въ садъ, или влажное очарованіе весны,—не могла ли она заснуть, и безпокойно металась на дѣвственномъ ложѣ, смѣялась, и плакала, и сбрасывала душное, хоть и легкое одѣяло, закидывала подъ горячую голову стройныя руки, и смотрѣла въ ночную тьму горящими глазами,—или сидѣла долго у окна, очарованная серебристою ночью, и уже собралась спать, и уже всѣ сбросила одежды, и уже тихо подошла къ постели, и вдругъ, неожиданно для себя, захваченная внезапнымъ порывомъ, накинула наскоро какое-то платье, какой-то платокъ, и вышла въ садъ къ этой калиткѣ; но вотъ стояла теперь у калитки, и придерживала ее нагими руками. Густыя косы вольными прядями разсыпались по бѣлой одеждѣ. Ноги бѣлѣли на темномъ пескѣ дорожки.

Логинъ быстро подошелъ къ рѣшеткѣ. Сказалъ что-то.

Что-то сказала Анна.

Стояли, и улыбались, и довѣрчиво глядѣли другъ на друга. На ея лицо падали лунные лучи, и подъ ними оно казалось блѣдно. Довѣрчивы были ея глаза, но сквозило въ нихъ тревожное, робкое выраженіе. Ея пальцы слегка вздрагивали. Потянула къ себѣ

рѣшетку. Калитка слабо скрипнула, и затворилась. Анна сказала:

— Поетъ соловей.

Тихій слегка звенѣлъ голосъ.

— Вамъ холодно,—сказалъ Логинъ.

Взялъ ея тонкіе пальцы. Нѣжно и кротко улыбалась, и не отнимала ихъ. Шепнула:

— Тепло.

Мялъ и жалъ ея длинные пальцы. Что-то говорилъ простое и радостное, о соловьѣ, о лунѣ, о воздухѣ, еще о чемъ-то, столь же наивномъ и близкомъ. Отвѣчала ему такъ же. Чувствовалъ, что его голосъ замираетъ и дрожитъ, что грудь захватываетъ новое, неодолимое. Руки ихъ скользили, сближались. Вотъ бѣлое плечо мелькнуло передъ горячимъ взоромъ, вздрогнуло подъ холодною, замиравшею рукою. Вотъ ея лицо внезапно поблѣднѣло, и стало такъ близко,—такъ близки стали широкіе глаза. Вотъ глянули тревожно, испуганно,—и вдругъ опустились, закрылись рѣсницами. Поцѣлуй, тихій, нѣжный, долгій...

Анна откинулась назадъ. Отъ сладкаго забвенія разбуженный, стоялъ Логинъ. У его груди—жесткая рѣшетка съ плоскимъ верхомъ, а за нею Анна. Ея опущенные глаза словно чего-то искали на травѣ, или словно къ чему-то она прислушивалась: такъ тихо стояла. Тихо позвалъ ее:

— Анна!

Она встрепенулась, порывисто прильнула къ рѣшеткѣ. Цѣловалъ ея руки, повторялъ:

— Анна! Любушка моя!

— Родной, милый!

Обхватила руками его наклоненную голову, и поцѣловала высокій лобъ. Мгновенно было ощущеніе милой близости. Вдругъ ея станъ съ легкимъ шорохомъ отпрянулъ отъ нетерпѣливыхъ рукъ. Логинъ

поднялъ голову. Уже Анна бѣжала по дорожкѣ къ дому, и бѣлая одежда колыхалась на бѣгу.

— Я люблю тебя, Анна!—сказалъ онъ тихо.

Пріостановилась у ступенекъ террасы. Услышала. Въ туманномъ сумракѣ сада еще разъ милое лицо, со счастливою, нѣжною улыбкою... И вотъ уже только ея ноги видитъ на пологихъ ступеняхъ, и вотъ исчезла,—ночная греза...

Не замѣчалъ и не помнилъ дороги домой. Время застыло,—вся душа остановилась на одномъ мгновеніи.

„Не сонъ ли это,—думалъ,—дивная ночь, и она, несравненная? Но если сонъ, пусть бы я никогда не просыпался. Докучны и холодны видѣнія жизни. И умереть бы мнѣ въ обаятельномъ снѣ, на зачарованныхъ луною каменьяхъ!“

Шаткія ступени крыльца разбудили докучнымъ скрипомъ. Въ своей комнатѣ Логинъ опять нашелъ темное, неизбѣжное. Злыя сомнѣнія вновь зашевелились, еще неясно сознаваемыя,—смутныя, тягостныя предчувствія. Странный холодъ обнялъ душу, но голова пылала. Вдругъ язвительная мысль:

„Теперь не опасны столкновенія: могу выйти въ отставку,—у меня будетъ богатая жена“.

Поблѣднѣлъ отъ злобы и отчаянія; долго ходилъ по комнатѣ; сумрачно было лицо. Образъ Анны поблѣднѣлъ, затуманился.

Но вотъ, солнце сквозь тучи, сквозь рой мрачныхъ и злобныхъ мыслей снова засіяли лучистые, довѣрчивые глаза. Анна глядѣла на него, и говорила:

„Любовь сильнѣе всего, что люди создали, чтобы нагромоздить между собою преграды,—будемъ любить другъ друга, и станемъ, какъ боги, творить, и создадимъ новыя небеса, новую землю“.

Такъ колебался Логинъ и переходилъ отъ злобы и отчаянія къ радостнымъ, свѣтлымъ надеждамъ. Всю

ночь не могъ заснуть. Сладкія муки и горькія муки одинаково гнали ночное забвеніе. Уединеніе и тьма были живы и лживы. Часы летѣли.

Лучи ранняго солнца упали въ окна. Логинъ подошелъ къ окну, открылъ его. Доносились звуки утра, голоса, шумъ. Хлопнули ворота,—звонкій бабій голосъ,—пробѣжала звучно по шаткимъ789 мосткамъ подъ окнами босая дѣвчонка съ лохматою головою. Холодокъ передернулъ плечи Логина. Начиналась обычная жизнь, пустая, скучная, ненужная.

Глава тридцатая.

Андозерскому казалось необходимымъ отомстить Аннѣ, доказать, что отказъ нисколько не огорчилъ его. На другой же день Андозерскій отправился овладѣть рукою Клавдіи.

Клавдія была блѣдна, смущена. Открытая бесѣдка въ саду, гдѣ она сидѣла съ Андозерскимъ, вѣяла знойными воспоминаніями. И солнце было знойно, и воздухъ горячъ, и первые піоны слишкомъ ярки, и позднія сирени раздражали приторнымъ запахомъ. Песокъ дорожекъ досадно сверкалъ на солнцѣ. Зелень деревьевъ казалась некрасиво глянцевитою. Сквозь запахи зелени и цвѣтовъ пробивался далекій запахъ городской пыли.

Клавдія сложила руки на колѣняхъ, смотрѣла въ садъ, разсѣянно слушала краснорѣчивыя объясненія Андозерскаго. Наконецъ онъ сказалъ:

— Теперь я жду вашего рѣшенія.

Клавдія повернула къ нему разстроенное лицо, и блѣдно улыбнулась. Сказала:

— Вы ошиблись во мнѣ. Что я вамъ? Я не могу составить счастія.

— Одно ваше согласіе будетъ для меня величайшимъ счастіемъ.

— Немногимъ же вы довольны. Я иначе понимаю счастіе.

— Какъ же?—спросилъ Андозерскій.

— Чтобъ жизнь была полная, хоть на одинъ часъ, а тамъ, пожалуй, и не надо ея.

— Повѣрьте, Клавдія Александровна, я сумѣю сдѣлать васъ счастливою!

Клавдія улыбнулась.

— Если бы это... Сомнѣваюсь. Да и не надо, повѣрьте, не надо. Я не могу дать вамъ счастія. Правда!

Клавдія встала. Всталъ и Андозерскій. Его голова закружилась. Испытывалъ такое ощущеніе, какъ если бы передъ нимъ внезапно открылась зіяющая бездна. Воскликнулъ:

— О моемъ счастіи что думать! Одно мое счастіе,—чтобъ вы были счастливы, и для этого я готовъ на всякія жертвы. Безъ васъ я—полчеловѣка.

Клавдія посмотрѣла на него съ улыбкою, ему непонятною, но опьянившею его. Въ эту минуту былъ увѣренъ, что искренно любитъ Клавдію. Жажда обладанія зажигалась.

— Да?—спросила Клавдія холоднымъ голосомъ.

Холодъ ея голоса еще болѣе разжигалъ его страсть. Онъ повторялъ растерянно:

— Всякія жертвы, всякія!

И не находилъ другихъ словъ. Клавдія говорила такъ же холодно:

— Если это такъ, то я, право, и не стою такой любви. Для моего счастія вы могли бы принести только одну жертву, которую я приняла бы съ благодарностью.

Совсѣмъ насмѣшливо.

— О, вамъ стоитъ только сказать слово!—въ радостномъ возбужденіи воскликнулъ Андозерскій.

Клавдія отвернулась, устремила въ садъ блуждающіе взоры, и тихо говорила:

— Да, очень благодарна. Если бъ вы могли, если бъ вы могли принести эту жертву!

— Скажите, скажите, я все сдѣлаю,—говорилъ Андозерскій.

Осыпалъ поцѣлуями ея руку, и ея рука трепетала въ его рукѣ, и была блѣдна, какъ у мраморной статуи.

Клавдія колебалась. Жестокая улыбка блуждала на ея губахъ. Глаза ея мрачно всматривались во что-то далекое. Заговорила,—и голосъ ея звучалъ то жестокими, то робкими интонаціями:

— Вотъ,—вы возьмите меня только для того, чтобы отдать другому. Вотъ жертва! Вѣдь вы говорили про всякую жертву. Вотъ это—тоже жертва! Что жъ, если можете... а нѣтъ, какъ хотите. Что жъ вы молчите?

— Но это такъ странно!—смущенно сказалъ Андозерскій:—я, право, не понимаю.

— Это просто. Мы повѣнчаемся. Потомъ я уѣду. Мнѣ это нужно: я буду самостоятельна, и буду жить съ тѣмъ, кого я... да, за него я не могу выйти замужъ. Однимъ словомъ, мнѣ это нужно. А вамъ, вы говорите, это доставитъ величайшее счастіе.

Лицо Клавдіи совсѣмъ побдѣднѣло. Голосъ сдѣлался сухимъ, злымъ. Смотрѣла на Андозерскаго жестокими глазами, и улыбалась недоброю улыбкою, и отъ этой улыбки Андозерскій горѣлъ и трепеталъ.

„Это—чортъ знаетъ что такое!"—думалъ онъ.

Провелъ по влажному лбу рукою. Его пухлыя руки дрожали.

— Что жъ, согласны? За такую любезность съ вашей стороны и я подѣлюсь съ вами маленькой долей счастія и большой долей богатства.

Глаза Клавдіи широко раскрылись, засвѣтились дикимъ торжествомъ. Засмѣялась, откинулась назадъ гибкимъ и стройнымъ станомъ, поламывала надъ го-

ловою вздрагивающія руки. Широкіе рукава платья сползли, и обнажили руки. Блѣдное, злобно-ликующее лицо смотрѣло изъ живой рамки, изъ-за тонкихъ, вдругъ порозовѣвшихъ рукъ,—двѣ трепетныя, розовыя, гибкія змѣи сплелись, и смѣялись зыбко надъ зелеными зарницами озорныхъ глазъ.

— Ахъ, что вы говорите!—воскликнулъ Андозерскій.—Вы обольстительны! И уступить васъ другому,—какая нелѣпость! Зачѣмъ? О, какъ я васъ люблю! Но я для себя васъ люблю, для себя.

Клавдія повернулась къ дверямъ бесѣдки. Андозерскій бросился къ ней, и умоляющимъ движеніемъ протянулъ руки. Ея лицо приняло неподвижно-холодное выраженіе. Сухо сказала:

— Не къ чему было и говорить о жертвахъ.

И пошла мимо Андозерскаго къ выходу. Остановилась у двери, повернулась къ Андозерскому, сказала:

— Вы меня извините, пожалуйста, но вы сами видите,—это между нами невозможно, и никогда не будетъ возможно.

Вышла изъ бесѣдки. Андозерскій остался одинъ.

Клавдія остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ, разсѣянно срывала и мяла въ блѣдныхъ пальцахъ листки сирени.

„Проклятая дѣвчонка! — думалъ Андозерскій.—Обольстительная, дикая,— не къ лучшему ли? Однако, чертъ возьми, положеніе! Надо убираться по-добру, по-здорову!“

Вышелъ изъ бесѣдки, подошелъ къ Клавдіи.

— Какой непріятный запахъ!—сказала она:—мнѣ кажется душнымъ этотъ запахъ, когда сирени отцвѣтаютъ.

— Въ вашемъ саду много сирени,—сказалъ онъ.—У нихъ такой роскошный запахъ.

— Я больше люблю ландыши.

— Ландыши пахнутъ наивно. Сирень обаятельна, какъ вы.

— Съ кѣмъ же вы сравните ландышъ?

— Я бы взялъ для примѣра Анну Алексѣевну.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не согласна. Какой же тогда ароматъ вы припишете Анютѣ Ермолиной?

— Это .. это... я затрудняюсь даже. Да, впрочемъ, что жъ я! Конечно, фіалка, Анютины глазки!

Клавдія засмѣялась.

Когда Андозерскій прощался, Клавдія тихо сказала ему, холодно улыбаясь:

— Простите.

— О, Клавдія Александровна!

— Сирень отцвѣтаетъ, и пусть ее, бросьте. Ищите ландышей!

Палтусовъ,—онъ теперь былъ тутъ же, въ залѣ,— съ удивленіемъ смотрѣлъ на нихъ.

Клавдія вернулась въ садъ, сорвала вѣтку сирени, опустила въ нее блѣдное лицо. Тихо проходила по аллеямъ. Одна,—никого въ саду. Зинаида Романовна, по обыкновенію, лежала у себя неодѣтая на кушеткѣ, лѣниво потягивалась, лѣниво пробѣгала глазами пряныя, томныя страницы новой книжки въ желтой обложкѣ. Палтусовъ, – а онъ что дѣлалъ?

Клавдія прошла мимо его кабинета (угловая въ садъ комната нижняго этажа), взглянула въ сторону открытыхъ оконъ, и порывистымъ движеніемъ бросила въ окно вѣтку сирени. Потомъ круто повернулась, и быстро пошла къ бесѣдкѣ посреди сада, гдѣ сейчасъ говорила съ Андозерскимъ.

Палтусовъ мрачно шагалъ по кабинету. Вспоминалъ смущенное лицо Андозерскаго и блѣдное лицо Клавдіи, догадывался, что между ними произошло что-то, и мучился ревностью. Вѣтка сирени съ легкимъ шорохомъ упала изъ окна на полъ сзади него. Палтусовъ обернулся, поискалъ глазами, увидѣлъ сирень

и быстро подошелъ къ окну. Клавдія уходила отъ дома, и не оборачивалась.

Быстро вышелъ Палтусовъ изъ дому, и торопливо догонялъ Клавдію. Она ускоряла шаги, и наконецъ вбѣжала въ бесѣдку. Онъ вошелъ за нею. Она опустилась на скамейку, подняла руки къ груди. Задыхалась, зеленоглазая, испуганно смотрѣла. Онъ бросился къ ней, опустился у ея ногъ. Восклицалъ:

— Клавдія, Клавдія!

И обнималъ ея колѣни, и цѣловалъ на ея колѣняхъ платье.

Она опустила руки на его плечи, и нѣжно и горько улыбнулась. Сказала:

— Будемъ жить жизнью,—одною жизнью!

Лицо Палтусова озарилось торжествующею улыбкою. Клавдія почувствовала свое дѣвственное тѣло въ сильныхъ и страстныхъ объятіяхъ. Полъ бесѣдки убѣжалъ изъ-подъ ногъ, потолокъ качнулся, и пропалъ. Чуднымъ блескомъ загорѣлись жгучіе глаза Палтусова. Жуткое и острое ощущеніе быстро пробѣжало по ней, и она забилась и затрепетала. Розовые круги поплыли въ темнотѣ. Въ безднѣ самозабвенія вспыхнула цѣльнымъ и полнымъ счастіемъ...

Клавдія порывисто освободилась изъ объятій Палтусова, и крикнула испуганно:

— Она была здѣсь!

Палтусовъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на ея блѣдное лицо съ горящими глазами. Спросилъ голосомъ, пересохшимъ отъ волненія:

— Кто?

— Мать,—прошептала Клавдія,—я ее видѣла.

Она безсильно опустилась на скамью. Палтусовъ сказалъ досадливо:

— Пустое! воображеніе, нервы! Какая тамъ мать! Тебѣ показалось.

Клавдія внимательно слушала, но не услышала ничего. Сказала упавшимъ голосомъ:

— Да, постояла въ дверяхъ, засмѣялась, и ушла потихоньку.

— Нервы!—досадливо сказалъ Палтусовъ.

— Да, засмѣялась, и прикрыла ротъ платкомъ.

— Уйдемъ отсюда, пройдемся,—у тебя голова болитъ.

Вышли изъ бесѣдки. Палтусовъ почувствовалъ, что Клавдія вздрогнула. Поглядѣлъ на нее: она неподвижно смотрѣла на что-то. По направленію ея взора Палтусовъ увидѣлъ на травѣ у самой дорожки что-то бѣлое. На яркой зелени рѣзкимъ пятномъ выдѣлялся бѣлый платокъ.

— Платокъ!—крикнула Клавдія.—Это она бросила платокъ.

Оставила руку Палтусова, бросилась къ платку. Палтусовъ услышалъ ея смѣхъ, и увидѣлъ, какъ вздрагивали ея плечи. Онъ подошелъ, осторожно спросилъ:

— Клавдія, что ты?

Клавдія стояла надъ платкомъ матери, и неудержимо смѣялась и плакала.

Потянулись странные, мрачные дни. Клавдія и Палтусовъ сходились днемъ украдкою, на короткія минуты, то въ его кабинетѣ, то въ ея комнатѣ, и отдавались восторгамъ любви безъ всякой рѣчи и думы о будущемъ. Когда сходились при постороннихъ, холодно глядѣли другъ на друга, и въ обращеніи ихъ проглядывалъ даже отпечатокъ враждебности.

Зинаида Романовна украдкой наблюдала ихъ. Изрѣдка улыбалась какимъ-то своимъ думамъ. Ея спокойствіе удивляло ихъ, но мало безпокоило, хотя иногда они задавали себѣ вопросъ о томъ, что скрывается подъ этою видимою невозмутимостью. Палту-

совъ былъ съ Зинаидою Романовною холодно-вѣжливъ, Клавдія—равнодушна.

Ночи,—странныя были ночи!..

Въ первую ночь Клавдія тихо вышла изъ комнаты Палтусова во второмъ часу. Въ своей спальнѣ услышала шорохъ, увидѣла бѣлую тѣнь въ углу, но, утомленная, поспѣшила лечь, и, едва опустила голову на подушки, заснула.

Сонъ былъ тяжелъ. Снилось, что темное и безобразное навалилось на грудь, и давитъ. Оно прокинулось вампиромъ съ яркими глазами и сѣрыми широкими крыльями; длинное, туманное туловище безконечно клубилось и свивалось; цѣпкія руки охватывали тѣло Клавдіи; красныя липкія губы впились въ ея горло, высасывали ея кровь. Было томительно-страшно. Снилось, что ея мускулы напряжены и трепещутъ,—только бы немного повернуться, уклониться отъ этихъ страшныхъ губъ,—но неподвижнымъ оставалось тѣло.

Наконецъ встрепенулась и открыла глаза. Надъ нею блестѣли глаза матери. Ея лицо, блѣдное, искаженное ненавистью, смотрѣло прямо въ глаза Клавдіи горящими глазами, и вся она тяжко наваливалась на грудь дочери. Клавдія рванулась впередъ, но мать снова отбросила ее на подушки.

— Зачѣмъ?—спросила Клавдія прерывистымъ голосомъ.

Зинаида Романовна молчала. Посмотрѣла на Клавдію долгимъ взглядомъ, положила на ея глаза холодную руку, и встала съ постели. Клавдія почувствовала, что ея грудь свободна, и вмѣстѣ съ тѣмъ ощутила во всемъ тѣлѣ усталость и разбитость.

Съ трудомъ поднялась Клавдія съ постели. Дверь была полуоткрыта, въ комнатѣ никого не было. Клавдія опять легла, но не могла заснуть. Долго лежала съ закинутыми подъ голову руками. Всматривалась

въ сѣрый полусвѣтъ начинающагося утра. Мысли были слабы и спутаны. Передъ глазами носились блѣдныя, злыя лица, уродливыя головы съ развѣвающимися космами.

При встрѣчѣ съ матерью днемъ Клавдія посмотрѣла на нее внимательно. Лицо Зинаиды Романовны было загадочно спокойно

На другую ночь Клавдія рано ушла къ себѣ, и заперла дверь на ключъ. Около полуночи въ ея дверь постучался Палтусовъ. Впустила неохотно.

Часа черезъ два ушелъ Замкнула за нимъ дверь.

Когда опять легла, и уже начинала засыпать, вдругъ вспомнила, что дверь оставалась не на запорѣ все время, пока Палтусовъ былъ здѣсь. Стало на минуту досадно, но какъ-то не остановилась на этой мысли, и скоро забылась. Снова мать передразсвѣтною тѣнью мелькнула передъ нею, и опять вслѣдъ за нею нахлынули тучи блѣдныхъ, угрожающихъ лицъ.

Настала третья ночь. Клавдія внимательно осмотрѣла углы своей комнаты, заперла окна, замкнула дверь, и ушла къ Палтусову. Вернулась подъ утро, опустила занавѣси у оконъ, подошла къ постели. Когда откидывала одѣяло, чтобы лечь, почувствовала вдругъ, что кто-то сзади глядитъ на нее. Обернулась,—въ углу за шкапомъ смутно бѣлѣло въ полутьмѣ что-то, похожее на повѣшенное платье. Клавдія подошла, и увидѣла мать. Зинаида Романовна стояла въ углу, и молча смотрѣла на Клавдію. Ея лицо было блѣдно, утомлено, неподвижно, какъ красивая маска. Клавдія всматривалась въ мать,—и фигура матери начинала казаться прозрачною тѣнью. Становилось страшно. Сдѣлала надъ собою усиліе подавить страхъ, и спросила:

— Что за комедія? Зачѣмъ вы здѣсь?

Зинаида Романовна молчала.

— Зачѣмъ вы приходите ко мнѣ? — продолжала спрашивать Клавдія замиравшимъ и прерывистымъ голосомъ.—Что вамъ надо? Вы хотите говорить со мною? Вы молчите? Чего же вы хотите отъ меня?

Молчаніе матери и ея неподвижность въ сѣромъ полумракѣ наводили на Клавдію невольный ужасъ. Взяла руку матери. Холодное прикосновеніе заставило затрепетать. Клавдія пристально всмотрѣлась въ лицо матери: все оно трепетало безмолвнымъ, торжествующимъ смѣхомъ,—каждая черточка блѣднаго лица смѣялась злорадно. Клавдіи казалось, что зеленоватые глаза матери засвѣтились фосфорическимъ блескомъ, и что все ея лицо посинѣло. Этотъ холодный смѣхъ на посинѣвшемъ лицѣ со свѣтящимися глазами былъ такъ ужасенъ, отъ него вѣяло такою неестественною злобою, такимъ безнадежнымъ безуміемъ, что Клавдія затрепетала, закрыла глаза руками, и отступила отъ матери. Смутно видѣла изъ-подъ трепетныхъ рукъ, что бѣлая ткань промелькнула внизу. Опустила руки, и увидѣла, что въ комнатѣ нѣтъ никого.

Подошла къ открытой двери, долго стояла у косяка. Всматривалась въ темные углы коридора, боязливо думала короткими, смутными мыслями. Нагія плечи холодѣли, и тѣло вздрагивало отъ утренняго холода.

Глава тридцать первая.

Клавдія не говорила Палтусову о ночныхъ страхахъ. Когда вспоминала о нихъ днемъ, становилось смѣшно, злорадное чувство овладѣвало, и она досадовала на себя за ночную трусость. Но съ наступленіемъ ночи вновь становилось страшно.

Четвертую ночь провела у Палтусова. Солнце уже высоко стояло, и люди просыпались, когда Клавдія вышла отъ Палтусова. Утомленные безсонною ночью

глаза щурились. Хотѣлось спать, но въ душѣ ликовало рѣзвое дѣтское чувство избѣгнутой опасности. У дверей своей комнаты Клавдія встрѣтила Зинаиду Романовну, и взглянула на нее насмѣшливыми глазами. По лицу матери дышало такимъ мстительнымъ торжествомъ, что сердце Клавдіи упало. Полная страха и предчувствій, вошла она къ себѣ.

Спала долго. Опять сонъ окончился кошмаромъ. Вдругъ почувствовала на своемъ плечѣ крѣпкіе пальцы, и увидѣла надъ собою мать. Синіе оттѣнки лежали на лицѣ Зинаиды Романовны. Ея глаза были полузакрыты. Тяжелая, какъ холодный трупъ.

— А, ты проснулась,—спокойно сказала Зинаида Романовна,—уже второй часъ.

Она поднялась, и вышла изъ комнаты.

Клавдія сѣла на кровати.

„Какъ глупо! — думала она.—Чего я жду? Надо уѣхать, — съ нимъ, безъ него, все равно, — надо уѣхать!“

Эта мысль приходила ей и раньше, но не оставалась на долго. Въ томъ состояніи сладкихъ грезъ и тяжелыхъ кошмаровъ, которое она переживала, вяло работала голова. Говорить съ Палтусовымъ еще не успѣла,—ихъ свиданія все еще проносились въ страстномъ безуміи, а уѣхать изъ дому безъ него не могла,—она это чувствовала. Ей казалось, что ея жизнь теперь неразрывно связана съ жизнью Палтусова, что имъ обоимъ предстоитъ новая будущность, безконечность любви и свободы, гдѣ-то далеко, въ новой землѣ, подъ новыми небесами.

Рѣшила наконецъ переговорить съ Палтусовымъ сегодня же о томъ, какъ имъ устроить ихъ судьбу. Но не пришлось днемъ увидѣться наединѣ ни на одну минуту: мѣшали то посторонніе, то мать.

Настала ночь, пятая со дня, рѣшившаго ихъ участь. Клавдія была въ комнатѣ Палтусова.

— Послушай,—сказала она:—намъ надо наконецъ поговорить.

— Что говорить?—лѣниво отвѣтилъ онъ:—ты—моя, а я—твой, и это рѣшено безповоротно.

— Да, но жить здѣсь, рядомъ съ нею, скрываться, притворяться...

— А,—протянулъ онъ, и зѣвнулъ.

Онъ былъ сегодня необыкновенно вялъ.

— Странно,—сказалъ онъ,—тяжесть во всемъ тѣлѣ. Да, такъ ты говоришь...

Клавдія страстно прижималась къ нему, и горячо говорила:

— Такъ дальше нельзя жить, нельзя!

— Да, да, нельзя,—согласился Палтусовъ.

Онъ оживился, и говорилъ съ одушевленіемъ:

— Мы уѣдемъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

— Совсѣмъ далеко, чтобы все было новое, и по новому,—шептала Клавдія.

— Да, милая, далеко. Куда-нибудь въ Америку, на дальній Западъ, или въ какую-нибудь невѣдомую страну, въ Боливію, гдѣ насъ никто не знаетъ, гдѣ мы не встрѣтимъ никого изъ тѣхъ, отъ кого бѣжимъ. Тамъ мы заживемъ по-новому.

— Совсѣмъ по-новому!

— Вдвоемъ, одни. А если подъ старость захочется взглянуть на дорогую родину, такъ мы пріѣдемъ сюда бразильскими обезьянами. Да, да, завтра же подумаемъ, какъ это устроить. Завтра о дѣлахъ.

Палтусовъ улыбался лѣниво и сонно. Тихо повторилъ:

— Завтра о дѣлахъ, сегодня будемъ счастливы настоящимъ, счастливы минутой.

Горячіе поцѣлуи и страстныя объятія опьяняли Клавдію, гнали прочь заботу. Вдругъ почувствовала Клавдія, что Палтусовъ тяжело и холодно лежитъ въ

ея рукахъ. Она заглянула въ его лицо: спалъ. Напрасно будила: только мычалъ впросонкахъ, и снова засыпалъ. Отвернулась съ пренебрежительною усмѣшкою, встала, и подошла къ окну. Тоска опять закипала. Клавдія отодвинула рукою бѣлую штору, и грустными глазами всматривалась въ ночной сумракъ. Вѣтви стараго клена выступали изъ мрака, и качали угрюмые листья съ таинственнымъ, укоряющимъ шорохомъ. Страхъ подкрадывался,—спящій былъ неподвиженъ.

Клавдія вздрогнула. Звонкій смѣхъ раздался за нею. Жуткое ожиданіе страшнаго заставило холодѣть и замирать. Преодолѣвая ужасъ, обернулась,—и тихонько вскрикнула.

Лицо Зинаиды Романовны, мертвенно блѣдное, снова трепетало торжествующимъ, мстительнымъ смѣхомъ. Клавдія нахмурила брови, слегка наклонилась, и оперлась о спинку стула согнутою рукою. Ея глаза зажглись дерзкою рѣшительностью.

Нѣсколько долгихъ мгновеній прошло въ жуткомъ ожиданіи. Складки бѣлаго платья на Зинаидѣ Романовнѣ висѣли прямо и неподвижно. Бѣлая вся и блѣдная, казалась угрожающимъ призракомъ, и въ глубинѣ смятеннаго сознанія Клавдія таила отрадную надежду, что это ей только мерещится. Вдругъ показалось Клавдіи, что Зинаида Романовна хочетъ положить руку на ея локоть. Клавдія схватила руку Палтусова, и потрясла ее. Въ воздухѣ пронесся короткій, холодный смѣхъ матери. Зинаида Романовна тихо сказала:

— Оставь! Онъ не скоро проснется.

— Что вы сдѣлали?—воскликнула Клавдія.

Въ глазахъ ея зажглись зеленыя молніи угрозъ.

— Полно,—жесткимъ тономъ отвѣтила мать,—онъ живъ и здоровъ, только выпилъ усыпляющаго лѣкарства. Ты слишкомъ утомила его,—вотъ я и думаю; пусть выспится. А мы пойдемъ!

Ея голосъ былъ тихъ, но повелителенъ. Взяла руку Клавдіи. Клавдія пошла за нею полусознательно.

— Оставьте меня, — нерѣшительно сказала она когда вышли въ коридоръ.

Мать обернулась, и посмотрѣла на нее пристальнымъ, холоднымъ взглядомъ. Передъ глазами Клавдіи опять встало изсиня-блѣдное лицо, и странный смѣхъ былъ разлитъ на немъ. Клавдія почувствовала, что этотъ смѣхъ лишаетъ воли, туманитъ разсудокъ. Безъ мыслей въ головѣ, безъ возможности сопротивляться покорно шла за матерью.

Вышли на террасу, спустились по лѣстницѣ, и очутились въ саду. Ночная сырая свѣжесть охватила со всѣхъ сторонъ Клавдію; влажный песокъ дорожекъ былъ нестерпимо холоденъ и жестокъ для ея голыхъ ногъ. Она остановилась, и рванула свою руку изъ руки матери.

— Пустите, — мнѣ холодно!

Мать опять посмотрѣла на нее остановившимся, пустымъ взоромъ, — и опять безмолвный смѣхъ разлился на ея лицѣ, и обезволилъ Клавдію, — и опять пошла она за матерью.

И когда опять холодъ, сырость и песокъ, хрупкій и жесткій подъ голыми ногами, освѣжали ее, она упрямо останавливалась. Но опять тогда обращалось къ ней злое лицо съ ликующимъ смѣхомъ, и снова лишало ее воли. Зинаида Романовна крѣпко стискивала пальцы Клавдіи, но Клавдія не чувствовала боли.

Такъ дошли до бесѣдки, и поднялись по ступенямъ. Зинаида Романовна рѣзкимъ движеніемъ руки бросила Клавдію на скамейку. Тихо, отчетливо заговорила:

— Здѣсь ты лежала въ объятіяхъ чужого мужа, котораго ты отняла у своей матери, а здѣсь я стояла, и смотрѣла на тебя. Здѣсь я проклинаю тебя, на этомъ мѣстѣ, которое ты осквернила. Бѣги, куда хочешь,

бери съ собой любовника, заводи себѣ десятки новыхъ,—нигдѣ, никогда ты не найдешь счастья, проклятая!

Клавдія полулежала на скамейкѣ, и судорожно смѣялась.

— Дальше, дальше иди за мною!—сказала Зинаида Романовна.

Подняла Клавдію за руку, вывела ее изъ бесѣдки.

— Каждая аллея этого сада слышала твои нечестивыя рѣчи, на каждой звучали твои безстыдные поцѣлуи.

Увлекала за собою дочь,—и Клавдія шла за нею по песчанымъ дорожкамъ, и вся цѣпенѣла отъ холода и сырости.

— Я не боюсь твоихъ проклятій, — сказала она матери,—говори ихъ сколько хочешь и гдѣ хочешь, я ихъ не боюсь. И зачѣмъ ты мучишь меня по ночамъ?

— По ночамъ? За то ты мучила меня и ночью, и днемъ.

Остановились около пруда. Съ гладкой поверхности его подымался влажный, густой туманъ.

— Здѣсь,—сказала Зинаида Романовна,—ты опять ласкала его, а я стояла за кустами, и проклинала тебя. Когда вы ушли, а я осталась одна, надъ этимъ прудомъ, я думала о смерти, о мести. Здѣсь я поняла, что не надо смерти, не надо заботиться о мести: ты, проклятая, не увидишь ни одного свѣтлаго дня! Ты отняла счастіе у своей матери, и не будетъ тебѣ ни тѣни счастія, ни тѣни радости. Любовникъ истерзаетъ твое сердце, мужъ оскорбитъ и измѣнитъ, дѣти отвернутся,—тоска будетъ преслѣдовать тебя. Ты знакома съ нею: ты уже теперь пьешь вино, чтобы забыться. И я пожалѣла тебя, вѣдь я тебѣ мать, несчастная! Я думала: лучше тебѣ потонуть въ этомъ прудѣ, чѣмъ жить съ моимъ проклятіемъ.

— Не боюсь я твоихъ проклятій,—угрюмо сказала

Клавдія, — а счастіе,— на что мнѣ оно? Да я счастлива.

— Нѣтъ, ты дрожишь отъ страха, проклятая!

— Мнѣ холодно.

Клавдія рванулась изъ рукъ матери. Зинаида Романовна удержала ее.

— Подожди, слушай мое послѣднее слово. Смотри, какая хорошая тебѣ могила въ этой черной водѣ. Умри, пока онъ тебя не бросилъ, — теперь онъ хоть поплачетъ о тебѣ. Хочешь? Я помогу. Тебѣ страшно? Я толкну тебя!

Зинаида Романовна влекла дочь къ берегу. Клавдія въ ужасѣ отбивалась. Наконецъ Зинаида Романовна оставила ее. Злобно прошептала:

— Нѣтъ, жить хочешь? И живи, живи, проклятая!

Голосъ Зинаиды Романовны зазвучалъ бѣшенствомъ.

— Живи, измучься до послѣднихъ силъ, испытай отчаяніе, ревность, ужасъ, людское презрѣніе, всякую бѣду, всякое горе, весь позоръ, обнаженный, какъ ты.

Схватила обѣими руками рубашку Клавдіи за воротъ, рванула въ обѣ стороны,—тонкая ткань съ легкимъ трескомъ разорвалась. Неистово рвала ее на куски, и далеко въ сторону бросала обрывки. Крикнула:

— Иди теперь къ любовнику, проклятая, безстыдная!

И оттолкнула Клавдію.

Клавдія бѣжала по темнымъ дорожкамъ сада. Тихій, злобный смѣхъ звенѣлъ за нею, не смолкая, — упоеніе дикаго торжества.

Тихо и пусто было въ саду и въ домѣ. Никто не слышалъ и не видѣлъ, какъ осторожно пробиралась Клавдія по темнымъ комнатамъ въ спальню, и замирала отъ стыда, когда половицы скрипѣли подъ ея голыми ногами.

Вся холодная, бросилась въ постель, закуталась одѣяломъ. Радость охватила: какъ птица, которая въ бурю достигла гнѣзда, она грѣлась, нѣжилась и радовалась.

„Кончена комедія!“ — шептала она, тихонько смѣялась, свертывалась клубкомъ, засовывала холодныя руки подъ подушку. Скоро заснула.

Утромъ почувствовала, что трудно дышится. Открыла глаза. Комната глянула уныло. Солнечные лучи были печально ярки. Скорбная мысль медленно слагалась въ головѣ, но трудно было перевести ее на слова. Тряхнула головою, и это движеніе отдалось въ головѣ болью.

— Да, — вслухъ отвѣтила на свою мысль.

Звукъ голоса былъ слабый и дряхлый, и въ горлѣ было больно. Равнодушіе и усталость владѣли ею, и тоска подымалась къ сердцу. Клавдія вспомнила пережитую ночь, и улыбнулась слабо и покорно. Думала:

„Проклятія не сбудутся, — жизнь оборвется!“

Уже не думала о томъ, что надо уѣхать, и о томъ, что больна, и о томъ, чѣмъ кончится болѣзнь. Какъ-то сразу почувствовала, что силъ нѣтъ. Казалось, начинаетъ умирать. Какъ будто прочла свой смертный приговоръ, и упала духомъ.

Показалось, что кто-то стоитъ у изголовья. Съ трудомъ повернула голову, и увидѣла прозрачную фигуру матери. Не удивилась, что сквозь грудь матери ясно видно окно. Потомъ увидѣла, что въ закрытую дверь проникъ другой такой же прозрачный образъ. Оба стали около нея, и чего-то требовали. Прислушивалась, но не могла понять. Не удивляло, что мать стоитъ передъ нею въ двухъ образахъ. Только было страшно, что у того изъ нихъ, который вошелъ позже злое лицо, и дикіе глаза, и быстрыя рѣчи на пере-

сохшихъ губахъ. Этотъ образъ все болѣе приближался, и все увеличивался въ размѣрахъ.

Страхъ усиливался. Хотѣлось крикнуть, но не было голоса. Образъ съ дикими глазами наклонился совсѣмъ близко, тяжело обрушился на грудь Клавдіи, и раздробился на цѣлую толпу безобразныхъ гномовъ, черныхъ, волосатыхъ. Всѣ страшно гримасничали, высовывали длинные языки, тонкіе, ярко-красные, свирѣпо вращали кровавыми глазами. Плясали, махали руками, быстрѣе, быстрѣе, увлекали въ дикую пляску стѣны, потолокъ, кровать. Ихъ полчища становились все гуще: новыя толпы гномовъ сыпались со всѣхъ сторонъ, все болѣе безобразныя. Потомъ стали дѣлаться мельче, отошли дальше, обратились въ тучу быстро вращающихся черныхъ и красныхъ лицъ, потомъ эта туча слилась въ одно ярко-багровое зарево,—зарево широко раскинулось, вспыхнуло яркимъ пламенемъ, и вдругъ погасло. Клавдія забылась.

Глава тридцать вторая.

Проснувшись утромъ, Логинъ почувствовалъ, что день, яркій, пронизанный солнечными лучами, грустенъ и ненуженъ. Тоскливо сжималось сердце, и груди тяжело было дышать,—весь этотъ свѣтъ давилъ ясною, жаркою тяжестью. Цвѣты на обояхъ глядѣли ярко, утомительно. Ночная встрѣча припоминалась, какъ невозможный сонъ.

Логинъ прислонился плечомъ къ обоконью, и смотрѣлъ на городскія улицы, гдѣ на свѣтло-сѣрую пыльную землю ложились отчетливыя тѣни домовъ и заборовъ,—и всему, что открывалось передъ нимъ, чужда была мечта о ней. Какъ изъ другого міра была она, изъ міра далекаго и невозможнаго. Странно было думать о томъ, что и она живетъ на той же землѣ, и

дышить тѣмъ же воздухомъ, какъ и эти люди безвременья и кошмара. Да, можетъ быть, и нѣтъ ея, невозможной и несравненной? Мечтатель издавна, онъ, можетъ, быть, самъ создалъ ее себѣ на утѣху?

Страстно захотѣлъ увидѣть Анну,—но грустныя сомнѣнія томили по дорогѣ къ усадьбѣ Ермолина. Голова тупо болѣла. Въ отуманенныхъ глазахъ все представлялось пыльнымъ, обветшалымъ; подробности предметовъ ускользали отъ вниманія. Вѣтеръ набѣгалъ порывами, пыльные вихри крутились по дорогѣ, взвивались, и падали. Было жарко и тихо. Люди, которые попадались изрѣдка, казались сонными.

Въ саду Ермолиныхъ никого не было, и не слышно было ни голосовъ, ни шума. Логинъ быстро поднялся по ступенямъ террасы. Двери въ домъ были открыты. Поспѣшно прошелъ по всѣмъ комнатамъ нижняго этажа, и никого не встрѣтилъ. Вернулся на террасу. Не у кого было спросить объ Аннѣ. Страшнымъ показалось опустѣлое жилище.

„Мечта, безумная мечта!“ думалъ онъ.

Вдругъ Аннинъ голосъ громко и рѣзко нарушилъ тишину. Звонкіе вопли, мѣрно, долго... Смолкли.

Логинъ стоялъ, слушалъ. Или послышались гдѣ-то близко, за стѣною, вопли боли,—призраки вопля?

Логинъ торопливо удалялся отъ этого дома къ ненавистному городу.

Безпокойныя улицы. Отдаленное галдѣнье. На перекресткѣ внезапно пронеслась фура, черная съ бѣлыми краями. Пустая. Возница, высокій черномазый дѣтина съ подбитымъ глазомъ, яростно настегивалъ лошадей: видно, не дали ему больного, и боялся онъ, какъ бы ему самому не намяли боковъ.

Дома Логинъ подозвалъ къ себѣ Леню, и спросилъ его:

— Что, Ленька, нравится тебѣ Толя Ермолинъ?

Леня оживленно заговорилъ:

— Онъ умный да занятный такой,—что ни спроси, все знаетъ.

И разсказывалъ о Толѣ долго, съ увлеченіемъ. Логинъ тревожно ждалъ, что онъ скажетъ и объ Аннѣ. Но мальчикъ отъ Толи перешелъ къ другимъ, а жданнаго имени не упоминалъ. Наконецъ Логинъ спросилъ нерѣшительно

— А что ты скажешь про Анну Максимовну?

Ленькины глаза засверкали, онъ радостно засмѣялся,—и молчалъ. Логинъ хмуро спросилъ:

— Ну что жъ ты?

Леня подумалъ, покрутилъ пальцы, и медленно заговорилъ:

— Она—такая, — разъ съ ней поговоришь, — и точно всегда,—точно своя. Ей бы все можно сказать.

— Что жъ, она добрая?

Леня еще подумалъ, поднялъ глаза на Логина, и сказалъ:

— Нѣтъ. И не злая. Она такъ, сама по себѣ. Съ ней, какъ съ самимъ собою,—только съ хорошимъ собою.

Логинъ наканунѣ получилъ приглашеніе въ городское училище, на публичный актъ, торжество, ежегодно совершаемое по обычаю въ концѣ учебнаго года.

Когда Логинъ вошелъ въ училищный залъ, тамъ уже кончался молебенъ. Около стола, покрытаго краснымъ сукномъ съ золотою бахромою, грузно покачивался Мотовиловъ, и дѣлалъ въ приличныхъ случаяхъ маленькія крестныя знаменія. За нимъ торчалъ Крикуновъ въ новенькомъ мундирчикѣ; узкій воротникъ жалъ шею; маленькая, коротко остриженная головенка съ кругленькимъ выпуклымъ затылишкомъ тряслась отъ наплыва религіозныхъ чувствъ. На сморщенномъ личикѣ застыло жалостное выраженіе; это лицо на-

номинало цвѣтомъ деревянную лакированную куклу; коричневый низенькій лобъ плоился семью складками. Еще дальше пріютился у стола Шестовъ въ учительскомъ вицъ-мундирѣ, смущенный тѣмъ, что приходится принимать участіе въ торжествѣ. Старался держаться прямо, и имѣть независимый видъ. Не удавалось: стоялъ, какъ на жаровнѣ. Лицо раскраснѣлось. Чувствовалъ это, краснѣлъ еще больше, дѣлалъ видъ, что жарко и душно, и обтирался платкомъ.

И въ самомъ дѣлѣ было жарко и душно, хотя окна были открыты. По одной сторонѣ залы стояли рядами ученики. Лица у нихъ были взволнованныя. Остальное пространство тѣсно наполнено было публикою, которой сегодня, не въ примѣръ прошлыхъ лѣтъ, набралось много. Здѣсь были дамы и барышни,— Нета успѣла сейчасъ передать записочку Пожарскому, и потому была весела, и благосклонно слушала глупый шопотъ Гомзина,— Ната дѣлала глазки Бинштоку,— были всѣ, кого можно встрѣтить у Мотовилова. Дальше стояли родители изъ мѣщанъ. Впереди пахло духами, дальше къ ароматамъ примѣшивался запахъ пота, сзади пахло потомъ и дегтемъ отъ смазныхъ сапогъ. Ближе къ дверямъ становилось тѣснѣе,— а впереди былъ просторъ, и для „господъ" рядами стулья.

Ученики пошли вереницею прикладываться къ кресту. Отецъ Андрей торопливо и небрежно давалъ крестъ, и кропилъ. Мальчики наскоро крестились, и отходили съ каплями священной воды на вспотѣвшихъ носахъ.

Логинъ пробрался впередъ. Баглаевъ толкнулъ его въ бокъ пухлымъ бѣлымъ кулакомъ, захихикалъ и спросилъ:

— Какова толпучка, а?

— Да, много. Да и жарко. Что жъ, всегда такъ?

— То-то и дѣло, нѣтъ! Нынче собрались,—чуютъ

скандальчикъ, а то кому тутъ бывать! Такъ, чуйки всякія.

— Въ школѣ, и вдругъ скандалъ! Что за дребедень!

— Скандалъ вездѣ можетъ быть, это тебѣ всякій мальчишка скажетъ. Молина выпустили?

— Ну, выпустили,—такъ что жъ изъ того?

— Ну вотъ то-то, чудакъ! Всякому лестно посмотрѣть, придетъ ли онъ сюда.

— Что жъ, онъ пришелъ?

Баглаевъ свистнулъ.

— Притти-то ему нельзя, другъ любезный,—онъ въ отставкѣ числится, да и неловко. Но публика не соображаетъ,—ей все-таки лестно посмотрѣть скандальчикъ.

— Да какой скандальчикъ, говори толкомъ!

— Мотовиловъ рѣчь скажетъ на злобу дня.

— А ты откуда знаешь?

— Я не знаю, я, братъ, предвижу. На то я и городской голова: свое стадо знаю даже до тонкости. Я, братъ, всю подноготную знаю. Нѣтъ, братъ, ты у меня спроси, кто что сегодня обѣдаетъ, такъ я тебѣ и то скажу!

Прикладываніе къ кресту кончилось, отецъ Андрей снялъ рясу. Публика усаживалась. Мотовиловъ занялъ среднее мѣсто за столомъ, по обѣ стороны сѣли Крикуновъ и отецъ Андрей.

— Пожалуйста, займите ваше мѣсто,—сказалъ Мотовиловъ Шестову снисходительно и важно.

Шестовъ досадливо покраснѣлъ, и усѣлся на стулъ рядомъ съ Крикуновымъ. Думалъ о Мотовиловѣ:

„Нахалъ! распоряжается, какъ у себя дома“.

Публика волновалась, видимо ждала чего-то,—теперь Логинъ ясно видѣлъ это по общей озабоченности и радостной возбужденности лицъ. Особы постарше дѣлали равнодушныя лица; изрѣдка значи-

тельно усмѣхались, переглядывались. Помоложе да попаивнѣе широко открывали глаза, и жадно смотрѣли туда, въ сторону стола подъ краснымъ сукномъ, гдѣ величественно и грузно возвышался Мотовиловъ съ выраженіемъ мудрости и добродѣтели на лицѣ, морщился и корчился Крикуновъ, солидно посиживалъ и поглядывалъ отецъ Андрей, и сгоралъ отъ смущенія оглядываемый всѣми Шестовъ. Вначалѣ шло неинтересное. Ученики пропѣли громко и нестройно гимнъ святымъ Кириллу и Меѳодію, Крикуновъ прочелъ обзоръ училищной дѣятельности, потомъ ученики снова прогорланили двѣ развеселыя народныя пѣсни, потомъ отецъ Андрей прочелъ списокъ учениковъ, выдержавшихъ и невыдержавшихъ экзамены. Ученики, награжденные книгами и похвальными листами, подходили къ столу, и получали свое изъ рукъ Мотовилова, а онъ говорилъ имъ благосклонныя слова. Потомъ ученики еще разъ запѣли. Было скучно,—публика томилась отъ нетерпѣнія и духоты.

Наконецъ поднялся Мотовиловъ. Струя оживленія пробѣжала въ залѣ,—и вдругъ настала тишина, да такая жадная, трепетная тишина, что нервнымъ людямъ даже сдѣлалось жутко. Мотовиловъ говорилъ:

— Поздравляю васъ, дѣти, съ окончаніемъ вашего годичнаго труда. При этомъ не могу не высказать вамъ моего наблюденія: я замѣчаю на вашихъ лицахъ отпечатокъ грусти. Не стану разспрашивать васъ о причинахъ этой грусти, такъ какъ она касается отчасти и насъ самихъ. Мы не видимъ въ своей средѣ вашего учителя и нашего сотоварища, Алексѣя Иваныча Молина. Я не имѣю права вдаваться въ обсужденіе причинъ, по которымъ мы его здѣсь не видимъ. Но общественное мнѣніе громко говоритъ объ его невиновности,—и мы увѣрены, что законъ и общественная совѣсть снимутъ съ него пятно, возводимое обвиненіемъ. Мы можемъ надѣяться, что снова увидимъ Але-

ксѣя Иваныча въ своей средѣ такимъ же, какимъ онъ былъ и прежде, полезнымъ дѣятелемъ. Прощайте, дѣти! Идите по домамъ!

Всѣ зашевелились. Задвигались стулья. Ученики расходились со своими родителями. Гости шумно заговорили. Какая-то барышня спрашивала:

— Только-то и было?

Многіе были разочарованы,—ждали большаго. Казначей говорилъ:

— Да, это не того,—перцу мало. Надо было этого Шестова хорошенько пробрать.

Исправникъ заступился за Мотовилова:

— Нѣтъ, братцы, онъ, все-таки, молодецъ, епондеръ-шишъ, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

— И гладко стружитъ, и стружки кудрявы,—сказалъ Дубицкій.

Крикуновъ былъ вполнѣ доволенъ: глазки его весело горѣли, и онъ злорадно посматривалъ на Шестова. Мотовилова окружили: поздравляли, горячо восхваляли рѣчь. Онъ сіялъ, и самодовольно говорилъ:

— Я, господа, на правду чортъ. Я на распашку, говорю по русски, рѣжу правду матку.

Приглашалъ оставаться на завтракъ. Для завтрака очищали мѣсто въ этой же залѣ; нѣсколько учениковъ относили стулья въ сторону, сторожа волокли столы, составляли ихъ вмѣстѣ, покрывали скатертями. Когда лишній народъ вывалился, стало свѣжѣе и прохладнѣе. Съ улицы доносились веселые дѣтскіе крики, птичій пискъ и струи теплаго воздуха.

— Вы останетесь?—спросилъ Шестовъ у Логина.

— Не имѣю охоты,—улетучусь незамѣтно.

— Ну, и я съ вами уйду.

Но не удалось уйти незамѣченными: Крикуновъ бѣгалъ по училищу въ хлопотахъ и попыхахъ, и наткнулся на нихъ, когда они разыскивали пальто.

— Василій Марковичъ! Егоръ Платонычъ! Голубчики, куда же вы?

— Извините, Галактіонъ Васильевичъ, не могу,— рѣшительно сказалъ Логинъ.

— Помилуйте, да какъ же можно! Обидѣть насъ хотите. Да вы посидите хоть немножко.

— Душой бы радъ, да некогда, не могу! Ужъ простите.

— Да нѣтъ, я васъ не пущу. А вы, Егоръ Платонычъ, да вамъ-то ужъ и совсѣмъ нельзя: вѣдь вы здѣсь свой,—какъ же это можно!

Шестовъ сконфузился, и покраснѣлъ.

— Нѣтъ ужъ, я ужъ не могу, извините, — лепеталъ онъ, и теребилъ пальто.

— Ну, полно, полно, снимайте пальто! -- все рѣшительнѣе говорилъ Крикуновъ.

Шестовъ уже было повернулся къ вѣшалкѣ. Бросалъ умоляющіе взгляды на Логина.

— Мое почтеніе, Галактіонъ Васильевичъ, — рѣшительно сказалъ Логинъ, и пожалъ руку Крикунова.— Пойдемте, Егоръ Платонычъ,—сказалъ онъ Шестову тѣмъ же рѣшительнымъ голосомъ, взялъ его подъ руку, и быстро пошелъ къ выходу.

Шестовъ обрадованно вздохнулъ. А Крикуновъ канючилъ имъ въ догонку:

— Ну, какъ же это можно! Эхъ, господа, что жъ вы дѣлаете!

Шестовъ весело смѣялся: чувствовалъ себя въ безопасности.

Логинъ говорилъ, когда вышли на улицу:

— Не будь меня, пришлось бы вамъ провести нѣсколько часовъ въ осиномъ гнѣздѣ!

— Да, что подѣлаешь, такой ужъ у меня характеръ, не могу отказываться.

— А вы и не отказывайтесь, если не можете: вы только дѣлайте по-своему.

— Да,—жалобно протянулъ Шестовъ,—не очень то это просто.

— Что тамъ не очень! Вы меньше думайте о томъ, что о васъ думаютъ, да какъ на васъ смотрятъ, а сами внимательнѣе посматривайте да послушивайте. Вотъ, хотите, я вамъ рѣчь Мотовилова на память повторю?

Логинъ повторилъ рѣчь отъ слова до слова. Шестовъ сказалъ:

— У васъ отличная память!

— Просто развита привычка останавливать вниманіе на данныхъ предметахъ, а остальное на это время выкидывать изъ головы, чтобъ не развлекаться. Да вы никакъ трусить начинаете?

— Да нѣтъ, я ничего.

— Ахъ, юноша, давно пора выбрать: или полная покорность, или полная независимость,—конечно, въ предѣлахъ возможнаго: или мокрая курица, или человѣкъ, какъ надо быть. Вѣдь вокругъ васъ все такая дрянь!

Въ залѣ училища столъ украсился винами и водкою. Принесли пирогъ съ курицею. Гости усѣлись за столъ. Рюмки быстро опрокидывали свое содержимое въ непромокаемыя гортани. Въ сосѣдней комнатѣ хоръ учениковъ отхватывалъ народныя пѣсни.

Мотовиловъ медленно обвелъ столъ глазами, и спросилъ:

— А гдѣ же молодой учитель, господинъ Шестовъ?

— Ушелъ, не пожелалъ раздѣлить нашей трапезы,—смиренно отвѣтилъ Крикуновъ.

— Вотъ какъ!

— Да-съ, и господинъ Логинъ тоже не пожелали остаться,— докладывалъ Крикуновъ, — они-то, собственно, и изволили увлечь нашего сослуживца.

— А что, господа,—говорилъ отецъ Андрей,—вотъ

сейчасъ Алексѣй Степанычъ изволилъ выразить надежду на то, что мы снова увидимъ въ нашей средѣ Алексѣя Иваныча. Когда еще его формально оправдаютъ, а я думаю, ему горько сидѣть теперь дома, когда его друзья собрались въ этихъ стѣнахъ, гдѣ онъ, такъ сказать, былъ сѣятелемъ добра. Такъ не утѣшить ли намъ его, а?

— Да, да, пригласить сюда,—поддержалъ Мотовиловъ.—Я думаю, это будетъ справедливо: если онъ не могъ участвовать въ офиціальной части, то мы все-таки покажемъ ему еще разъ, какъ мы его любимъ и цѣнимъ. Какъ, господа?

— Да, да, конечно, отлично! — послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Это будетъ доброе дѣло,—сказалъ Моховиковъ:—наше внутреннее сердце скажетъ это каждому.

— Такъ ужъ вы распорядитесь, Галактіонъ Васильевичъ,—обратился Мотовиловъ къ Крикунову:—онъ вѣдь и недалеко живетъ, а мы подождемъ со слѣдующими блюдами.

Крикуновъ суетливою побѣжкою устремился къ сторожамъ, послать за Молинымъ. Общество опять радостно оживилось: ждали Молина, какъ дѣти гостинца. Онъ явился такъ скоро, какъ будто ждалъ приглашенія,—Крикуновъ послалъ за нимъ коляску Мотовилова. Молинъ былъ одѣтъ не безъ претензій на щегольство. На толстой шеѣ бѣлый галстукъ съ волнистыми краями и съ вышивкою; новенькій сюртукъ хомутомъ; пахло отъ Молина,—кромѣ водки,—помадою.

Гулъ привѣтственныхъ восклицаній. Молинъ обходилъ вокругъ стола, неуклюже раскланивался, пожималъ руки, и не безъ пріятности осклаблялъ рябое лицо. Мямлилъ:

— Утѣшили! Сидѣлъ одинъ, и скучалъ. Признаться откровенно,—хоть и стыдно,—всплакнулъ даже.

— Ахъ, бѣдняжка!—восклицали дамы.

— Стыжусь самъ, знаю, что раскисъ, да что дѣлать съ нервами? Расшатался совсѣмъ,—сижу и плачу. Вдругъ зовутъ! Воскресъ, и лечу! И вотъ опять съ друзьями!

— Съ друзьями, Лешка-шельма, съ друзьями!—закричалъ Свѣжуновъ, и обнялъ Молина,—ничего, не унывай, дѣйствуй въ томъ же направленіи!

— Поздравляю, епондеръ-шишъ, - говорилъ исправникъ:—васъ любятъ въ обществѣ, - это умилительно!

Всякій старался сказать Молину что-нибудь утѣшительное, пріятное. Его посадили къ дамамъ, кормили пирогомъ, подливали то водки, то вина. А мальчишки задували себѣ развеселыя пѣсни. Въ антрактахъ пили чай, ѣли сладкія булки,—все отъ щедротъ Мотовилова.

Раздался стукъ ножа по стакану. Кто - то крикнулъ:

— Т-съ! Алексѣй Иванычъ хочетъ говорить!

Всѣ замолчали. Молинъ поднялся, и началъ раскачиваться въ ту сторону, гдѣ Мотовиловъ. Заговорилъ:

— Алексѣй Степанычъ! Вы для меня сдѣлали, прямо скажу, благодѣяніе. Ну, я человѣкъ не хитрый, красно говорить не умѣю,—что чувствую, прямо, по-мужицки, по-простецки... Да что тутъ говорить! Эхъ, прямо сказать: спасли! Дай вамъ Богъ! На многая лѣта! За здоровье Алексѣя Степаныча,—ура!

Всѣ закричали, повскакали съ мѣстъ, чокаться. Мотовиловъ и Молинъ обнимались, цѣловались.

Послѣ завтрака вытащили фисъ-гармонику, подъ звуки которой распѣвали ученики, и пустились танцовать,—шумно, съ хохотомъ, шалостями, вознею: кавалеры кривлялись и неровно подергивали дамъ, дамы взвизгивали. Двѣ бойкія барышни овладѣли застѣнчи-

вымъ юношею, сельскимъ учителемъ. Онъ не умѣлъ танцовать; ему дали даму, сказали, что танцуютъ кадриль, и стали перепихивать его изъ рукъ въ руки. Юноша горѣлъ отъ смущенія, и неловко топтался. Было весело и пьянымъ и трезвымъ.

Въ антрактахъ между танцами мальчуганы продолжали крикливый концертъ. Имъ любопытно было посмотрѣть на веселые танцы: они не скучали, и съ удовольствіемъ глотали пыль, летѣвшую въ ихъ наивно-открытые ртишки. Ихъ щеки горѣли, глаза смѣялись. Ихъ регентъ, дьяконъ, тоже подвыпилъ. Пришелъ въ благодушное настроеніе, и не теребилъ пѣвчихъ. Во время пѣнія и во время танцевъ одинаково безтолково махалъ руками, и добродушно покрикивалъ:

— Ахъ, мать твоя курица! Но, но, миленькіе, валяй напропалую! Во что матушка не хлыстнетъ!

Пожарскій и Гуторовичъ ходили обнявшись, и напѣвали легкомысленныя пѣсенки.

Крикуновъ тоже раскисъ, безъ устали мололъ жиденькимъ, гаденькимъ голосенкомъ сальные анекдотцы, и замазывалъ ихъ рыхлымъ смѣшкомъ. Оказалось, что запасъ этой дряни у него великъ. Память у него была хороша, особенно на мелочи и пустяки.

Молинъ, опьянѣлый отъ водки и отъ избытка чувствъ, подходилъ къ пѣвцамъ, цѣловался съ ними, мямлилъ трогательныя слова. При этомъ дѣтскія лица дѣлались испуганными, каменѣли. Кому приходилось цѣловаться, открывали глаза, вытягивали губы, принимали глупый, оторопѣлый видъ; потомъ обдергивали блузы, виновато озирались, смущенно крутили пальцы, а носы ихъ противъ воли морщились отъ противно-перегорѣлаго запаха водки и отъ того особаго тепловато-аптечнаго аромата, которымъ былъ пропитанъ Молинъ, какъ всѣ эти мужчины, которые, подобно ему, вѣчно возятся съ лѣкарствами противъ секретныхъ болѣзней.

Отъ мальчиковъ Молинъ переходилъ къ дѣвицамъ, и непослушнымъ языкомъ говорилъ неповоротливыя любезности. Валя вздумала пококетничать. Это раздакомило и разнѣжило Молина. Охватилъ ея талью потною рукою. Она съ громкимъ хохотомъ отстранилась. Молинъ вдругъ запустилъ широкую лапу за лифъ Валина платья. Лифъ затрещалъ. Валя неестественно-громко взвизгнула. Ея голосъ покрылъ всѣ звуки шумнаго веселья. Убѣжала въ другія комнаты, чиниться. Молинъ было за нею. Удержали.

Молинъ еще долго путешествовалъ изъ комнаты въ комнату. Наконецъ ослабѣлъ, рухнулъ въ залѣ на полъ, и мгновенно заснулъ. Гомзинъ говорилъ сторожу, тоже сильно пьяному:

— Послушай, Михей, ты ему подушку достань.

— Нѣтъ у меня теперь подушки, — отвѣчалъ Михей.

— Ну, вотъ! Ты сходи къ Галактіону Васильевичу, и спроси,—убѣждалъ Гомзинъ.

— Какая теперь подушка!—резонно говорилъ Михей,—развѣ можно имъ теперь подушку подложить? Голова у нихъ теперь тяжелая! Развѣ можно ихъ теперь безпокоить? Богъ съ ними, пусть выспятся.

— Такъ нельзя, ты говоришь?—спросилъ Гомзинъ.

— Извѣстно, нельзя. Сами изволите знать,—человѣкъ тяжелый, какъ имъ теперь подушку? Да помилуйте, да такъ имъ много лучше, потому въ прохладѣ.

Мальчишки затянули: „На зарѣ ты ее не буди". Кто-то догадался наконецъ прогнать ихъ по домамъ.

Глава тридцать третья.

Днемъ, когда Шестова не было дома, пришелъ Молинъ. На звонокъ отворилъ Митя. Молинъ спросилъ:

— Дома Шестовъ?

Мальчикъ опасливо посмотрѣлъ, и отвѣтилъ:

— Нѣтъ его. Мама дома.

Молинъ вошелъ въ гостиную, сѣлъ на кресло. Митя пошелъ за матерью въ кухню. Молинъ отъ нетерпѣнія топалъ ногами. Наконецъ пришла Александра Гавриловна; ея лицо раскраснѣлось отъ кухоннаго жара. Молинъ не всталъ, и не здоровался. Хрипло сказалъ:

— Деньги принесъ за квартиру.

Александра Гавриловна сѣла въ другое кресло. Спокойно отвѣтила:

— Напрасно безпокоитесь,—мы могли бы и подождать: можетъ быть, вамъ теперь нужны деньги.

Митя стоялъ въ сосѣдней комнатѣ. Выглядывалъ изъ дверей. Былъ въ старенькой блузѣ, босикомъ.

— Ну, ужъ это не ваше дѣло,—сказалъ Молинъ,—принесъ, такъ берите.

— Какъ угодно.

— Да вы мнѣ расписку дайте.

— Митя!—позвала Александра Гавриловна,—принеси чернильницу и бумагу.

— Сейчасъ,—откликнулся Митя, и скрылся.

— А то скажете, что не получали.

— Это ужъ вы напрасно.

— Нѣтъ, не напрасно, знаю я васъ, чортъ васъ возьми! — запальчиво закричалъ Молинъ.

Митя принесъ листъ почтовой бумаги и стеклянную чернильницу рѣпкою на деревянномъ блюдцѣ и съ пробкою съ оловяннымъ верхомъ. Не ушелъ, остался у стола. Отнялъ съ той половины стола, гдѣ сидѣла мать, вязаную скатерть, чтобъ мелкія дырочки не мѣшали писать. Молинъ вытянулъ ноги, и тяжелымъ каблукомъ надавилъ Митину ногу. Митя покраснѣлъ, и тихо отошелъ, стараясь, чтобы мать

ничего не замѣтила. Александра Гавриловна спросила:

— Потрудитесь сказать, что я должна написать.

Молинъ диктовалъ, злобно ухмыляясь:

— Пишите: получила за квартиру десять рублей отъ каторжника Алексѣя Молина.

Александра Гавриловна написала первыя слова, и съ удивленіемъ поглядѣла на Молина.

— Ну да, вы хотѣли меня на каторгу послать, вотъ и пишите.

— Ну ужъ этого я, воля ваша, не напишу: вы толкомъ скажите, что дальше писать.

Молинъ настаивалъ, и возвышалъ голосъ:

— Нѣтъ, вы пишите, что отъ каторжника!

Митя вмѣшался:

— Пиши, мама: отъ Алексѣя Иваныча Молина, потомъ число сегодняшнее, и подпись. Вотъ и все.

Александра Гавриловна отдала расписку Молину. Прочелъ, злобно усмѣхнулся, положилъ расписку въ боковой карманъ измятаго, пыльнаго сюртука, и потянулся въ креслѣ.

— Такъ-то, Александра Гавриловна, удружили вы мнѣ!

Александра Гавриловна вздохнула, и сказала:

— Ну, еще кто кому удружилъ, неизвѣстно.

— Вы мнѣ не всѣ вещи отдали.

— Ужъ этого не знаю: вы потребовали, чтобъ ваши вещи отправили къ отцу Андрею, и сами не пришли,—ну, Егорушка всѣ вещи къ нему и отправилъ.

— Одной колоды картъ нѣтъ,—угрюмо настаивалъ Молинъ.

— Ужь это вы спросите у Егора,—я не знаю.

— Прикарманили. Да вы у меня, можетъ быть, и еще что-нибудь слимонили, изъ нашебнаго, для сынка для вашего, оборвыша.

— Вы забываетесь, Алексѣй Иванычъ. Вы пришли, когда я одна...

— Ты не одна, мама,—сказалъ Митя.

Смотрѣлъ на Молина, и на лицѣ его была гримаска отвращенія и досады. Мать положила руку ему на плечо. Сказала:

— Охъ ужъ ты!

Молинъ злобно засмѣялся.

— Да я и денегъ передалъ что-то ужъ очень много. Сомнѣваюсь я,—что-то ужъ очень начетисто. Обакулили меня.

Молинъ еще больше развалился въ креслѣ, и положилъ ноги на диванъ.

— Да что вы, батюшка,—укоризненно сказала Александра Гавриловна:—бѣлены объѣлись? Опомнитесь, постыдитесь!

— Грабители! черти проклятые!—бурчалъ Молинъ.

Митя задрожалъ въ рукахъ матери. Рванулся впередъ. Крикнулъ звонко:

— Какъ вы смѣете такъ себя вести! Уберите ноги съ дивана! Сейчасъ уберите, и уходите вонъ. Вы нарочно пришли, когда Егора дома нѣтъ, чтобъ здѣсь накуражиться. Уходите, или я васъ въ окно выброшу.

Молинъ всталъ, и глядѣлъ на мальчика злобно и трусливо. Александра Гавриловна тянула Митю за плечи назадъ, и шепотомъ унимала его. Митя отбивался.

— Оставь, мама, онъ—трусъ, онъ только куражится. Онъ не посмѣетъ драться.

Молинъ сдѣлалъ плаксивую гримасу, подставилъ Митѣ лицо, и жалобно сказалъ:

— Ну что жъ, ругайте меня, бейте, плюйте мнѣ въ лицо, я вѣдь каторжникъ, меня можно.

— А не хотите уходить,—говорилъ Митя,—я пошлю за Егоромъ, вы съ нимъ и объясняйтесь, а

мамѣ не смѣйте дерзостей дѣлать. Ждите, коли хотите, и сидите смирно.

— Да, какъ же, я буду Егора Платоныча ждать, а вы бранить будете, еще въ уголъ поставите! Нѣтъ, чортъ съ вами, ужъ я лучше уйду. Прощайте, благодарю за ласку.

Молинъ круто повернулся, и пошелъ къ выходу. Въ дверяхъ онъ зацѣпилъ локтемъ за косякъ,—руки онъ держалъ растопыренными изъ чувства собственнаго достоинства. Съ трескомъ вывалился изъ комнаты, повозился въ передней, ощупалъ выходную дверь, громко захлопнулъ ее за собою, и тяжко загрохоталъ сапогами по лѣстницѣ. Со двора въ открытыя окна доносились его громкія ругательства и чертыханья.

— Ахъ ты, Аника-воинъ!—говорила Митѣ мать.— Вотъ подожди, нажалуется онъ Мотовилову,—достанется тебѣ на орѣхи.

— Какъ же это?

— А такъ: позовутъ тебя въ гимназію, высѣкутъ такъ, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь, да и выгонятъ.

— Ну, этого не могутъ сдѣлать.

— Не могутъ? А кто имъ запретитъ? Очень просто, возьмутъ да и попарятъ сухимъ вѣникомъ.

— Ахъ, мама, какія ты говоришь... Этого и въ правилахъ нѣтъ.

— Они въ правила смотрѣть не станутъ, а посмотрятъ тебѣ подъ рубашку, да и начнутъ блохъ выколачивать. Вотъ ты и будешь знать, какъ звать Кузькину мать. Знаешь: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись.

На другое утро къ Шестову явились Гомзинъ и Оглоблинъ. Торжественный видъ и помятыя лица: пьянствовали всю ночь. Хриплыми съ перепою голосами освѣдомились, дома ли Шестовъ. Шестовъ услы-

шалъ ихъ, вышелъ въ переднюю. Обмѣнялись торопливыми рукопожатіями. Гомзинъ, сердито сверкая зубами, сказалъ:

— Мы къ вамъ по дѣлу.

Оглоблинъ молча покачивался жирнымъ тѣломъ на коротенькихъ ногахъ. Шестовъ пригласилъ ихъ въ кабинетъ. Гомзинъ и Оглоблинъ усѣлись, помолчали, потомъ взглянули одинъ на другого, оба разомъ сказали:

— Мы...

И остановились, и опять переглянулись. Шестовъ сидѣлъ противъ нихъ съ опущенными глазами, то раскрывая, то закрывая перочинный ножъ о четырехъ лезвеяхъ, въ бѣлой костяной оправѣ.

Наконецъ Гомзинъ сказалъ:

— Мы пришли отъ Алексѣя Иваныча.

— Послушайте-ка, — вдругъ заговорилъ Оглоблинъ,—дайте-ка намъ по рюмочкѣ пользительной дури.

Гомзинъ строго взглянулъ на него. Шестовъ всталъ.

— И если бъ можно, — продолжалъ умильнымъ голосомъ Оглоблинъ, — чего-нибудь кисленькаго: соленаго огурчика, брусничкн.

— Да, именно, брусннчки,— оживился вдругъ Гомзинъ, и бѣлые зубы его весело улыбнулись:—голова что-то побаливаетъ.

— Знаете, начокались,—пояснилъ Оглоблинъ.

Шестовъ постарался придать себѣ любезный видъ, и отправился за водкою. Когда онъ вышелъ, Гомзинъ сказалъ вполголоса:

— Пить у него не слѣдовало бы: всячески говоря, онъ — подлецъ.

Оглоблинъ лукаво усмѣхнулся, и сказалъ:

— Да что жъ, голубчикъ, по мнѣ, пожалуй, хоть и не пить. Ну его къ чорту, въ самомъ дѣлѣ!

— Ну теперь уже, разъ что просили, надо по рюмкѣ...

Шестовъ вернулся, сѣлъ на свое мѣсто. Сказалъ:

— Сейчасъ принесутъ.

— Насъ прислалъ Алексѣй Иванычъ,—объявилъ Гомзинъ.—Вы писали ему вчера письмо.

Шестовъ вдругъ вспыхнулъ, и заволновался. Сказалъ:

— Да, писалъ, и почти жалѣю объ этомъ.

— Такъ и передать прикажете?—насмѣшливо спросилъ Оглоблинъ.

— Нѣтъ, это я собственно для васъ, а что касается письма...

Въ передней хлопнула наружная дверь, зашлепали босыя ноги, отъ сильнаго удара локтемъ отворилась дверь комнаты,— и вошла Даша, растрепанная дѣвушка съ глупымъ лицомъ, въ грязномъ ситцевомъ платьѣ. Въ одной рукѣ у нея была бутылка водки, въ другой она держала подносикъ, жестяной, покоробленный, съ расколупанною на немъ картинкою. На подносикѣ стояли тарелочка съ селедкою и тарелочка съ моченою брусникою съ яблоками. Все это установила она на зеленомъ сукнѣ письменнаго стола, вылетѣла изъ комнаты, вернулась черезъ полминуты съ тремя рюмками, двумя ложками и вилками, со стукомъ поставила все это на столъ, и скрылась. Шестовъ и его гости въ это время молчали.

— Я вчера писалъ Алексѣю Иванычу,—заговорилъ Шестовъ,—мнѣ кажется, довольно опредѣленно. Что же намѣренъ онъ теперь сообщить мнѣ?

— Онъ очень сердится,—отвѣтилъ Оглоблинъ.— Рветъ и мечетъ.

— Да, онъ весьма раздраженъ, — подтвердилъ Гомзинъ.

— Ну, мнѣ кажется,—сказалъ Шестовъ,—сердиться и раздражаться скорѣе я имѣю право.

Гомзинъ наставительно сталъ объяснять:

— Вы должны были имѣть въ виду, что онъ теперь

такъ взволнованъ и огорченъ. Вполнѣ естественно, что онъ сказалъ что-нибудь рѣзкое. Но онъ положительно говорилъ намъ, что не сказалъ ничего оскорбительнаго.

— Рѣшительно ничего оскорбительнаго,—подхватилъ Оглоблинъ. — Однако, не выпить ли хлѣбной слезы?

— Налейте,—отрывисто сказалъ Гомзинъ, и спросилъ Шестова:—мы не понимаемъ, чѣмъ же вы недовольны?

Оглоблинъ налилъ всѣ три рюмки, взялъ одну, стукнулъ ею по краямъ двухъ другихъ, потомъ крикнулъ.

— Сторонись, душа, оболью!

И выпилъ. Широкою ладонью обтеръ губы, зацѣпилъ на ложечку брусники, и сказалъ.

— Ну, господа, что жъ вы? Не отставайте.

Гомзинъ выпилъ, сдѣлалъ такое лицо, какъ будто проглотилъ гадость, и пробурчалъ:

— Этакій сиволдай!

Онъ потянулся за брусникою.

— Вы не понимаете?—сказалъ Шестовъ.—Онъ въ моей квартирѣ велъ себя безобразно. Я ему это и написалъ.

— Нѣтъ, позвольте,—сердито возразилъ Гомзинъ,—вы должны сказать, чѣмъ вы оскорбились. Иначе, помилуйте, что же это будетъ?

— Да, конечно,—сказалъ Оглоблинъ,—намъ надо знать, мы, все-таки, по порученію... ну, и все такое. А то что жъ пороть горячку изъ-за пустяковъ.

— Да вы какое именно порученіе имѣете? — досадливо спросилъ Шестовъ.

— Да вотъ,—объяснилъ Гомзинъ,—Алексѣй Иванычъ очень раздраженъ, и желаетъ получить отъ васъ объясненіе письма.

— Какое жъ ему объясненіе? Вѣдь онъ оскорбилъ, а не я.

— Да что тутъ валандаться! —рѣшительно сказалъ Оглоблинъ,—вы на дуэль вызываете?

„А что,—подумалъ Шестовъ,—желаю ли я съ нимъ драться, съ этимъ?.. Фи, гадость какая!“

Брезгливо поморщился, и отвѣтилъ.

— Это, кажется, понятно. Ужъ это отъ него зависитъ принять вызовъ, или извиниться, или еще что выбрать.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Гомзинъ, — намъ необходимо знать, что именно вы считаете оскорбительнымъ.

Шестовъ опустилъ глаза. Стало совѣстно разсказывать о вчерашней грубой сценѣ. Сказалъ.

— Я просилъ Василія Марковича Логина принять на себя въ этомъ дѣлѣ переговоры,—прошу васъ къ нему обратиться.

Гомазинъ и Оглоблинъ переглянулись.

— Ну, этого мы не можемъ сдѣлать, — сказалъ Гомзинъ,—мы еще не получили полномочій.

— Зачѣмъ же вы пришли,—спросилъ Шестовъ.

Взволнованно заходилъ по комнатѣ.

— Да намъ, собственно, надо знать, въ чемъ именно...

Шестовъ говорилъ бѣшено-тихимъ голосомъ.

— Въ томъ именно, что онъ вчера пришелъ, когда меня не было, сѣлъ на кресло, положилъ ноги на диванъ, и говорилъ оскорбительныя слова моей теткѣ. Понятно?

— Позвольте,—сказалъ Оглоблинъ, — что жъ такое? Ну, онъ вчера выпилъ лишнее, ну что жъ изъ того.

— Надѣюсь, однако, что вы теперь имѣете, что сказать Алексѣю Ивановичу, а о прочемъ обратитесь къ Василію Марковичу.

— Хорошо, мы это передадимъ,—говорилъ Гомзинъ,—но еще разъ говорю, что Алексѣй Иванычъ

раздраженъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что теперь онъ снабдитъ насъ достаточными полномочіями. Поэтому я посовѣтывалъ бы вамъ поспѣшить окончить это дѣло. Алексѣй Иванычъ шутить не любитъ. Такъ вотъ мы предлагаемъ вамъ взять письмо назадъ.

— Господа, я просилъ бы васъ прекратить: вѣдь ужъ все сказано.

— Въ такомъ случаѣ имѣю честь...

Гомзинъ церемонно раскланялся.

— Имѣю честь...—также церемонно повторилъ Оглоблинъ, и вдругъ прибавилъ,—а вы вашей рюмки такъ и не выпили? распоясной-то? Вы, можетъ быть, по утрамъ не употребляете этого крякуна? Я вѣдь также, но...

— Константинъ Степанычъ!--строго позвалъ Гомзинъ.

Онъ стоялъ уже въ дверяхъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. Но, видите ли, опохмѣлиться. Такъ ужъ я вашу хлобысну.

— Ну, однако, это чортъ знаетъ что,—проворчалъ Гомзинъ.—Послушайте, Константинъ Степанычъ!

Оглоблинъ придержалъ рюмку у рта.

— Ась?—откликнулся онъ.

— Ну чего же одинъ лакаешь, свинья!—энергично выругался Гомзинъ.—Налей и мнѣ за компанію.

— Это дѣло,—похвалилъ Оглоблинъ.

Онъ налилъ Гомзину, и поучительно сказалъ:

— Нѣтъ питья лучше воды, какъ перегонишь ее на хлѣбѣ.

Друзья выпили, и закусывали. Шестовъ угрюмо смотрѣлъ на нихъ.

— Хорошая брусника!—похвалилъ Оглоблинъ.

— Эге!—отозвался Гомзинъ.

Оглоблинъ опять обратился къ Шестову:

— Право, оставили бы, голубчикъ. Эхъ, чего тамъ задираться! Возьмите назадъ письмецо,—вотъ мы его съ собой приволокли. Ась, возьмете?

Оглоблинъ ласково всовывалъ въ руки Шестова письмо, которое вынулъ изъ кармана. Шестовъ молча отстранился.

— Ну, какъ знаете. А только онъ очень сердится.

Распрощались, ушли.

Въ тотъ же день къ вечеру Вкусовъ посѣтилъ Логина, и объявилъ ему, что дуэли не допустить.

Глава тридцать четвертая.

Нета стояла на одномъ концѣ качельной доски, Андозерскій на другомъ. Качались. Въ этомъ неудобномъ положеніи Андозерскій успѣлъ объясниться въ любви,—и получилъ отрицательный отвѣтъ.

— Остановите качели,—сказала Нета.

— Я люблю васъ,—повторилъ Андозерскій.

Онъ сталъ поддавать слабѣе, но не останавливался.

— Жалѣю васъ,—насмѣшливо сказала Нета.

Держась за веревки и качаясь, они перекидывались отрывочными восклицаніями.

— Все бы отдалъ,—страстно восклицалъ онъ.

— Пустите!—гнѣвно крикнула Нета.

— Добьюсь любви.

— Довольно!

— Любовь—великая сила.

— Пустите!

— Вы будете моею.

Нета вдругъ сильно взмахнула качели. Она и Андозерскій стояли съ раскраснѣвшимися щеками и горящими глазами, и все сильнѣе подбрасывали ногами доску, словно состязаясь въ дерзаніи.

— Ты будешь моею!

— Никогда!

Замолчали. Качель взлетала такъ высоко, какъ только позволяли веревочные подвѣсы. Большіе зубцы

гипюроваго воротника развѣвались, и били Нету по лицу. Вдругъ Андозерскій замѣтилъ, что Нета сильно поблѣднѣла; ея глаза загорѣлись; вся она подвинулась къ одному краю доски, и какъ-то странно перебирала руками.

„Спрыгнетъ!"—догадался Андозерскій.

Сильнымъ напряженіемъ задержалъ взмахи качелей. Нета сдѣлала движеніе, но прежде, чѣмъ успѣла приготовиться къ прыжку, уже Андозерскій стоялъ на землѣ, и удерживалъ доску. Нета сдѣлала шагъ къ серединѣ доски. Андозерскій схватилъ ее за талью, снялъ съ доски, и поставилъ на землю. Нета тяжело дышала. Повторила:

— Никогда!

— Увидите!—отвѣтилъ онъ.

Она отвернулась, хотѣла уйти. Онъ опять схватилъ ее. Губы его почти касались ея щеки. Но она вывернулась, и убѣжала.

„А, эта не уйдетъ!"—подумалъ Андозерскій.

Отправился въ домъ, и отыскалъ хозяина. Ихъ бесѣда въ кабинетѣ Мотовилова была недолга. Минуты черезъ двѣ Мотовиловъ вышелъ, а Андозерскій остался. Потомъ Мотовиловъ пришелъ съ Марьею Антоновною.

Когда Андозерскій уходилъ, у него былъ видъ побѣдителя.

— Садись и слушай,—сказалъ Мотовиловъ Нетѣ, когда она вошла въ кабинетъ.

— И благодари отца,—прибавила Марья Антоновна.

Нета сѣла на рогатомъ стулѣ, зацѣпилась пышнымъ бантомъ кушака, и стала освобождать его. Не любила этой комнаты съ неуютною мебелью.

„Сидѣлъ бы самъ!"—думала про отца.

А Мотовиловъ очень удобно развалился на низенькомъ диванѣ. Рядомъ важно торчала его коротенькая жена.

— Такъ вотъ, мать моя,—сказалъ Мотовиловъ дочери:—тебѣ счастье,—въ генеральши мѣтишь.

— Не имѣю ни малѣйшаго желанія,—капризно отвѣтила Нета.

— Я имѣю сообщить тебѣ пріятную для насъ, твоихъ родителей, новость: Андозерскій проситъ у насъ твоей руки.

— Совершенно напрасно хлопочетъ!—рѣшительно сказала Нета.

Мотовиловъ строго посмотрѣлъ на нее, а Марья Антоновна сказала наставительно:

— Не капризничай, Нета,—онъ прекрасный молодой человѣкъ.

— И на такой хорошей дорогѣ,—подхватилъ Мотовиловъ.

— Да я ужъ люблю другого,—сказала Нета.

— Вздоръ, мать моя! Выкинь дурь изъ головы: за Пожарскимъ тебѣ не бывать!

— А за Андозерскаго я не пойду!

— Слушай, Нета,—внушительно сказалъ Мотовиловъ,—я тебѣ серьезно совѣтую,—подумай!

— Подумай, Нета,—сказала Марья Антоновна.

— А иначе тебѣ худо будетъ. Я изъ тебя дурь выбью, не безпокойся. И актеру не поздоровится.

Нету подвергли безпрестанному домашнему шпыннянью. Отецъ призывалъ ее раза по два на день въ кабинетъ, и читалъ длинныя наставленія, — должна была стоять и слушать.

— Я устала,—сердито сказала она во время одного такого выговора.

— Ну, такъ стань на колѣни!—прикрикнулъ отецъ.

И ей пришлось еще долго слушать его, стоя на колѣняхъ.

Мать пилила понемножку, но почаще. Юлія Степановна подпускала шпильки. Видѣться съ Пожар-

скимъ Нетѣ не удавалось,—но сумѣла таки переслать ему записку.

Дня черезъ два Пожарскій явился утромъ, и попросилъ доложить Алексѣю Степановичу. Горничная, молоденькая, смазливая дѣвушка, вся красная и крупная, рыжеволосая, краснолицая, въ красной кофточкѣ и бѣломъ передникѣ, съ красными большими руками и съ красными ногами, принесла отвѣтъ: не могутъ принять. Пожарскій сказалъ:

— Скажи Алексѣю Степановичу, что по важному для него дѣлу.

Горничная пошла неохотно. Пожарскій вынулъ изъ кармана визитную карточку, и карандашомъ написалъ:

„Дѣло у меня несложно, не хотите выслушать, такъ я словесно передамъ черезъ кого-нибудь, - только, можетъ быть, вы пожелаете избѣгнуть огласки; дѣло щекотливое, и огласка ваши же планы разстроитъ".

Горничная вернулась, и сказала ухмыляясь, словно радуясь чему-то:

— Извиняются. Никакъ не могутъ.

— Ну, такъ передай вотъ это.

Черезъ минуту горничная опять вышла къ Пожарскому. Красное лицо ея досадливо хмурилось. Она сказала:

— Просятъ пожаловать.

— Давно бы такъ,—проворчалъ Пожарскій.

Мотовиловъ ждалъ въ кабинетѣ. Тщательно приперъ двери. Спросилъ сухо:

— Чему обязанъ?

— Многоуважаемый Алексѣй Степановичъ!—торжественно сказалъ Пожарскій:—имѣю честь просить у васъ руки вашей дочери, Анны Алексѣевны.

— Вы только за этимъ явились?

— А это отъ отвѣта зависитъ.

— Отвѣтъ вамъ извѣстенъ,—рѣзко сказалъ Мотовиловъ.

Пожарскій нахально улыбался. Сказалъ:

— Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились, и потому я беру смѣлость...

— Ваши обстоятельства?

— Нѣтъ, не мои лично.

— Я уже говорилъ вамъ,—началъ было Мотовиловъ.

Пожарскій развязно перебилъ его:

— Повѣрьте, Алексѣй Степанычъ, будетъ лучше, если вы согласитесь.

— Однимъ словомъ, это окончательно.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ вамъ сказать,—хотя и съ прискорбіемъ,—что, прося теперь руки вашей дочери, я только исполняю долгъ честнаго человѣка.

— Что?—крикнулъ Мотовиловъ.

Побагровѣлъ.

— Увы! — вздохнулъ Пожарскій: — „Въ ошибкахъ юность не вольна!“ Это и есть обстоятельство...

— Это—ложь! гнусная ложь!

— Могу доказать...

Послѣ нѣсколькихъ минутъ бурнаго разговора, Пожарскій очутился на улицѣ. Растерянно думалъ:

„Досадно! Кремень человѣкъ! Не ждалъ я того,—только напрасно поклепъ взвелъ на мою Джульету. Какъ бы ей перечесу не задали!“

Посѣтилъ Андозерскаго, и также неудачно. Андозерскій повѣрилъ, но сдѣлалъ видъ, что не вѣритъ. Видно было, что не отступится.

Нетѣ поклепъ Пожарскаго обошелся дорого. Отецъ призвалъ ее. Бѣшено раскричался. Нета ничего не понимала и не могла оправдываться. Ея отвѣты казались отцу признаніями. Свирѣпѣлъ все болѣе. Его крики наполняли весь домъ. Надавалъ Нетѣ пощечинъ. Нета горько рыдала. Наконецъ Мотовиловъ усталъ. Вспомнилъ, что надо разсказать женѣ. Выпилъ воды. Прошелся по кабинету. Сказалъ:

— Ты, матушка, въ могилу меня уложишь. Но ты еще у меня въ рукахъ. Иди къ себѣ, и жди березовой каши.

Нета ушла. Мотовиловъ и Марья Антоновна долго разговаривали. Потомъ Марья Антоновна пошла къ дочери.

Нета сидѣла одна. Неутѣшно плакала. Не сомнѣвалась, что отецъ исполнитъ угрозу. Но все не могла понять, что случилось. Мать долго сидѣла съ нею. Наконецъ Нета сказала:

— Онъ—негодяй!

Ея глаза засверкали.

Марья Антоновна пошла утѣшить мужа. Мотовиловъ сказалъ:

— Ну и слава Богу! Я очень радъ. А все-таки Нета виновата, и, ужь какъ ты хочешь, а я ее накажу. Ужъ очень она норовитая. Выбрала, кого любить, нечего сказать.

Нету опять позвали къ отцу.

Къ вечеру въ городѣ уже звонили, что Нету высѣкли. Мольнъ былъ въ восторгѣ. Радостно разсказывалъ друзьямъ. Сочинялъ глупыя и пошлыя подробности. Веселились, — Гомзинъ стучалъ великолѣпными зубами, Бинштокъ хихикалъ.

Глава тридцать пятая.

Каждое утро Логинъ просыпался мрачный, хмурый. Въ стѣнахъ его квартиры было знойно. Румяный, рыжеволосый мальчуганъ, который привидѣлся въ то несчастное утро, сдѣлался такъ тѣлесенъ, что началъ отбрасывать тѣнь, когда стоялъ въ лучахъ солнца. Но стоило подумать объ Аннѣ,— и мальчуганъ исчезалъ, словно его не было.

Припоминались дѣла послѣднихъ дней, свои и чужія. Жестокій ядъ злой клеветы все больнѣе жегъ сердце. И уже Логинъ зналъ, отъ кого идетъ клевета. И дѣла чужія,— негодованіе, презрѣніе кипѣли надъ воспоминаніями о нихъ.

Со всѣми злыми думами и воспоминаніями связывался одинъ ненавистный образъ,—Мотовилова. Злоба къ Мотовилову подымалась, какъ дьявольское одержаніе, и мстительное чувство яростно боролось съ внушеніями разсудка. Напрасно припоминалъ завѣты прощенія. Напрасно приводилъ себѣ на память Анины ясные глаза. Негодованіе владычествовало надъ памятью, и Анна припоминалась негодующая, и слышались ея страстныя слова:

— Вотъ человѣкъ, который не имѣетъ права жить!

Жажда мщенія томила, какъ жажда, томящая въ пустыняхъ. Тяжело было думать, что Мотовиловъ, это ходячее оскорбленіе, этотъ воплощенный грѣхъ, еще живетъ, и дышитъ однимъ воздухомъ съ Анною, и отравляетъ этотъ воздухъ гнилыми рѣчами. Иногда Логинъ представлялъ себѣ, что Мотовиловъ обидитъ или оскорбитъ Анну,—и острая боль пронизывала его.

„Но и я не такой ли, какъ Мотовиловъ?"— спрашивалъ онъ себя, и строго судилъ свое отягощенное порокомъ прошлое.

„Надо отдѣлаться отъ ненавистнаго прошлаго, убить его! Остаться жить съ одною чистою половиною души. Эта жизнь невозможна. Исходъ, какой бы то ни было. Хотя бы мучительный, какъ пытка или казнь".

Чѣмъ больше думалъ объ этомъ Логинъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ бушевала злоба, страшная ему самому, дикая, звѣрская, — и тѣмъ невыносимѣе было это состояніе, тѣмъ повелительнѣе требованіе исхода. Это будетъ, быть можетъ, что-нибудь жестокое,—Логинъ не зналъ, что именно, даже не думалъ объ

этомъ, и боялся думать,—но чувствовалъ все сильнѣе необходимость исхода.

Порою воспоминаніе довѣрчивыхъ Анниныхъ глазъ навѣвало успокоеніе,—и въ душѣ былъ праздникъ и рай. Но быстро пролетали свѣтлыя минуты,—приходилъ другой человѣкъ, мстительный, злобный, и горько жаловался на свои обиды.

И послѣ каждаго свѣтлаго промежутка все ненавистнѣе становился Логину этотъ его другой человѣкъ, все тягостнѣе была его злоба. Необходимо было покончить съ этимъ, отдѣлаться отъ печальной необходимости быть двойнымъ.

Видя его мрачную задумчивость, Леня иногда говорилъ:

— Пора бы вамъ сходить къ Ермолинымъ. Книжки-то вы, поди-ка, всѣ прочли, такъ перечитать и потомъ успѣете.

Логинъ улыбался, и отвѣчалъ:

— Твое ли это дѣло, Ленька?

— Отчего же не мое?—отвѣчалъ Леня.

— Логинъ шелъ къ Ермолинымъ. Думалъ дорогою, подъ надоѣдливое стрекотаніе кузнечиковъ, что надо поговорить съ Анною, и сказать ей, что онъ не стоитъ ея, сказать ей, чтобъ она его забыла. Если не заставалъ ея дома, шелъ искать ее въ полѣ, въ деревнѣ, на мызѣ, хоть и зналъ, что найдетъ ее за дѣломъ и, можетъ быть, помѣшаетъ.

Но едва завидитъ ее издали,—и забываются мрачныя мысли. Другимъ человѣкомъ подходилъ къ ней,—пробуждался довѣрчивый, кроткій Авель, а угрюмый Каинъ прятался въ тайникахъ души. Но чуткая Анна различала холодное дыханіе Каина въ безмятежно-нѣжныхъ рѣчахъ Логина, и тосковала. Она томилась мыслью: какъ растаять ледъ? какъ умертвить Каина? какъ возстановить въ смятенной душѣ Логина немеркнущій свѣтъ святыни? Надо ли принести жертву?

И она рѣшилась принести жертву, а горькія со-

мнѣнія не оставляли ея: полезна ли будетъ жертва? не разнуздаетъ ли она звѣря?

Говорили они о многомъ, о своей будущей жизни, о городскихъ дѣлахъ. Въ городѣ разгорѣлась холера. Народъ глухо волновался. Все раздражало невѣжественныхъ людей: санитарныя заботы,—и яркая звѣзда, холерный баракъ,—и освобожденіе Молина, клеветы на Логина,—и толки о земскихъ начальникахъ. Усилилось пьянство, въ трактирахъ и на улицахъ происходили драки. Изъ людей зажиточныхъ иные стали выбираться изъ города: боялись холеры, боялись и безпорядковъ.

Анна пришла вечеромъ къ отцу, опустилась передъ нимъ на колѣни, и довѣрчиво прижалась къ нему. Въ лучахъ зари лицо ея рдѣло, и лежало на немъ неопредѣленное, вечернее выраженіе, счастливая грусть. Ея волосы были распущены, ноги не обуты, и бѣлое платье, простое, какъ туника, ложилось широкими складками. Сладкій запахъ черемухи вливался въ открытыя окна.

— Такъ-то, мой другъ, рѣшила ты свою судьбу, — тихо сказалъ Ермолинъ.

— Да. И жутко сначала. Точно купаешься о полночь, и не видно берега.

— Не утонуть бы вамъ обоимъ.

Щеки у Анны вспыхнули.

— Не бѣда! У него нѣтъ устоевъ, онъ можетъ погибнуть безъ пользы и безъ славы. Но въ немъ и великія возможности. Мы съ нимъ всхожіе.

— А будешь ли ты съ нимъ счастлива?

Анна кротко улыбалась, и смотрѣла снизу въ глаза отцу. Сказала:

— Будетъ горе,—такъ мы и съ горемъ проживемъ. Ты пріучилъ меня не бояться того, чего боятся слабые.

— Горе жизни, милая, пострашнѣе, чѣмъ босою по снѣгу походить или отъ боли подъ розгами поревѣть.

— Поборемся,—тихо отвѣчала Анна.

Нѣжно улыбалась, а изъ глазъ ея медленно падали крупныя слезы.

Поздно вечеромъ у Логина въ кабинетѣ сидѣлъ Баглаевъ. Передъ ними стояла батарея бутылокъ, пустыхъ, полныхъ, недопитыхъ. Баглаевъ боялся холеры, и потому усиленно пьянствовалъ. Настроеніе Логина было подъ-стать попойкѣ. Было что-то фантастическое въ томъ, что маячило передъ глазами Логина. Небольшая комната казалась облитою краснымъ заревомъ. Раскраснѣвшееся Юшкино лицо смотрѣло пьяно и безсмысленно. Логинъ чувствовалъ, какъ мучительно бьется кровь въ вискахъ, какъ мучительно кружится голова. Юшка лепеталъ коснѣющимъ языкомъ:

— Ну да, я знаю, что я—свинья! И даже хуже,—просто блоха паскудная, ничтожная тварь. Зато за мной и художествъ большихъ нѣтъ: на блохѣ и блохи маленькія. Пьяница, — и все тутъ! А ты, — у тебя, братъ, совѣсть нечиста. Ты—гордый и слабый человѣкъ! На грошъ амуниціи, на рубль амбиціи! Ты все фокусы выкидываешь, ты для фокуса радъ человѣка убить!

— Заврался, любезный!—угрюмо сказалъ Логинъ.

— Нѣтъ, братъ, Юшка не заврался! Юшка Баглаевъ не дуракъ! И, можетъ быть, и заврался, но все равно какъ и не заврался. Ты не любишь никого, тебѣ все гнусно, ты насъ, братъ, презираешь. Ну и презирай, чортъ съ тобой, такъ намъ и надо. А я тебя все-таки люблю; ты малый сердечный, хоть иногда у тебя ничего не разберешь. Ну и дербалызнемъ, братъ. А Мотовиловъ— негодяй, я это ему въ глаза скажу.

Онъ дрожащими руками, но съ большимъ увлеченіемъ налилъ рюмки. Логинъ уже давно былъ странно молчаливъ. Онъ взялъ рюмку. Юшка лепеталъ:

— Стукнемся, братъ, и хлобыснемъ.

Выпили. Юшка продолжалъ:

— Да, я тебя люблю, хоть ты лицемѣръ; ты скрытный, надменный человѣкъ. Ты все про себя. Ты всякую свою болячку хочешь самъ расковырять и сожрать. Ты — человѣкъ фантастичный и озорной. Вася, другъ мой, мнѣ тебя жалко! Васюкъ! Не дворитъ тебѣ у насъ!

Юшка расплакался, и потянулся было цѣловаться. Но его всклокоченная и потная голова вдругъ шатнулась, закинулась назадъ, завалилась на спинку кресла. Онъ еще разъ всхлипнулъ, всхрапнулъ, обронилъ голову на столъ, на сложенныя руки, и заснулъ. Логинъ закрылъ глаза: подъ ложечкою засосало, стало жутко и сладко, и онъ поплылъ куда-то, потомъ полетѣлъ въ бездну, скорѣе и скорѣе,— и все слаще и жутче становилось. Паденіе окончилось,— и онъ открылъ глаза. Мрачно и безобразно было въ комнатѣ.

Логинъ взялъ шляпу, спустился внизъ, и тихонько отворилъ выходную дверь. Въ то же время пріоткрылась дверь изъ комнаты, гдѣ спалъ Леня. Леня выглянулъ въ переднюю. Логинъ посмотрѣлъ, но не замѣтилъ его.

Шелъ по улицамъ, слегка покачивался. Полная луна сладко мучила его. Такъ пытливо и пристально смотрѣла,—чего-то ждала, или боялась, или угрожала чѣмъ-то? Не могъ понять смысла ея блѣдныхъ, злобно-неподвижныхъ лучей, но смыслъ въ нихъ былъ,—язвительный, леденящій душу смыслъ.

Въ сознаніи Логина пробѣгали несвязные отрывки мыслей и чувствъ. Неотступно стояли гдѣ-то рядомъ, сразу за порогомъ сознанія, два таинственные гостя.

Такъ бываетъ, когда знаешь по какимъ-нибудь примѣтамъ, что за дверью стоитъ кто-то, и когда онъ не входитъ. Логинъ напрасно старался отворить имъ дверь сознанія. Одинъ былъ-чей то образъ; дѣтское лицо, испуганные глаза, еще что-то знакомое,—но не зналъ, что это. Другой гость,—это было что-то безформенное и странное, предчувствіе или повелѣніе, что-то злобное, мстительное, связанное съ глубоко-ненавистнымъ образомъ. Это неопредѣленное и неотступное давило грудь, затрудняло дыханіе.

Временами казалось, что есть цѣль, и что онъ знаетъ, куда идетъ и зачѣмъ. Онъ не замѣчалъ дороги, глаза блуждали, и луна пристально смотрѣла на него. Ея блѣдные, злые лучи говорили, что это все такъ, какъ надо, что все рѣшено, и теперь должно быть исполнено.

По серединѣ моста остановился, оперся о перила, и смотрѣлъ въ воду. Вода тускло блестѣла. Темныя, гладкія струи съ тихимъ ропотомъ набѣгали на зыбкіе устои. Ужасъ дѣтскаго полузабытаго кошмара проснулся въ душѣ. Логинъ стоялъ въ нерѣшительности. Захотѣлось вернуться. Поднялъ къ небу тоскливые глаза. Что-то разбитое, и растоптанное, и похороненное въ душѣ рванулось съ отчаяннымъ усиліемъ изъ могилы. Жажда молитвы и покорности жалко затрепетала въ сердцѣ. Но въ небѣ, пустынномъ и тихомъ, зеленый дискъ луны висѣлъ, мертвый и злобный, и леденилъ душу мертвыми лучами.

Логинъ пошелъ дальше. Безумныя угрозы срывались съ его языка. Зналъ, что сбудется сейчасъ предвѣщаніе дѣтскаго кошмара. Пустыня небесъ, и мертвая луна съ мертвою улыбкою и холоднымъ свѣтомъ, и рѣдкія, блѣдныя звѣзды, говорили, что кошмаръ, томившій въ дѣтствѣ, теперь сбывается. Вѣтеръ жалобно шумѣлъ въ вѣткахъ ивы, нагнувшейся надъ рѣкою, и заунывнымъ воемъ повторялъ, что кошмаръ

сбывается. Старыя липы мотовиловскаго сада чутко смотрѣли поверхъ забора на дорогу, гдѣ шелъ блѣдный человѣкъ съ дико-расширенными глазами, человѣкъ, кошмаръ котораго теперь сбывается. Окна заблестѣли подъ лунными лучами тусклымъ блескомъ, злобно радовались тому, что кошмаръ сбывается.

Калитка сада, черезъ которую барышни ходили купаться, была затворена. Но непрочный запоръ уступилъ усиліямъ. Логинъ вошелъ въ садъ. Въ саду никого не было. Въ домѣ всѣ спали. Только въ кабинетѣ Мотовилова свѣтился огонекъ.

Мимо оконъ Логинъ прошелъ садъ поперекъ, и вышелъ во дворъ. Остановился въ тѣни сложенной полѣнницы, и соображалъ, какъ удобнѣе проникнуть въ домъ.

Въ саду на террасѣ стукнула дверь. Логинъ вздрогнулъ, и попятился назадъ, межъ двухъ полѣнницъ. Споткнулся на что-то,—что-то твердое было подъ ногами, въ родѣ гладкаго полѣна. Онъ оттолкнулъ это впередъ, и боязливо глядѣлъ въ садъ, стараясь не выдаваться изъ-за полѣнницъ. Сердце усиленно билось.

По саду шелъ Мотовиловъ. Логинъ сообразилъ, что онъ хочетъ пройти въ огородъ, который былъ по ту сторону двора. Въ такомъ случаѣ Мотовиловъ долженъ будетъ пройти мимо того мѣста, гдѣ таился Логинъ.

Логинъ посмотрѣлъ на предметъ, попавшійся подъ ноги. Топоръ. Быстро отодвинулъ его ногою назадъ, въ темное мѣсто, быстро поднялъ, взялъ въ правую руку. А Мотовиловъ уже входилъ во дворъ.

Логинъ замеръ въ томительномъ ожиданіи. Шаги Мотовилова приближались. Вотъ прошелъ мимо Логина, и не замѣтилъ его. Логинъ тихо выдвинулся изъ-за полѣнницы, и взмахнулъ топоромъ. Мотовиловъ отворилъ калитку, и сдѣлалъ шагъ въ огородъ. Въ

это время тяжелый ударъ упалъ на его курчавую голову. Раздался глухой звукъ и легкій трескъ.

Мотовиловъ лежалъ ничкомъ.

„Умеръ или безъ памяти?“—подумалъ Логинъ.

Наклонился,—окровавленный затылокъ былъ безобразенъ. Злоба и ненависть овладѣли Логинымъ. Опять взмахнулъ топоромъ, еще, и еще. Хряскъ раздробляемыхъ костей былъ противенъ. Отвратительна была размозженная голова.

„Не встанетъ“,—злобно подумалъ Логинъ.

Бросилъ топоръ, выпрямился, и быстро пошелъ черезъ дворъ въ садъ. Чувствовалъ удивительное облегченіе, почти радость. Мысль о томъ, что могутъ увидѣть, еще не приходила въ голову.

Тогда онъ подошелъ къ садовой калиткѣ, пьяное бормотаніе раздалось на берегу. Остановился въ тѣни забора, и прислушивался.

Спиридонъ шелъ мимо забора, ругался, и бормоталъ:

— Нѣтъ, братъ, шалишь, не выпорешь,—руки коротки!

Спиридонъ увидѣлъ открытую калитку, и грузно ввалился въ садъ. Его лицо на минуту остановилось противъ взоровъ Логина,—и Логинъ почувствовалъ ужасъ. Лицо свидѣтеля,—нѣтъ, не одно это было ужасно. То было лицо, искаженное непомѣрною мукою, отчаяніемъ, стыдомъ, лицо, блѣдное до синевы, съ потеряннымъ взоромъ испуганныхъ глазъ, съ трепетными губами,—каждая черточка этого лица трепетала страхомъ, какъ бы передъ неизбытною бѣдою. Онъ былъ не такъ пьянъ, какъ казалось по голосу, но весь, съ головы до ногъ, дрожалъ мелкою, трусливо-жалкою дрожью.

Взоры Логина обратились къ его рукамъ, и новая волна ужаса потрясла Логина. Въ дрожащихъ рукахъ Спиридона видиѣлся кусокъ верезки. Онъ цѣпко дер-

жался за этотъ кусокъ. Логинъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какая связь между веревкою и появленіемъ Спиридона здѣсь въ эту пору,—но чувствовалъ, что есть связь, и связь ужасная. Прислонился къ забору, и смотрѣлъ, какъ Спиридонъ прилаживалъ петлю къ толстому суку дерева, прямо противъ террасы.

Гдѣ-то далеко раздался веселый, бойкій напѣвъ. Онъ заставилъ Логина снова затрепетать.

„Бѣжать! Дальше отъ этого проклятаго мѣста!"

Опять никого не встрѣтилъ на дорогѣ, и только луна смотрѣла на него, и ея холодные лучи вѣяли успокоеніемъ.

„Убито злобное прошлое, — не воскрешай его!— шептали ему лунные лучи.— Не раскаивайся въ томъ, что сдѣлано. Худо это, или хорошо,—ты долженъ былъ это сдѣлать.

„И что худо, и что хорошо? Зло или благо— смерть злого человѣка? Кто взвѣситъ? Ты не судья ближнему, но не судья и себѣ. Покоряйся неизбѣжному.

„Не иди на судъ людей съ тѣмъ, что сдѣлано. Что тебѣ нравственная сторона возмездія? Отъ нихъ ли примешь ты великій урокъ жизни? А матеріальная сторона, — неволя, тягости труда, лишенія, страданія, позоръ,—все это случайно выпадаетъ на долю добрыхъ и злыхъ. Кому нужно, чтобы къ неизбытному горю и позору людскому прибавить твое горе, твой позоръ, и горе тѣхъ, кто любитъ тебя?

„Пусть тлѣютъ мертвые, думай о живомъ!"

Быстрыми шагами шелъ онъ по улицамъ, но его лицо было мирно и покойно. Если бы его встрѣтилъ кто-нибудь, кто узналъ бы убійцу! Несъ на одеждѣ капли крови, но одежда сгоритъ завтра, съ этою уликою.

А Юшка все еще спалъ. Логинъ переодѣлся, спряталъ окровавленную одежду, и сѣлъ къ столу. Представилось вдругъ, что не выходилъ изъ комнаты, и что все было только уродливый сонъ.

„Но мнѣ этотъ сонъ никогда не забудется!“ — печально подумалъ онъ.

Тоска сжала сердце. И вдругъ всталъ передъ нимъ спасительный образъ Анны. За стѣною послышалась ему ея тяжелая, увѣренная поступь. Логинъ почувствовалъ себя сильнымъ и юнымъ. Есть къ чему стремиться! Есть то, за что не страшна никакая борьба!

Юшка заговорилъ что-то въ просонкахъ. Логинъ стукнулъ бутылкою о стаканъ. Юшка заворочался, и открылъ мутные глаза.

— Ну, что, Юшка, выспался?

Юшка встрепенулся, вскочилъ на ноги.

— Сморозилъ! Я и не думалъ спать. Ополоумѣлъ ты спьяна.

— Ну выпьемъ съ просонокъ.

— Не хочу и пить по такому дурацкому поводу. Вишь, что выдумалъ! Чтобъ Юшка Баглаевъ заснулъ передъ водкой! Что ты, опомнись!

— А все-же, Юшка, ты всхрапнулъ. Я успѣлъ въ это время прогуляться.

— На что ты меня въ глаза дурачишь? Ты самъ спалъ.

— Неужели?

— Ей-Богу, спалъ. Храпѣлъ во всю Ивановскую.

— А мнѣ показалось, что это ты, Юшка, спалъ.

— Ну вотъ. Ты еще во снѣ бредить началъ, такъ я тебѣ голову водой мочилъ.

— Вотъ за это, братъ, спасибо.

— То-то, Юшка Баглаевъ знаетъ, когда что.

На утро городъ былъ взволнованъ звѣрскимъ преступленіемъ. Мотовилова нашли убитымъ на дворѣ. Голова его была вся изрублена топоромъ. Очевидно, убійца наносилъ безсмысленные удары уже бездыханному трупу. А недалеко отъ жертвы найденъ былъ и убійца: на деревѣ передъ

террасою висѣлъ уже охолодѣлый Спиридонъ. На его изорванной рубахѣ были видны кровавыя пятна.

Передъ домомъ Мотовилова тѣснился народъ. Мотивъ убійства для всѣхъ былъ ясенъ: месть за то, что его осудили по жалобѣ покойнаго Мотовилова.

— Судъ Божій!—говорили въ толпѣ.—Богъ-то видитъ.

Настроеніе было строгое, сосредоточенное. Правда, иные буяны покрикивали:

— Такъ бы и иныхъ прочихъ!

Но ихъ унимали. Однако, кто повнимательнѣе всмотрѣлся бы въ лица горожанъ здѣсь, въ толпѣ, и въ другихъ мѣстахъ города, когда заходила рѣчь объ убійствѣ, замѣтилъ бы въ нихъ слѣды жестокихъ, кровожадныхъ мыслей. Кровавое событіе таинственно волновало народъ, и словно подстрекало толпу къ злому дѣлу.

Глава тридцать шестая.

Къ вечеру Анна сошла по ступенямъ террасы въ садъ, и неожиданно встрѣтила лицомъ къ лицу Логина. Сердце ея замерло. Логинъ смотрѣлъ на нее воспаленными глазами. Его блѣдное лицо выражало страданіе и злобу. Принужденно улыбнулся. До боли сильно сжалъ руку. Спросилъ:

— Я, кажется, помѣшалъ? Ты собралась куда-то.

— Нѣтъ,—отвѣчала Анна, смущенно улыбаясь,—я только хотѣла пройти...

— Впрочемъ, не задержу,—перебилъ онъ.—На минуту. Надо сказать... Но пойдемъ куда-нибудь дальше.

Все это говорилъ хриплымъ, прерывающимся голосомъ, словно не хватало воздуха. Не дожидаясь отвѣта, круто повернулся, и быстро пошелъ, не глядя на Анну. Она едва поспѣвала за нимъ. Такъ пришли

они къ скамейкѣ на берегу маленькаго озера, на которомъ медленно покачивались желтые касатики. Логинъ остановился. Порывисто схватилъ обѣ руки Анны, и для чего-то привлекъ ее къ самому берегу. Заговорилъ:

— Слушай,—я не люблю тебя.

— Неправда,—сказала Анна, блѣднѣя.

— Да, да, я не люблю тебя, хоть ты дороже всего для меня на свѣтѣ. Я не знаю, что это. Я такой порочный для тебя, и я хочу обладать тобою. Я ненавижу тебя. Я бы хотѣлъ истязать тебя, измучить тебя невыносимою болью и стыдомъ, умертвить,—и потомъ умереть, потому что безъ тебя я уже не могу жить. Ты околдовала меня, ты знаешь чары, ты сдѣлала меня твоимъ рабомъ,—и я тебя ненавижу,—мучительно. Что жъ, пока еще ты свободна,—прогони меня, видишь, я—дикій, я—злой, я—порочный. Скажи мнѣ, чтобъ я ушелъ.

Сжималъ ея руки, и пристально смотрѣлъ въ ея глаза, печальные, но спокойные.

— Тебѣ тяжело,—кротко сказала она,—но я люблю тебя.

— О, милая! о, ненавистная! И моя ненависть тебѣ не страшна? И ты хочешь быть моею женою?

— Хочу,—безъ колебанія сказала Анна.

Глаза ея спокойно и твердо глядѣли на Логина, и онъ видѣлъ въ нихъ странное сочетаніе кротости и жестокости. Жестокое, злое чувство закипѣло въ немъ, багряно туманило глаза, томительно кружило голову. Шатаясь, выпустилъ онъ Аннины руки. Хрипло прошепталъ:

— Хочешь? Такъ вотъ!

Поднялъ руку, ударить Анну. Глаза ея, испуганные, широко открылись, но она стояла неподвижная, съ опущенными руками. Вдругъ рука Логина без-

сильно опустилась, и онъ тихо склонился на песокъ дороги, къ ногамъ Анны.

Стояла надъ нимъ, ясная, спокойная, и молча смотрѣла вдаль. Видѣла, что еще много горя и безумія ждетъ впереди, но будущее не страшило, а влекло страннымъ очарованіемъ.

— Анна, оставь меня моей судьбѣ! Я человѣкъ разрушенный,—печально сказалъ Логинъ, медленно подымаясь.

— Никогда! Пока живъ, не теряй надежды.

— У меня была надежда на счастіе съ тобою. Но можешь ли ты любить меня послѣ того, что случилось?

— Ничто насъ не разлучитъ. Я сердцемъ приросла къ тебѣ.

— Даже преступленіе? кровь?

Анна задрожала.

— Ничто не можетъ разлучить насъ!—воскликнула она.—Я бы за тобою пошла на каторгу, я помогла бы тебѣ нести тайну.

Подняла на Логина глаза; полные слезъ, они выражали страданіе. Слезы катились по ея щекамъ, и это терзало сердце Логина.

— Нюточка, бѣдная моя, ты что-нибудь знаешь?

— Я знаю, что тебѣ тяжело. Открой мнѣ твою тайну: пусть не будетъ у насъ ничего нераздѣленнаго.

— Слушай, Нюточка,—я убилъ Мотовилова.

Почувствовалъ опять ея трепетъ. Страшно было взглянуть на нее,—смотрѣлъ въ сторону. Но молчаніе было невыносимо. Ихъ глаза встрѣтились. Состраданіемъ горѣли кроткіе глаза Анны. Логинъ почувствовалъ, какъ радость воскресаетъ въ его душѣ.

— Это было для меня роковымъ дѣломъ. Это началось давно, и мучило меня. Когда я убилъ его, я почувствовалъ, какъ это ни дико, радость и облегче-

ніе. Мнѣ казалось, что въ себѣ самомъ я убилъ звѣря. Но я долженъ разсказать тебѣ все. Захочешь ли ты слушать меня?

— Да, разскажи мнѣ все,—тихо сказала Анна.— И только мнѣ,—не имъ же ты скажешь все это.

Логинъ и самъ не ожидалъ, что повѣсть объ его отношеніяхъ къ убитому будетъ такъ длинна. Разсказывалъ, и не чувствовалъ былой злобы. Но какъ тяжело было говорить объ убійствѣ! Какъ это было жестоко,—это кровавое дѣло,—и какъ, повидимому, безцѣльно!

Наконецъ кончилъ, и съ тревожнымъ ожиданіемъ смотрѣлъ на Анну. Она взяла его руку.

— Ты убилъ прошлое,—рѣшительно сказала она,— теперь мы будемъ вмѣстѣ ковать будущее,—иначе и за-ново.

Она быстро нагнулась, и поцѣловала его руку.

— Нюточка! чистая моя!—воскликнулъ Логинъ.— Какъ бѣденъ я передъ тобою, жрица моя и агнецъ!

Опустился передъ нею на колѣни, и покрывалъ поцѣлуями ея руки.

— Пойдемъ впередъ и выше,—говорила она,—не будемъ оглядываться назадъ, чтобъ не было съ нами того же, что съ женою Лота.

Логинъ всталъ передъ Анною, и смущенно спросилъ ее:

— Надо ли признаться передъ людьми?

— Нѣтъ,—твердо отвѣтила Анна.—Къ чему намъ самимъ подставлять шеи подъ ярмо? Свою тяжесть и свое дерзновеніе мы понесемъ сами. Зачѣмъ тебѣ цѣпи каторжника? Вотъ, у тебя есть сладкая ноша,—я: возьми, неси меня.

Встала, положила руки на его плечи. Онъ подиялъ ее на руки.

— Нѣтъ, не уноси меня,—тихо шепнула она,—посиди со мною здѣсь.

Обнялъ ее. Сѣлъ на скамейку, и держалъ ее у себя на колѣняхъ. Она прилегла головою на его плечо, и полузакрыла глаза. Грудь ея порывисто колыхалась Логинъ чувствовалъ жаркій трепетъ ея тѣла. Но ея неровное дыханіе и горячій румянецъ ея лица не будили въ Логинѣ вожделѣнія, и онъ смотрѣлъ на нее спокойными глазами, какъ на младенца. А она томительно трепетала, и смущенно склоняла отуманенные глаза.

— Какая ты тяжелая!—сказалъ Логинъ.

Анна быстро взглянула на него, и улыбнулась.

„Отчего улыбка ея стыдливая?"—подумалъ Логинъ.

Логинъ вернулся домой съ неопредѣленными ощущеніями. Сначала, когда онъ ушелъ отъ Анны, простившись нѣжнымъ поцѣлуемъ, его осѣняло мирное настроеніе. Но, приближаясь къ городу, почувствовалъ онъ въ мысляхъ неловкость, какъ будто смутно вспомнилось что-то забытое, пренебреженное, но необходимое,—какъ будто не сдѣлано было еще что-то, что надо было сдѣлать. И вслѣдъ за этимъ первымъ страннымъ ощущеніемъ неловкости стали подыматься въ душѣ неясныя, раздражающія напоминанія.

А въ городѣ было дико и шумно. Толпы пьяныхъ и мрачныхъ оборванцевъ шатались по улицамъ. Въ одномъ мѣстѣ, противъ дверей трактира, кучка мѣщанъ окружила полицейскаго надзирателя, приставая къ нему съ вопросами, отчего только бѣдные умираютъ, да зачѣмъ баракъ холерный поставили. Надзиратель, блѣдный съ перепугу, старался выбраться изъ толпы, лепеталъ несбыточныя обѣщанія, и уговаривалъ мѣщанъ успокоиться и разойтись; впрочемъ, ужъ и не помнилъ, что говорилъ. Свирѣпый верзила торчалъ передъ нимъ, вытянувшись въ струнку, приложивъ къ правому виску скрюченные пальцы, и, издѣ-

ваясь надъ полицейскимъ, поминутно гаркалъ ни къ селу ни къ городу:

— Такъ точно, ваше благородіе! Слушаю, ваше благородіе! Рады стараться, ваше благородіе!

Полицейскій не чаялъ быть живу. Но задребезжали дрожки, съ нихъ соскочилъ тщедушный городовой съ тараканьими усами и яростнымъ солдатскимъ лицомъ, и, наступая на мѣщанъ, какъ на пустое мѣсто объявилъ, что надзирателя исправникъ требуетъ, и чтобъ сію минуту. Мѣщане замолчали и разступились, а надзиратель съ городовымъ сѣлъ на дрожки и укатилъ. Когда дрожки тронулись, кто-то изъ толпы крикнулъ рѣшительному городовому:

— Какъ бунтъ начнется, тебя, Точиловъ, перваго убьемъ.

И эти слова опять напомнили что-то Логину, но что именно, онъ не зналъ.

Дома его тревожное недоумѣніе усилилось. Вдругъ, случайно, замѣтилъ онъ на себѣ недоумѣвающій Ленинъ взглядъ. Логинъ внимательно посмотрѣлъ на мальчика. Леня быстро отвелъ глаза въ сторону, но Логину показалось, что мальчикъ смущенъ и блѣденъ.

И вдругъ вспомнилъ Логинъ, чьи глаза смотрѣли на него въ ночь убійства. Новая тоска загорѣлась въ немъ.

„Я былъ тогда пьянъ,—злобно думалъ онъ,—и ничего не соображалъ. Я шелъ, куда несли меня ноги да моя пьяная удача. Убійство спьяна! И ей я не сказалъ, что былъ пьянъ! Я пропустилъ самую простую и главную причину, и постарался внушить ей какое-то странное почтеніе къ моему хмѣльному убійству. Я поступилъ, какъ любой пошлякъ, который охорашивается всячески передъ любимою дѣвчонкою, чтобы ослѣпить ее блескомъ своего превосходства. И она, глупая, цѣловала мои руки! Геройство!

„Но какъ, однако, благоговѣю я передъ этою дѣвчонкою: исповѣдь приносилъ ей, старался быть искреннимъ, и не сказалъ главнаго!“

Сидѣлъ одинъ, и томился мрачными, злыми мыслями. Утомленный ихъ злобою, порою съ усиліемъ вызывалъ въ памяти образъ Анны,—и когда она вставала передъ нимъ спокойная и прекрасная, душа на короткое время смирялась и преклонялась передъ яснымъ видѣніемъ. Но умиленіе быстро сгорало, и смѣнялось знойнымъ, порочнымъ вожделѣніемъ. Онъ спрашивалъ себя:

„Зачѣмъ она была такая трепетная, и такъ разгоралась, когда я обнималъ ее? Какъ одинаково, какъ скучно одинаково совершается жизнь у всѣхъ! Такое же, какъ у всѣхъ, горячее дыханіе, и отуманенные желаніемъ глаза. Ей нужно пройти по тѣмъ же путямъ, по которымъ прошли неисчислимыя поколѣнія ея прародительницъ. И эта жизнь, такъ ясно предначертанная въ нашихъ побужденіяхъ,—какъ ключевая вода, всегда простая и безцвѣтная, всегда чистая. Ключевой водѣ и горному воздуху подобна простая плотская любовь,—но человѣческія установленія и нечистыя помыслы пятнаютъ ее.

„Зачѣмъ выбрала она меня, усталаго? И любовь ли это? Ко мнѣ и другія влекутся. Соблазны сосредоточены во мнѣ. Свинцовая тяжесть пригнетаетъ меня къ землѣ,—не слабы ли ея плечи для этой ноши?

„И зачѣмъ приносятся жертвы? Можетъ быть, ненасыщенная страстность требуетъ страданій? Любовь, соединенная съ желаніемъ обладать,—жестокая любовь, и произошла она, можетъ быть, изъ той ярости, съ которою дикій звѣрь преслѣдуетъ добычу“.

Странныя мысли развивались въ головѣ Логина. И по мѣрѣ ихъ наростанія, чувства его становились все болѣе дикими и злыми. Ему казалось, что не лю-

бовью любить онъ Анну, а ненавистью. И думалъ онъ, что сладостно причинять ей жестокія страданія, и потомъ утѣшать ее нѣжными ласками. Думалъ,—русскія женщины любятъ терпѣть потасовки отъ милаго.

Подъ вечеръ Анна возвращалась съ мызы домой, одна. У калитки сада встрѣтила Серпеницына. Онъ снялъ рваную шапку, и тихо сказалъ:

— Осмѣливаюсь просить вашего вниманія.

Анна остановилась. Внимательно смотрѣла на Серпеницына. Думала, что онъ будетъ просить о себѣ, и соображала, чѣмъ ему можно помочь. Серпеницынъ продолжалъ:

— Хотя и вижу васъ въ обуви, дарованной природою, какъ имѣютъ обыкновеніе ходить дѣвицы низшаго сословія, но по нѣкоторымъ даннымъ заключаю, что вы изволите быть благородною дочерью владѣльца этого богатѣйшаго имѣнія.

— Да,—сказала Анна.

— Имѣю сообщить вамъ нѣчто, относящееся къ одной изъ особъ, которыя имѣютъ честь пользоваться гостепріимствомъ вашего отца.

— Мнѣ-то,—начала было Анна, хмуря брови, но Перпеницынъ перебилъ ее:

— Отнюдь не сплетня или клевета, а нѣчто важное въ самомъ возвышенномъ смыслѣ. Честное слово благороднаго человѣка!

Перпеницынъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, и очень убѣдительно смотрѣлъ на Анну.

— Да вы,—опять начала она, и опять Перпеницынъ, угадывая, что она хочетъ сказать, поспѣшно крикнулъ:

— Перпеницынъ!

Анна открыла калитку, впустила въ садъ Перпеницына, и пошла впереди его. На площадкѣ, закрытой

густыми кустами, они остановились. Серпеницынъ заговорилъ:

— Вы, можетъ быть, изволите знать о тѣхъ слухахъ, которые волнуютъ населеніе города, особенно его невѣжественную часть.

Анна молча наклонила голову. Серпеницынъ помолчалъ, помялся, и опять заговорилъ:

— Иные изъ господъ обитателей изволили выбраться изъ города въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, во избѣжаніе непріятностей. А между прочимъ, господинъ Логинъ изъ города не уѣзжаетъ, хотя и настали вакаціи. Осмѣлюсь обратить ваше благосклонное вниманіе на то, что господинъ Логинъ излишне пренебрегаетъ могущими произойти неудобствами.

— Вы что-нибудь знаете?—спросила Анна.

Она блѣднѣла, и глаза ея испуганно расширились. Серпеницынъ отвѣчалъ:

— Знать будущее никакъ невозможно, а только я такъ полагалъ, что ваши благоразумные совѣты, направленные къ своевременному отбытію господина Логина изъ города, могутъ оказать благодѣтельное дѣйствіе. А засимъ честь имѣю кланяться.

Серпеницынъ опять снялъ шапку, раскланялся, держа ее на отлетѣ, и повернулся къ выходу.

— Послушайте,—остановила его Анна.

Серпеницынъ остановился. Анна хотѣла что-то сказать, и опять онъ предупредилъ ее:

— Впрочемъ, не извольте безпокоиться,—въ случаѣ, ежели возникнетъ непосредственная опасность, сочту своимъ священнымъ долгомъ предувѣдомить моего благороднаго кредитора.

— Можетъ быть,—сказала Анна,—вамъ теперь...

— Милостивая государыня!—воскликнулъ Серпеницынъ, ударяя себя въ грудь,—ни слова болѣе! Я нахожусь въ несчастіи, но я—благородный человѣкъ!

Еще разъ поклонился торжественно и почтительно, и ушелъ, оставивъ Анну въ жестокой тревогѣ. Долго стояла она, блѣдная и неподвижная, сложивъ трепетныя руки на тяжело-дышащей груди, и прислушивалась къ своимъ мыслямъ. Видѣла великую смуту и великое разореніе въ душѣ Логина, и знала, что лучше ему умереть, чѣмъ жить такъ. Но не могла отпустить его одного на смерть, и знала, что только чѣмъ-нибудь необычайнымъ, только завѣтною жертвою можно купить спасеніе.

Вечеромъ долго бесѣдовала съ отцомъ.

— У тебя странныя мысли,—сказалъ онъ наконецъ.— И откуда онѣ? Прежде ты была совсѣмъ другая.

— И лина растетъ,—отвѣтила Анна, улыбаясь и краснѣя.—Скажи самъ, слѣдуетъ ли мнѣ теперь отвернуться отъ него.

— Вы должны быть вмѣстѣ. Но поможешь ли ты ему? И какъ онъ будетъ жить съ такою смутою въ душѣ, съ такими порочными мыслями?

Анна подошла къ окну, и глядѣла на темное небо и слабо-мерцающія звѣзды. Ея лицо приняло непреклонное выраженіе. Она тихо говорила:

— Кто не способенъ возродиться, тотъ долженъ умереть. Надо, чтобы его темныя мысли сгорѣли,—въ жизни бываетъ восторгъ, бываютъ чудеса. И я должна это сдѣлать. Онъ увидитъ, что любовь на ея вершинахъ сильнѣе страсти и порока. Мнѣ страшно, но пусть лучше сгоримъ мы оба. И ты не запрещай мнѣ.

Тихо подошла къ отцу, и непривычная робость свѣтилась въ ея глазахъ. Онъ сказалъ:

— Дѣлай, какъ знаешь, но странно мнѣ то, что ты хочешь сдѣлать.

Опять длился ясный, жаркій день. Въ дальней аллеѣ сидѣли на скамьѣ Анна и Логинъ. Передъ ними лежало въ низкихъ берегахъ тихое озеро. Берега обросли

жесткою травою. На водѣ желтѣли цвѣты касатика. Вѣтеръ порывами набѣгалъ, и цвѣты колебались, и о чемъ-то таинственномъ напоминали ихъ медленно-зыбкія движенія. Ихъ желтый цвѣтъ внушалъ горькія мысли. Солнечный зной будилъ въ крови Логина жгучее сладострастіе. Ясныя глаза Анны не осѣняли миромъ. И она казалась далекою,—ея одежда переносила ее въ иныя времена, бѣлое платье, застегнутое на лѣвомъ плечѣ, очень короткое, оставляло ноги нагими выше колѣнъ.

Логинъ думалъ, что ему надо уйти, чтобы не внести порока въ Эдемъ. И вотъ, сидѣли рядомъ, и грустно бесѣдовали. Логинъ говорилъ:

— Кошмары у меня бываютъ, такіе вѣщіе. Послушай: сегодня ночью мнѣ стало тяжело. Неуклюжее, безобразное навалилось на грудь. Глаза изкрасна-сѣрые, горятъ. Ты знаешь суевѣрный обрядъ?

— Надо спросить: къ добру или къ худу,— отвѣчала Анна.

— Да, я спросилъ.

— И что же?

Логинъ злобно засмѣялся.

— Вотъ, если-бъ я зналъ, такъ и услышалъ-бы. Нѣтъ, одно только ворчанье. Если бы это былъ духъ онъ сталъ бы втупикъ. Онъ увидѣлъ бы во мнѣ двоихъ,—а кто изъ нихъ перетянетъ?

— Къ добру или къ худу наша любовь,—рѣшительно сказала Анна,—но вмѣстѣ и смѣло пойдемъ!

Довѣрчиво прижалась къ нему, и положила голову на его плечо.

— Куда мнѣ итти!—печально воскликнулъ Логинъ:—моя тяжесть не пускаетъ меня.

— Такъ что же,— понесемъ ее вмѣстѣ. Или лучше бросимъ ее, вотъ какъ осенью деревья бросаютъ листья,— и будемъ свободны: Смотри впередъ, говори мнѣ о будущемъ!

Злая улыбка змѣилась на его губахъ. Онъ злобно заговорилъ:

— И заживемъ мы, какъ всѣ, такою обыкновенною жизнью. Пойдемъ въ церковь, которая намъ не нужна, и повѣнчаемся передъ алтаремъ того Бога, въ котораго не вѣримъ. Презрѣнныя заботы о личномъ счастіи наполнятъ пустоту дней, но не утолятъ жажды. И я буду передъ тобою злой и безцѣльный. Мелочи будутъ меня раздражать, я буду къ тебѣ придираться, потомъ, раскаявшись, полѣзу къ тебѣ съ поцѣлуями, какъ всѣ мѣщанствующіе. Нѣжныя имена, такія пошлыя. И какъ ты станешь меня называть? Васей, Васенькой? И весь этотъ визгъ дѣтскій и запахъ,— все это и у насъ повторится. Ужасъ пошлости!

Анна слушала его, низко склоняя раскраснѣвшееся лицо. Сказала:

— Нѣтъ, и на торныхъ путяхъ есть неожиданное, пренебреженное людьми, и желанное для насъ. Мы пойдемъ этою дорогою не рабами, а свободные, безъ страховъ. Воскресимъ древнее счастіе, и оно станетъ счастіемъ новыхъ поколѣній.

— Нюточка, если бъ ты знала!. Распутство, пьянство, безсонныя ночи, тусклые дни. Какъ сбросить съ себя прошлое? Чудо нужно,—а я въ чудеса не вѣрю.

— Милый мой, любовь дѣлаетъ чудеса. Есть огонь, на которомъ сгорятъ нечистыя мысли.

Ея грудь взволнованно колыхалась. Глаза загорѣлись восторгомъ. Логинъ угрюмо и печально смотрѣлъ на нее.

— Я не знаю такого огня,—мрачно сказалъ онъ.

— Попытаемся подняться, — все тише говорила Анна.— Увидимъ, доступны ли намъ вершины счастія,—любовь безъ желаній. Если мы ихъ не достигнемъ, лучше умремъ.

Страшное слово прозвучало въ ея устахъ нѣжно и кротко.

— Милая жрица, ты зажжешь огонь, а гдѣ мы возьмемъ жертву?

Она встала. Логинъ поднялся за нею. Протянула къ нему руки. Сказала:

— Пойдемъ,—я хочу сдѣлать тебѣ даръ, и онъ готовъ. Хочу, чтобы ты свѣтло порадовался ему.

Молча вошли въ закрытую бесѣдку. Логинъ испытывалъ непонятное волненіе, словно предчувствіе значительнаго событія. Глядѣлъ черезъ окно на веселую зелень; она такъ густо разрослась здѣсь, что не видно было ни дома, ни дорожекъ. Зноенъ и звонокъ, воздухъ вливался въ бесѣдку черезъ перепутанныя вѣтви.

Логинъ видѣлъ, что и Анна странно взволнована. Она стояла передъ нимъ, вся трепетная, и то опускала, то подымала руки къ застежкѣ платья. Румянецъ быстро сбѣгалъ съ ея смуглыхъ щекъ. Вдругъ выраженіе рѣшимости и великаго спокойствія легло на ея поблѣднѣвшее лицо, она медленно подняла спокойныя руки, тихо разстегнула на лѣвомъ плечѣ металлическую пряжку, и сказала безстрастнымъ голосомъ:

— Мой даръ тебѣ—я сама.

Платье упало къ ея ногамъ. Обнаженная и холодная стояла она передъ нимъ, и съ ожиданіемъ смотрѣли на него ея непорочные глаза.

— Дорогая моя,—воскликнулъ Логинъ,—мы на вершинѣ! Какое счастіе! И какая печаль!..

Онъ привлекъ къ себѣ стройное, сильное тѣло Анны, цѣловалъ ея румяныя щеки, и нѣжно говорилъ:

— Моя милая, моя вѣчная сестра, твой даръ я возьму, твою душу солью съ моею, и тѣло твое напою радостью и восторгомъ,

Счастливая улыбка озарила лицо Анны. Она молчала. Глаза ея были покорны. Наклонился, поднять ея платье. Руки ихъ встрѣтились. Помогъ ей одѣться.

Возвращаясь домой, чувствовалъ Логинъ, что его-

рѣли темныя мысли; новый и свободный человѣкъ радовался тому, что выше и значительнѣе жизни и смерти. Передъ глазами стояла бѣлая, прекрасная Анна, и онъ зналъ, что съ этимъ яснымъ видѣніемъ въ душѣ не можетъ итти къ пороку и грѣху. Не думалъ о счастіи и о жизни, смерть или мука иногда открывались ему, — но съ этимъ нестыдливымъ и непорочнымъ образомъ въ душѣ уже онъ не могъ уклониться отъ того пути, по которому пройдутъ ея ноги. Великимъ успокоеніемъ вѣяло отъ этого прекраснаго видѣнія,—и всѣ возможности жизни стали одинаково желанны.

Вечеромъ, въ тишинѣ его комнаты, слышалась ему порою ея тихая поступь,—и это напоминало ему, что разсѣялись злыя чары.

Глава тридцать седьмая.

Рано утромъ Логина разбудилъ доносившійся откуда-то не издалека шумъ. Лежа въ постели, прислушался. Слышалось нестройное галдѣнье, въ которомъ иногда можно было различить отдѣльные неистовые вскрики. Такія же вскрикиванія слышались иногда совсѣмъ близко, въ разныхъ мѣстахъ. Но у самаго дома Логина было тихо, — только временами слышно было, какъ бѣжали подъ окнами люди, испуганно и негромко переговариваясь.

Логинъ почувствовалъ тоскливую и смутную тревогу, предчувствіе душевнаго подъема, который овладѣваетъ людьми въ минуты общаго возбужденія. Нервно вздрагивая и торопясь, принялся одѣваться. Внезапный дикій вопль подъ окнами заставилъ его задрожать отъ неожиданности. Съ гамомъ и свистомъ проходила толпа, и одинъ кто-то неистово оралъ:

— Не отставай, ребята! Бить докторовъ!

Логинъ подошелъ къ окну, и сталъ у косяка. Толпа состояла изъ мальчишекъ и совсѣмъ молоденькихъ городскихъ парней. Впереди шелъ тотъ буянъ съ оловянными глазами, лицо котораго такъ хорошо запомнилось Логину. Онъ-то и горланилъ, нелѣпо махая руками, и закатывая глаза какъ-то искоса вверхъ и въ сторону. Когда они прошли, на пустынной улицѣ стало опять тихо, только со двора доносились отголоски безтолковой суетни у Дылиныхъ, да слышалось все то же галдѣнье, которое разбудило Логина.

Логинъ сошелъ изъ спальни внизъ, и въ передней столкнулся съ Серпеницынымъ; онъ только что поднялся по лѣстницѣ изъ кухни, и имѣлъ таинственный и озабоченный видъ. Сказалъ:

— Простите, милостивый государь, что являюсь къ вамъ безъ доклада, но ваша Дульцинея Тобозская дезертировала, какъ надо судить по тому, что двери внизу настежь, а ея нигдѣ не обрѣтается. Испрашиваю аудіенціи у вашего высокоблагородія.

Логинъ прошелъ въ гостиную, и предложилъ Серпеницыну сѣсть. Оборванецъ хмыкнулъ, осторожно усѣлся на мягкій стулъ, и зашепталъ:

— Осмѣлюсь доложить, что дальнѣйшее пребываніе ваше, милостивый государь, въ этомъ городѣ можетъ повлечь за собою весьма опасныя послѣдствія.

— Ну, ничего,—хмуро сказалъ Логинъ,—какія тамъ послѣдствія? Да что вы шепчете,—здѣсь некому подслушивать.

— А этотъ субъектъ? — спросилъ Серпеницынъ, указывая подбородкомъ на кого-то сзади Логина.

Логинъ оглянулся, — изъ столовой выглядывалъ Леня, только что вскочившій съ постели.

— Ну, этотъ субъектъ не опасенъ, — сказалъ Логинъ съ улыбкою.

Серпеницынъ заговорилъ громче:

— Дѣло въ томъ, выражаясь литературнымъ сти-

лемъ, что мѣщане нашего города подняли возстаніе противъ холерныхъ властей, и собрались теперь, подъ предводительствомъ бабы Василисы Горластой, съ непріязненными намѣреніями у холернаго барака. А такъ какъ ваше высокоблагородіе изволили въ глазахъ здѣшняго почтеннаго мѣщанства навлечь на себя подозрѣніе въ принадлежности къ шайкѣ злоумышленниковъ, разсыпавшихъ моръ въ колодцы, то и вашей мирной обители грозитъ разгромъ. А потому осмѣлюсь рекомендовать вамъ, милостивый государь, предпринять, пока не поздно, благородную ретираду, хотя бы, напримѣръ, въ имѣніе достоуважаемаго господина Ермолина, на которое народная ярость ни въ какомъ случаѣ не посягнетъ.

„А если посягнетъ?“—подумалъ Логинъ.

Въ его воображеніи мгновенно сталъ образъ Анны, и передъ нею разъяренная толпа. Мысль о томъ, что Анна можетъ подвергнуться опасности, заставила его затрепетать: почти физическую боль почувствовалъ онъ, представляя себѣ, какъ на прекрасное тѣло Анны упадетъ тяжелый ударъ.

— Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ,— сказалъ онъ Серпеницыну.—Я останусь,— безполезно бѣгать: захотятъ, и тамъ найдутъ.

— Удирайте-ка по добру, по здорову,—встревоженнымъ голосомъ сказалъ Ленька.

Логинъ засмѣялся, подошелъ къ мальчику, и обнялъ его.

— Удирай самъ, коли хочешь,—сказалъ онъ,— за тобой не погонятся.

Логинъ остался одинъ. Серпеницына выпроводилъ ни съ чѣмъ, а куда и какъ скрылся Ленька, онъ какъ-то не замѣтилъ. Сѣлъ въ гостиной у окна,— и новыя, значительныя мысли обступили его. Подъ наплывомъ этихъ мыслей постепенно разсѣивалась.

тоска, и холодное спокойствіе, ясное, какъ морозный воздухъ, осѣняло душу.

Видѣлъ непоправимое зло жизни, чувствовалъ великую усталость, и безъ печали и безъ радости ждалъ отдыха. Отрывочно вспоминалась жизнь,—пестрымъ, быстрымъ калейдоскопомъ мелькали мелкіе и, казалось, забытые случаи, проходили живые и отошедшіе въ вѣчность люди, вставали знакомыя и покинутыя мѣста. Безпристрастный судія, безъ гнѣва и безъ жалости къ себѣ оцѣнивалъ зло и ложь своихъ дѣяній, пробѣгавшихъ теперь въ памяти. Зналъ, что надлежитъ уничтожить форму, столь порочную, и смять глину, изъ которой вылѣплено такъ много дурного. Не хотѣлъ думать, что это онъ самъ—тотъ, кто вылѣпленъ изъ этой глины,—спокойно отдавалъ себя вѣчно творящей и вѣчно разрушающей волѣ, и безбоязненно ждалъ исполненія своего срока.

Образъ Анны, бѣлый и непорочный, царствовалъ надъ его мыслями. Радостно было думать, что она останется. Не раскаивался въ томъ, что причинялъ ей страданія,—и не желалъ ей счастія. Она стояла передъ нимъ въ торжественной наготѣ своей, вѣчная, древняя,—и была совершенна, и нечего было для нея желать.

Дѣтскіе, наивные мечты и планы о счастіи и благополучіи припомнилъ безъ горечи,—и не посмѣялся надъ ними. И боязнь пошлаго предстала, какъ далекое и чуждое страданіе,—томленіе ненужное и тщетное.

Понялъ, что и торныя дороги, и пути, никѣмъ еще не иденные, одинаково значительны и любопытны для безпокойнаго духа, жаждущаго новизны, и вездѣ находящаго ее. Въ безконечномъ разнообразіи возможностей представилось ему обѣтованіе будущей жизни,—но для него самого времена стали уже ненужны и невозможны.

Прошло около часу. На улицѣ становилось шумно.

Подъ окнами дома собиралась толпа. Надъ буйнымъ гамомъ носились визгливые женскіе крики. Логинъ поднялъ голову, и прислушался.

— Сама, сама своими глазами видѣла,—свирѣпо кричала баба.

Конецъ ея фразы затерялся для Логина въ общемъ гвалтѣ. Въ столовой послышался звонъ разбитыхъ стеколъ: растрепанные мальчишки начали швырять въ окна каменья. Заслыша звонъ стеколъ, толпа притихла. Логинъ перешелъ въ столовую, открылъ окно и, сурово хмуря брови, глядѣлъ на толпу. Мальчишки шарахнулись въ сторону, толпа боязливо попятилась. На минуту стало тихо. Вдругъ гдѣ-то въ заднихъ рядахъ послышался бабій неистовый крикъ:

— Да чего вы струсили, остолопы!

Плюгавая бабенка въ рваномъ платьишкѣ, простоволосая и корявая, протискалась черезъ толпу, выскочила впередъ, и закричала Логину:

— Выходи, выходи, ведьмѣдь, изъ своей берлоги, честью выходи. Понапаскудничалъ ты надъ нами,—будетъ!

Толпа нестройно и ожесточенно загалдѣла. Въ Логина полетѣли каменья,—швыряли пока осмѣлившіеся мальчишки.

— Здравствуй, смерть!—тихо сказалъ онъ, и отошелъ отъ окна.

Неспѣшно прошелъ по комнатамъ, по лѣстницѣ, что вела на улицу, и спокойно вышелъ на крыльцо. При его появленіи крики усилились, толпа надвинулась къ крыльцу,—Логинъ увидѣлъ раскраснѣвшіяся лица кричащихъ бабъ,—и то, что дѣлается, показалось безцѣльнымъ и нелѣпымъ. Но эта мысль и мгновенно охватившій ужасъ быстро исчезли; чувствовалъ, что уже некогда, и, начиная куда-то торопиться, сталъ спускаться по лѣстницѣ. Еще успѣлъ увидѣть, какъ тяжелый камень ударилъ его въ плечо, и вдоль

тѣла упалъ внизъ,—успѣлъ еще услышать гдѣ-то близкій знакомый голосъ, который отчаянно вскрикнулъ что-то,—и послѣ короткаго тягостнаго ощущенія тупой боли въ головѣ упалъ, обливаясь кровью, на ступени.

Толпа отхлынула отъ крыльца. Надъ Логинымъ, раненнымъ камнемъ въ голову, наклонилась Анна.

Ленька зналъ, куда слѣдуетъ удирать, и Анна поспѣла бы во время, если бы ее не задержала буйствовавшая на улицахъ толпа.

Послѣ того, какъ Логинъ былъ раненъ, буйство толпы продолжалось недолго: холерный баракъ былъ разрушенъ, фельдшера разбѣжались, докторъ тоже убѣжалъ, и спрятался въ глубокой канавкѣ чьего-то огорода,—толпѣ и дѣлать больше нечего, и буйствовали такъ, ужъ заодно, гоняясь за полицейскими и ломая вещи въ квартирѣ врача и гдѣ-то въ другихъ домахъ. Но скоро послѣ полудня пошелъ проливной дождь, и разсѣялъ буяновъ. Къ вечеру пришелъ въ городъ вызванный по телеграфу эскадронъ драгунъ,—но уже некого было усмирять, и судебный слѣдователь безпрепятственно сажалъ въ острогъ обвиняемыхъ въ буйствѣ.

Городъ принималъ печальный видъ. Патрули драгунъ разъѣзжали по опустѣлымъ улицамъ. Холера усилилась, и измышленныя Юшкою траурныя фуры сновали по городу съ зловѣщимъ стукомъ колесъ,—но на нихъ отвозили только покойниковъ.

Логинъ лежалъ, погруженный въ тяжелую безсознательность. И долго лежалъ онъ, неподвижный, наполняя тишину комнаты хриплымъ, затрудненнымъ дыханіемъ тяжело больного человѣка. Анна не отходила отъ его постели. Она не думала о его смерти. Въ самые трудные дни ея не покидала увѣренность въ томъ, что онъ встанетъ, и еще большая увѣрен-

ность въ томъ, что встанетъ новый человѣкъ, свободный и безбоязненный, для новой свободной жизни, человѣкъ, съ которымъ она пойдетъ впередъ и выше, въ новую землю, подъ новыя небеса. И смерть отошла отъ постели Логина, и уступила свое дѣло жизни.

Отрывочныя, неясныя впечатлѣнія стали доходить до сознанія Логина,—знакомые запахи и голоса. Видѣлъ иногда, какъ сквозь молочно-бѣлый туманъ, лицо Анны, и смутно припоминалъ что-то. По временамъ вспыхивали коротенькія мысли, — но мозгъ быстро утомлялся, и терялъ ихъ.

Первое возвращеніе связнаго сознанія было мучительно. Къ вечеру четвертаго дня послѣ того, какъ первый разъ смутныя тѣни пробѣжали передъ его глазами, и Анна увидѣла его полусознательный, еще ни на чемъ не останавливавшійся взглядъ,—Логинъ вдругъ увидѣлъ себя въ своей комнатѣ, и цвѣты на обояхъ запрыгали и засмѣялись. Гулкое жужжаніе стояло въ воздухѣ, и сизо-багровыя волны тумана порою пробѣгали изъ угла въ уголъ. Что-то безформенное заклубилось у стѣны, стало собираться и вытягиваться, отдѣляя отъ себя члены, подобные членамъ человѣческаго тѣла,—и вотъ уродливая, скользкая мара отдѣлилась отъ стѣны и, медленно кружа въ воздухѣ, приближалась къ Логину. Онъ все яснѣе различалъ обнаженное тѣло призрака,—синее, мертвое, полуистлѣвшее, съ торчавшими кое-гдѣ черными костями. Обрывокъ полуистлѣвшей веревки болтался на его шеѣ,— и въ страшномъ лицѣ мертвеца Логинъ узналъ лицо повѣсившагося Спиридона. Это лицо было мертвенно неподвижно, но черты его какъ-то странно мѣнялись, какъ бы отъ переливовъ тусклаго освѣщенія. И въ мертвомъ лицѣ приближавшейся мары Логинъ увидѣлъ, какъ въ зеркалѣ, свои черты,—и вдругъ почувствовалъ, что это онъ самъ клубится и кружитъ по ком-

натѣ,—его ветхій человѣкъ, томясь каинскою злобою, безсильною, мертвою. Ужасъ стѣснилъ грудь Логина, и слабый, еле слышный голосъ его позвалъ кого-то.

Заслоняя Логина отъ мертвеца, откуда-то подошла, и стала передъ Логинымъ Анна. И пестрые цвѣты, и багровые туманы исчезли изъ глазъ, и мертвецъ, отброшенный чѣмъ-то, скрылся, когда Анна наклонилась къ больному, и, встрѣтивъ узнающіе глаза, радостно улыбнулась.

— Ушелъ?—тихо спросилъ Логинъ.

— Ушелъ, и не вернется,—такъ же тихо сказала Анна, чутко угадывая его мысли.

Логинъ помолчалъ, медлительно вдумываясь во что-то.

— А ты все здѣсь?—опять спросилъ онъ Анну.

— Теперь мы вмѣстѣ, — радостно сказала она, опуская голову на его подушку. — Я не уйду, но ты не говори, тебѣ пока вредно, закрой глаза, и усни.

Логинъ покорно закрылъ глаза, и забылся.

Прошла своимъ чередомъ болѣзнь,—для Логина и Анны началась новая жизнь. обновленныя небеса засинѣли надъ ними, но что будетъ съ ними, и куда придутъ они?

Нета совсѣмъ ужъ было собралась итти за Андозерскаго, но вдругъ передумала, и неожиданно для всѣхъ, и для Пожарскаго, и для себя самой, вышла таки за обворожительнаго актера. Она открыла въ себѣ сценическіе таланты, и намѣрена выступить въ нашемъ городскомъ театрѣ въ роли Офеліи.

Едва Клавдія стала оправляться отъ болѣзни, она и Палтусовъ внезапно уѣхали. Вскорѣ пришла вѣсть, что Палтусовъ утонулъ въ Женевскомъ озерѣ. Въ городѣ не вѣрятъ этому. Говорятъ, что онъ преспокойно живетъ подъ чужимъ именемъ, повѣнчался съ Клавдіею, и что ихъ видѣли въ какомъ-то модномъ и люд-

номъ заграничномъ мѣстечкѣ. Зинаида Романовна скоро утѣшилась. Ее часто посѣщаетъ генералъ Дубицкій.

Дѣло Молина было прекращено, и, къ великому сожалѣнію собутыльниковъ, онъ уѣхалъ пьянствовать въ другой городъ, гдѣ ему дали такое же мѣсто. Городъ, куда его назначили, лежитъ далеко отъ нашего, и по дорогѣ останавливался Молинъ въ большихъ и малыхъ городахъ, гдѣ товарищи по учебному заведенію встрѣчали его, какъ невинно-пострадавшаго. Онъ плакалъ спьяна, и вездѣ повторялъ клеветы про Шестова. Въ одномъ городѣ, ощутивъ нужду въ деньгахъ, онъ укралъ часы у товарища, но попался. Однако, его отпустили съ миромъ, рѣшивъ, что это съ горя, и что виноватъ въ этомъ Шестовъ.

И такъ, все идетъ по старому, какъ заведено, и только Логинъ и Анна думаютъ, что для нихъ началась новая жизнь.

Конецъ

КНИГИ ѲЕДОРА СОЛОГУБА.

СТИХИ, книга первая, 50 к.

ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ, романъ, изд. третье, 1 р 75 к. Изд. «Шиповника».

ТѢНИ, три разсказа и вторая книга стиховъ, 1 руб.

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ, книги третья и четвертая, 1 р. 50 к. Изданіе «Скорпіона».

ЖАЛО СМЕРТИ, разсказы, 1 р. 50 к. Изданіе «Скорпіона».

КНИГА СКАЗОКЪ, 80 коп. Изданіе «Грифа».

РОДИНѢ, пятая книга стиховъ, 25 коп.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СКАЗОЧКИ, 30 коп. Изданіе «Шиповника».

ЗМІЙ, шестая книга стиховъ, 40 коп.

МЕЛКІЙ БѢСЪ, романъ, изд. третье, 1 р. 75 к. Изданіе «Шиповника».

ИСТЛѢВАЮЩІЯ ЛИЧИНЫ, разсказы, 1 руб. Изданіе «Грифа».

СТИХИ, книга седьмая. Переводы изъ Верлена, 90 к. Изданіе Д. К. Тихомирова «Факелы».

ПОБѢДА СМЕРТИ, трагедія, 60 к. Изданіе Д. К. Тихомирова «Факелы».

КНИГА РАЗЛУКЪ, разсказы, 1 р. Изданіе «Шиповника»

ПЛАМЕННЫЙ КРУГЪ, восьмая книга стиховъ, 1 р. 25 к. Изданіе журнала «Золотое Руно».

Ц. 1 р. 75 к.